ТРУДЫ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

НОВОТОРЖСКИЙ СБОРНИК

КРАЕВЕДЕНИЕ

ВЫПУСК 3

ТОРЖОК
2010

УДК 94(470.331–37)(082)
ББК Т3(2Рос–4Тве–5Тор)я43
Н 76

Редакционный совет:

В. М. Воробьёв, Е. В. Ефремова, В. В. Кузнецов (председатель),
А. М. Салимов, М. В. Строганов, В. В. Цыков

Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 3 / Составители В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Редактор М. В. Строганов. — Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — 280 с.: ил.

Третий выпуск Новоторжского сборника посвящен краеведческой проблематике. В его основу легли материалы Музейных чтений ВИЭМ (ноябрь 2009 г.), посвященных 120-летию со дня рождения замечательного исследователя, историка и краеведа Торжка, создателя Новоторжского краеведческого музея Александра Александровича Суслова. В сборнике публикуются стихотворения новоторжских поэтов XIX—XX вв.: А. А. Башилова, В. М. Чуфарина. Здесь рассказывается об известных и забытых лицах, связанных с Торжком, — от Н. А. Львова и А. С. Пушкина до «дедушки русской химии» А. А. Воскресенского и Д. А. Агренева-Славянского. Большое внимание авторы сборника уделяют истории места, что очень важно для краеведческих исследований.

Научное издание
Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник.
Краеведение. Выпуск 3

Издательство М. Батасовой (4822) 450–459,
8 920 684 6879
E-mail: batasic@rambler.ru
Подписано в печать 10.12.2009.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 32,54.
Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Альфа-Пресс»
170000, г. Тверь, ул. Спартака, 47
(4822) 321–868

ББК Т3(2Рос–4Тве–5Тор)я43

ISBN 978-5-903728-21-3

© *Коллектив авторов, 2010*
© *В. В. Кузнецов, М. В. Строганов, сост., 2010*
© *М. В. Строганов, ред., 2010*
© *Всероссийский историко-этнографический музей, 2010*

Оглавление

М. В. Строганов
Новоторжское краеведение и современная антропология города 5

Тверское краеведение и этнография

Т. Я. Морозова
Личный архив А. А. Суслова в фонде ВИЭМ 11
А. А. Цыганкова
Новоторжские краеведы 15
М. В. Строганов
Г. Я. Ходаков как краевед-пушкинист 18
О. Л. Францев
Роль Русского географического общества в становлении отечественной этнографии 35
В. В. Цыков
Из истории этнографического изучения Тверского края 39
В. М. Воробьёв
Владимир Иванович Сысоев 42

История и люди Торжка

А. М. Салимов
К вопросу о датировке каменных оборонительных сооружений Торжка 47
В. В. Кузнецов
Забытое имя. Николай Иванович Городецкий 51
Н. А. Лопатина
Из истории одной драки в Торжке 56
И. А. Бочкарева
Свечная башня Борисоглебского монастыря: к истории строительства 62
Ж. В. Бойкова
Новоторжский городской голова и провизор Николай Иванович Дегтеревский 66
Новоторжский поэт Василий Михайлович Чуфарин
Вступительная заметка и подготовка текста О. В. Лобановой 75
И. Н. Юргина
Опыт решения социальных проблем на примере специализированных учреждений медицинской и социальной помощи в Торжке 112
И. Н. Волкова
К вопросу о жилищном кредитовании в годы войны 116
Ю. А. Кобелева
К вопросу о демографической политике в СССР в последние годы Великой Отечественной войны (на материалах города Торжка) 119
Н. В. Терещенко
Социальные проблемы участников чеченской и афганской войн (на материалах Торжка) 125

«Гений вкуса»

Е. Г. Милюгина
Мифология повседневности в поэзии Н. А. Львова и львовско-державинского кружка 131
Федерика Росси
Парк Безбородко и античность 138
«Разные удобности, к удовольствию жизни и здоровья служащие». «Пиростатика» Н. А. Львова
Вступительная заметка и подготовка текста С. А. Астаховской. Примечания С. А. Астаховской, М. В. Строганова 146
Натали Шнайдер
Предисловие к изданию басен друга 173
Е. В. Ефремова
Родственное окружение Львова 178

Из тверских пушкинских мест

С. С. Кузин
К тверскому окружению Пушкина 183
И. В. Кощиенко
Языковские послания А. Н. Вульфу: по материалам переписки и мемуаров 193
Т. П. Кочнева
Новые материалы об усадьбе Вульфов Малинники 203
Т. Е. Рыжикова
Из истории «старого дома» 208
С. В. Кутейников
Пушкин в Погорелом Городище 214

Человек и место

В. В. Линкевич
Курорт Андреапольские минеральные воды в начале XIX века 219
С. В. Денисенко
Три пьесы Я. Н. Толстого 223
К библиографии А. А. Башилова
Вступительная заметка и публикация Е. А. Чистяковой 227
О. М. Кузьмина
Художественная деятельность Д. А. Агренева-Славянского 243
В. В. Кузнецов
К вопросу о месте битвы под Торжком в 1609 году 250
И. В. Миронова
Село Мигалово — реальность и мифы 253
А. А. Петров
Торопецкая жизнь в воспоминаниях Л. И. Никитиной 257
С. А. Файнбарк
Происхождение названий рек и озер бассейнов Верхней Волги и Верхней Мсты (материалы к словарю) 268

Список сокращений 279
Наши авторы 280

М. В. Строганов

Новоторжское краеведение и современная антропология города

В последнее время в отечественной науке отчетливо сформировался интерес к антропологии города[1]. При этом следует учитывать два момента. Во-первых, речь всегда идет не о столичном или столичнообразном мегаполисе, а о малом и (или) провинциальном городе[2] (что, в принципе, вписывается в уже достаточно отработанную проблематику провинциаловедения). Во-вторых, речь всегда идет о городе в том значении этого слова, которое сформировалось самым последним. Город интересует исследователей не как огороженное и, следовательно, защищенное место обитания людей — такое значение слова было первичным и выдвигало на первый план характер и тип сооружений, но такое значение уже давно устарело, а вслед за этим устарел и такой подход к проблеме города. Город интересует даже не как особым образом организованное место жительства людей — такое значение было вторичным и выдвигало на первый план особенности построения жизни, это значение тоже устарело, а методология, связанная с ним, устаревала на наших глазах. Город становится интересен в своем новом значении — как совокупность людей, как его население, и связанная с этим методология только набирает силу и цвет. При этом следует учитывать, что население современного города живет уже в не обязательно огороженном, а то и вовсе не огороженном пространстве. Зато это пространство становится всё более организованным, и эта тенденция нарастает ко второй половине XVIII в., когда началась регулярная застройка городов. Но если речь начинается о городе как о совокупности населения, это значит, что мы занимаемся антропологией города.

Эти три сменявших друг друга значения слова *город*[3] означают, конечно, не только смену исследовательских стратегий, но и смену трех этапов в развитии города как такового. Например, Торжок пережил в своей истории все эти три этапа. Был он и пригородом — огороженной сторожевой заставой Великого Новгорода. Был он и особым образом организованным пространством, которое при Екатерине Великой стало регулярным. Но при этом он всегда был совокупностью населения. Однако в настоящем случае мне хотелось бы подчеркнуть именно смену стратегий исследования, чтобы привлечь своих коллег к таким аспектам и темам, которые мы обычно не замечаем. Разумеется, понимание Торжка как Всероссийского историко-этнографического музея, то есть как ряда замечательных экспонатов, расположенных в своей адекватной, «родной» среде, вполне естественно и даже необходимо: без такого восприятия Торжка и самого музея не было бы. Но для меня такое понимание недостаточно. Моя методологическая позиция литературоведа как культурного антрополога заставляет меня заняться Торжком как определенным населением с известным лицом и характером. При этом я хочу сейчас остановиться только на двух актуальных вопросах исследования.

1

При описании антропологии города в первую очередь следует остановиться на истории формирования социальной иерархии городов, которая зависит от множества внешних причин. Например, город Торопец был знаменит в древней русской истории, здесь в 1238 г. венчался великий князь Александр Ярославич (Невский). Торопец не случайно был выбран для такого события: в эти давние времена он был западной окраиной русских земель, и именно через него шла большая дорога на запад. Невеста же князя Александра — Прасковья — была дочерью полоцкого князя Брячислава, поэтому именно в Торопце, на границе с Литвой, жених и дожидался своей нареченной. В XIII и первой половине XIV в. город подвергался нападениям Литвы, а в середине XIV в. вошел в состав великого княжества Литовского. Только в начале XVI в. русские войска отвоевали его. Но в «смутное время» вокруг Торопца вновь начались военные

---

[1] *Каганов Г. З.* Пространственные образы городской среды // Труды ВНИИТЭ. Серия «Техническая эстетика». Вып. 40. М., 1983; *Линч К.* Образ города. М., 1982.

[2] *Жадовская С. А.* Литература севернорусского провинциального города: текст, форма, традиция: Автореф. дис.... канд. филол. наук. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2009.

[3] Эволюцию значения слова *город* в плане антропологии см.: *Юдина Т. А.* Концепт «Оренбург» в произведениях русских писателей XIX—XX вв.: Автореф. дис.... канд. филол. наук. Самара, 2009. С. 9—10.

действия: город переходил из рук в руки, около него велись сражения, он подвергался осаде. С XVIII в. город входил в состав Псковской губернии: от Пскова до Торопца более двухсот верст. И только с 1957 г. Торопец вошел в состав Калининской области, но от областного центра он стал теперь еще дальше — более четырех сотен километров. Эта удаленность от административных центров развила в торопчанах независимость и самостоятельность, так сказать, «национальную гордость», которой могут позавидовать жители любого мегаполиса. Торопец был городом торговых людей, и торопчане в XVII и начале XVIII в. торговали во многих городах Европы и даже в далекой азиатской Кяхте. Но при расширении русских границ на запад Торопец оказался в безопасном положении: никто уже не вторгался и не грабил его. Только катастрофические пожары 1634, 1683, 1758, 1792 и 1808 гг. становились вехами в его истории. Однако с отдалением границ город оказался вдали и от главных торговых путей, торговля постепенно затихла. Если к началу XIX в. в городе было 431 купеческая семья, в нем сохранились торговые ряды, построенные в конце XVIII в., то в 1836 г. купеческих семей осталось только 76.

Другой пример — уездный город Липецк Тамбовской губернии волей судьбы после Великой Отечественной войны стал областным центром, и жизнь его в корне изменилась.

Итак, первое, на что следует обратить внимание, это социальный статус Торжка. Торжок всегда ощущал свое соревнование с Тверью. Конечно, Тверь была изначально княжеским столичным городом, а Торжок — всего лишь пригородом. Но Тверь была молодым городом, а Торжок — пригородом самого Великого Новгорода. В процессе централизации древней Руси эта соревновательность затухала, и Тверь и Торжок выравнивались по отношению друг к другу, имея общую оппозицию себе в лице столичной, самодержавной и кровоносной Москвы. Более того, при первых Романовых административное членение России оказалось столь запутанным, что сама возможность разобраться в иерархии городов практически отсутствовала. Это вызвало то регулярное устройство сначала наместничеств, а потом и губерний, которое началось при Екатерине II. Можно сказать, что в нашем случае иерархия Твери и Торжка оказывается результатом не естественного живого процесса, а административного и насильственного решения центра. И этот случай вовсе не является исключением в нашей культурной истории.

Вообще насильственное административное решение является причиной многих культурных неурядиц. Например, Бакунины — это новоторжские дворяне, и усадьба их Прямухино никакого отношения ни к какому Кувшинову не имеет, так как самого Кувшинова в их время еще не было. Но попробуйте объяснить эту очевидную истину современному пятнадцатилетнему жителю Кувшиновского района, и вы натолкнетесь на стену непонимания. Не только для этого пятнадцатилетнего жителя, не только для главы района, для всего района в целом праздники в селе Прямухине — это праздники Кувшиновского района, и преодолеть этот стереотип можно только в том случае, если лишить кувшиновцев их Праздника.

Как я уже сказал, в конце XVII — начале XVIII в. социально-административная иерархия городов практически отсутствовала. В екатерининское время это приводило бытовое сознание к комической путанице, совершенно не понятной современному человеку. Величина и иерархическая ценность Торжка оказывалась значительнее величины и иерархической ценности Твери. Например, в комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун» (1786) не имеющий никакого состояния дворянин Верхолет хочет жениться на дочери дворянки Чванкиной, поэтому хвастает перед ней своим мнимым богатством, в чем ему помогает слуга Полист:

Верхолет
Столичное село как будто городок...
Какой бы, например?..
Полист
(Чванкиной)
Вы знаете ль Торжок?
Чванкина
Чрез этот город я нередко проезжала.
Полист
А Тверь, сударыня?
Чванкина
И тамо я бывала.

Полист
Сложите ж вместе вы в уме Торжок и Тверь —
Вот графское село, вы видите ль теперь?[4]

Уверовавшая в это Чванкина радостно объявляет окружающим о богатстве своего будущего зятя: «И графское село — Торжок да Тверь и с лишком». А когда обман открылся, она восклицает в горести: «Где графство делося? Село с Торжок и с Тверь?»[5] И, как видим, Торжок упорно стоит на первом месте, Тверь только присоединяется к нему. На самом же деле Тверь в это время была уже губернским городом, а Торжок уездным. Спутать, вроде бы, трудно.

Впрочем, для этой путаницы можно найти определенные основания. Можно, например, предположить, что для этого были, так сказать, транспортные причины. Для проезжающих из Москвы в Петербург именно Торжок должен был становиться местом первой ночевки, а для проезжающих из Петербурга в Москву Торжок становился местом второй ночевки. Тверь путешествующие в оба конца проезжали мимо. Поэтому если путешественники не задавались целью изучить достопримечательности Твери, они могли просто не заметить ее. Торжок же поневоле приходилось рассматривать.

2

Второй момент, на котором я хотел бы остановиться в своем выступлении, связан со зримым обликом города. В чистом виде этот зримый облик представляют, конечно, визуальные искусства (фотография, живопись, графика), но по-своему в этой области работают и словесные искусства (записки путешественников, описательные стихотворения и поэмы)[6]. Мы остановимся в первую очередь на фотографиях.

В последнее время по всей России распространилось переиздание видовых фотографий русских городов конца XIX — начала XX в. В Тверской области изданы такие коллекции открыток по Корчеве, Красному Холму, Калязину, Кимрам, Весьегонску, Зубцову, Старице, Бежецку, Ржеву, селу Каменному (Кувшинову), Осташкову, Кашину, в том числе — в недавнее время — и по Торжку[7].

Сам репертуар видовых фотографий невелик и предопределен. Как давно уже заметили исследователи русского провинциального города, число визуально значимых мест в нем было ограничено. К наиболее стабильным относятся вокзал, городской сад (бульвар), собор, каланча, базарная (торговая) площадь, театр[8]. И не надо заниматься специальными исследованиями, чтобы сказать, что весь этот набор мы найдем на фотографиях всех уездных городов. То же самое мы видим и на фотографиях старого Торжка, хотя, разумеется, есть и некоторые отклонения. Во-первых, в Торжке мы увидим еще ряд достопримечательностей: монастырь (из двух монастырей преобладающее количество фотографий посвящено Борисоглебскому мужскому монастырю), училище (на фотографиях – женское, находившееся в бывшем путевом дворце). Во-вторых, особое место среди фотографий Торжка занимают общие планы, виды с высоты «птичьего полета».

Итак, стандартизированная репрезентация провинциального (уездного) города очевидна. Но мы вовсе не призываем к тому, чтобы в очередной раз умилиться примитивизмом провинциального сознания или посмеяться над простотой провинциальной жизни. Задача изучения зрительного образа города состоит в реализации двух противонаправленных действий.

При сопоставлении видовых открыток разных провинциальных городов наша задача состоит в обнаружении сходства, в выявлении стереотипов восприятия одних и тех же объектов. Мы ведь понимаем, что все китайцы или японцы для европейцев на одно лицо, и точно так же для китайцев или японцев все европейцы на одно лицо. И хотя, приглядевшись, европейцы оказываются в состоянии различить китайцев, а они — со своей стороны — европейцев, но всё

---

[4] *Княжнин Я. Б.* Комедии и комические оперы / Сост., вступит. ст., коммент. А. Ю. Веселовой и Н. А. Гуськова. СПб.: Гиперион, 2003. С. 49.

[5] Там же. С. 113, 125.

[6] См., в частности: *Литягин А. А., Тарабукина А. В.* Зрительный образ маленького города // Провинция как реальность и объект осмысления: Материалы научной конференции / Сост. А. В. Белоусов, М. В. Строганов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001.

[7] Торжок на старых открытках: Каталог / Сост. А. Н. Семенов. Тверь: Б. и., 2009. серия «Тверская губерния на почтовых открытках». Вып. 16.

[8] *Клубкова Т. В., Клубков П. А.* Провинциализмы и провинциальный словарь // Русская провинция: миф — текст — реальность / Сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 1378—154.

равно европеец стремится видеть в китайце китайца, а китаец в европейце — европейца. Этот подход к антропологии города, основанный на педалировании общности и однообразия, уже достаточно хорошо разработан в рамках современного провинциаловедения.

Гораздо менее разработан (хотя не пропорционально разработаности раскручен) другой подход. При сопоставлении открыток с изображениями одного города разными мастерами наша задача состоит в том, чтобы увидеть за стереотипами нашего восприятия этих видовых фотографий различие подходов разных мастеров-фотографов к одному и тому же объекту. Продолжая наше сопоставление китайцев и европейцев, мы должны сказать следующее: приглядевшись, европейцы в китайце, а китайцы в европейце должны увидеть теперь человека. Скажем иначе: второй подход, основанный на актуализации частности и разнообразия, близок к тому, что в современной гуманитаристике называется изучением локальных текстов[9], хотя построение локальных текстов является обычно результатом мифологизирующей деятельности самого исследователя[10].

Настоящей задачей антропологии города является не реконструкция локального текста, которая чаще всего превращается в конструирование локального текста, а обнаружение различий между тем, как фотографирует Торжок В. Н. Соловьев, и тем, как фотографирует Торжок П. Ф. Добрынин. Мы должны понять, во-первых, что у каждого фотографа есть свой подход к одному и тому же месту или зданию, а во-вторых, что одно и то же здание или место раскрывает у каждого фотографа свои неповторимые черты. Пожарная каланча есть везде. Но как кто увидит ее? Мы знаем, как часто воспроизводили фотографы новоторжский городской бульвар, и как по-разному они делали это. И дело не только в технических и профессиональных возможностях того или иного фотографа, дело в первую очередь том, что каждый человек отличается от другого. Кстати говоря, аналогичную работу можно провести при сопоставлении современной фотографии Торжка, и поле здесь открывается обширное, поскольку различных фотоальбомов Торжка в последние годы издано немало.

Перенеся наш разговор в сферу словесности, мы должны поставить тот же вопрос. Мы можем брать любой материал: записки иностранцев, путешествовавших в XVI—XVII вв. между Новгородом и Москвой и посещавших Торжок[11], стихотворные описания Торжка типа известной поэмы А. М. Бакунина[12], путевые записки, мемуары XIX—XX вв.[13], стихотворные произведения наших современников. Но в каждом из этих случаев мы должны видеть особое, принадлежащее только данному автору и отличающее его от других. Я вовсе не призываю изучать и восторгаться каждым произведением местного поэта или художника. Но я предлагаю увидеть его точку зрения, без оценки которой не поймешь и то, что он описывает. Именно эту проблему в исследовании города и городской культуры я считаю наиболее актуальной в настоящее время и еще совершенно не освоенной. И именно она — при всей своей очевидности — совершенно не разработана методологически.

Составители и редактор с сожалением вынуждены признать, что не все статьи сборника отвечают представлениям о научной и человеческой корректности. В частности, это касается работ, посвященных истории Торжка во время Великой Отечественной войны и другим событиям XX в. Но как бы мы ни относились к процедурам анализа и человеческой интерпретации фактов, материалы, представленные в этих статьях, вызывают интерес и привлекают внимание к важным аспектам нашей истории, и поэтому мы решили не отказываться от них.

---

[9] См. замечательные и взаимодополняющие друг друга с этой точки зрения статьи: *Клубкова Т. В.* Перифрастические названия городов и локальный текст // Провинция как реальность и объект осмысления. С. 26—29; *Клубков П. А.* «Замками славен Тверь, а Новгород сыртями...» // Провинция как реальность и объект осмысления. С. 47—52.

[10] О локальном тексте и об опасностях его построения см.: *Строганов М. В.* Две заметки о локальных текстах // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Ред. Л. О. Зайонц. Сост. В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 483—496; *Строганов М. В.* Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. С. 9—41.

[11] *Соколов И. И.* Тверской край в XVI—XVII вв. по описаниям иностранцев / Подготовка текста и примечания П. Д. Малыгина, А. Ю. Сорочана, М. В. Строганова // Литература Тверского края в контексте древней культуры: Сборник статей и публикаций. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 118—179.

[12] См.: *Бакунин А. М.* Собрание стихотворений / Изд. подготовлено М. В. Строгановым. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 92—133.

[13] Торжок в путевых заметках и мемуарах / Сост. И. А. Бочкарева. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2002.

Тверское краеведение и этнография

Т. Я. Морозова

Личный архив А. А. Суслова в фонде ВИЭМ

Архив краеведа, первого почетного гражданина Торжка А. А. Суслова нам удалось получить в 1996 г., почти 20 лет спустя после его смерти, от вдовы Фаины Васильевны Игнатовской. Это оказалась лишь третья часть архива. Некоторые документы Александр Александрович еще сам отправил в Тверь в музей Института усовершенствования учителей. Вторая часть документов хранится в Тверском государственном архиве[1].

После обработки личный фонд А. А. Суслова, хранящийся в ВИЭМ, составил 170 единиц хранения, это около 1000 документов, или более 3000-х листов. В архиве имеется несколько рукописных тетрадей с воспоминаниями А. А. Суслова, которые написаны, по словам автора, «в часы отдыха от физической боли»[2]. Они удивляют искренностью, богатством мысли, каким-то удивительным спокойным, без тени неудовлетворенности, отношением к жизни. Эти воспоминания позволяют сегодня достоверно рассказать о некоторых эпизодах жизни Александра Александровича.

А. А. Суслов родился 20 октября в 1889 г. в селе Васюсине Калязинского уезда Тверской губернии. В семье сельского священника он был младшим, седьмым ребенком. Вскоре, когда мальчику еще не было и четырех лет, семья переезжает в Торжок, так как отца переводят служить в Николопустынскую церковь. Здесь на живописном берегу Тверцы в слободе Пустынь, по словам А. А. Суслова, прошли счастливые годы его детства.

В 1899 г. он поступает в Новоторжское духовное училище. «Два года проучился я в одном классе, — вспоминает А. А. Суслов, — и был отчислен за неуспеваемость и плохое поведение». Однако именно этот эпизод своей жизни называет он своим вторым рождением, так как с этого момента стал по-другому ощущать себя и окружающих, задумываться над жизнью. А может быть, еще и потому, что ему, сыну священника, не суждено было пойти по стопам отца, а суждено было сделать первый шаг к иному будущему. Уже на следующий день после исключения маленького Сашу определяют в Новоторжское 4-х классное городское училище, по окончании которого он поступает в Петербургский учительский институт. А в 1911 г., успешно сдав выпускные экзамены, он получает направление на должность учителя географии в городское училище под Пятигорском.

В своих воспоминаниях о начале педагогической деятельности А. А. Суслов искренен и даже самокритичен. Не всё было гладко у начинающего учителя. «Наличие у меня, как окончившего учительский институт, некоторой доли зазнайства, повредили мне, — пишет он. — Корень ученья горек, но плоды его сладки. Я познал эти плоды, и от меня ушло чувство зазнайства»[3]. В 1914 г. молодой учитель был призван в армию. Окончив школу прапорщиков, служил командиром взвода, затем роты, участвовал во многих боях.

Октябрьскую революцию встретил на фронте. Вернувшись в Торжок, поработал некоторое время в садово-огородном отделе при Исполкоме и уже в июне 1919 г. вновь был призван, теперь уже в Красную Армию. В составе 92 полка три года он воевал на западном фронте. Трудно было на войне. Но не ожидал А. А. Суслов, что еще труднее будет после. В своих воспоминаниях он пишет: «Органы народного образования проявляли осторожность в этом решении, так как имели дело с сыном священника»; «В лучшем случае меня перебрасывали из школы в школу, то ли с целью проверки, то ли с чисто человеческих чувств, так как на моем

[1] ГАТО. Р-2402. Оп. 1. 46 ед. хр.
[2] ВИЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 86, 87, 88.
[3] Там же. Ед. хр. 87. Л. 6, 8.

иждивении находилась семья из пяти человек»[4]. Наконец, удалось получить место в школе номер один, Уваровской, как ее тогда называли.

Всё, казалось, идет хорошо, авторитет А. А. Суслова укреплялся. Но умирает от чахотки его жена. Она была женщина верующая и наказала похоронить ее по христианским обычаям. А. А. Суслов просьбу жены выполнил, но в результате был отстранен от преподавания. Надо было кормить семью, он переключился на сельское хозяйство, получив в аренду 1,5 га земли. Но тянуло в школу. Вновь устроился в базовую школу педучилища, и его вновь сократили. Очень угнетало А. А. Суслова такое отношение к нему.

Великой Отечественной войне А. А. Суслов уделяет в своих записках немного внимания: «Мне было 52 года. В запасном батальоне, куда я был определен, старше меня не было». Однако лишь в 1944 г. его демобилизуют и, возвратившись в Торжок, А. А. Суслов начинает работать в педучилище. В архиве имеются документы, рассказывающие о педагогической деятельности А. А. Суслова. Их не так много, но, изучив даже немногое, что имеется у нас, особенно письма учеников, можно с уверенностью сказать об этом человеке как о настоящем педагоге, который с любовью относился к своему делу и к своим ученикам. Одна из учениц, Клавдия Смирнова, выпускница 1929 г., пишет: «Дорогой Александр Александрович! Не обижайтесь, что я Вас так называю. Да Вас только так и можно называть, даже милый и самый наилучший, только такое воспоминание осталось о Вас»[5]. В письмах ученики А. А. Суслова благодарят его за интересные уроки, за доброе к ним отношение, чаще всего с восхищением вспоминают о краеведческих походах с любимым учителем.

Использовать краеведческий материал на уроках географии А. А. Суслов начал еще в первые годы своего учительства, но толчком к более глубокому изучению своего края, послужило, по его словам, преподавание туризма на физкультурном отделении педучилища. В 1945 г. в местной газете была опубликована его первая краеведческая статья о реке Тверце, с тех пор многие годы свои краеведческие открытия освещал он на страницах районной газеты.

В начале 1950-х гг. А. А. Суслов начинает хлопоты по сохранению памятников архитектуры Торжка и района и, будучи заведующим краеведческим кабинетом при педагогическом училище, по крупицам разыскивает экспонаты, принадлежавшие когда-то музеям города. Именно А. А. Суслову и его помощникам должны быть мы благодарны за то, что в 1963 г., в городском Доме культуры открылся краеведческий музей, которым по праву гордились жители города. А. А. Суслов много работает, изучает историческую литературу, беседует в походах со старожилами, разыскивает выдающихся земляков, ведет с ними переписку. Всё это он фиксирует: иногда в тетради или записной книжке, иногда просто на клочке бумаги.

Раздел «Творческих документов» личного фонда А. А. Суслова оказался самым большим. Он включает в себя 2687 листов. Это рукописи его статей и докладов, выписки из книг, заметки. Ценность их огромна. В 33-х ученических тетрадях с записями, например, с такими названиями: «Об имении Львовых-Балавенских Василёво», «О пребывании Толстого в Торжке», «О Торжокском водопроводе», «О подземных тюремных сооружениях» и т. п. содержится богатейший краеведческий материал, наработанный автором за долгие годы.

Кроме того, при обработке архива отдельные материалы по краеведению были объединены нами в 14 тематических папок, куда вошло 240 документов, или 1235 листов. Это такие материалы, как «Описание исторических мест г. Торжка и района», «Об учебных заведениях и врачебном деле в Торжке», «О семействе Львовых-Балавенских-Романовых-Олениных и их имениях», «О Бакуниных», «О пребывании А. С. Пушкина в Торжке» и прочие. Диапазон краеведческих поисков А. А. Суслова настолько велик, что все темы перечислить просто невозможно.

Результатом исторических и краеведческих исследований А. А. Суслова явились его книги. Первая — «Город Торжок и Новоторжский район» — вышла в 1958 г. Но этому предшествовало много трудностей. Рукопись была послана в издательство в 1956 г., затем, после получения положительной оценки, была передана в городской комитет КПСС для окончательной проверки. В одном из писем 1958 г. из издательства читаем: «Ваши книги высланы в ГК КПСС, они имеют какие-то замечания. Не тревожьтесь».

Но судите сами, как было не тревожиться автору. Вот выдержки из его воспоминаний: «Трудно было мне, беспартийному, бороться... Многие из членов горкома были на моей сторо-

[4] Там же. Л. 12 об.

[5] Там же. Ед. хр. 158. Л. 66.

не, но партийная дисциплина сковывала их. Неблаговидную роль сыграл редактор газеты „Маяк коммунизма", который хотел попасть в соавторы». Чуть ниже: «В конце концов, некоторых работников (горкома) включили в редакционный коллектив, одни из них был вообще малограмотный»[6]. После очередного совещания в горкоме по поводу книги, Александр Александрович попадает в больницу с сердечным приступом.

Нелегко пришлось А. А. Суслову и при издании второй книги, «Торжок и его окрестности», которая вышла в 1970 г. Около шести лет длилась только переписка с издательствами. Об этом так же красноречиво рассказывают документы фонда.

Изучение документов архива А. А. Суслова показало, что большую роль в его жизни и краеведческой работе имела переписка. А в 1960—1970-е гг., когда, будучи уже пожилым человеком, он не мог передвигаться активно, то и главенствующую. В архиве сохранилось более 600 писем, полученных А. А. Сусловым. Копий же его писем очень мало, но сколько же надо было написать ему, чтобы получить столько. Список корреспондентов А. А. Суслова, который удалось составить, включает 110 фамилий. Но и это вовсе не все имена, так как подписи в некоторых письмах неразборчивы. Откуда только не писали А. А. Суслову! Из Москвы, Петербурга, Якутска и Череповца, Воронежа и Львова, из Самарканда, и даже одно письмо из Южно-Африканской Республики.

Большую группу писем составляют письма от благодарных читателей, от учеников, от бывших жителей Торжка. Чаще всего это письма от незнакомых людей, которые начинаются, например, так: «Не имея точного адреса, я пишу наудачу, предположив, что вы живете в Торжке, и что Вас здесь знают» или «В связи с посещением г. Торжка, я имею некоторые вопросы...» Обычно случайное письмо незнакомого человека было началом последующей долгой переписки. Так, пенсионерка из Твери Беляева, написала письмо А. А. Суслову со словами благодарности за его работу. Казалось бы, что за этим может последовать? Однако в результате в фонде 12 писем, в которых бывшая учительница делится своими мыслями, поддерживает А. А. Суслова в работе.

А. А. Суслов был очень обаятельным человеком, притягивающим к себе. Об этом наглядно свидетельствует его переписка с писателем О. В. Волковым. Первые письма писателя — это ответ вежливости. Чуть биографии, немного о своем творчестве, неправильное обращение: то Иван с многоточием, то Александр Алексеевич. Позднее же, особенно после встречи с А. А. Сусловым, письма писателя пронизаны уважением и искренностью: «Меня восхитили Ваши поразительные рассказы и знания о старине, пишет Олег Васильевич, я дивлюсь Вашей памяти и бескорыстному служению делу»[7]. Вообще А. А. Суслов очень искренне делился своими знаниями. Его материалами пользовались многие известные исследователи. Писатель А. Н. Глумов (автор известной книги об А. Н. Львове), уже после первого письма А. А. Суслова к нему пишет в своем ответе: «Вы очень тронули меня готовностью поделиться своими знаниями. Я интуитивно чувствую, что имею дело с автором кристально чистой души»[8].

Особое внимание заслуживают письма от потомков известных фамилий, связанных с Новоторжским краем, которые содержат большой информативный материал. Так с 1963 по 1970 г. А. А. Суслов ведет переписку с Марией Петровной Гортынской, правнучкой Марии Сергеевны Олениной (урожд. Львовой). В 26-ти письмах, адресованных А. А. Суслову, содержатся ее воспоминания о родных и друзьях (Николае Романове, барышнях Загряжских), впечатления о Новоторжских земских собраниях, которые она посещала в юном возрасте[9].

Не менее интересны письма еще одного правнука П. А. Оленина, внебрачного сына Николая Александровича Балавенского, Михаила Алексеевича Балавенского, который до 20-ти лет жил у своей бабушки Татьяны Петровны в старом доме на Ямской. Он не очень любил вспоминать прошлое, однако всё же написал 8 писем, отвечая на вопросы А. А. Суслова. Его жена Елизавета Степановна оказалась более постоянной корреспонденткой. Ее письма очень трогательны. После подробного описания своих семейных забот она переключалась на воспоминания. Ведь в Торжке они жили до 1927 г.[10]

---

[6] Там же. Ед. хр. 87. Л. 20 об.
[7] Там же. Ед. хр. 162. Л. 1—23.
[8] Там же. Ед. хр. 162. Л. 30.
[9] Там же. Ед. хр. 167. Л. 1—52.
[10] Там же. Ед. хр. 168. Л. 1—59.

А. А. Суслов вел переписку и еще с одной Балавенской — Софьей Сергеевной Поповой, дочерью Сергея Александровича, которого мы знаем как защитника лейтенанта Шмидта. К сожалению, в фонде сохранилось только два ее письма[11].

Более 50-ти писем за 6 лет переписки получил А. А. Суслов от Татьяны Геннадьевны Кропоткиной (ее мать — урожденная Бакунина, дочь Николая Александровича). В письмах Татьяны Геннадьевны не только личные воспоминания о родных, но и выписки из книг, архивных документов, размышления о деятелях новоторжского земства, о вкладе Д. Д. Романова в развитие золотошвейного промысла в Торжке. Эти письма, несмотря на то, что написаны очень неразборчивым почерком, так как Татьяне Геннадьевне было уже за 80 лет, притягивают и поражают читателя ясностью мысли и силой духа автора[12].

К сожалению, невозможно дать более полный анализ писем, которые стоят внимания и музейных работников, и краеведов.

А. А. Суслов умер на 90-м году жизни. До последних дней, несмотря на тяжелую болезнь, он продолжал заниматься краеведением. Для нас он всегда будет примером добросовестного отношения к работе, примером душевной щедрости и открытости людям. А собранные им материалы, хранящиеся в архивах, как и его книги, всегда будут в числе первых источников в любой исследовательской работе по краеведению.

[11] Там же. Л. 68—69.
[12] Там же. Ед. хр. 124. Л. 1—124.

А. А. Цыганкова

Новоторжские краеведы

Трудно переоценить роль краеведов в изучении истории и культуры нашей страны, края, области или района. Именно поэтому я хочу сегодня с чувством глубочайшего уважения назвать имена тех, кто помогал и поддерживал Александра Александровича Суслова.

Это, прежде всего, Почетный гражданин Торжка, кандидат архитектуры, ученый, художник, а главное — большой патриот нашего города Лев Васильевич Андреев. На его картинах мы видим древние храмы и монастыри, причудливые улочки нашего старинного городка. В Москве и Торжке состоялось 14 персональных выставок Л. В. Андреева. Но самая большая его заслуга в том, что Торжку удалось сохранить свое особое лицо. Он является автором монографического исследования «Градостроительное развитие Торжка и архитектурно-художественные проблемы его современной реконструкции». Будучи профессором Московского архитектурного института, он проводил интереснейшие выставки дипломных работ своих студентов. Так любить наш город, как его любит Л. В. Андреева, просто невозможно! Об этом человеке нужно вести отдельный разговор.

Огромный вклад внес в изучение истории и памятников архитектуры Торжка Фридрих Германович Бауэрмайстер. Он родился в Германии 11 января 1893 г. в рабочей семье, закончил гимназию, Берлинский университет, симпатизировал зарождающейся в Германии коммунистической партии и входил в группу «Спартак». После прихода к власти Гитлера был вынужден переехать в Австрию, где работал в одном из музеев Вены. В 1932 г. был приглашен в СССР для участия в создании Института изобразительной статистики (институт Изостата). Симпатизируя государственному устройству нашей страны, Фридрих Германович в 1934 г. принял советское гражданство. Кроме родного языка, он свободно владел английским и французским. Преподавал иностранные языки в московских школах, в Институте иностранных языков, был одним из ведущих специалистов по фонетике. В начале Великой Отечественной войны не избежал репрессий, был сослан. Жил и работал в Казахстане, в 1942 г. был мобилизован в трудовую армию в Челябинск на лесозаготовки, потом под Тулу на шахты. В 1943 г. по состоянию здоровья был освобожден и вернулся домой[1].

В наш город Фридрих Германович приехал в 1958 г. Работал во Всесоюзном НИИ льна. Почти всё свободное время отдавал исследовательской работе в народном краеведческом музее. Он вел кропотливые исследования по архитектуре, собирал фактический материал к биографиям знатных людей нашего города и района. Делал всё бескорыстно, не требуя ни званий, ни наград. В фондах ВИЭМ хранится письмо Л. В. Андреева совету краеведов музея, в котором четко дана оценка находок и открытий, сделанных Ф. Г. Бауэрмайстером. Вот что он пишет: «Фридрих Германович много внимания уделил архивным исследованиям истории создания ведущих памятников Торжка, равно как и города в целом. Он работал в Калининском областном архиве, Государственном военно-историческом архиве в Москве, Центральном Государственном историческом архиве Ленинграда. Им был найден оригинал чертежа первого генерального плана Торжка 1779 г. и сопроводительные письма к нему тогдашнего тверского генерал-губернатора Я. Сиверса. Эта находка помогла нам связать уже известные планы Торжка в единую последовательную цепочку и дать логические объяснения расхождениям в нарисовании целого ряда узлов города на этих планах. Было также установлено, какую роль в планировке Торжка конца XVIII века сыграли местные проектировщики и что пыталась сделать столичная комиссия строений. В частности, выяснилось, что автором плана города был местный планировщик — уездный землемер капитан Илья Каницев и что именно его план был реализован в натуре, так как в нем были учтены все местные условия.

В 1960-х годах в газете „Калининская правда“ выступил один из краеведов областного музея, некто Иванов, якобы установивший новую дату наиболее раннего упоминания о Торжке — 989 год. Бауэрмайстер, изучая названные Ивановым источники, обнаружил грубую ошибку последнего в толковании датировки, представленной в летописи. И как бы ему ни хотелось видеть свой город старше, честность исследователя и его ответственность перед потом-

[1] Из воспоминаний дочери Анны Фридрховны Долговой // ВИЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 113.

ками, присущие Фридриху Германовичу, взяли верх — он разоблачил эту ошибку ради исторической и научной правды.

Ф. Г. Бауэрмайстеру принадлежит заслуга разоблачения еще одной „научной" фальшивки, на которую поддались и в подлинность которой долгие годы верили даже ведущие специалисты Академии Архитектуры СССР. Речь идет о первом графическом изображении Торжка, приписываемом Герберштейну, путешествовавшему по России в первой половине XVI века. Фридрих Германович высказал ряд сомнений в подлинности этого рисунка — он точно повторял рисунок Олеария, сделанный век спустя, но в зеркально повернутом виде; вызвало сомнение начертание слева «Torschok», соответствующее более поздним периодам. Под влиянием этих сомнений мне удалось в исторической библиотеке г. Дрездена найти подлинник издания труда Герберштейна и установить, что никаких рисунков русских городов, кроме плана Москвы, там нет. Этот рисунок, который несколько десятилетий преподносился от имени Герберштейна в ряде центральных научных изданий, оказался делом рук петербургского издателя начала XX века, издавшего сочинение Герберштейна и снабдившего его своими иллюстрациями.

Когда я в беседах с молодежью говорю об ответственности исследователя, о научной достоверности и точности открытий, я часто привожу в качестве примеров работу Фридриха Германовича, находившего в себе силы отказаться от заманчивых, но сомнительных выводов и принимавшего окончательно только правду».

Кроме того, заказанные Ф. Г. Бауэрмайстером фотокопии чертежей Путевого дворца в Торжке раскрыли последовательность видоизменений его архитектурного облика. Он нашел в архивах документы, подтверждающие авторство К. И. Росси в составлении проекта Спасо-Преображенского собора. Ф. Г. Бауэрмайстер был ответственным, добросовестным исследователем. Он выступал на краеведческих чтениях и щедро делился своими находками. «Фридрих Германович своим исследовательским трудом служил городу, ставшему для него родным, служил научной истине»[2], — так говорит о нем Л. В. Андреев. Жаль, что эти записи сделаны по случаю скоропостижной кончины Фридриха Германовича 24 сентября 1978 г.

Несколько слов стоит сказать о Галине Алексеевне Климовской. Вот как напишет о ней корреспондент «Литературной газеты» Анатолий Приставкин: «Художник Климовская принадлежит Торжку, она здесь своя, как говорится, корень от корня»[3].

Я не случайно начала разговор с этой цитаты. Галина Алексеевна — коренная новоторка. Именно она сумела возродить уникальный промысел новоторжских гончаров, которым славился наш город. В ее руках ожил красочный мир глиняной игрушки-свистульки: краснобровые глухари, переливающиеся разноцветным оперением петухи, улыбающиеся гривастые львы и петрушки. У каждой свистульки был свой голос, и, по старинному поверью, звук этот изгонял из дома нечистую силу, берег от сглаза и несчастий, нес очищающую духовность. Вот что писала корреспондент «Народной газеты» Н. Анохина о выставках Г. А. Климовской: «Когда Галина Алексеевна выставила на стол свои игрушки, будто солнце заглянуло в комнату вместе с этой звонкой переливчатой пестротой. На глянцевых, как поджаренных игрушках блестели жемчужные бусинки и желтые, зеленые, красные узоры — линии, повторяясь, как бы „одевали" фигурку в нарядную одежду, сплошь обсыпанную жемчугом»[4].

Красотой новоторок в высоких кокошниках, веселым изяществом разнообразных сказочных персонажей, голосистых петушков, привлекающих тонкой росписью, восторгались на выставках глиняной игрушки не только в российских городах, но и в Париже. Выставка проходила в октябре 1993 г. и по приглашению Ассоциации «Диалог-Вилляж», Галина Алексеевна принимала в ней участие. Свою персональную выставку она назвала «Жемчуг на глине»[5]. Своим опытом она щедро делилась с окружающими, настаивая на обязательном сохранении традиций древних мастеров, искусно использовавших теплый тон натуральной обожженной глины. Теперь, к сожалению, молодые мастера слишком редко вспоминают имя Г. А. Климовской, хотя только память о прошлом помогает понять, что внесено нового и сохранено из существующих новоторжских традиций.

[2] ВИЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 112.
[3] ВИЭМ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 11.
[4] Там же. Ед. хр. 12.
[5] Там же. Ед. хр. 8.

Со словами глубокой признательности я вспоминаю выступления Г. А. Климовской на курсах экскурсоводов при городском экскурсионном бюро. Прекрасная художница, искусствовед, она учила и нас видеть красоту природного ландшафта и архитектуры города, находить гармонию природного и рукотворного, духовного и вещественного. Она постоянно подчеркивала, что архитектурный ансамбль Торжка своей красотой в огромной степени обязан чувству живой природы, тактичному с ней обращению, которым отличались наши предки.

Г. А. Климовская была талантливым вдумчивым исследователем. Ее статьи об исторических событиях в Торжке, истории золотного шитья, искусстве кузнецов и гончаров легли в основу последующей разработки материалов обзорной экскурсии по Торжку. Это были трудные месяцы становления туризма в нашем городе. Материалов было настолько мало, что приходилось по крупицам собирать и логически последовательно выстраивать текст намеченного маршрута. К сожалению, Галина Алексеевна Климовская не сумела издать свою книгу о Торжке. Очень бы хотелось обратиться ко всем, кто ее знал и помнит о ней, рассказать о ней, записать мемуары. Может быть, следует опубликовать ее заметки, архивные материалы.

Среди тех, кто причастен к сохранению в Торжке Георгиевской церкви, нужно, прежде всего, назвать имя Татьяны Тихоновны Поповой. В 1968 г. остро встает вопрос о строительстве дороги на Осташков. Чтобы спрямить выезд с Круглой площади, предлагается взорвать Георгиевскую церковь. Краеведы пишут письма и телеграммы во все инстанции, предлагая проложить эту дорогу по ул. Бакунина или через парк. Ответ однозначен — не целесообразно! Звучит как приговор. Но круглосуточные дежурства краеведов у церкви, решительное заявление Т. Т. Поповой: «Взрывайте вместе со мной!», своевременное вмешательство Л. В. Андреева и Министерства культуры остановили столь кощунственное решение, и памятник архитектуры конца XVII в., храм Георгия Победоносца был спасен.

Всех имен новоторжских краеведов в одном выступлении назвать невозможно. Андрей Афанасьевич и Варвара Павловна Афанасьевы, Алексей Александрович Кротов, Михаил Иванович Костин, Николай Александрович Туруханн и многие другие собрали интереснейший архивный материал об участниках гражданской и Великой Отечественной войн, исторических событиях в городе и районе, об архитектурных постройках в Торжке и многое другое. Хочется пожелать молодому поколению, молодым исследователям помнить поименно всех наших краеведов, стоявших у истоков создания в Торжке первого краеведческого музея, первых экскурсионных маршрутов.

Я еще раз хочу обратиться к статье Анатолия Приставкина: «И думается, что Торжку, как и вообще любому городу, просто необходимы такие люди — заинтересованные, возрождающие традиции народных умельцев. И этим людям надо всячески помогать»[6].

[6] Литературная газета. 1973. 5 сентября.

М. В. Строганов

Г. Я. Ходаков как краевед-пушкинист[1]

Г. Я. Ходаков

Сам Г. Я. Ходаков считал себя в первую очередь учителем. Но, к сожалению, память на учителей в нашем обществе слаба. И хотя он был, как можно судить по сохранившимся воспоминаниям и документам, выдающимся учителем, эта сторона его деятельности известна недостаточно. Он был поэтом, публицистом, разносторонним краеведом, но все эти стороны его работы известны еще менее. И гораздо больше Г. Я. Ходаков известен в связи с именем Пушкина. Причина такой известности, конечно, не столько в том, что в тверской пушкиниане он сделал больше, чем в других областях культуры, а в том, что сам Пушкин занимает в нашей культуре, как известно, центральное место, место «нашего всего»[2]. Всё, что соприкасается с именем Пушкина, поднимается в глазах общественности на недосягаемую высоту и приобретает сакральный характер. Вместе с тем я буду все-таки говорить о Г. Я. Ходакове как краеведе, занимавшимся пушкинской темой, потому что вижу именно в этом повороте исключительно актуальные для современного краеведения аспекты[3].

Как известно, сам факт пребывания Пушкина на Тверской земле долгое время оставался вне поля зрения исследователей творчества Пушкина. По-настоящему собиранием материалов по этой теме занялись петербургские и тверские историки и пушкинисты в самом конце XIX — начале XX в. Их работа носила по преимуществу собирательский характер, но зато собрали они и многочисленный, и очень ценный материал. Второй этап в изучении темы наступил вскоре после 1917 г. и связан с именем А. Н. Вершинского и его ученика С. А. Фессалоницкого, автора немногих, но значительных публикаций, посвященных теме «Пушкин и Тверской край»[4]. Этот второй этап, судя по фрагментам не сохранившейся в целом виде дипломной работы С. А. Фессалоницкого, обещал быть весьма плодотворным, но он был искусственно прерван

---

[1] Настоящее исследование входит в круг изучения тверской краеведческой пушкинистики, которой мы посвятили несколько работ: *Строганов М.* О пушкинском выпуске журнала «Тверская старина» // Караван + (Тверь). 1999. № 61. 18 августа. С. 8—9; *Строганов М. В.* Из истории тверского пушкиноведения. С. А. Фессалоницкий // Тверской край — душа России: Материалы научной конференции. Тверь — Торжок. 23—24 декабря 2005 г. Торжок: ВИЭМ, 2005. С. 141—147; *Строганов М. В.* Из истории тверского пушкиноведения. С. А. Фессалоницкий // Из истории филологии: Сборник статей и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Ред.-сост. В. А. Викторович. Коломна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2006. С. 117—127; *Строганов М. В.* Главный тверской миф о Пушкине, или Пушкинское кольцо Верхневолжья // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 2. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2009. С. 161—169.

[2] См. об этом: *Строганов М. В.* «Наше всё». Причины и предпосылки формирования мифа о Пушкине // Искусство поэтики — искусство поэзии: К 70-летию И. В. Фоменко. Сборник научных трудов. Тверь: Лилия Принт, 2007. С. 418—428; *Строганов М. В.* «Наше всё»: Предпосылки и причины формирования мифа о Пушкине // Литература. 2009. № 11. 1—15 июня. С. 26—33.

[3] Вообще тема эта не нова, но в публикациях последнего времени аналитическое начало уступает эмоционально-публицистическому, что и не удивительно, поскольку они принадлежат сыну Г. Я. Ходакова — Ф. Г. Ходакову: *Ходаков Феликс.* Пушкиниана Георгия Ходакова // Вече Твери. 2008. 30 мая. С. 18; *Ходаков Феликс.* Пушкинскими дорогами... Неизвестные страницы истории пушкинских экспедиций // Тверской курьер. 2009. 27 февраля. С. 12; *Ходаков Ф.* Г. Я. Ходаков – исследователь, краевед, пушкинист // Тверская старина. 2009. № 29. С. 113—128.

С любезного разрешения Ф. Г. Ходакова, которому я рад выразить свою признательность, я использую собранные им материалы к личной и творческой биографии Г. Я. Ходакова. Частично эти материалы приходится повторять, однако это необходимо для связного изложения событий. Если при цитировании отдельных мемуарных и документальных источников я не указываю на место их хранения, это значит, что они находятся в домашнем архиве Ф. Г. Ходакова.

[4] См.: *Фессалоницкий С. А.* Уголок Пушкина в Старицком у. в 1923 г. // Материалы Общества изучения Тверского края. Тверь, 1925. Апрель. Вып. 3. С. 22—23; *Фессалоницкий С. А.* Пушкин в кругу старицких дворян // Материалы Общества изучения Тверского края / Под ред. А. Н. Вершинского и К. И. Никольского. 1928. Апрель. Вып. 6. С. 3—26; *Фессалоницкий С.* Пушкин и Лажечников // Пролетарская правда (Калинин). 1936. 9 сентября. С. 3; *Фессалоницкий С. А.* Из рассказов о Пушкине и его современниках // В наши дни. Калинин, 1936. № 2. С. 89—90; *Понафидина А. Н.* Воспоминания / <Подготовка текста и примечания С. А. Фессалоницкого> // В наши дни. Калинин, 1936. № 2. С. 91—99.

репрессивными мерами партии большевиков против краеведческого движения в стране в целом. И именно на это время падает начало творческой деятельности Г. Я. Ходакова, и поэтому ясно, что эта творческая деятельность проходила в страшно тяжелых условиях и не могла иметь быстрого и эффектного результата. Более того, сознание людей, воспитанных на волне революционного подъема, было поневоле искажено господствующей идеологией, что не могло привести к продуктивным решениям.

Вообще следует признать, что Г. Я. Ходаков был достаточно основательно подготовлен к занятиям пушкинской темой. Осенью 1933 г. он поступает в аспирантуру на лингвистическое отделение АЛИЯ (Ленинград), где обучается два года. С 1934 по 1936 г. он состоял аспирантом Государственной академии искусствознания, а потом был переведен в аспирантуру Ленинградского государственного университета в связи с реорганизацией академии в Институт театра и музыки. В аспирантуре он работал над диссертацией «Литературные гнезда Тверской губернии 1800—1936 годов», но не завершил ее. Закончив аспирантуру в июне 1938 г., Г. Я. Ходаков поступает в Государственный литературный музей (Москва), но в 1939 г. возвращается в Ржев на политработу на железной дороге. Вот как он писал об этом в одном из позднейших документов, 12 мая 1946 г., секретарю ЦК ВКП(б), А. А. Жданову: «В самом деле: я кончил Московский университет, позже аспирантуру при филологическом факультете Ленинградского университета, но не защитил диссертации, увлекался партийной пропагандой, вкладывая в нее всю страстность моего темперамента». Но иначе быть и не могло: защитить диссертацию с таким названием в 1930-е гг., будучи убежденным в справедливости существующего строя, совместить в едином сознании эти две противоборствующие тенденции нельзя. Сама концепция «культурных гнезд» сложилась в русской гуманитаристике и филологии еще в дореволюционный период (в период расцвета русского земства) и ярче всего она проявила себя в работах создателя самого этого термина — Н. К. Пиксанова[5]. Это концепция была связана с развитием краевого, местного самосознания, с развитием краеведения. В тоталитарном государстве, каким была тогдашняя Советская Россия, краеведение подлежало отмене и запрещению. Диссертация Г. Я. Ходакова не состоялась.

1

Первая пушкинская экспедиция Г. Я. Ходакова состоялась в 1936 г., в канун столетия со дня смерти Пушкина. Она прошла в рамках общегосударственной акции по празднованию 100-летию со дня смерти поэта. 29 ноября Г. Я. Ходаков сообщал в статье, помещенной в ржевской газете о создании комитета и о многочисленных мероприятиях в учебных и культурных заведениях: «Каждое предприятие, школа, учреждение, сельсовет должны создать свои местные комиссии по подготовке и проведению юбилея и начать плодотворную работу.

В ближайшие дни комитетом созывается районное совещание с участием всех председателей комиссий, которое выявит картину подготовки к юбилею в районе.

Подготовка к юбилею должна проходить на высоком культурном уровне, соответствующем престижу страны, имеющей новую сталинскую Конституцию»[6].

Одним из этих мероприятий и была экспедиция, которая состоялась с 30 ноября по 6 декабря. Участниками экспедиции были двое человек: директор ржевского музея Сергей Леонидович Бычинский и сам Г. Я. Ходаков. Краткий отчет о поездке был опубликован в газете 8 декабря, где, в частности, сообщалось, что в барском доме Курово-Покровском была «установлена комната, в которой останавливался Пушкин, и восстановлена примерная ее обстановка. В этой комнате 1 декабря было проведено собрание, посвященное докладу товарища Сталина о Конституции на Съезде Советов. Кроме того, обнаружена комната Пушкина в Берновском доме (ныне НСШ) во II-м этаже — 5 класс „б“ с сохранившимся от того времени камином»[7]. И уже в этой заметке сообщалось о предложении создать Пушкинский заповедник.

Более обстоятельный отчет был опубликован в самом конце месяца. Как можно понять, участники поездки выехали изо Ржева поездом и вышли на станции Высокое, бывшей в то время центром района. 1 декабря экспедиция посетила Большое Глинкино (ныне Глинкино), где осмотрела не только дом помещиков Ртищевых, доживший и до наших дней, но и каменный дом помещиков Лошаковых «с уже измененным фасадом», которого мы никогда не уви-

[5] *Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда. М., 1928.

[6] *Г. Х.* Пушкинский комитет приступил к работе // Ржевская правда. 1936. 29 ноября.

[7] *Г. Х.* Экспедиция в пушкинские места // Ржевская правда. 1936. 8 декабря.

дим. Потом была поездка в Курово-Покровское и близлежащее сельцо Васильки, принадлежавшее в пушкинское время помещикам Миллерам. Такое перечисление населенных пунктов говорит о том, что Бычинский и Ходаков по дороге из Глинкина проехали деревню Щелкачево и, не доезжая до Бернова, свернули на Курово. 2 декабря были осмотрены село Берново и сельцо Соколово (усадьба Петра Ивановича Вульфа), причем оценка положения дел в Бернове весьма критическая. В Малинниках Бычинский и Ходаков провели 3, 4 и первую половину 5 декабря, осмотрев заодно деревню Глазуново (принадлежала в разное время разным членам семьи Вульфов) и сельцо Марицыно (усадьба Вельяшевых). Трудно сказать, посетили ли они Павловское, однако они, говоря их словами, «провели решение» «об объявлении района Малинники-Павловское Пушкинским заповедником». В другом месте статьи говорится о «развертывании в Малинниках и Бернове работ по созданию здесь Пушкинского заповедника — второго после Михайловского»[8]. К статье приложены две фотографии: «Пушкинская горка в бывшем имении Курово-Покровское. Здесь любил бывать поэт» и «Комната, в которой останавливался Пушкин в бывшем имении Курово-Покровское (ныне трансхоз). Слева — место кровати. Против окна стоял круглый стол. Мебель была красного дерева». Стоит пожалеть, что этот отчет не занял достойного места в нашей краеведческой литературе. Конечно, он носит следы своего времени, но в нем зафиксированы и многие важные детали, которые не сохранились до нашего времени.

Еще более жаль, что вовремя не были опубликованы, а потом также оставались в забвении рисунки из альбома С. Л. Бычинского, сделанные во время экспедиции 1936 г. (13 рисунков). Эти рисунки как комплект никогда не воспроизводились и не описывались в печати. Опись их сделал сам Г. Я. Ходаков при передаче рисунков в музей (12 июля 1971 г.). Прежде всего, это изображения барских усадеб и ландшафты, которые к настоящему времени в большинстве не сохранились, поэтому многие из них имеют значение первоисточников. Перечислим их: дом Ртищевых в с-це Старое Глинкино (ныне Глинкино), 30.11.1936 (лист 3); дом Миллеров в с-це Васильках между Курово-Покровским и Коробиным (лист 4); липовая аллея в усадьбе Малинники, 6 лип (лист 6); берег реки Тьмы и старого омута с «пушкинской» сосной, 5.12.1936 (лист 7); план-схема расположения мельницы и старого омута, нового («левитановского») омута, по замечанию С. Л. Бычинского, в 1936 г. «от мельниц и следов не осталось», обоих омутов тоже не было (лист 8); барский дом без подписи (лист 9); дом Вельяшевых в Марицыне со стороны Тьмы, 2.12.1936 (лист 10); надгробие на могиле около берновской церкви, на которой можно прочитать текст: «Николенька Калинов, род. 1810 год. Сент. 20 дня, скончался 1817 г. апреля 15 дня» (лист 11); дома в Курове-Покровском (лист 12); дом в усадьбе Марицыно с мысленно реконструированными элементами фасада (лист 13). Эвристическое значение этих набросков огромно и вполне еще не оценено в краеведческой и музейной практике.

Следует заметить, что сам Г. Я. Ходаков долгое время, видимо, не придавал этим рисункам должного значения. К тому же он многое забыл из своей первой пушкинской экспедиции, и когда через почти 30 лет рассказывал о ней, он акцентировал такие моменты, которых вовсе не было в его «синхронном» отчете. Новая статья Г. Я. Ходакова об этой поездке появилась в печати в 1965 г.[9], но мы воспользуемся черновым вариантом ее, где некоторые детали изложены более подробно:

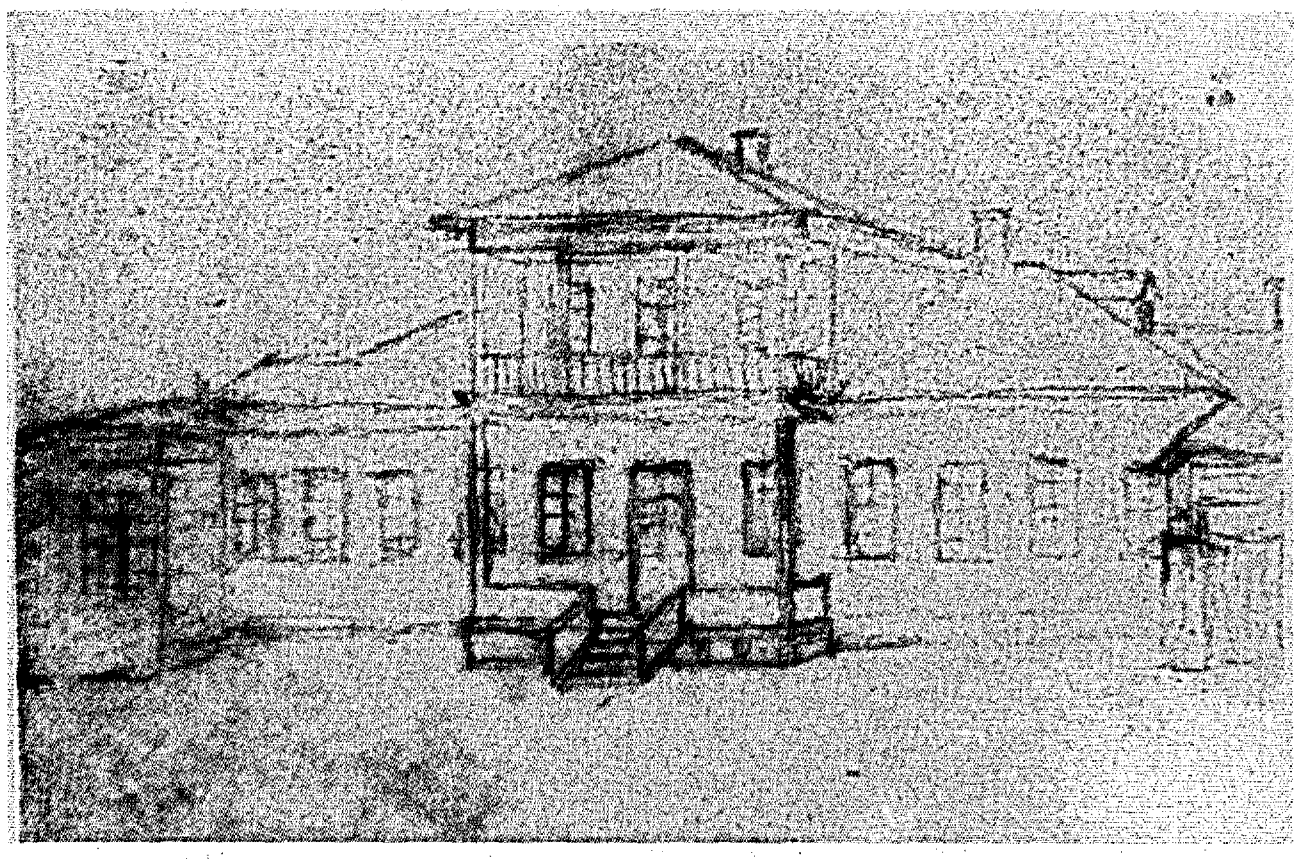
«В тот год нам удалось посетить многие еще сохранившиеся усадьбы, зарисовать несколько зданий с ампирными деревянными колоннами, встретиться с некоторыми представителями семейства Вульф, записать много воспоминаний и легенд. Тогда мы подробно изучили историю старого омута на Тьме, возле которого еще цела была старая мельница. По рассказам стариков, в нем утопилась дочь старого мельника, соблазненная якобы лакеем местного помещика. Несколько выше этого омута находится второй, увековеченный в картине Левитана. Еще выше, на правом (более высоком) берегу Тьмы, из леса выдавался фасад дома в имении Маричино, принадлежавшем старицкому исправнику Вельяшеву, за дочерью которого, Катей Вельяшевой, ухаживал поэт. Этот эпизод из его биографии отразился в строках:

---

[8] Б. п. В пушкинских местах // Ржевская правда. 1936. 31 декабря. Хотя статья не подписана, однако в примечании сказано, что «материалы по пушкинским местам собраны С. Л. Бычинским и Г. Я. Ходаковым».

Информация об этой инициативе появилась и в областной прессе: «Ржевский пушкинский комитет обратился с ходатайством в областной пушкинский комитет о том, чтобы местечко Берново-Малинники, где бывал А. С. Пушкин, объявить Пушкинским заповедником» (Б. п. Большая подготовка в Ржеве // Пролетарская правда (Калинин). 1937. 3 февраля).

[9] *Ходаков Г.* Пушкинские места под Ржевом // Ржевская правда. 1965. 10 марта.



Дом Миллер (Вельяшевых) в Васильках (Между Курово-Покровским и Коробиным) Теперь не существует. 1 декабря 1936 г.

Друг милый, предадимся бегу
Золотогривого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Добавлю только, что Пушкин тогда жил в Малинниках на другом берегу Тьмы, и оттуда до Маричина на другом берегу мимо „кривых берез" было не более двух километров. Это была очень приятная и живописная дорога. Эти места должны быть особенно изучены и запечатлены.

Очень любопытны следы „Дубровского". Они связаны с именем одного из крупных местных помещиков П. Полторацкого, отца А. П. Керн. Отец Анны Петровны был человеком крутого нрава. Против воли дочери он отдал ее замуж, когда ей было всего 17 лет, за старого генерала Керн.

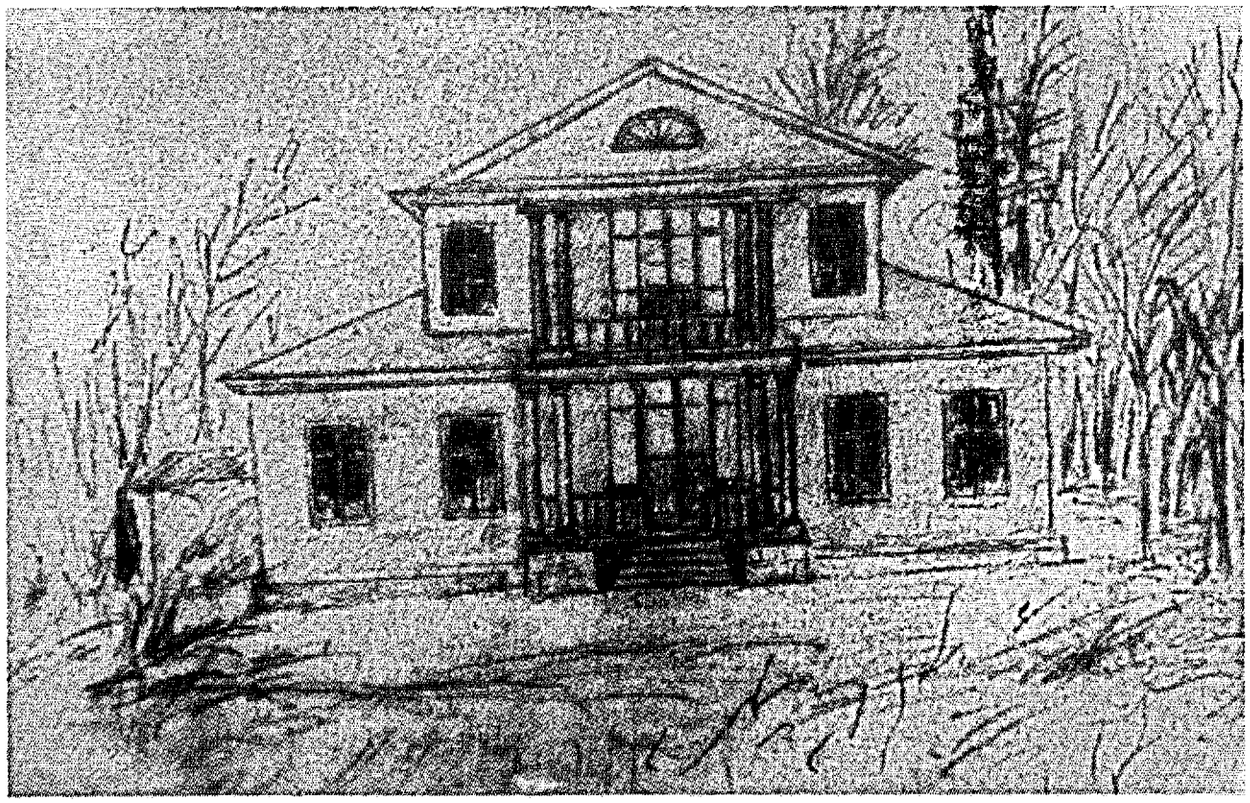
В отдаленном селе Климово, где проходила граница его владений, старики вспоминали о крутом нраве барина, расправлявшегося с бедными помещиками, не говоря уже о крестьянах. Запись воспоминаний в Климове и окружающих деревнях следует продолжить».

Здесь следует остановиться и указать, что деревня (не село) Климово находится на расстоянии всего лишь двух километров от Марицына (Мариничей, Маричина)[10]. К сожалению, никаких записей народных преданий в этой местности в более позднее время сделано не было.

Г. Я. Ходаков продолжает: «Известно здесь и существование пустоши *Кистеневки*, история названия которой не была нами тогда раскрыта. Фамилия одного из героев повести, по моему глубокому убеждению, представляет собой удвоение фамилии *Полторацкого* (трое), соединенное с названием одного из имений *Курово*. Таково происхождение фамилии *Троекуров*.

Пушкин в завуалированной форме рассказал о трагедии женщины, воспетой им в Михайловском в известном стихотворении, и заклеймил жестокого отца и помещика в образе Гаврилы Романовича Троекурова (Полторацкого). Черновые наброски этого произведения и основной его замысел относится к 1827—<18>29 гг. Позже он мог быть разработан и обогащен, но истоки его находятся в Берновщине».

[10] См.: Межевой атлас Тверской губернии (Менде). 1853. F3-1-4.



Дом Вельяшевых в Марицыне (деревня около Малинников), мысленно восстановленный Бычинским. В доме еще работало правление колхоза «Пушкинский уголок». Террасы с колоннами на рисунке восстановлены, т. к. уничтожены были в 1936 г. весной. 2 декабря 1936 г.

Дом Вельяшевых в Марицыне. Вид с реки Тьмы. 2 декабря 1936 г.

Местонахождение пустоши Кистеневки в настоящее время неизвестно. Между тем установить, был ли такой объект на территории Старицкого уезда, крайне важно, поскольку для дальнейших построений самого Г. Я. Ходакова это имеет очень большое значение. Я очень сомневаюсь, что экспедиция 1936 г. искала и нашла этот объект, потому что никаких откликов на это открытие в свое время сделано не было. Показания 1965 г. трудно верифицировать, так как, по словам самого Г. Я. Ходакова, его «записи погибли». Далее он выражал «надежду, что записи С. Л. Бычинского уцелели. Их нужно расшифровать и сделать достоянием широкого круга читателей». Но записи С. Л. Бычинского тем более не обнаружены.

Летом 1949 г. Г. Я. Ходаков совершил вторую экспедицию в пушкинские места Старицкого уезда, но о ней мы знаем только из той же статьи 1965 г.: «Моим спутником на этот раз был очень хороший фотограф, старый член партии (ныне покойный) А. И. Баранов. Он сделал здесь более ста снимков пушкинских мест. К сожалению, составленный по этим увеличенным фотографиям интересный альбом, утрачен. <...>

Вторая экспедиция проводилась краеведами Итомлинской средней школы, расположенной всего в 25 километрах от Берновщины. Думаю, что такие организации, как музей, редакция „Ржевской правды" и Итомлинская средняя школа (а может быть, и другие) заинтересуются идеей серьезного изучения исторических богатств: мест, находящихся у нас под боком, и проявят должную инициативу в снаряжении и организации новой экспедиции». К сожалению, события личной жизни Г. Я. Ходакова не способствовали сохранению той информации, которую он собрал в процессе этой экспедиции (да и других своих предприятий).

2

Летом 1965 г. Г. Я. Ходаков обратился к директору областного музея Е. И. Новосельцеву и к начальнику архивного отдела при Калининском облисполкоме М. А. Ильину с предложением об организации незамедлительной экспедиции в берновские места. Как можно судить по имеющимся воспоминаниям, поддержки в официальных структурах эта инициатива не имела, и в экспедиции участвовали заинтересованные лица.

Вот воспоминания об этой экспедиции бывшей заведующей краеведческим отделом, заместителя директора Областной библиотеки им. А. М. Горького Нины Александровны Фадеевой: «Он стал наведываться к нам в областную библиотеку в краеведческий отдел в 1965 году. Был одинокий, не женат. Тогда этим — пушкинской темой в Тверском крае — у нас никто не занимался. Он всё рассказывал и рассказывал о пушкинских местах.

Мы втроем в том же 1965 году впервые с ним поехали на машине в Берново и там ночевали ночь или две у Серафимы Павловны Орловой. Георгий Яковлевич знал хорошо и раньше эти места, прекрасно ориентировался на месте, водил и показывал.

Ничего не было такого, никаких указателей в Малинниках, только остатки дома, кусты сирени. Часовня не была еще установлена. Он показывал омут, выходили мы на Тьму. В Павловское не попали. Мы подъезжали, но там было запущено, заросло, не было никаких дорог. Мы бродили, он нам показывал дома, остатки фундаментов. На кладбище в Берново было заброшено и дико. Мы были в первый раз там. Пруд был заброшен...

Он, Георгий Яковлевич, был как открытием для нас. Он всё знал, вместе с С. П. Орловой, и всё вокруг было для нас открытием. Он был, пожалуй, первым, и именно начиная с Ходакова, мы все начали серьезно заниматься темой „Пушкин и Тверской край".

После этого по нашей инициативе краеведческий отдел стал собирать всю библиографию о Пушкине в Тверском крае и всё на эту тему. Мы поехали и начали собирать материалы, отыскивать и разыскивать всевозможные факты и свидетельства.

Я читала лекции „Пушкин в Тверском крае" во многих местах, заведениях, концертах и встречах и даже в филармонии рассказывала в музыкальном сопровождении.

Для нас, для сотрудников областной библиотеки, он был основоположником возрождения темы „Пушкин и Тверской край". Часто бывало, мы с ним ругались не на жизнь, а насмерть. Ведь он такой вспыльчивый, эмоциональный, очень яркий! Но никогда зла не помнил, и мы никогда не держали зла друг на друга. Так мы с ним поездили. Он показал всё, всё, всё, когда и нога человека там не ступала. Всё было дико, мы всё видели в первозданном виде. И тропинок-то никаких не было».

По результатам работы этой экспедиции Г. Я. Ходаков составил статьи для «Калининской правды» и докладную записку в управление культуры Калининской области, в которой он предложил превратить берновские места в Пушкинский заповедник. В поддержку этого

предложения о создании Пушкинского заповедника был составлен совместный документ от лица директора областного музея Новосельцева и заведующего архивным отделом М. А. Ильина, отправленный 30 сентября 1965 г. начальнику управление культуры области А. И. Моисееву. Однако на подготовленных для двух подписей местах стоит только одна подпись — исполняющего обязанности директора музея, подписи М. А. Ильина нет[11]. Между тем 25 декабря 1965 г. берновские места были включены в список «основных памятников истории и культуры, имеющих общегосударственное значение, заслуживающих особой охраны и популяризации»[12].

Но программа деятельности Калининского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), предложенная Г. Я. Ходаковым еще до официального открытия этой организации, как следует из его писем к М. А. Ильину, не была поддержана. Вот письмо от апреля 1966 г.: «Каковы бы ни были попытки тем не менее (института в том числе) помешать мне, моей работе, я продолжу ее по моему плану и по своей инициативе, не адресуяся больше ни в одно казенное учреждение, в том числе в общество».

Грузины. Конференция 1971 г.

Вот фрагмент из другого письма, от 27 мая 1966 г.: «Я представлял себе (и представляю) деятельность Общества как *активизацию общественных сил*. Должна была бы возобновиться в полной мере практика регулярных заседаний совета или другого органа при нем, на котором заслушивались бы сообщения о подготовленных краеведами интересных работах (такие собрания устраиваются в Москве при Пушкинском музее, музее Толстого и других) с широким их обсуждением и регулярной публикацией об этих трудах в печати. Печать же об этом молчит, потому что и Общество молчит. Почему бы не составить план таких сообщений и не вызвать (или пригласить) на очередное заседание А. А. Суслова из Торжка, Н. М. Вишнякова из Ржева, Мораневского из Осташкова, группу краеведов из Старицы (быть может, из педучилища). Всё это было бы так интересно и так оживило бы свободную творческую мысль. Этого должны мы всячески желать и использовать все имеющиеся у общества не только материальные (пусть их кот наплакал), но и *юридические* возможности для их реализации. Неужели *мне* и *сегодня* нужно еще доказывать это, и кому — вам?! Не хочу больше ничего об этом говорить. Теперь нужно не говорить, а действовать.

Странно, что, приписывая усилиям Общества заботу об охране памятников культуры, вы обошли молчанием другую сторону работы — широкую пропаганду, разъяснение значения тех или других культурных ценностей в области. Вами положено под спуд неоднократно высказывавшееся мною предложение о фотофиксации ценнейших памятников по всей области и изда-

[11] ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 3.
[12] Там же. Ед. хр. 4.

нии серии (или серий) открыток с краткими аннотациями. Это было бы полезно не только потому, что оправдало бы себя экономически (модное слово), но и потому, что удовлетворило бы культурные потребности широкого, массового потребителя <*нрзб.*> нашей молодежи, став дополнительной формой эстетического и гражданского воспитания. Увы, всяким мазурикам, строчкогонам-бизнесменам открыто широкое поле для их бессовестной халтуры. А Общество боится сказать свое слово и возглавить эту работу, потому что она его кровное дело, его насущный хлеб. Я устал говорить и писать по этому вопросу и больше не пророню ни слова. Вообще ваша приписка: „Если у вас будут предложения — сообщите" и неуместна, и оскорбительна. *Вам ли не знать о целой программе деятельности общества, предложенной мною когда-то, еще до его основания.* Вероятно, вы ее потеряли (забыли?), а я не намерен повторяться, переливать из пустого в порожнее. Людей нужно всё же уважать»[13].

В этом письме, которое стоило бы отдельного разговора, следует отметить, во-первых, возвращение к тем формам свободных научных обществ, которые установились в России во второй половине XIX в., в эпоху расцвета земства. Регулярные заседания, заслушивание научных сообщений, обсуждение и публикация их, выступление приглашенных коллег — всё это вполне напоминает и формы работы государственных ученых архивных комиссий, и независимых обществ разного типа. Во-вторых, мы видим здесь совершенно новаторские для своего времени и продолжающие оставаться актуальными и в наше время формы пропаганды культурного наследия, в частности — открытки с изображением памятников старины. Сочетание форм прежнего и нового времени составляет то специфическое содержание, которое отличает людей формации типа Г. Я. Ходакова.

На фоне этих писем Г. Я. Ходакова совсем не удивительно звучит весьма пессимистичное название следующей его статьи на пушкинскую тему — «Заросла тропа...» Начинается статья картинами запустения и заброшенности. А продолжается следующими словами:

«Между тем название этого чудесного уголка средней России тесно переплетается с историей русской национальной культуры. Сейчас здесь разрушается „второе Михайловское", место, неразрывно связанное с именем великого Пушкина. Берновщину также с полным правом можно было бы назвать и вторым Болдино, — такое влияние оказала она на творчество поэта.

Место это, давно открытое старыми пушкинистами и краеведами (Колосов, Фессалоницкий, Иванов, Вершинский и др.) и серьезно изучавшееся ими, впоследствии, по нашей нерадивости (иначе это не назовешь), отошло на второй план, хотя и сейчас является богатейшим источником для исследования творчества Пушкина. <...>

Трижды совершал я с разными лицами научные экспедиции в эти священные сегодня для всех культурных людей места — в 1936 году, в 1949 году и в 1965 году. С каждым новым посещением я всё больше убеждался, что, если мы не примем теперь же энергичных мер к сохранению и восстановлению этого памятника, то те, кто придет после нас, навряд ли найдет здесь что-либо.

Всякого, побывавшего в Бернове, не может не оскорбить запущенность здания (теперь здесь школа), где бывал поэт. Дом требует ремонта. От пушкинской комнаты ничего не осталось. Все помещения второго этажа перестроены и имеют весьма унылый вид. А школа претендует на присвоение ей имени великого поэта. Плачевно состояние парка, в котором из года в год появляются новые срубы. Запущен центральный пруд, заросли аллеи. Нигде ни одной мемориальной доски. Берновская церковь—ценнейший памятник XVII века — сдана под зернохранилище.

Пора, наконец, добиться реального сдвига в охране беспризорных, заброшенных пушкинских мест в двух часах езды от Старицы. Тем более что руководство старицкого педучилища взялось за организацию отныне ежегодных пушкинских чтений в день гибели поэта, в которых примут участие, кроме студентов, местных краеведов, комсомольской и партийной организаций, также ученые-пушкинисты из Ленинграда, Москвы, Калинина, Михайловского, Болдино. Первые чтения состоятся уже этой зимой. На них будут объявляться имена удостоенных Пушкинской премии за лучшее сочинение, коллекционирование предметов, связанных с именем юбиляра. Все эти организации решили поддержать предложение об объявлении Берновщины Пушкинским заповедником и о других мерах увековечения памяти поэта.

[13] Там же. Ед. хр. 14.

В Старице понимают культурное значение исторических мест района, но действуют в этом направлении только рядовые любители-энтузиасты. Удивляет и равнодушие наших областных организаций, прежде всего управления культуры, к памяти великого поэта»[14].

Этот документ представляет нам новое парадоксальное совмещение двух противонаправленных тенденций. С одной стороны, мы видим вполне адекватную материалу программу создания пушкинского заповедника, ценного самого по себе. С другой стороны, я хотел бы обратить внимание на формулировки «второе Михайловское» и «второе Болдино». Подобного рода формулировки, как известно, выражают характерный для провинциального сознания комплекс «младшего брата». Новое место, претендующее занять определенную нишу в уже установившейся социальной иерархии, называет себя по имени одного из лидеров этой иерархии. Если уже есть Михайловское и Болдино, то Берново должно стать не хуже их, говоря на языке провинциального сознания, «вторым» таким же. И эта мысль еще не раз встретится нам в документах Г. Я. Ходакова.

На горке Парнас. Конференция 1971 г.

Летом 1966 г. Г. Я. Ходаков неоднократно посещает Старицкий район, встречается с руководителями, С. П. Орловой, которой передает ряд краеведческих материалов о Пушкине, часто выступает перед студентами старицкого педучилища, учащимися берновской школы, призывая изучать творческие связи Пушкина со Старицким районом. Председатель Калининского областного отделения ВООПИК М. А. Ильин писал ему: «Ваш материал будет также принят к сведению»[15].

Четвертая пушкинская экспедиция, организованная Г. Я. Ходаковым, состоялась 1—10 июля 1965 г. В организации экспедиции Г. Я. Ходакову помогал Арсений Дмитриевич Баранцев, преподаватель русского языка и литературы средней школы № 6 Калинина. Вместе с организаторами в экспедиции участвовало восемь человек, в том числе преподаватели и студенты торжокского педагогического училища. Во-первых, две преподавательницы биологии: Клавдия Ивановна Минина и Светлана Дионисовна Байкалова. Во-вторых, две преподавательницы литературы: Галина Степановна Муравьева (уроженка берновских мест) и Валентина Федоровна Кашкова (в будущем известная писательница-пушкинистка). В-третьих, студенты училища Александр Чумарин и Александр Копышкин и калининский фотограф-художник Борис А. Михайлов. В своих воспоминаниях В. Ф. Кашкова неоднократно и подробно рассказывает об обстоятельствах формирования состава экспедиции, о ее ходе[16]. О том, что эта экспедиция имела для многих ее участников решающий характер, вполне определенно пишет В. Ф. Кашкова: «Если бы не он, не эта памятная встреча, пушкинская экспедиция, впечатления, рассказы и разговоры о Пушкине и на пушкинскую тему, кто знает, стала бы я заниматься пушкинским краеведением, стала бы я той, кем стала сейчас! Он мне ничего не говорил, но я это ясно почувствовала, словно внутренний голос сказал мне: ты будешь писать!»

---

[14] *Ходаков Г.* Заросла тропа... // Смена (Калинин). 1966. 9 июля.

[15] ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 14.

[16] *Кашкова В. Ф.* Рядом и далеко: Тверские этюды о Пушкине. Книга вторая. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2008. С. 63—74, ср. с. 60. Ср. также: «Однажды чистая случайность свела меня с Г. Я. Ходаковым, калининским учителем, краеведом, занятным чудаком, каким он казался многим. <...> Летом 1967 года <...> химик, биолог, два преподавателя литературы, фотограф облархива, двое наших учащихся, двинулись мы в путь, вооружившись кинокамерой, фотоаппаратом, лопатами, рулеткой. Мы шли «добывать историю», как говорил наш неугомонный руководитель. Больше недели ходили мы по окрестностям Бернова и Малинников — расспрашивали старожилов, записывали предания, копали, измеряли, фотографировали...» (*Кашкова В.* С годами всё ближе // Советская Россия. 1984. 3 июня).

И еще: «Я на всю жизнь осталась благодарна Георгию Яковлевичу! Он, можно сказать, благословил меня на пушкинское краеведение, и по сей день у меня сохранилось теплое чувство уважения к этому человеку».

Сейчас не стоит подробно пересказывать эту экспедицию, поскольку зрительные впечатления 1967 г. (во всяком случае, в современном пересказе) не много отличаются от современных. Гораздо важнее обратить на один очень важный факт, который, как мы понимаем, окажет очень существенное влияние на будущее Г. Я. Ходакова. Этим фактом является обнаружение около Курова-Покровского следов каких-то построек. Вот один из рассказов В. Ф. Кашковой об этом: «В лесу недалеко от Кистеневской пустоши обнаружил какие-то старинные укрепления — валы, остатки церкви. Ходаков разволновался.

— Здесь возник сюжет „Дубровского", — заявил он спутникам. — Истории известно, что у Полторацких, на льняных заводах, случались крестьянские бунты»[17].

Вот фрагмент из более поздних воспоминаний В. Ф. Кашковой: «В Курово-Покровском, имении Панафидиных, местный житель водил нас по лесу, на опушке мы видели нечто, похожее на фундаменты, и плиты, напоминавшие каменные ступени...

— Старики рассказывали, что здесь была часовня, — говорил наш вожатый.

— В лесу часовня? — удивлялись мы.

— Может, тогда и леса здесь еще не было, говорили, что где-то тут была Кистенёвская пустошь: ведь прошла уйма лет!

...Вечером мы увлеченно рассуждали и строили догадки: не здесь ли Пушкин нашел сюжет для „Дубровского"?

Георгий Яковлевич рассказывал об истории создания повести и тоже фантазировал: „Сюжеты — как странники: могут постучаться в окно, когда их не ждут! А ведь открывали дверь и впускали..."»[18].

А вот фрагмент уже из третьего рассказа В. Ф. Кашковой об этой экспедиции: «Кто-то из участников похода вспомнил, что неподалеку есть пустошь, которую, по глухим свидетельствам местных жителей, звали некогда Кистеневской.

Кистеневская пустошь! Как тут не замереть сердцу краеведа. Не здесь ли услышал Пушкин это название, которое подарил потом сельцу Кистеневке в своей повести „Дубровский"? Да не здесь ли возник и сам замысел этого произведения, известного ныне каждому школьнику? <...>

Так вот, ничего подобного тогда, когда проводился этот поход, около десяти лет назад, ни в Торжке, ни в Бернове не было и в помине. Скупые сведения о том, что места эти посещал и любил Александр Сергеевич, можно было встретить разве что в комментариях, сопровождающих тома собрания его сочинений. Долгие десятилетия оставались эти сведения как бы невостребованными. И сами места, связанные с именем Пушкина, хранили память о нем глухую, неясную, разбавленную домыслами, сомнительными частностями.

— А в лесу была церковь, сгорела...

— Давно ли?

— Давно-о... При дедах, прадедах.

Опять загадка: не имеет ли и эта церковь, о которой помнят старожилы, отношения к замыслу „Дубровского"? Нашли место в лесу, где стояла церковь, стали раскапывать...

Всё возбуждало интерес, всё рождало догадки, подчас наивные, и преимущество порою невольно отдавалось не столько действительному, сколько желаемому. Что ж, такой „перекос" легко понять и — с высоты сегодняшнего) знания — оправдать»[19].

Если внимательно вчитаться в то, как передает свои впечатления В. Ф. Кашкова, открытие Кистеневской пустоши и каких-то построек на ее месте произошло именно летом 1967 г. Именно тогда и возникли смутные догадки и предположения о связи этого названия с романом Пушкина «Дубровский». Однако, как мы помним, Г. Я. Ходаков уже в черновом тексте статьи 1965 г. писал о том, что про Кистеневскую пустошь он узнал во время экспедиции 1936 г. Значит, во всяком случае для него, открытие 1967 г. не было по сути дела открытием. Но мы уже имели возможность отметить, что в статьях, написанных в 1936 г., никаких упоми-

---

[17] *Кашкова В.* От Торжка до Старицы // Советская Россия. 1982. 19 сентября.

[18] *Кашкова В. Ф.* Рядом и далеко. С. 65—66.

[19] *Кашкова В. Ф.* Дорога к Пушкину // Правда. 1973. 28 октября. Ср.: *Кашкова В. Ф.* Я иду к Пушкину // Смена (Калинин). 1987. 6 июня.

наний о Кистеневской пустоши не было. Поэтому естественно предположить, что первоначальное знакомство Г. Я. Ходакова с этим явлением произошло в 1949 г., во время второй экспедиции, о которой мы знаем очень мало. И экспедиция 1967 г. только оживила старые воспоминания и дала новый толчок воображению, который уже нельзя было остановить.

По результатам экспедиции Г. Я. Ходаков направил начальнику Калининского областного управления культуры А. И. Моисееву докладную записку: «Словом, неизмеримо вырастает значение Берновщины как одной из важнейших творческих лабораторий поэта, как второе (тверское) Болдино, капитально обогатившее нашу литературу. Нельзя поэтому не ценить этих мест. Нужно их особенно беречь, и об этом должна позаботиться Калининская область, продолжательница и наследница богатств Тверской губернии.

Мы должны понять и поднять значение этого историко-литературного богатейшего источника, подобного истоку нашей великой реки, также находящемуся в пределах Калининской области и умножающему славу нашего отечества.

Внимательное, повторное ознакомление с этими местами показало, как велик нанесенный ему ущерб и как своевременно сейчас принятие мер к предотвращению дальнейшего разрушения этого памятного места».

Далее приведена характеристика современного состояния всех берновских мест, среди которых следует специально остановиться всё на той же Кистеневской пустоши: «В Старом Глинкине еще живет легенда о том, что события, изложенные в романе „Дубровский", происходили в этих местах. Троекуров жил в Курове, Дубровский в Васильках, Верейский – в Васильевском. Не богатейший ли помещик-магнат князь Путятин, владелец Васильевского и обширных земель почти до Ильи Гор, отразился в нем? Маша ездила венчаться в Васильевскую церковь и на обратном пути была остановлена в пути разбойниками. Между Васильевским и Куровым расположена гряда лесистых холмов – Барские горы и Волчьи горы. В Барских горах сохранились следы старых укреплений, какого-то лагеря, а в лощине между ними – курганы»; «К Курову примыкает любопытная пустошь Костенево, или Кистенево (в двух-трех километрах от дер. Подолы, принадлежавшей курскому <!> помещику <...> Некоторые жители Подолов и Глинкина указывают, как упоминалось выше, на эту усадьбу как якобы бывшие владения Дубровского». Далее перечислены фамилии местных краеведов, пушкинистов-исследователей, собирателей и отмечен их вклад в пушкинское, краеведческое наследие. В заключение записки Г. Я. Ходаков предлагает ряд мероприятий (общим счетом 18).

В это же время Г. Я. Ходаков подготовил краткий вариант работы «Проезды и пребывание А. С. Пушкина в Тверской губернии». Этот проект М. А. Ильин направил 30 августа 1967 г. в Москву на оценку Т. Г. Цявловской, которая дала пространный отзыв с многочисленными замечаниями и уточнениями, в личном письме к М. А. Ильину от 24 декабря 1967 г. она советовала дать возможность Г. Я. Ходакову более пространно изложить свой материал. Кроме того, в письме Калининское отделение ВООПИК от того же числа она писала: «Горячо поддерживаю мысль о создании в доме в Бернове, в котором жил Пушкин, *Пушкинского музея*. Более того, считаю необходимым возбудить ходатайство об организации в местах, связанных с Пушкиным в Калининской области, *Пушкинского заповедника*»[20].

Пушкинская комиссии АН СССР в свою очередь обратилась в администрацию области с поддержкой тех предложений, которые выдвинул Г. Я. Ходаков и которые легли в основу докладной записки М. А. Ильина, о чем свидетельствует письмо председателя комиссии академика М. П. Алексеева к председателю исполкома Калининского областного совета депутатов трудящихся Ф. В. Казнову от 2 ноября 1967 г.[21] Менее категоричным, но всё же положительным было и решение председателя президиума Центрального совета ВООПИК В. Иванова. Очевидно, всё это повлияло и на решения местного начальства, потому что вскоре председателю совета Старицкого районного отделения ВООПИК В. Н. Спасской и Г. Я. Ходакову (копия) было направлено следующее письмо председателя совета Калининского областного отделения ВООПИК М. А. Ильина: «Областной Совет просит установить шефство над пушкинскими местами вашего района, изучить состояние этих мест и дать предложение для решения этого вопроса в областных организациях по улучшению сохранности и способах популяризации заповедных мест».

[20] ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 24.
[21] Там же. Ед. хр. 22. Л. 6.

А в 1968 г. на основе докладной записки М. А. Ильина, в которую были включены основные работы Г. Я. Ходакова, берновские места решением Калининского облисполкома были объявлены историко-природным заказником (решение № 179 от 3 июня 1968 г. «Об охране, использовании и благоустройстве историко-природного заказника в Калининской области, связанного с жизнью и творчеством А. С. Пушкина»).

Получив извещение о принятии этого решения, Г. Я. Ходаков отправляет его в письме от 14—15 июня 1968 г. к С. П. Орловой, которая через некоторое время стала первым директором Берновского музея Пушкина, а тогда заведовала сельской библиотекой: «С запозданием пересылаю Вам копию Постановления облисполкома об объявлении района Берновщины Пушкинским „заказником" (заповедником). Постановление состоялось 29 мая. Постарайтесь перепечатать это решение и вывесите это решение возле экспонатов выставки на видном месте в рамке (вместе со списком подлежащих охране мест). Список этот не полный... Нужно, чтобы в Бернове теперь был создан свой *Пушкинский совет* заповедника из представителей школы, сельсовета, библиотеки... Обсудите, какие еще забытые объекты не включены в список. Я включил бы еще пруд в Павловском (пушкинских времен) и остатки скотного двора, о котором поэт упоминает в „Онегине": не помню сейчас, есть ли такой старый двор в Павловском, а в Соколове такой двор был в прежние мои приезды. Не знаю, как теперь еще можно спасти от окончательного разрушения деревянную часовню в Малинниках. Она была при Пушкине в действии. В последний раз в 1965 г. я видел еще целым сруб с маковкой, но внутри всё уже было разломано. Надо сохранить, восстановить, что можно.

Зачитайте постановление ученикам в школе на общем собрании... Нужно, чтобы это историческое решение вошло в сознание каждого жителя, большого и малого.

В конце июня мне удастся побывать в ваших местах. Хочу собрать кое-какой материал в Старом Глинкине и заеду к вам, чтобы узнать новости и посмотреть состояние экспозиции. Будущий год юбилейный, и к нему нужно уже готовиться уже сейчас.

В этом году мы принимали здесь меры по активизации шефства над Берновским заповедником. Я просил Картинную галерею и библиографов областной библиотеки поздравить вас с пушкинским днем...

Теперь вас будут навещать официальные представители не только из Калинина, но и из Москвы. В этих условиях общественность Бернова должна как-то помолодеть и приосаниться, помогая Бернову всеми силами стать культурным центром не областного, а *всесоюзного, национального масштаба, вторым Михайловским.*

Да, и для вас и для меня это постановление — праздник. Поздравляю вас с этим решением. Прошу передать мои поздравления и всем товарищам — пушкинистам, любящим свою литературу и дорожащим историческими, памятными местами, в которых росла и крепла наша поэзия и проза в первой половине XIX века. Каждый: и житель Берново и др. пушкинских мест — сегодня именинник и, думаю, будет всячески стараться приумножить славу своего родного края, заботой о сохранении всего, связанного с именем великого поэта и поисками новых реликвий...» (письмо хранится в музее Пушкина в с. Бернове).

Совершив поездку в берновские места, Г. Я. Ходаков 16 августа 1968 г. пишет новый меморандум с перечнем тех конкретных действий, которые необходимы для организации Пушкинского заповедника:

«1. Необходимо поставить перед облисполкомом вопрос об изменении административной границы между Старицким и Торжокским районами с тем, чтобы дд. Богатьково и Старое Глинкино (в пределах колхоза „Красный передовик" или всего Богатьковского с/с) были включены в *Старицкий* район (недовольство выражается и д. Ладьино, искони находившейся в Старицком районе, с которым весь этот край больше связан проходящей здесь дорогой Старица — Высоковское — Берново). А Малинники должны быть из Дарьинского с/с переведены в Берновский с/с. Тогда весь заповедник будет в одних руках.

2. Необходимо от Общества по охране памятников, исходя из решения облисполкома, обратиться с предложением к областной библиотеке, библиотеке пединститута, областной картинной галереи, облархиву, облмузею — помочь высылкой в библиотеку-читальню Берновского с/с, где сейчас находится основная пушкинская выставка-экспозиция (одна стена), необходимых материалов для дальнейшего расширения экспозиции. <...>

В Берновском пушкинском музее должны быть представлены интерьеры (в копии) комнаты в Малинниках, воспроизведенных в Пушкинском Доме Академии Наук в Ленинграде. С этой целью нужно предпринять поездку (недели на две) в Ленинград, в пушкинский музей в

Пушкине, и в Московский пушкинский музей для выявления всего, что связано с жизнью и творчеством поэта в старицком уезде. Кое-что в этом плане может быть найдено и в окрестных деревнях, например, старинный самовар в Подолах, принадлежащий Панафидиным. Возможны предметы обстановки в Старом Глинкине (там был комод, зарисованный С. Л. Бычинским в 1936 г.). Нет ли в некоторых домах старых картин. <...>

Нечего откладывать это в дальний ящик. Общий план экспозиции будет составлен только после всех этих обращений, контактов и других видов поисков материала»[22].

3

Последний этап активной работы Г. Я. Ходакова над пушкинской темой относится к 1969—1970 гг., когда началась работа над созданием музея. В книге воспоминаний А. З. Крейн, директор Государственного музея А. С. Пушкина в Москве, пишет: «В 1967 году организации Калининской области обратились в наш музей наполовину за советом, наполовину с просьбой о помощи: речь шла о создании нового музея Пушкина в селе Берново Старицкого района. Мы отнеслись к этой идее с осторожностью. Планы казались попыткой не только негодными, но вообще без всяких средств.

— Вы же начинали с нуля, — это был их основной довод.

Но на сей раз он нас мало убеждал. Никто у нас не занимался темой „Пушкин в Тверском крае", и мы не представляли, что может лечь в основу такого музея. Кроме того, идея музея в селе, куда даже приличной дороги нет, казалась по меньшей мере необдуманной.

Мы изложили наши соображения, воздержавшись в то время от обещаний. Но мысль о создании пушкинского музея у калининчан оказалась сильнее обстоятельств и возражений. Вероятно, немалое значение имела организация Всесоюзного пушкинского праздника поэзии у соседей в Псковской области, в Пушкинском заповеднике. Идея музея развивалась, находила всё больше сторонников в области и перевоплощалась в идею более широкую: в план благоустройства Пушкинских мест, охраны природы, наконец, план „Большого Пушкинского кольца", охватывающего все места пребывания поэта в Тверском крае — перспективный туристический маршрут, крупномасштабное культурное начинание»[23].

Следует указать, что московский музей Пушкина направил в калининский ВООПИК письмо от 25 ноября 1967 г., в котором «выразил сомнение в целесообразности организации пушкинского музея и превращении пушкинских мест Старицкого района в заповедник, ибо музей – это собрание художественных ценностей, реликвий, мемориев, которыми данные места не располагают»[24].

Об этой настороженной (или боящейся конкуренции?) реакции А. З. Крейна (и большинства москвичей) вспоминает и Л. А. Казарская, старший научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея: «С одной стороны, он очень заинтересовался. С другой — засомневался, усомнился и слегка обиделся. Как это в какой-то деревне Берново, в глуши, за 250—300 км от Москвы музей А. С. Пушкина? Что это за музей в деревне Берново? <...> Тема о пребывании и посещении Пушкиным этих мест — это тема совсем не изучалась, или была изучена, но известна широкому кругу людей совсем мало. Исключение составляют статьи, доклады и работы Колосова, Иванова, Фессалоницкого, Вершинского, Модзалевского, Цявловских, Теребениной, Павлова и некоторых других авторов. Считалось, что нельзя всё знать. Годы 1828—1829 и 1833 выпали из поля зрения и их по инерции приписывали ко времени пребывания А. С. Пушкина в Михайловском». О том же пишет и В. Ф. Кашкова: «Что мы об этом тогда знали? Немного. Статей на эту тему почти не было, книг с 20-х годов, после Иванова и Фессалоницкого, никто не писал <...> Правда, были главы о Пушкине в книгах Н. П. Павлова, но всё это уже стало большой редкостью. В школах о пребывании Пушкина на нашей земле знали лишь счастливчики, да и Калининский университет только начинал разрабатывать темы, связанные с поэтом»[25].

Вот в таких условиях начала подготовка первой Пушкинской конференции, которая состоялась в Бернове и Старице 5—6 июня 1970 г. Получив приглашение участвовать в ней,

---

[22] ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 26—28.

[23] *Крейн А. З.* Жизнь музея. М.: Советская Россия, 1979. С. 161—162.

[24] ТЦДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 11.

[25] *Кашкова В. Ф.* Я к вам лечу воспоминаньем...: Рассказы. Очерки. Литературоведческие статьи. Поэтические новеллы. Тверь: Тверское обл. кн.-журнальное изд., 1997. С. 42.

Г. Я. Ходаков писал 8 апреля 1970 г. ответственному секретарю Калининского отделения ВООПИК С. Б. Смирновой: «Приму самое активное участие в поездке в Берново в указанный Вами срок, рассчитывая пробыть там 5 дней (с 5 до 10 июня). За эти дни обойду еще раз „темные" для меня „углы" заповедника, соберу дополнительный материал для книжки». Далее Г. Я. Ходаков перечислил темы выступлений, фамилии краеведов, работавших над пушкинской темой и примерный план предстоящей конференции. В заключении он писал: «Все материалы этой первой пушкинской конференции должны быть отражены подробно не только в протоколах (в *2-х* экземплярах), но и в непременных фотоснимках и пр. К конференции нужно подготовить решение о ежегодных слетах в Бернове и пр.»[26]

А. З. Крейн так вспоминал об этом: «В начале лета 1970 года мы получили приглашение принять участие в научной конференции на тему „Пребывание Пушкина в Тверском крае". От Московского Пушкинского музея выехала на конференцию С. Т. Овчинникова. После этой поездки она, да и весь наш музей на многие годы стали причастны к делу воссоздания пушкинских мест в Тверском крае». Сама же С. Т. Овчинникова писала об этом так: «Я поехала в командировку в какое-то весьма смутно мне неизвестное село Берново на пушкинскую конференцию, но, видимо, более всего для того, чтобы решать — делать там пушкинский музей или нет.

На Берновской Пушкинской конференции выступали местные почитатели поэта: писатели, учителя, краеведы. Говорили о Пушкине, о его связи с Тверским краем. Говорили горячо, восторженно, даже, я бы сказала, агрессивно. Создавалось впечатление, что вот здесь-то, в Тверской губернии, и находился главный источник пушкинского вдохновения. Краеведы ясно давали почувствовать, что знаменитые Михайловское и Болдино приобрели энергичных и убежденных соперников. А главное — это я поняла уже позднее — в этих преувеличениях была большая доля правды»[27].

Перейдем теперь к выступлению на конференции Г. Я. Ходакова. Тут мы имеем два ряда достаточно противоречивой информации.

Вот воспоминания одной из участниц этой конференции профессора Тверского университета А. В. Гончаровой: «5 июня 1970 года. Первые пушкинские чтения в Берново. Мне было 42 года. Он, Георгий Ходаков, действительно выступал! И как выступал!!! Он же страстным был пушкинистом, и говорил, рассказывал, как всегда очень эмоционально, энергично и активно, о связях Пушкина. Очень хорошо помню заключительные слова. Он очень разошёлся, а сцена была очень маленькая, крепко, крепко топнул ногой и сказал: „И все-таки корни, все основные параметры творчества надо искать именно здесь". Он был абсолютно, совершенно уверен в этом». Мы помним, что раньше берновские места должны были стать, по предположению Г. Я. Ходакова, «*вторым* Михайловским», «*вторым* Болдиным». Теперь они становятся первым пушкинским местом, первее Москвы и Петербурга. Это очень характерное для провинциального сознание явление, когда претензия «младшего брата» сменяется геополитической претензией «центра мира»[28]. Для нас в данном случае не принципиально, что одна мифологема сменила другую. Для нас важнее, что сам принцип мифологического мышления в сознании Г. Я. Ходакова не изменился, и этот принцип поневоле должен был вступать в противоречие с другими принципами в краеведческой работе. Назревал конфликт, избежать которого было уже невозможно.

Далее А. В. Гончарова передает содержание доклада: «На памятной пушкинской конференции 5—6 июня 1970 года в Берново и Старице Георгию Яковлевичу дали выступить. В своем эмоциональном выступлении, касающемся повести „Дубровский", он связывал всех действующих лиц, даже Верейского, ассоциативно с героями и прототипами (крестьян, дворян) <!> Берновской волости. Образы героев и всех тех событий, которые происходят в повести, связаны с этими краями (местами). Он анализировал, вспоминая содержание, и не только самого Дубровского, но и образ сторожа Архипа, образ самого благородного разбойника Дубровского; и те события (в частности, пожар), что происходят в повести, имеют именно Берновские корни.

Заканчивая свой рассказ-доклад (а слушать его было очень интересно, но утомительно долго) и поэтому уже чувствуя, что дальше нельзя, он вышел на середину сцены и сказал: „Я

[26] ТГДНИ. Ф. 3263 (архив ВООПИК). Оп. 1. Ед. хр. 97.

[27] *Крейн А. З.* Жизнь музея. С. 162—163.

[28] См. об этом: *Строганов М. В.* Литературное краеведение: Учебное пособие для студентов филологических факультетов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. С. 32—39.

всё-таки уверен, что сам образ Дубровского сложился у Пушкина именно здесь, — и топнул ногой, — и поэтому он имеет искони Берновские корни", — сказал в заключении Георгий Яковлевич».

А. В. Гончарова продолжала: «Я этого нигде не встречала до него. Мой педагог Н. П. Павлов говорил мне, что вот чувствуется, что вы внимательно изучили произведение „Дубровский" и излагаете его, особенно влюбляясь (влюблённо) в Дубровского. Когда я готовилась к этому докладу-сообщению, учась в институте, я нигде ничего подобного не встречала. Это факт. Никаких намеков, что это было здесь, в Берновских местах.

Доклад он говорил на память. Я не помню, чтобы была бумага в руках у Георгия Яковлевича.

Он один из главных основоположников темы пушкинского возрождения на Тверской земле, в Тверском Верхневолжском крае».

Как видим, согласно воспоминаниям А. В. Гончаровой, Г. Я. Ходаков делал доклад о романе «Дубровский», основанный на тех самых реалиях, которые он открыл во время одной из своих экспедиций.

Однако в старицкой газете «Верный путь», где был напечатан отчет о конференции, говорилось, в частности, иное: «Известный в области краевед Г. Я. Ходаков, участник экспедиции по изучению пушкинских мест (1936 г.) в своем выступлении рассказал о путях-дорогах А. С. Пушкина в Тверском крае. Свой рассказ он иллюстрировал на им самим очень хорошо выполненной карте»[29].

О том, что темой выступления Г. Я. Ходакова были тверские дороги Пушкина, вспоминает и В. Ф. Кашкова: «Г. Я. Ходаков предполагает, что Пушкин в августе 1833 года мог ехать из Торжка в Ярополец через Сукромлю — Страшевичи — Нивы. Это может быть правдой. Надо посмотреть старые карты — обдумать!»[30] Впрочем, как видим, В. Ф. Кашкова называет только один из маршрутов, причем боковой и не самый актуальный для того времени.

Итак, перед нами две версии выступления Г. Я. Ходакова. По тем временам два выступления на одной конференции докладчик сделать не мог, это нарушало регламент, а все выступления были еще и заранее санкционированы, и программы конференций проходили через цензуру. Значит, мы должны выбрать из двух версий одну. Как мне кажется, версия А. В. Гончаровой ошибочна: мемуаристка передает какое-то другое выступление Г. Я. Ходакова, которое оставило в ее памяти неизгладимое впечатление. Версия же корреспондента газеты и воспроизведенная В. Ф. Кашковой запись из блокнота, сделанная на самой конференции, на этом фоне выглядят более убедительно.

К тому же ту же самую тему доклада Г. Я. Ходакова называет и еще один участник этой конференции, директор музея С. Д. Дрожжина Леонид Андреевич Ильин, хотя он указывает уже на то, что Г. Я. Ходаков в центр внимания поставил магистральную тему пушкинских дорог по тверскому краю, тему «кольца»: «Не оставляет меня желание хоть несколько слов сказать о Г. Я. Ходакове дополнительно. Дело в том, что он не только поведал о своих былых увлечениях Пушкиным, но и всех в зале покорил изготовленной им картой населенных пунктов нашего края, в которых бывал поэт. Поясняя чертеж, Ходаков сделал правой рукой убеждающий круг по линии Тверь — Грузины — Берново — Малинники — Старица — Тверь и сказал:

— Получается кольцо поездок Пушкина по Тверской губернии!..

Когда по завершению чтений Ходаков вышел на улицу, он сразу же был остановлен массой желающих получше ознакомиться с его картой. И в этой шумливой и подвижной толпе уже не раз слышалось эмоциональное и четкое словосочетание „Пушкинское кольцо"!

С тех пор меня и сверлит убеждение, что Берново — родина и этого чудесного двусловия, которое быстро стало крылатым и за какие-то два-три года облетело чуть ли не всю Землю!»[31]

Об этой карте, материалы к которой сохранились в личном архиве Г. Я. Ходакова под названием «Проезды и пребывания А. С. Пушкина в Тверской губернии (объяснительный текст к карте)», необходимо сказать подробнее. На ней мы видим перечень проездов Пушкина по тракту Москва — Петербург (именно эта тема станет потом главной для музея Пушкина в Торжке). Между тем тема пушкинских дорог волновала Г. Я. Ходакова, как мы видим из ин-

---

[29] *Ильина Ф., Борисов М.* «К нему не зарастет народная тропа...» // Верный путь (Старица). 1970. 13 июня. В тексте статьи экспедиция ошибочно датирована 1930-м г.

[30] *Кашкова В. Ф.* Рядом и далеко. С. 93; ср.: *Кашкова Валентина. Я к вам лечу воспоминаньем...* С. 43.

[31] *Ильин Леонид.* Пушкинское кольцо. Как всё начиналось // Вся Тверь. 1999. № 24 (59). 4 июня. С. 3. Впервые (очень коротко) об этом см.: *Ильин Л.* У истока праздника // Смена (Калинин). 1981. 9 июня.

терпретаций его выступления на конференции, во всей своей полноте. Он совершенно справедливо чувствовал огромное эвристическое значение этой темы, потому что в зависимости от того, как мы поймем маршруты человека, зависят и наши представления о его жизненных впечатлениях. В этом отношении очень важны были две статьи Г. Я. Ходакова 1970 г. (вне зависимости от того, насколько точны его конкретные наблюдения и окончательные выводы) о проездах Пушкина через Тверь[32] и о посещении им Погорелого Городища[33]. Среди рукописных материалов Г. Я. Ходакова сохранился набросок карты проездов Пушкина от Бернова до Яропольца двумя маршрутами, которые (при разных уточнениях) сохраняют свое значение и в наше время.

После этой конференции вопрос о создании в Бернове Пушкинского музея перестал быть проблемой. Началась реальная подготовка к созданию музея, чему и была посвящена, видимо, последняя экспедиция Г. Я. Ходакова, которая состоялась 1—10 июля 1970 г. Содержание ее нам пока неизвестно. Но как и следует полагать, всё в это время сводилось к подготовке создания музея Пушкина в Бернове. Л. А. Казарская вспоминает: «Летом 1970 года встал вопрос о создании музея Пушкина в Берново силами тверских музееведов-краеведов. В это время и происходит несколько моих памятных встреч с Г. Я. Ходаковым. Он активно работал и сотрудничал с нами в создании Пушкинского музея.

Я его характеризую как пушкиниста-любителя, не связанного временем (не ограниченного во времени). Это был отлично подготовленный теоретически человек, у которого всё было разложено в голове по полочкам. Я человек-практик, которая должна, прежде всего, продумать и определить что, где и зачем (с соответствующим комментарием) должно стоять, находиться, экспонироваться.

Георгием Ходаковым был написан и предложен перспективный, тематическо-экспозиционный план музея, описания того, что должно быть на этих стендах и полках. Он обсуждался и в Москве, и в Твери. Возникали непонимание, несогласие, иной раз взрыв эмоций. Георгий Яковлевич мог мгновенно „вспыхнуть" в несогласии с высказанной мыслью. Но самое главное, что это все-таки не мешало главному — делу продвижения и создания пушкинского музея в Берново.

Я знала, что он неоднократно ездил в пушкинские экспедиции. Он был человеком редкой любознательности, но... больше теоретик. То, что было в голове... И все-таки он отлично помогал, был компетентным человеком и очень оригинальным».

Мы могли бы скромно отставить в сторону указание Л. А. Казарской на вспыльчивость Г. Я. Ходакова. Однако эта черта характера на самом деле имела место, во всяком случае о том же пишет и Н. А. Фадеева. Эту вспыльчивость можно легко обнаружить и в письме Г. Я. Ходакова к М. А. Ильину, которое мы приводили выше. И в нашем деле эта черта характера имеет очень большое значение. Всю жизнь Г. Я. Ходаков вынашивал идею создания пушкинского музея в Бернове, идею пушкинского заповедника. Всю жизнь он пробивал эту идею через непроходимые заторы административных и партийных работников. И никто его не поддерживал, никто ему не помогал. Вполне возможно, что он совершал и ошибки в своих поисках и построениях, но ошибается только тот, кто ничего не делает. Ему не с кем было посоветоваться, он везде шел один.

И вот появился целый штат работников, которые стали делать музей. И в этом штате для самого Г. Я. Ходакова места не нашлось. И появиться такое место не могло: человек он был уже престарелый и закосневший в своих убеждениях, которые считал неопровержимыми. У него в голове сложился четкий и ясный для него самого план музея. Но мы знаем, что любая идея при своем воплощении претерпевает массу изменений, становясь подчас просто неузнаваемой. Г. Я. Ходаков не хотел этого признавать и смиряться с этим. Так и возникал конфликт «теоретика» и «практика», о которой пишет Л. А. Казарская.

---

[32] *Ходаков Г.* Проезжая через Тверь // Смена (Калинин). 1970. 24 ноября. Машинопись статьи более пространна и называется «Пушкин в Твери».

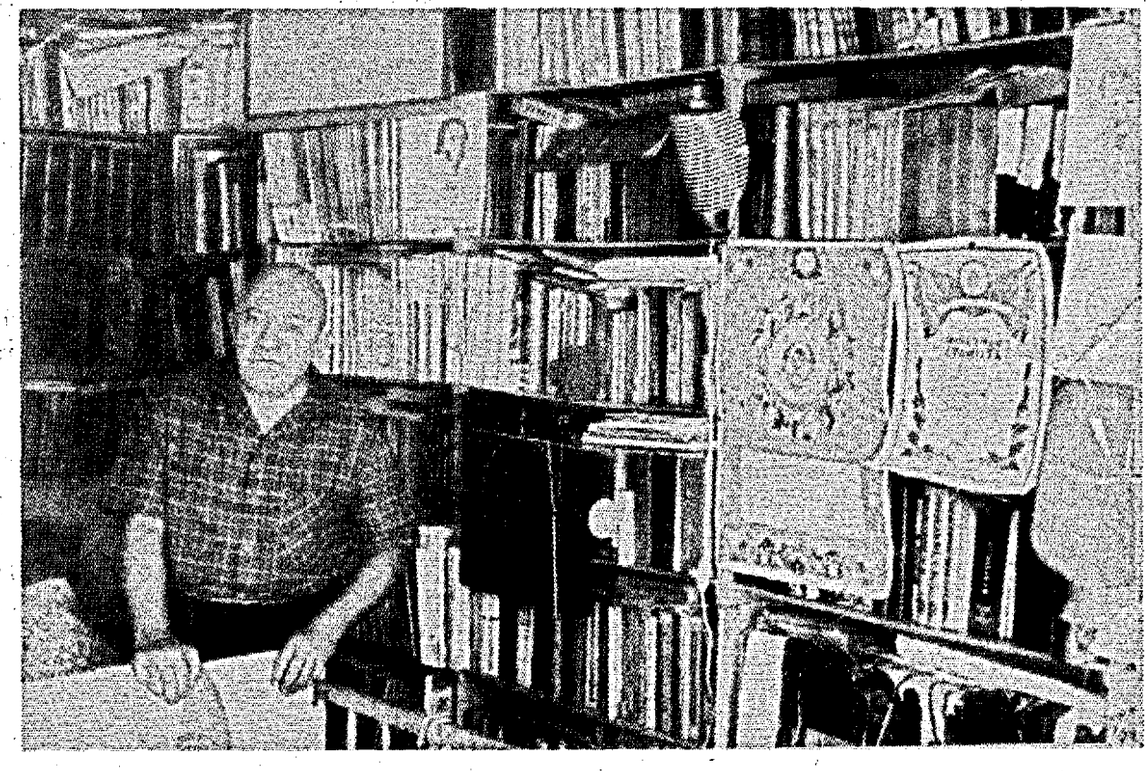
[33] *Ходаков Г.* А. С. Пушкин — в поселке Погорелое Городище // Ленинский путь (Зубцов). 1972. 12, 15 февраля. Наше мнение по этому вопросу и полемику вокруг него см.: *Строганов М. В.* О том, как Гаврила Пушкин сжег Погорелое Городище, а Александр Пушкин написал о том // Строганов М. В. Две старицких осени Пушкина: Литературоведческие очерки. Тверь, 1999. С. 62—82; *Кутейников С.* Солнце русской поэзии над Погорелым Городищем // Зубцовская жизнь. 2000. 2 июня, № 62—63. С. 1; *Кузнецов В.* А был ли Пушкин? (несколько замечаний по поводу одной работы одного ученого) // Зубцовская жизнь. 2000. 2 июня, № 62—63. С. 2; 16 июня. № 67—68. С. 6; 27 июня. № 72. С. 2. Полемика продолжается.

Документ, который Л. А. Казарская называет «перспективным, тематическо-экспозиционным планом музея, описанием того, что должно быть на этих стендах и полках», сохранился в личном архиве Г. Я. Ходакова под названием «Темы музея в Бернове и группы экспонатов, которые требуется искать» (1970—1971 гг.). Именно он и лег, по ее же воспоминаниям, в основу проекта экспозиции музея, как бы потом он ни изменялся и как бы далеко от этой «теоретической» идеи не ушло его «практическое» воплощение.

Это было вполне естественно. Ведь, по воспоминаниям С. П. Орловой, Г. Я. Ходаков, «пройдя по всем тропинкам и дорожкам, продолжил и закончил выстраивать изобразительный пушкинский ряд, составил список всех произведений Пушкина, написанных поэтом в Малинниках, Павловском и окрестностях, в которых нашли отражение местный (Старицкий) пейзаж, черты местного, помещичьего и крестьянского быта, образы помещиков и членов их семейств. Он первым выстроил изобразительный ряд в будущем Пушкинском музее. Он был для нас интеллектуальной элитой».

В 1971 г. музей в Бернове был открыт. Газета «Калининская правда» писала об этом событии: «Горячее участие в создании нового музея приняли наши краеведы, почитатели поэзии Пушкина. От краеведа Г. Я. Ходакова, оказавшего большую помощь музею своими знаниями, получены материалы экспедиции по пушкинским местам 1936 года»[34]. Но сам Г. Я. Ходаков уже отошел от пропаганды пушкинской темы. У него обострился конфликт с новым директором областного музея И. М. Бружеставицким, и он был уволен с работы из музея. Этот конфликт, как мы уже сказали, был неизбежен: мифологическое мышление вступало в противоречие с рационалистическим. Кроме того, отношения обострял и возраст: в 1971 г. Г. Я. Ходакову исполнилось 70 лет, а поскольку многие его гипотезы и предположения не были приняты, стали формироваться и обиды.

Начиная с 1970 г. пушкинская тема перестает быть темой эзотеричной. Она открывается для любого интересующегося человека, для любого профана. Посвященные в таинства бернов-ских мистерий выглядели архаично. Это был новый этап в развитии краеведческой пушкинистики.



Г. Я. Ходаков

[34] *Казарская Л.* На встречу с Пушкиным... // Калининская правда. 1971. 22 сентября.

О. Л. Францев

Роль Русского географического общества в становлении отечественной этнографии

Русского географическое общество было образовано осенью 1845 г. Этот год можно рассматривать как начало нового этапа развития русской этнографической науки. Раньше единственным учреждением, занимавшимся этнографическими исследованиями, была Академия Наук, которая проделала огромную работу в этой области в XVIII в., но в первые десятилетия XIX в. заметно ослабила свою деятельность. Кроме того, Академия была исключительно официальным учреждением, весьма мало связанным в то время с русской общественностью.

Обстоятельства организации Русского географического общества подробно излагал впоследствии П. П. Семенов – один из старейших и заслуженных его деятелей. По его словам, идея создания Географического общества зародилась и была поддержана одновременно в четырех разных кружках русской общественности. Первым среди них следует назвать кружок «мореходов»: Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель, П. И. Рикорд. Вторым был «академический» кружок: антрополог К. М. Бэр, астроном В. Я. Струве, геолог Г. П. Гельмерсен, статистик П. И. Кеппен. Третий, «военный», кружок составили офицеры Главного штаба: Ф. Ф. Берг, М. П. Вронченко, М. Муравьев. Наконец, четвертый кружок составили молодые русские ученые, не относящиеся к Академии: географ К. И. Арсеньев, путешественник Платон Чихачев, этнограф В. И. Даль, литератор В. Ф. Одоевский[1]. Можно спорить о правильности такой группировки инициаторов и первых адептов Географического общества, но бесспорен тот факт, что идея организации общества носилась в воздухе и находила отклик в разных слоях русской общественности.

К ней благожелательно отнеслось и правительство. Император Николай I дал согласие на создание Географического общества и положил ему от государственного казначейства ежегодную субсидию в 10 тысяч рублей. Вскоре Общество стало официально именоваться Императорским, то есть государственным. И в самом деле, вся последующая деятельность РГО протекала по большей части в контакте с правительственными учреждениями. Во главе Общества официально стоял один из великих князей. Однако вопреки этому почти казенному облику Географического общества, оно всё же оставалось именно обществом и сумело опереться на прогрессивные силы русской общественности.

Учредительное собрание Общества состоялось 19 сентября 1845 г. на квартире у В. И. Даля, а первое официальное собрание – 7 октября в здании Академии Наук. В Обществе было создано четыре отделения: общей географии, географии России (эти два отделения вскоре слились), статистики и этнографии.

Этнография сразу заняла почетное место в системе РГО, недаром в его организации видное участие принимал этнограф В. И. Даль. По-видимому, именно В. И. Даль и составил «докладную записку» о создании Географического общества: в этой записке как раз подчеркивалось особое значение этнографического изучения России: «Сия последняя сторона вопроса, т. е. познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание общества по следующим причинам: 1) по быстроте, с которой изглаживаются отличительные черты народности; это порождает опасение, что важные для отечественной истории сведения и события, кои теперь могли бы еще быть сохранены, через немногие десятилетия погибнут невозвратно; 2) по великой важности законов сего рода для антрополога и историка, важности всеми признанной и подавшей повод к учреждению особых этнографических обществ в Германии, Франции и Англии; 3) потому, что в России, представляющей богатейшее поле для исследований сего рода, ими ранее чрезвычайно мало занимались. Между тем как сведения об этом

[1] *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1. С. 1–3.

государстве в географическом, физическом, статистическом и других отношениях со времени императрицы Екатерины II чрезвычайно много подвинулись вперед, то, напротив, к изысканиям Палласа, Лепехина и Георги относительно туземных племен прибыло весьма немного. Разрабатыванием этого поля Общество, несомненно, бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бывают необходимы»[2].

Как указывает и сам В. И. Даль, ко времени организации РГО аналогичные общества уже существовали в некоторых других странах: в Париже (с 1819), во Флоренции (с 1828), в Дрездене (с 1830), в Лондоне (с 1830). Но ни в одном из них этнография не занимала такого видного места, как в Русском географическом обществе.

Руководство в отделении этнографии в первые годы принадлежало академику К. М. Бэру, одному из учредителей Общества, видному ученому-антропологу, однако консервативно настроенному. Он преимущественно занимался изучением малых народов, а эпоха, рост общественного интереса к народности требовали, чтобы основное внимание было направлено на изучение самого русского народа. Во главе группы, которая выражала эту последнюю тенденцию, стоял Н. И. Надеждин, в нее входили В. И. Даль, И. И. Срезневский, П. С. Савельев, В. В. Григорьев. Борьба молодой «русской» партии против старого руководства («немецкой» партии) кончилась победой первых. Сам К. М. Бэр, сознававший, что ему при недостаточном знании русского языка трудно руководить отделением этнографии в его новом направлении деятельности, устранился в конце 1848 г. от руководства, и во главе отделения стал Н. И. Надеждин[3].

Новое направление ставило себе задачей изучение не только прошлого, но и современного народного быта. Патриотическая идея – изучение России для блага России – сочеталась с идеей, пусть пока смутной, служить интересам русского народа. «Общество наше называется не просто только Географическим, а *Русским* Географическим обществом», – говорилось в Отчете ИРГО за 1850 год. «Имя *Русского*, обязывает его *к особому ее* <деятельности Общества> *направлению*. Дело в том, что куда бы ни обращалось наше внимание, где бы ни устанавливались наши работы – в России ли или вне России – *везде и всегда* это должно быть *для России*, имея в виду *Россию*»[4].

Деятельность отделения этнографии с самого начала приняла широкие размеры. Она шла по нескольким направлениям. Одним из них было привлечение широкой общественности по всей стране к планомерному собиранию этнографического материала.

Уже в 1847 г. был составлен и разослан во многие места «циркуляр» – программа для собирания этнографического материала. Уже в 1848 г. она была значительно расширена. Общество обратилось ко всем русским образованным людям с призывом присылать описания отдельных местностей. Этот призыв не остался без отклика. Начали поступать сотни монографических описаний быта, обычаев, материальной и духовной культуры отдельных районов, волостей, деревень. Уже к 1850 г. в руках руководителей Общества скопилось около 600 таких отдельных монографических описаний, а еще через несколько лет число их возросло до 2 тысяч. Разбор и разработка этнографических материалов были поручены Н. И. Надеждину и К. Д. Кавелину. С 1853 по 1864 г. были опубликованы лучшие из присланных описаний в виде серии «Этнографических сборников» (всего шесть выпусков). В трех первых (1853—1858) было помещено 24 местных описания из разных русских, украинских, белорусских, а также литовских губерний. Содержание трех последующих сборников (1858—1864) было несколько иным: круг этнографических материалов был расширен, большинство статей касалось уже не отдельных местностей, а крупных этнических групп, даже целых народов, либо специальных этнографических тем. После этого вместо «Сборников» стали издаваться (с 1867 г.) «Записки ИРГО по отделению этнографии».

---

[2] *Берг Л. С.* Русское географическое общество за сто лет. М.; Л., 1946. С. 33–35.

[3] *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 38; *Степанов Н. Н.* Русское географическое общество и этнография // Советская этнография. 1946. № 4. С. 191—192.

[4] Отчет Императорского Русского географического общества за 1850 год. СПб., 1851. С. 4.

Разнообразные этнографические материалы печатались также в других изданиях Географического общества, в частности, в «Записках Императорского Русского географического общества» (1846—1859 и 1861—1864). С 1867 г. «Записки» стали издаваться по отделениям: в «Вестнике Императорского Русского географического общества» (1851—1860), в «Известиях Императорского Русского географического общества» (с 1865 г.). Сюда попадали и материалы, присылавшиеся по известной уже нам программе, и всякие иные. Общество издавало этнографические труды также и отдельными книжками.

Одним из интереснейших изданий РГО за те годы был сводный труд по этнографии всех народов России. Эта работа была составлена членом РГО де Паули и издана, к сожалению, только на французском языке.

Книга составлена, как указано в предисловии, преимущественно по материалам РГО, причем автору помогали многие члены Общества: П. И. Кеппен, Ф. И. Видеман, М.-Ф. Броссе, П. И. Лерх и др. Книга состоит из солидно написанных этнографических очерков об отдельных народах, с обстоятельным описанием разных сторон жизни народа, притом его разных общественных классов, с историческими данными. Система расположения материала в целом отвечает современным представлениям: сначала описаны славянские народы (восточные славяне все вместе, под именем русских; этот очерк наиболее обстоятелен), затем литовские, латинские (румыны, или валахи), иранские (куда попали армяне), отдельные индоевропейские «группы» (немцы, шведы, греки, евреи, народы Кавказа, самоедские народы (отдельно – енисейские остяки), финские (с включением угорских), татарские, монгольские, тунгусские, народы Восточной Сибири (т. е. палеоазиатские), народы Русской Америки. Книга снабжена 62 рисунками с натуры, этнографической картой (Европейская Россия – по карте П. И. Кеппена, о которой см. ниже, карта Азиатской России составлена Эркертом), а так же таблицами численности населения по народам и по губерниям.

Приходится пожалеть, что эта книга не появилась на русском языке и вообще осталась малоизвестной (о ней не упоминается даже в обстоятельном обзоре деятельности РГО у П. П. Семенова), представляя теперь большую библиографическую редкость.

Отделение этнографии с первых же лет приступило к созданию этнографического музея. Этот небольшой музей ежегодно пополнялся за счет пожертвований и сборов во время разных экспедиций. Поставить дело шире не позволяли средства и помещение, да и сама потребность в большом этнографическом музее, видимо, тогда еще не назрела. В 1858 г. руководители Общества, поставили вопрос о создании всероссийского этнографического музея, но эта инициатива по тем же причинам заглохла. Несколько позже, в 1863 г., отделение этнографии составило даже довольно подробную программу собирания предметов для этнографического музея[5]. Программа эта, тщательно составленная, свидетельствовала уже о зарождении более серьезного интереса к народной материальной культуре. Рассылка программы несколько усилила приток пожертвований экспонатов в музей, но тут инициативу по созданию всероссийского этнографического музея перехватило московское Общество любителей естествознания.

Одним из больших достижений Географического общества в первые же годы его деятельности было составление, и издание первой этнографической карты нашей страны. Это дело задумал и выполнил П. И. Кеппен, возглавлявший в Обществе отделение статистики. Уже в апреле 1846 г. Совет Общества утвердил представленный П. И. Кеппеном план издания этнографической карты Европейской России и отпустил на это средства. П. И. Кеппен собрал обширный этно-статистический материал по всем губерниям Европейской России, получая этот материал с мест от должностных лиц и сведущих людей, дополняя его официальными статистическими данными и собственными многолетними наблюдениями[6]. Этнографическая карта была в черновом варианте готова уже в 1848 г. и выпущена в свет в 1851 г.

[5] *Семенов П. П.* История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч. 1. С. 181, 182.

[6] П. И. Кеппен (1793—1864) был адъюнктом по статистике при Академии Наук (с 1837 г.). Для этнографии имеет значение работа: *Кеппен П. И.* О происхождении, языке и литературе литовских народов // Кеппен П. И. Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. Т. 3.

На карте, изданной на четырех листах (масштаб: 1 дюйм = 75 верст), области расселения русских, украинцев и белорусов оставлены не закрашенными. Места же расселения других народов показаны во многих случаях довольно точно, но на окраинах страны неполно[7]. Карту дополняли очень интересные статистические таблицы численности «инородцев» с разделением по губерниям. В том же году появилось второе издание карты, а в 1855 г. вышло и третье издание.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что рождение Русского Географического общества стало началом новой эпохи в развитии отечественной этнографии. Создание Географического общества позволило наладить связь российской этнографической науки с общественностью (военными, литераторами, учеными, предпринимателями) и приобрести в свои ряды широкие круги русских образованных людей, а также поставило Россию в этом отношении в один ряд с западноевропейскими странами.

[7] Карта Европейской России. СПб., 1852.

В. В. Цыков

Из истории этнографического изучения Тверского края

Тверская земля издавна была богата краеведческими традициями. Пожалуй, первым тверским краеведом следует считать Диомида Ивановича Карманова, чья творческая деятельность пришлась на вторую половину XVIII в. В начале XIX в. одним из наиболее ярких представителей тверского краеведения становится Ф. Н. Глинка. В 1810—1811 гг. он совершает свое первое путешествие по России, в том числе и по Тверской губернии, а в 1830 г., оказавшись в Твери, навсегда связывает свою судьбу с краеведением.

Но, помимо исследователей-краеведов, следует назвать и исследователей-этнографов, среди которых выделяется некто А. Н. (1853). К сожалению, нам не удалось установить эту личность, хотя такие попытки предпринимались не только автором данной статьи, но и такими маститыми специалистами, как В. В. Богданов и Д. Н. Ушаков[1]. Вот что пишет А. Н. о нравах и времяпровождении новоторжской молодежи: «А в Торжке на стройных новоторжках Аннушках прежде всего увидите шубейки, обыкновенно из черного бархата, отороченные газом с бесчисленными сборками назади, с двумя прорезями; в правый прорезь проходит правая в пышно поднятый коленкоровый рукав одетая рука, между тем как левая, прихватив край, окутывает плечо и половину лица, потому что новоторжка не хочет показывать своего подбородка». Далее он отмечает, что стоит только приехать в Торжок вечером, «чтобы их видеть, когда все собираются к какому-нибудь дому, где приделаны нарочно для них лавочки, когда новоторжские молодцы (по-ихнему щалованцы), собравшись к ним, смело сажают их к себе на колени и без всяких церемоний целуют. Честь и слава той, около которой более увивается щалованцев, и горе той, у которой нет ни одного из них». А. Н. отмечает также, что новоторы — очень ловкий и плутоватый народ: «недаром существует в Тверской губернии поговорка, что „новоторы — воры“»[2].

Помимо этого, А. Н. в Торжке зафиксировал обряд так называемой свадьбы «уходом»: «Не многим, например, известно, что там ведется еще обычай венчаться не иначе, как увозя невесту, — а после приехать и просить прощения у отца и матери с жениховой и невестиной стороны. Приехав к дому, молодые сперва становятся просить прощения против окна, потому что ворота заперты; выглядывает в окно отец или мать, спрашивает, что им нужно, и, узнав в чем дело, говорит: „Нет, нет, нет!“ и снова затворяет окно. К утешению молодых остается только то, что запор с ворот снимается, и они снова должны встать на колени на крыльце. Тогда дражайшие родители, которые сами снаряжали того и другого к венцу, поломавшись и почванившись досыта, объявляют великодушное прощение и вводят молодых в комнаты, где уже приготовлен пир на весь мир»[3]. Такой вариант свадьбы обычно применялся тогда, когда родители одной из сторон не давали разрешения на брак. Кроме того, эта форма свадьбы применялась тогда, когда родители не могли или не хотели давать приданного за похищенной девушкой. А поскольку из сообщения А. Н. видно, что родители не противились союзу молодых, то здесь мы, скорее всего, имеем дело со случаем такой экономии или превращением давней традиции в формальный обряд. Впрочем, такой вид свадьбы в Новоторжском уезде не стал преобладающим, хотя, несомненно, он был распространен здесь гораздо шире, чем у соседей, поэтому сразу бросался в глаза наблюдателю. Косвенно это подтверждают материалы Верхневолжской этнологической экспедиции и материалы экспедиции Первого МГУ.

Эти экспедиции зафиксировали в 1920-х гг. обряд свадьбы «уходом», но он бытовал уже только как реликт. Местные старожилы назвали следующие его причины: 1) отсутствие согласия родителей на брак, 2) бесприданность невесты, 3) нежелание тратиться на свадебный пир (при свадьбе «уходом» все торжества можно было провести гораздо скромнее), 4) «из интересу», то есть формально действие может быть выполнено уже даже без осознания его смысла[4].

---

[1] Архив Российской Академии Наук. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 1.

[2] *А. Н.* О Бежецком уезде и теблешанах // Московитянин. 1853. Ч. 4. № 16. Август. Кн. 2. С. 194—195.

[3] Там же. С. 196.

[4] Архив Института истории материальной культуры (далее — ИИМК). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 6—7.

С созданием Тверского музея (1866) и в особенности с образованием Тверской ученой архивной комиссии (1884), Тверь стала очагом интенсивного краеведческой работы, поставленной на научную основу.

В первые годы советской власти в стране отмечается оживление краеведческой работы, и одним из главных явлений этого процесса стала Верхневолжская этнологическая экспедиция (1921—1925), собравшая многочисленные ценные материалы о хозяйстве, быте и народном творчестве тверских крестьян того времени. К сожалению, материалы этой экспедиции, так же как и полевых исследований, проводившихся на территории Калининской области в последующие годы (в частности, Государственным музеем Центрально-Промышленной области и Калининским педагогическим институтом), остались почти не опубликованными, хотя и были частично использованы при освещении в литературе отдельных этнографических тем[5].

Верхневолжская этнологическая экспедиция в Тверском крае была осуществлена по инициативе разряда этнологии Российской Академии истории материальной культуры при участии Этнографического отдела Русского музея, Комиссии по изучению племенного состава населения России, Отделения этнографии Русского географического общества и Бежецкого Научного общества[6]. Руководство экспедицией было возложено на автора ее проекта профессора Давида Алексеевича Золотарёва, который в целях предварительной подготовки первым провел этнографические наблюдения в послереволюционный период в Тверском крае в 1919 — начале 1920-х гг.

В целом для этого периода Д. А. Золотарёв отмечает всеобщую «военизацию» быта и утрачивание, в некоторой степени, местного колорита в связи с перемещением огромных масс людей и военной унификацией многих сторон жизни. Позднее он осуществил командировку в Весьегонский, Бежецкий, Мологский, Краснохолмский и Рыбинский уезды в целях установления связи с местными научными учреждениями и организациями, заинтересованными в этнологическом изучении родного края[7].

Экспедиция, приступая в 1921 г. к работе, ставила себе общую задачу исследовать в этнологическом плане ярославско-тверской регион, его своеобразные элементы природы, быта, одежды, жилища, средств передвижения, народной техники и искусства, хозяйственных навыков, обычаев, верований, нравов, семейной и общественной жизни, языка, песен, сказок и других произведений народного творчества, — другими словами, всей совокупности элементов, из которых слагается определенный бытовой и антропологический облик населения и которые позволяют дать его этнологическую характеристику. В целом разработка плана и задач экспедиции ориентировалась на определенную территорию и живущее на ней население.

Организаторы экспедиции считали, что необходимо наблюдать и изучать, не откладывая на будущее, всё, что возможно в настоящее время: старое, потому, что оно исчезает, и впоследствии надо будет воссоздавать по воспоминаниям то, что живо еще теперь; новое, потому, что оно ново лишь для определенного поколения и также когда-нибудь исчезнет или станет старым и будет доживать как осколок эпохи.

В 1921 г., опираясь на организационное содействие Бежецкого научного общества, Академия осуществила этнологическую экспедицию в Бежецкий уезд: руководитель Д. А. Золотарёв, участники С. А. Еремин, З. П. Малиновская, О. И. Олиференко, Л. И. Песселеп[8].

Успешное проведение работ, несмотря на крайне ограниченные средства, большой материал, собранный экспедицией по постройкам, одежде, средствам передвижения, орнаменту и промыслам населения вместе с антропологическими, лингвистическими и фольклористическими исследованиями и записями побудили Академию продолжить работы, перенеся их на территорию Вышневолоцкого, Весьегонского, Краснохолмского и Мологского уездов.

Не имея возможности планомерно осуществлять самостоятельные работы экспедиции, Академия командировала ряд сотрудников в указанные районы для исследовательской работы по ранее принятому плану, пользуясь содействием и сотрудничеством ряда учреждений, как местных, так и центральных.

---

[5] См., например: *Маслова Г. С.* Народный орнамент верхневолжских карел. М., 1951.

[6] Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 6.

[7] Там же. Ед. хр. 69. Л. 58.

[8] *Золотарёв Д. А.* Работа Этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Известия Российской Академии истории материальной культуры. Л., 1924. Т. 3. С. 2.

Согласие отделения этнографии Русского географического общества, Комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии Наук и Этнографического отдела Русского музея участвовать в экспедиции дало возможность воспользоваться рукописными материалами указанных учреждений, а также их программами для собирания данных. Лишь по языку и местному словарю была составлена специальная программа применительно к району работ экспедиции. Программа была разработана С. А. Ерёминым, обсуждена в совещаниях экспедиции и в этнологическом отделе Академии истории материальной культуры.

В составе Верхневолжской этнологической экспедиции работала группа сотрудников этнографического отдела Русского музея. В Тверском крае их исследования в основном сосредоточились в Ржевском уезде, в районе реки Молодой Туд, среди своеобразной группы населения, называемой тудовлянами. Тудовляне, зафиксированные в научной литературе[9], до времени экспедиции сохранили своеобразные бытовые и лингвистические особенности, сближающие их с белорусами.

Верхневолжская этнологическая экспедиция задумывалась как глобальное многолетнее и многоплановое исследование, но теория, как это часто бывает в жизни, разошлась с практикой — всеобъемлющего изучения не получилось, и экспедиции пришлось заниматься преимущественно изучением крестьянских построек, не упуская, по возможности, и разработки других вопросов. Это было вызвано рядом далеких от науки объективных причин. Научные сотрудники экспедиции вместо денег получали муку, овес, крупу, мыло, спички, подметки и так далее. Помимо скудности средств, очень мешала исследованиям необеспеченность на длительный срок даже этими средствами. Кроме чисто житейских условий, мешавших планомерному осуществлению работы, имела значение необходимость приспосабливаться к тем требованиям программного порядка, какие иногда предъявлялись. Государственная плановая комиссия соглашалась признать экспедицию при условии проведения экономических исследований; местные учреждения требовали изучения кустарных промыслов. Учреждений и лиц, от которых работа зависела, было очень много. Поэтому на пятом году исследований, в силу совершенно неблагоприятных условий, экспедиция в Тверском крае была свернута, хотя в соседних регионах ее работы продолжались.

В целом работа Верхневолжской экспедиции продолжалась пять лет с 1921 г. При этом работа основного ядра ее в составе Давида Алексеевича Золотарёва, Михаила Илларионовича Артамонова, Елены Эдуардовны Бломквист, Надежды Павловны Гринковой, Николая Сергеевича Розова, Зинаиды Палладиевны Малиновской не прекращалась и в зимнее время в связи с обработкой материала. В разное время участниками экспедиции были около 20 человек.

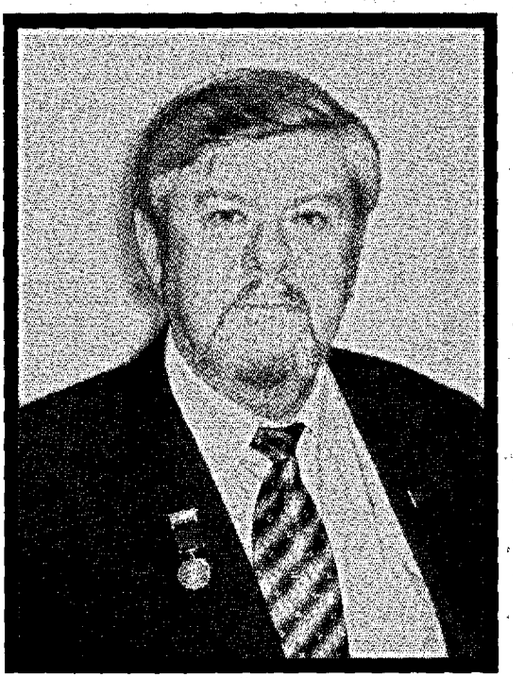
В Тверской губернии экспедицией были обследованы следующие микрорайоны: в Бежецком уезде — Подобинско-Сабуровский, Пореченский, Заручьевский, Максатихинский, Толмачёвский, Делединский и Теблешский; в Весьегонском уезде — Чамеровский и Сушигорицкий; в Ржевском уезде Молодотудский; в Вышневолоцком — Удомельский. И несмотря на значительные трудности, а также на то, что эта экспедиция была первой в своем роде, она достигла значительных успехов, собрала огромный и очень ценный материал по этнографии карел и великорусов Верхневолжья.

В 1930-х гг. отечественное краеведение было разгромлено. Оправиться от этого удара помешала Великая Отечественная война, и только после нее начинается новый расцвет.

[9] *Гринкова Н. П.* Одежда тудовлян Ржевского уезда // Этнография. 1926. Т. 1.

В. М. Воробьёв

Владимир Иванович Сысоев



3 января 2010 г. скоропостижно скончался известный тверской историк-краевед, писатель и общественный деятель Владимир Иванович Сысоев. Он родился 14 августа 1947 г. в деревне Папково Луковниковского района Калининской области. В 1970 г. окончил Калининский политехнический институт по специальности «Гидротехническое строительство речных сооружений и ГЭС». Студентом побывал на многих ударных комсомольских стройках. В течение 7 лет работал на строительстве канала Иртыш — Караганда: сооружал гидроузлы, насосные станции, здания промышленного и гражданского назначения; прошел путь от мастера до начальника участка промышленного строительства Возвратившись в Калинин в 1977 г., в течение 10 лет работал начальником строительного цеха и заместителем директора по строительству в совхозе имени 50-летия СССР, строил жилые дома, школы, детские сады, дороги, животноводческие фермы.

Занятия краеведением «для души» постепенно переросли в системные исследования широкого круга вопросов тверской истории и культуры XVIII — начала XX в. Центром внимания Владимира Ивановича стала тверская усадьба Бакуниных Прямухино в Кувшиновском районе. Знакомство и контакты с видными учёными стимулировали его источниковедческие поиски, приведшие к ряду научных и культурных открытий.

В начале 1990-х гг. созданная и руководимая им реставрационная фирма «Престо» приняла непосредственное участие в реставрации усадебного дома Бакуниных в Прямухине и в благоустройстве парка. В 1999 г. В. И. Сысоев стал одним из учредителей Бакунинского фонда, основная задача которого — возрождение усадьбы и создание в ней музея Бакуниных, являлся членом правления фонда и его представителем в Твери.

В 2001 г. вышел небольшой альбом «Прямухино. Усадьба Бакуниных» (Буклет / Авт. текста В. И. Сысоев; Отв. за вып. В. А. Ершов; Ред. В. М. Воробьев; Худож. оформление Р. А. Каримов; Фото: В. И. Сысоев, А. В. Митрофанов. Тверь, 2001. Рец.: *Смирнов В.* С любовью к Прямухину // Тверская жизнь. 2001. 29 мая), положивший начало обширному издательскому проекту, посвящённому роду Бакуниных и их родовому гнезду. В 2002 г. он издал книгу «Бакунины» — фундаментальное культурологическое исследование, признанное лучшей тверской книгой года. За нее автор получил в 2003 г. литературную премию имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Бакунины / Худож. оформление А. И. Боброва. Тверь, 2002. Рец.: *Суворов В.* Его идеи будоражат мир // Тверская жизнь. 2002. 2 июля; *Ручников П.* Всё о Бакуниных // Тверская жизнь. 2002. 12 ноября. О презентации кн. В. Сысоева «Бакунины» в Государственном музее А. С. Пушкина (Москва); *Примаченко М.* «Бакунины» в Торжке // Новоторжский вестник (Торжок). 2002. 17 декабря).

26 июля 2003 г. в Прямухине открылся музей Бакуниных, в создании которого В. И. Сысоев принял самое активное участие: собирал экспонаты, готовил стенды, решал вопросы финансирования.

В 2004 г. он выпустил книгу «Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин» и начал издавать ежегодный «Бакунинский сборник», в котором публикуются материалы и исследования, относящиеся к этому знаменитому роду. В том же году В. И. Сысоев был принят в Союз писателей России.

В 2005 г. вышла его книга «Татьяна Алексеевна Бакунина–Осоргина», а на следующий год — книга «Поэта первая любовь» о первой «истинно пиитической» любви А. С. Пушкина к Екатерине Павловне Бакуниной. Наконец, в 2009 г. увидела свет работа В. И. Сысоева «Анна

Керн. Жизнь во имя любви» — первая книга тверского автора в легендарной серии «ЖЗЛ». Многочисленные статьи В. И. Сысоева, посвященные Бакуниным, Полторацким, Тыртовым, истории тверских усадеб, опубликованы в «Бакунинском сборнике», сборниках «Прямухинские чтения», «Род и семья в контексте тверской истории», альманахе «Тверь», журналах «Тверца», «Тверская старина», «Художественное обозрение», газете «Тверские ведомости» и др.

Была готова к изданию монография «Полторацкие». Готовился большой труд об истории дворян Новоторжского уезда и их усадеб, книга о Екатерине Бакуниной — одной из первых в России сестер милосердия.

В. И. Сысоев являлся одним из организаторов ежегодных Бакунинских праздников, которые проводятся в Прямухине в день рождения М. А. Бакунина. Он был членом Координационного совета Тверского областного краеведческого общества, членом Тверского историко-генеалогического общества и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, с августа 2009 г. работал заместителем председателя Тверского областного отделения ВООПИиК.

В тверском культурном сообществе Владимир Иванович Сысоев занимал совершенно особое место, и аналогов ему не было. Это был редчайший тип краеведа-делателя, способного выстроить и самостоятельно реализовать всю цепочку действий на всех стадиях в практически любом проекте. Он вынашивал идею, формулировал ее, прорабатывал концепцию, формировал круг единомышленников, решал научно-исследовательские, информационно-издательские и организационно-финансовые проблемы, доводил всё до высокого конечного результата, который дарил землякам, стране и миру. Последнее не является преувеличением, поскольку его знали бакунисты и представители русского дворянства на всех континентах, переписывались с ним и приезжали в гости. Предпринимательскую деятельность он вел главным образом для того, чтобы иметь некоторые средства для научных поездок, копирования и приобретения документов и материалов по дорогой его сердцу тверской дворянской тематике, для пополнения собиравшейся им со студенческих лет домашней библиотеки столь необходимыми изданиями. Ради этого он мог пожертвовать почти всем.

Уникален феномен Сысоева-писателя. Технарь, гидротехник, строитель на глазах друзей и земляков стал литератором российского масштаба. И не только по степени признания, но и по существу. Его авторитет в столичных — петербургских и московских — кругах исследователей дворянской культуры был высок, как ни у какого другого провинциального деятеля. Ему были доступны все богатства русского языка, которыми он пользовался и бережно, и щедро. Выверенность фактической стороны сюжета, огромная эрудиция, доказательность предположений, прорисовка деталей повествования, тонкая ирония, неповторимая стилистика сформировали за последнее десятилетие устойчивую и постоянно расширяющуюся аудиторию читателей его книг. Ближе всего он был, наверное, к Ираклию Андроникову и Натану Эйдельману в их научно-популярной части творчества.

Обладавший взрывным темпераментом и отчаянной принципиальностью, Владимир Иванович в то же время доброжелательно воспринимал не совпадающие с его историко-литературными взглядами точки зрения, уважал чужое мнение, очень переживал за малейшие огрехи в своих трудах. Душевная щедрость, редкая отзывчивость, врождённое чувство мужской дружбы, верность семейным ценностям были далеко не последними по значимости источниками его таланта.

Нас объединяли с Владимиром Ивановичем и товарищеские, и профессиональные отношения. В агентстве «Созвездие» на волжской набережной у Владимира Ершова обсуждались в конце 1990-х гг. выношенные им первые издательские идеи. Он очень волновался, сомневался в своём писательском таланте, а мы ободряли его — сначала исходя из значимости задуманного и по-дружески, а затем и окончательно — когда прочли рукописи. Таинство сотворения шедевра так и осталось для меня загадкой в этом очень хорошем и очень глубоком человеке. Переход от дневной обыденности к вечерним и ночным бдениям над копиями архивных документов, справочниками, альбомами, письмами был для него неизбывной потребностью, погружением в мир настоящей русской культуры, о которой мы так мало знаем. Владимир Иванович путешествовал по XIX столетию, постепенно становясь в нем «своим человеком». Сложнее было возвращаться в век нынешний с его жесткостью и несправедливостью, неизбежными заботами о хлебе насущном и о воплощении того, что задумал.

Мне довелось быть научным и литературным редактором большинства его книг, и это был захватывающий процесс. Большой том «Бакунины» прошел несколько стадий обработки,

и наше взаимное доверие и уважение укреплялось день ото дня. Неизбежные в большом тексте стилистические клише, повторы, общие места снимались раз и навсегда. В новых рукописях этого уже почти не было, писательское мастерство оттачивалось буквально на глазах. Помимо эрудиции, помимо любви к отечественной культуре у Владимира Ивановича был и природный талант, в который он, слава Богу, поверил, хотя и не сразу. Он очень стеснялся поначалу обращаться к известным и знаменитым учёным, деятелям культуры, потомкам именитых фамилий, но интересы дела возобладали — и результат не замедлил сказаться: насыщенной стала источниковая база его трудов, ожили и обросли роднёй его герои. А том « Бакунины» стал могучей визитной карточкой, открывавшей все двери и сердца.

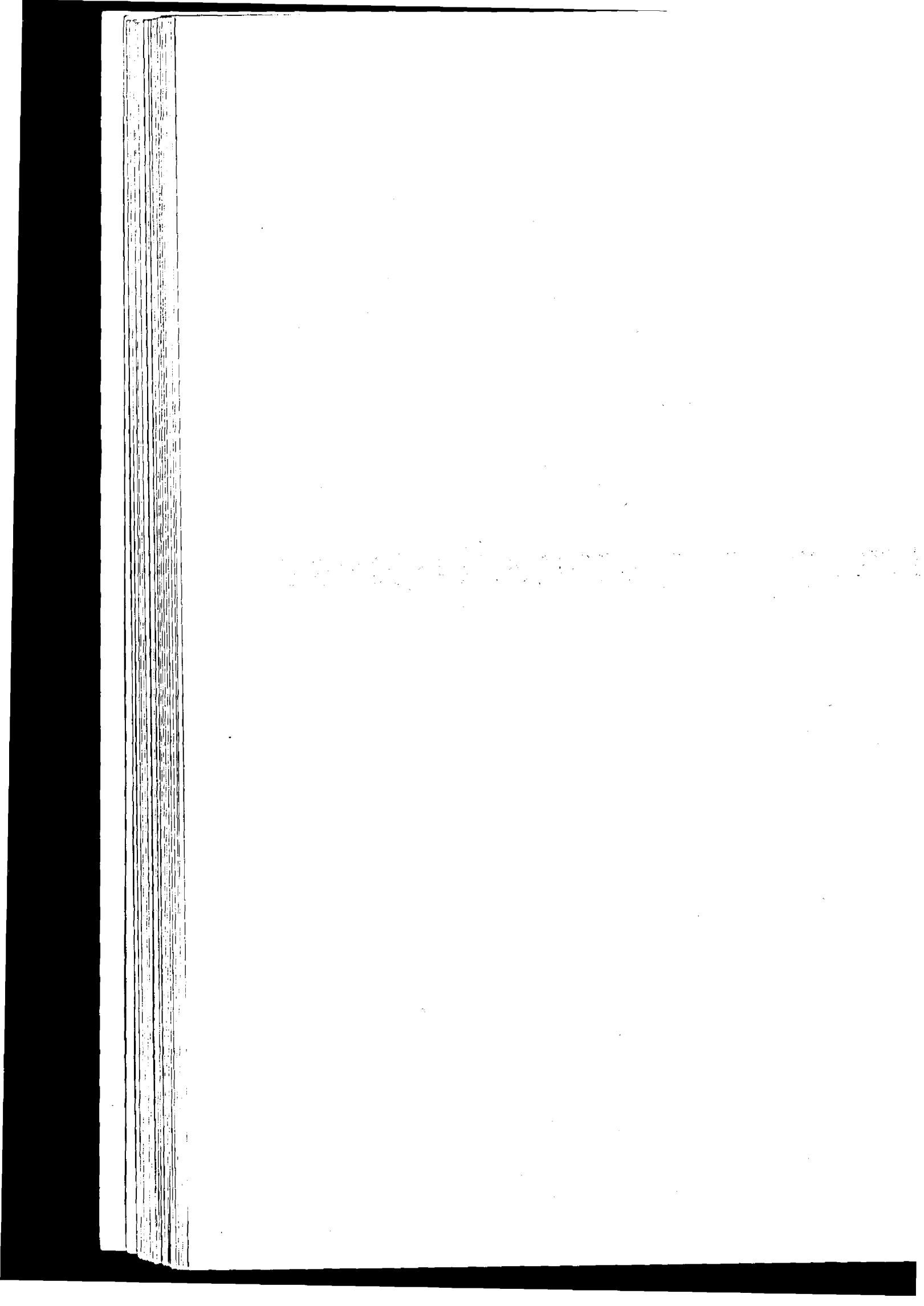
Чтение было культом его личности. На встречах с читателями он весь светился, буквально парил, радовался, как дитя, интересу и к его книгам, и к русской культуре. Прошлой зимой я уговорил Владимира Ивановича презентовать только что вышедшую в серии «ЖЗЛ» книгу «Анна Петровна Керн» в Торопце. Встреча с читателями удалась, мы едва смогли оторвать их от автора, который был искренне взволнован и поражен таким интересом к его персоне и творчеству. Собственно говоря, именно это внимание, неравнодушие, помимо внутренней установки на творчество, и давало ему энергию поиска, энергию деятельности и приводило к озарениям и открытиям.

Владимир Иванович был желанным гостем повсюду в нашей области, но особенной любил бывать в землях новоторжских и старицких: здесь жили его герои, здесь живут их земляки, его друзья, стремящиеся сделать всё возможное для сохранения культурно-исторической памяти и передачи её юным душам.

Была в его характере среди прочих такая редкая черта — он не ставил крест даже на не очень приятном и не очень порядочном человеке. В палитре его сознания было много красок, он был милосерден и самим общением, искренним и доброжелательным, невольно заставлял человека задуматься о правильности его слов и поступков.

Владимир Иванович много успел — и построил, и открыл, и написал, но очень горько оттого, что многое оборвалось или в процессе создания, или ещё на стадии задумок, несмотря на запредельный ритм его жизни.

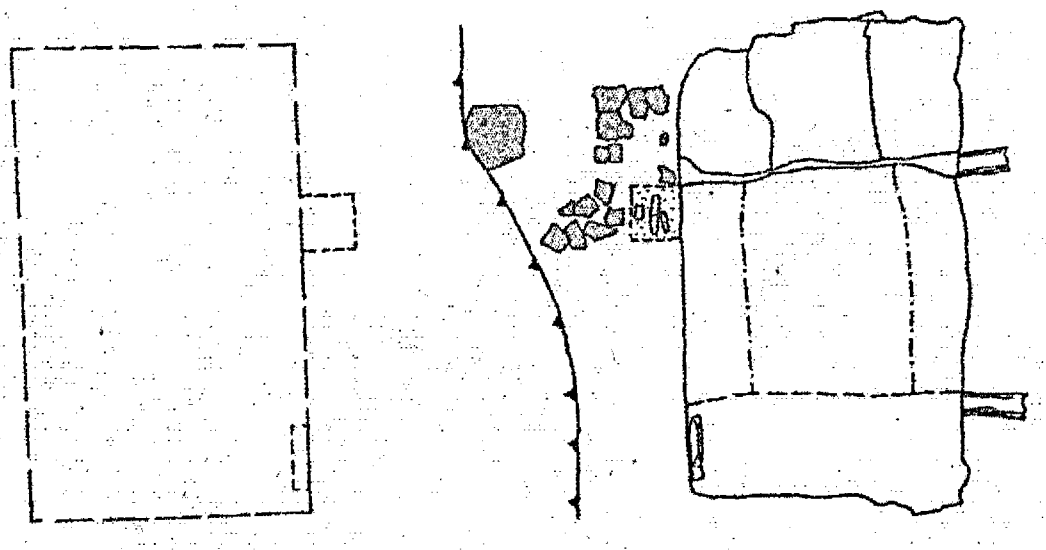
История и люди Торжка



А. М. Салимов

К вопросу о датировке каменных оборонительных сооружений Торжка

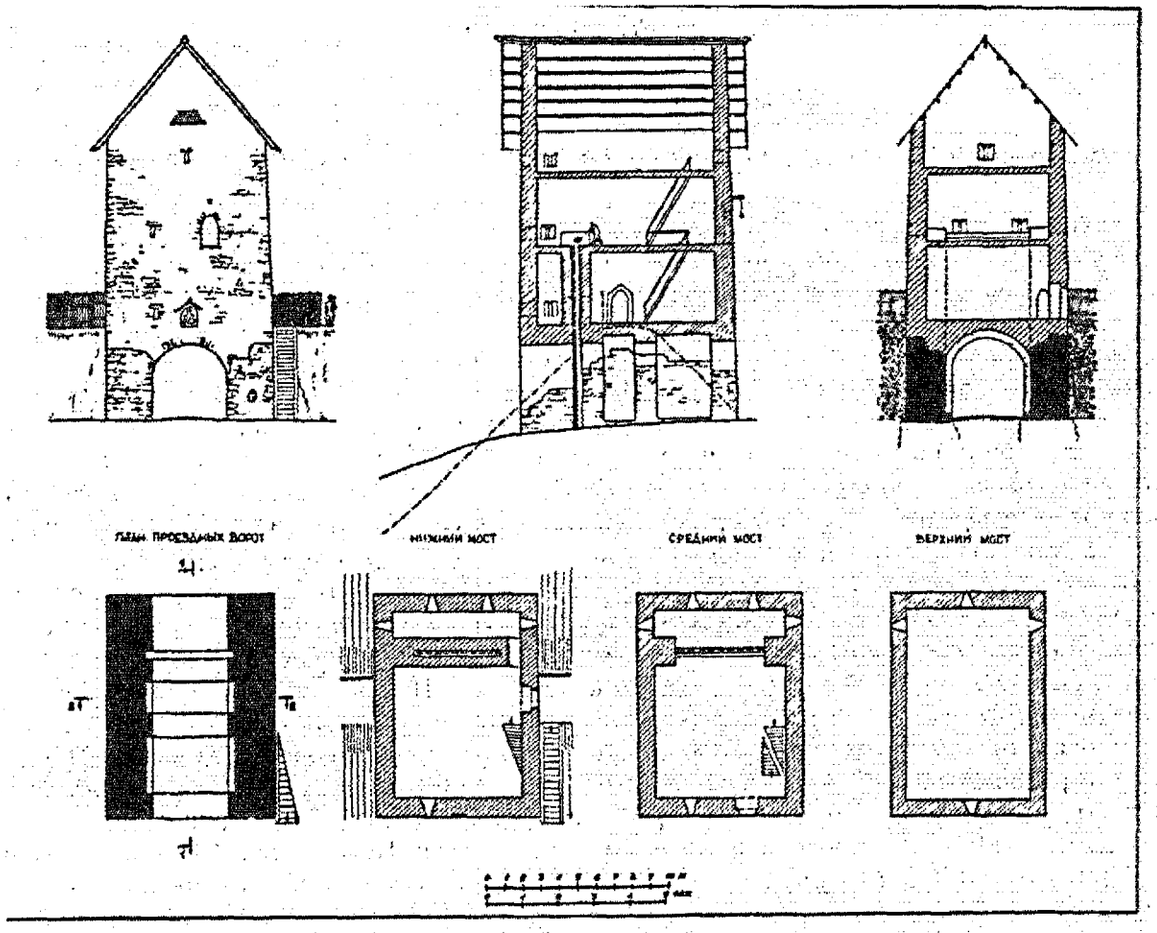
В 2002 г. на Нижнем городище Торжка во время археологических исследований в районе набережной р. Тверцы экспедиция Всероссийского историко-этнографического музея обнаружила белокаменную конструкцию, которая была соотнесена с остатками одной из каменных башен Торжка, появившихся, по мнению некоторых авторов, в 1340 г. Выявленный в 2002 г. кладочный массив (4,6х2,6 м в плане — ил. 1), состоящий в основном из грубоколотых блоков на известковом связующем, был атрибутирован в качестве северного пилона Тайничной башни Новоторжского кремля. Южный пилон П. Д. Малыгин смог зафиксировать еще в 1973 г. в непосредственной близости от северного (на расстоянии 3,4 м) при прокладке газопровода. В итоге исследователи пришли к выводу, что своей конструкцией Тайничная башня Торжка напоминала «костры» новгородского Острога конца XIV в. (ил. 2), а по размерам была близка воротной башне 1342 г. Орлецкого городища (ил. 3)[1]. Таким образом, если ориентироваться на мнение исследователей, изучавших башню в Торжке, плановые габариты новоторжского «костра» могли составлять 8,6х4,6 м. Замечу, правда, что при таком варианте реконструкции своей длинной стороной башня оказывается ориентированной не поперек крепостной стены (как новгородские «костры» Окольного города[2]), а по ее трассе. Получается, что лицевые (восточная и западная) стороны башни почти в два раза превышали длину пилонов, то есть тех плоскостей башенного объема, к которым примыкали дерево-земляные конструкции стен. Наверное, подобное расположение Тайничной башни в структуре оборонительных сооружений Торжка исключать нельзя, но в этом случае достаточно сложно подобрать в крепостном зодчестве Древней Руси XIV—XV вв. типологически близкие аналоги. Некорректной можно счесть и отсылку к проездной башне Орлецкого городища, габариты которой, по мнению авторов, в наибольшей степени соотносимы с новоторжским «костром». Начнем с того, что в отличие от Тайничной башни в Торжке, единственная башня северодвинской крепости относится к числу угловых, а ее северный пилон находится на трассе северной стены, то есть является, по сути

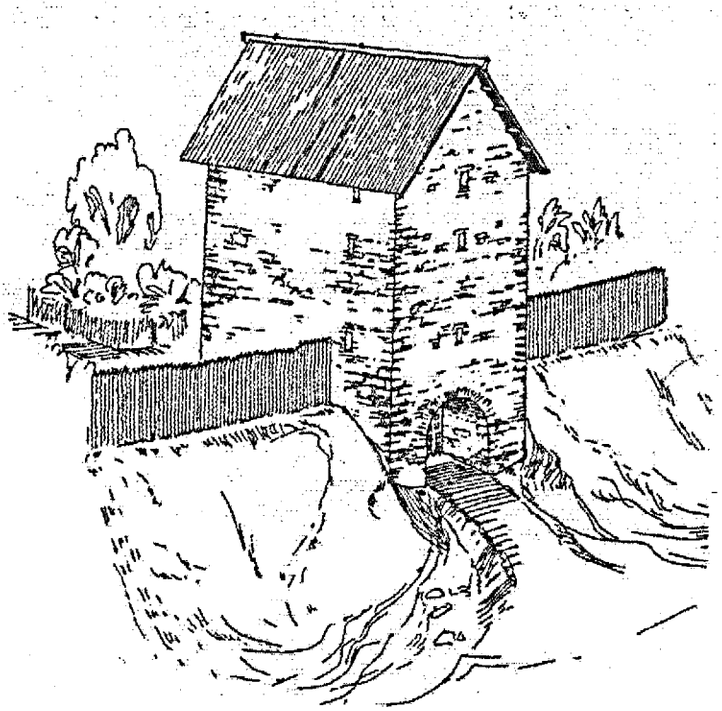


1. Торжок. План северного пилона (справа) и реконструкция (по П. Д. Малыгину и Н. А. Сарафановой) плановой формы каменной башни XIV в.

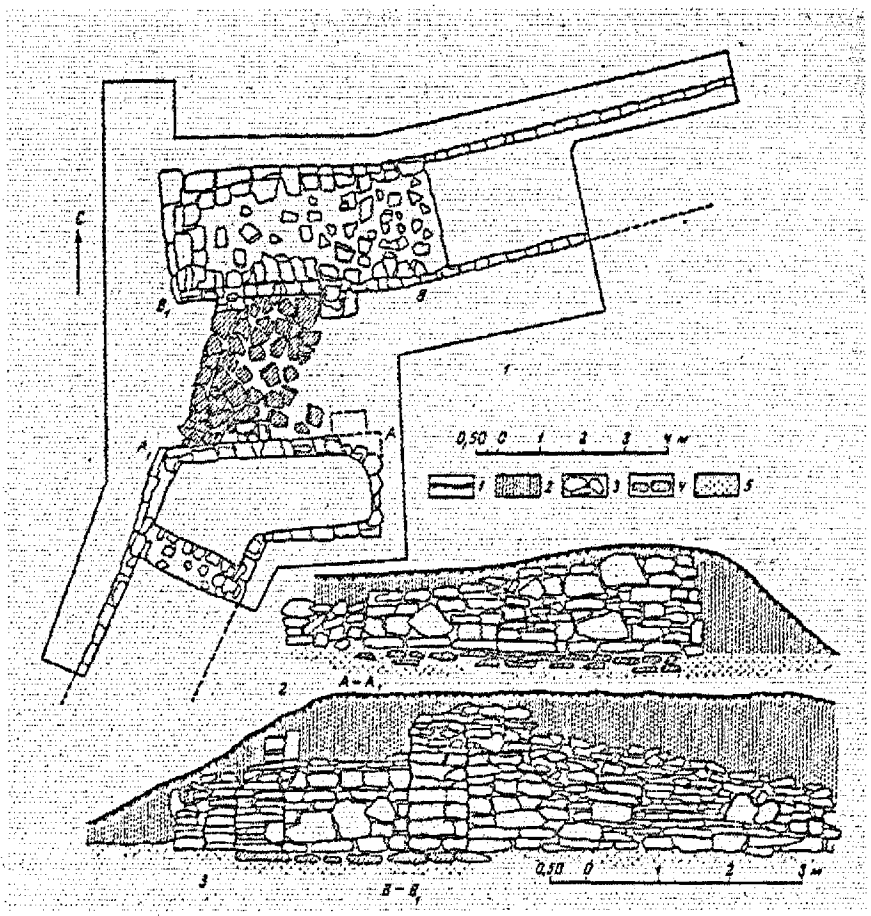
[1] *Сарафанова Н. А., Малыгин П. Д., Седов Вл. В.* Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 173—175; *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке // Новоторжский сборник. Вып. 1. Торжок, 2004. С. 33—42; *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Новоторжский кремль в XIV в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 86—94.

[2] *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997. Ил. 107—109.





2. Реконструкция каменной башни XIV в. Окольного города в Новгороде. По Н. Н. Кузьминой



3. План и разрезы воротной башни Орлецкого городища 1342 г. По О. В. Овсянникову

дела, ее западным концом. Что касается южного пилона, то он имеет иную плановую форму и расположен со смещением (к западу) по отношению к северному[3]. Таким образом, признавая правомерной предложенную П. Д. Малыгиным и Н. А. Сарафановой интерпретацию обнаруженной в 2002 г. конструкции в качестве северного пилона Тайничной башни Новоторжского кремля, мы не можем считать убедительным видение авторами плановой формы и внешнего облика этого сооружения. В данном случае ряд вопросов остается без ответа.

Не однозначна, несмотря на некоторую императивность в суждениях авторов, и датировка, которая была предложена для этого памятника. П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова сочли возможным связать относящееся к 1340 г. летописное свидетельство о пребывании в Торжке значительного числа новгородцев, которые «седеша месяц в Торжьку, город утвердивше»[4], с фактом строительства здесь нескольких каменных башен[5]. «Утверждение» города — не обязательно строительство или реконструкция его оборонительных сооружений[6]. Эта фраза могла означать только то, что Торжок получил серьезную защиту благодаря находящемуся здесь в течение месяца новгородскому воинскому контингенту. В свою очередь следующее по времени летописное свидетельство о том, что в 1372 г. «поихаша новгородци в Торжек города ставити»[7], П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова сочли фиксацией «еще одного запланированного новгородским правительством этапа по превращению Нижнего городища Торжка в каменную крепость»[8]. Хотя именно это сообщение в большей степени соотносимо с предположением о строительстве в Торжке каменных башен. Их сооружение могло стать естественной реакцией

[3] *Овсянников О. В.* Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 114—117.
[4] НПЛ. С. 352.
[5] *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Новоторжский кремль в XIV в. С. 91.
[6] *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 2. Стлб. 1306—1308.
[7] НПЛ. С. 371.
[8] *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Новоторжский кремль в XIV в. С. 92.

на гибель в 1371 г. от пожара городских деревянных оборонительных сооружений. Напомним, что в 1371 г. «погоре город Торжок весь»[9], но этот факт П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова почему-то обошли своим вниманием.

Еще одним важным аргументом, выводящим строительство каменных башен за пределы 1340-х гг. являются обнаруженные в кладке северного пилона фрагменты кирпичей, которые своими размерам тождественны кирпичам, использованным в 1364—1365 гг. при возведении в Торжке нового городского Спасо-Преображенского собора. Исследователи отметили, что они аналогичны кирпичам Спаса[10]. А поскольку источники не фиксируют строительство до 1364 г. каких-либо каменных храмов в Торжке, у нас есть основание считать попавший в кладку башни кирпич тем материалом, который остался после строительства городского собора.

Не противоречат предложенной датировке башни 1372 годом и деревянные городни с дендродатой 1366 г., которые, по мнению П. Д. Малыгина и Н. А. Сарафановой, соотносились с каменными башнями 1340 г. и которые после разгрома Торжка тверским князем Михаилом Александровичем (1372) перекрыла глиняная наваловка 1375 г.[11] Наша аргументация в данном случае следующая. Во-первых, срубленное в 1366 г. дерево могли использовать несколькими годами позже, например, весной 1372 г., когда Торжок восстанавливали после пожара 1371 г. Во-вторых, зафиксированный под городнями 1366 г. слой пожара не обязательно связывать с 1315/1316 гг.[12] Его вполне можно соотнести с пожаром 1371 г.

Наконец, о времени и причинах разрушения каменной башни в Торжке. В этом случае наиболее вероятным, действительно, следует, по-видимому, считать период, охватывающий конец мая — начало июня 1372 г. Об этом свидетельствует как исторический контекст (разорение города Михаилом Александровичем), так и археологические данные. Но в обозначении основополагающей причины разрушения каменных башен П. Д. Малыгин и Н. А. Сарафанова руководствуются, на наш взгляд, больше эмоциями, нежели реальной оценкой событий. Очевидно, что Торжок стал заложником московско-тверских противоречий и непродуманных действий Новгорода. Ведь тверской князь был обозлен не строительством каменных башен, а изгнанием из Торжка его наместников. Масло в огонь подлили новгородцы, которые избили и ограбили тверских купцов, а затем в резкой форме отказали Михаилу Александровичу в выдаче виновников грабежей. Не получил тверской князь и разрешения вернуть в Торжок своих наместников. При выполнении этих требований Михаил Александрович обещал оставить Торжок в покое[13]. Заметим, что инициатором активных антитверских действий был, по всей видимости, «новгородский воевода Александр Абакумович, удалой предводитель ушкуйников» или попросту бандитов, которые занимались разбоем и грабежами по Каме и Волге[14]. Вероятно, поэтому новгородцы и новоторы предпочли войну и выступили против тверской дружины. В итоге их авантюра потерпела сокрушительное поражение, и разозленный Михаил Александрович жестоко разорил город[15]. Как видим, не башни стали основной причиной похода тверского князя на Торжок. Допускаем, что они выступили дополнительным раздражителем и поэтому были разобраны. Хотя не исключено, что тверичи специально не занимались их разборкой. Начало разрушению положил огонь, а затем сами новоторы перед строительством новых укреплений (в 1375 г.) разобрали полуразвалившиеся башни.

Итак, принимая во внимание весь комплекс источников, есть основание отнести сооружение каменных башен в Торжке к весне 1372 г. Если их разобрали между 1372 и 1375 г., то в этом случае новоторжские «костры» просуществовали достаточно короткое время. Но думается, что даже если бы эти башни не были разобраны людьми, они достаточно быстро разрушились бы сами, поскольку небольшая глубина заложения фундаментов (45—60 см) и их постановка не на материковый грунт, а на культурный слой привели бы к естественному разрушению выполненных без должного старания башнеобразных конструкций.

---

[9] НПЛ. С. 371.

[10] *Сарафанова Н. А., Малыгин П. Д., Седов Вл. В.* Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке. С. 174.

[11] *Малыгин П. Д., Сарафанова Н. А.* Открытие каменных оборонительных сооружений XIV в. в Торжке. С. 35—37.

[12] Там же. С. 35—36.

[13] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 155—156; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. II. Т. 3—4. С. 264—265; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 206—207.

[14] *Костомаров Н.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1873. Вып. 1. С. 214.

[15] *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества... С. 155—156; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. С. 264—265; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). С. 206—207.

В. В. Кузнецов

Забытое имя. Николай Иванович Городецкий

Он вошел в историю Русской Православной Церкви как выдающийся миссионер, страстный распространитель просвещения, крупный ученый и проповедник, однако сейчас его имя больше известно за рубежом, чем в нашей стране.

Николай Иванович Городецкий[1], в иночестве Платон, родился 2 мая 1803 г. в Погорелом Городище в семье священника Ильинской церкви Ивана Андреевича Шалюхина. В детстве Николай любил уединяться на Городке, или Городце, — так в Погорелом Городище называют высокий холм у западной окраины поселка, где сохранились остатки средневековой крепости. За это мать Параскева Васильевна Рубцова (ум. 7.07.1848 г.) в шутку прозвала своего сына Городецким, и это прозвище он сделал своей фамилией.

В 1811 г. Николай поступил в Ржевское духовное училище, а спустя шесть лет перешел в Тверскую духовную семинарию. По окончании курса семинарии (1823), он был послан в Санкт-петербургскою духовную академию, которую закончил в 1827 г. со званием магистра богословия за диссертацию «Рассуждение о главенстве Римского патриархата». После этого он был назначен профессором физико-математических наук в Орловскую духовную семинарию. В семинарии он занимал должности преподавателя французского языка (с 9 марта 1828 г.), посты инспектора, секретаря семинарского правления и ревизора духовных училищ (с 14 апреля 1829 г.). Здесь Николай сблизился с ректором семинарии, ставшим впоследствии Киевским митрополитом Арсением, который оказал большое влияние на всю его последующую деятельность.

25 сентября 1829 г. Николай был определен бакалавром в Санкт-петербургскою духовную академию сначала на кафедру греческого языка, затем на кафедру богословия.

17 мая 1830 г. он принял монашеский постриг с именем Платона, 25 мая был рукоположен во иеродиакона, 26 мая — во иеромонаха. 5 мая 1831 г. Платон был назначен инспектором Санкт-петербургской духовной академии, а 6 ноября того же года возведен в сан архимандрита. В этот период он исполнял и другие должности: библиотекаря, члена совета академии, эконома, редактировал академический журнал «Христианское чтение». В академии Платон первым стал преподавать богословские науки на русском, а не латинском языке, очистил их от схоластических форм.

20 декабря 1837 г. в звании профессора богословских наук Платон занял пост ректора Костромской семинарии. Кроме того, он управлял Костромским Богоявленским монастырем, был членом консистории, цензором проповедей местного духовенства и членом Комитета попечения о тюрьмах Костромы.

28 апреля 1839 г., Платон был назначен настоятелем монастыря в честь Сошествия Святого Духа на Апостолов в Вильно. Здесь он стал активным сотрудником митрополита Литовского Иосифа (Семашко), который незадолго до этого с миллионной паствой оставил унию и присоединился к православной церкви. Здесь начался самый важный период в жизни Платона — период административного церковного служения на окраинах государства, где от священника требовалась хорошее образование и такт в управлении делами.

---

[1] При составлении этой статьи (кроме специально указанных ссылок) были использованы следующие материалы: Отчет о деятельности ТУАК с 1903 по 1912 г. Тверь, 1912. С. 75, 77; Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992. Т. I. Стлб. 767; Т. II. Стлб. 1330, 1813—1814, 1954, 2275; Тверской епархиальный статистический сборник / Сост. И. И. Добровольский. Тверь, 1901. С. 265, 285; www.archunion.com.ua; www. lavra.ucoz.ru; www.lexicon.org.ua; www.ortho-rus.ru; www.otechestvo.org.ua.

8 сентября 1843 г. Платон был рукоположен во епископа Ковенского и викария (управляющего) Литовской епархии. На этом посту Платон всячески заботился о воссоединенном с православной церковью духовенстве и мирянах.

6 ноября 1848 г. Платон был назначен епископом Рижским и викарием Псковской епархии. С целью утверждения православия в Прибалтике он ходатайствовал об образовании самостоятельной Рижской епархии. Ходатайство это было высочайшее одобрено, и 1 июля 1850 г. Платон, облеченный (21 апреля 1850 г.) саном архиепископа Рижского и Митавского, стал первым главой новой епархии. В ее состав вошли земли современной Латвии, Эстонии и части Белоруссии.

С целью подготовки кадров для новой епархии Платон в 1851 г. преобразовал Рижское духовное училище в семинарию. В курс изучавшихся там предметов были включены латышский, эстонский и немецкий языки, а для учащихся из местного неимущего населения учреждены 120 стипендий. Таким образом, Рижская семинария стала первым в Прибалтике учебным заведением, которое было доступно для детей латышских и эстонских крестьян. В числе выпускников семинарии были президент довоенной Эстонии Константин Пятс (23.02.1874—18.01.1956) и министр обороны Латвии. Для ознакомления местного населения с православным учением Платон начал издавать на латышском и эстонском языках журнал «Училище благочестия».

Для того чтобы улучшить условия жизни духовенства в новообразованной епархии и привлечь в нее лучшие образованные кадры, Платон выхлопотал повышенные оклады для служащих и духовенства, обеспечил клир землей, учредил кассу вспомоществования для бедных духовного звания, а для вдов и сирот духовного сословия основал в Риге «Вдовий дом».

Чтобы организовать жизнь церковных общин, он создал несколько православных братств, которые широко развернули свою деятельность по книгоиздательству, благотворительности, строительству храмов и поддержке школ. Первым из них было Петропавловское братство, основанное в 1886 г. Кроме того, Платон открыл в Рижской епархии культурные общества «Баян» и «Ладо», мужскую и женскую гимназию, детский приют, русский клуб и русскую библиотеку. И всё это — при постоянном противодействии местных помещиков — немцев по национальности и лютеран по вероисповеданию. Чтобы избавить православных латышей и эстонцев от экономической зависимости от этих помещиков, Платон выхлопотал для них из казны 1500 земельных участков по 5 десятин (5,45 га) каждый. Для ободрения и наставления своей паствы он выпустил целый ряд воззваний, но, поскольку они не прошли местную цензуру, где сидели опять-таки немцы, их распространение в Прибалтике было запрещено. Вероятно, Платон осознавал, что не в силах противостоять немецкому лобби ни во вверенной ему епархии, ни тем более при дворе Николая I, и поэтому 9 марта 1867 г. по личной просьбе был переведен в Новочеркасск на пост епископа Донского и Новочеркасского.

За 18 лет своего служения в Рижской епархии Платон построил 44 церкви, создал 79 приходских школ и 252 вспомогательные школы. В последний год управления Платоном Рижской епархией в ней насчитывалось 136 православных церквей и 189 889 человек прихожан. В том, что православные до сих пор составляют четвертую часть всех верующих Латвии, есть немалая заслуга нашего земляка.

На Дону Платон продолжил свою просветительскую и миссионерскую деятельность. В 1868 г. он основал Новочеркасскую духовную семинарию, где началось изучение языка и быта калмыков, в том числе и на местах их кочевий. Этого не делал в то время ни одно из учебных заведений России. В 1869 г. стала выходить газета «Донские епархиальные ведомости», а в 1871 г. Платон основал Донское миссионерское общество.

В 1876 г. Платон был избран почетным членом Санкт-петербургской духовной академии.

9 марта 1876 г. (или 25 апреля 1877 г.) Платон был перемещен на кафедру Херсонскую и Одесскую. Детали его деятельности на этом посту пока неизвестны. Скорее всего, он бросил вызов многочисленным протестантским сектам, которые пустили глубокие корни в многонациональных портовых городах Одессе и Херсоне. Наиболее активными там были штундисты — последователи одной из разновидностей баптизма. Они отвергали необходимость церковной организации, богослужений, церковных таинств, считали почитание икон и креста идолопоклонством. В Одессе Платон учредил Братство св. Андрея Первозванного и основал женское епархиальное училище.

4 февраля 1882 г. Платон получил почетный сан митрополита Киевского и Галицкого и стал священноархимандритом Киево-Печерской Лавры. В 1886 г. по его инициативе в Киеве

прошел съезд представителей духовенства южных и западных епархий для решения вопроса об общих мерах против штундизма. Митрополит постоянно заботился о просвещении духовенства, о церковно-приходских школах, и особенно о духовной семинарии и духовной академии; он реорганизовал Братство св. Владимира и основал два женских училища.

11 июля 1888 г., в год 900-летия крещения Руси и 250-летия воссоединения Украины с Россией Платон освятил памятник Богдану Хмельницкому в Киеве, бывшего до недавнего времени символом братства двух славянских народов.

Платон состоял членом многих ученых и благотворительных обществ и учреждений, отличался чрезвычайной добротой, живым отношением ко всем, кто к нему обращался с какою-либо проблемой. Так, например, в 1888 г. он пожертвовал 15000 рублей на возобновление Киево-Межигорского монастыря, упраздненного после пожара.

За свою деятельность Платон был награжден орденами Св. Владимира 1-й степени, Св. Александра Невского, Св. Анны 1-й степени, двумя панагиями, украшенными драгоценными камнями. Из иностранных орденов он имел сербский орден Иакова 1-й степени, черногорский орден князя Даниила 1-й степени и болгарский орден Александра 1-й степени. 15 мая 1883 г. император Александр III вручил Платону орден Св. Андрея Первозванного. Платон — единственный уроженец Тверской земли, удостоившийся этой высшей награды Российской империи.

И на Украине, и на Дону, и в Одессе Платон неустанно боролся против старообрядческого раскола. С его приверженцами он был хорошо знаком с детства — в его родном Погорелом Городище проживало много старообрядцев, а единоверцы (старообрядцы, признававшие православную церковную иерархию) были прихожанами церкви, в которой служил его отец. Еще в Санкт-петербургской духовной академии Платон первым стал разрабатывать теоретические основы полемики с раскольниками и преподавать историю раскола. Только в Рижской и Псковской епархиях им было основано семь единоверческих приходов и присоединено к православию 3000 раскольников. Платон действовал сам и других призывал действовать против раскольников мирным путем, избегая репрессивных мер. Так, будучи архиепископом Донским, он принимал раскольников в своем доме за чашкой чая, сам ездил проповедовать в отдаленные раскольничьи селения, а священников, неспособных к миссионерской работе, заменял другими.

Неся церковное служение в различных уголках России, Платон хранил память об отчем крае. В 1848 г. он пожертвовал 25 000 руб. в пользу бедных жителей посада Погорелое Городище. Для сравнения: столько же составил годовой доход посада в 1874 г. В письме к тверскому гражданскому губернатору от 24 августа 1848 г. Платон дал подробные указания, как следует распорядиться этими деньгами. Деньги следовало поместить в банк, а проценты отдавать «на вспоможение бедным погорельским жителям всех сословий, преимущественно духовным вдовам, сиротам, больным и подвергшимся при бедности еще какому-нибудь несчастию». Эти пособия должны были распределять священники обеих Погорельских церквей: Ильинской и Богоявленской (больше известна как Покровская по одному из приделов) и два «почтейнейших» члена погорельской ратуши и передавать «только действительно бедным людям, притом таким, которые ведут жизнь честную, не предаются пьянству, разврату и лености». Часть денег с процентов следовало оставлять в тверском приказе общественного призрения «на случай могущих быть в посаде Погорелом Городище таких обстоятельств, по которым нужно будет увеличить вспоможение бедным его жителям».

Узнав, что его земляки испытывают острую нехватку выгонной земли, он пожертвовал 3000 руб. для покупки смежной с посадом пустоши в 55 десятин (около 60 га). Это произошло в 3 июля 1889 г. во время посещения митрополитом Погорелого Городища 30 июня — 6 июля 1889 г. Платон отслужил службы в обеих церквах посада, панихиду на могиле родителей, пообщался с «почетными старичками» — оставшимися в живых сверстниками, обошел дорогие сердцу места, не забыл и свой заветный Городец. Визит Платона привел в Погорелое столько видных персон, сколько не собиралось там ни до, ни после этого: тверского губернатора А. Н. Сомова, председателя Тверской губернской земской управы С. Д. Квашнина-Самарина, директора народных училищ Тверской губернии А. М. Безобразова, церковного писателя протоиерея В. Ф. Владиславлева. Всё это было достаточно ярким свидетельством авторитета уроженца Погорелого Городища в Тверской земле.

По всей видимости, в Погорелое Городище митрополит приехал, предчувствуя скорую кончину, чтобы проститься со своей родиной и своими предками. Весьма трогательно и крас-

норечиво описал прощание Платона со своими земляками И. Ф. Токмаков. 3 июля 1889 г., отслужив службу в Ильинской церкви, Платон вышел к народу и сказал: «„Усердно прошу вас помолиться обо мне и отпустить меня с миром", — поклонился и добавил: „Я опять надеюсь увидеть вас там". И указал рукой на небеса»[2].

По возвращении в Киев Платон прожил еще около двух лет и 1 октября 1891 г. закончил свое земное служение. Это случилось в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы — в один из престольных праздников Богоявленской церкви Погорелого Городища. Прах митрополита покоится в Сретенском приделе киевского собора Святой Софии.

В 1896 г. в Киеве в память митрополита Платона была возведена церковь Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Св. Платона Исповедника, имя которого митрополит принял при монашеском постриге. Инициатором строительства выступил киевский городской голова, а в попечительский совет вошли многие именитые люди Киева. С некоторыми перестройками начала XX в. этот храм существует и по сей день. В 1990-е гг. он был возвращен верующим.

Покровская церковь в Киеве (современное состояние)

Платон «отличался большой трудоспособностью, аккуратностью и инициативой, и всё это соединялось с его спокойным, миролюбивым характером и анализирующим умом. Он хотел только созидательной работы <...> Он хотел жить в мире даже с врагами православной церкви»[3].

Платон пользовался большой известностью не только как энергичный церковный организатор, но и как талантливый церковный писатель и проповедник. Его перу принадлежит большое количество произведений. Среди них: «Беседа на новый год о бесплодной смоковнице», «Три слова о ходатайстве святых», «Пастырское вразумление к посылающим безымянные письма», «Слова и речи, сказанные во время управления Херсонской епархией», «Пастырское послание к глаголемым старообрядцам», «Христос воскрес! (слово на Св. Пасху)», «Избранные мысли из душеспасительных поучений».

Ни один из трудов Платона после революции не переиздавался. Возможно, какое-то представление о его проповеднической и писательской деятельности даст отрывок из его обращения к русским людям, сделанного им во время управления Рижской епархией. Оно напечатано в издаваемом в настоящее время в Риге православном журнале «Вера и жизнь», наследнике и продолжателе платоновского журнала «Училище благочестия». Мысли, высказанные в этом обращении около 130 лет назад, оказались как нельзя более актуальными в наше

[2] *Токмаков И. Ф.* Посад Погорелое Городище Зубцовского уезда Тверской губернии. Город Зубцов Тверской губернии и его уезд. Краткий историко-статистический и археологический очерк. М., 1906. С. 11—19. См. также: Журнал 12 заседания ТУАК от 14 декабря 1887 г. С. 3; *Назаров А.* О приезде митрополита Киевского и Галицкого в Погорелое Городище // Ленинский путь (Зубцов). 1990. 9, 12, 16 июня.

[3] *Сахаров С. П.* Рижские православные архипастыри за 100 лет. Рига, 1937. Цит. по: www.pravoslavie.lv.

время — время разгула антирусских настроений в Прибалтике. «Наше русское имя не пользуется здесь (в Прибалтике. — *В. К.*) должным уважением потому преимущественно, что многие из нас сами уничижают его недостатком образования и грубостью нравов <...> Часто они (русские) находятся в таком отношении к Православной Церкви, что она о существовании многих из них и знать не могла, они жили как им хотелось <...> Ужели вы откажетесь принять участие в том, что может улучшить быт ваших собратий по вере и племени и вместе возвысить вашу народность в здешнем крае и принести пользу вашей Церкви. О, если между вами найдутся равнодушные к этому, то я с прискорбием скажу: они плохие православные и недостойны имени русского!.. Многие из вас ропщут, что здесь русские в уничижении и без всякого значения, позволите ли спросить, что вы сделали, чтобы местное население уважало вас? Многие из вас, как я слышу, винят начальство за то, что оно мало заботится о православии и русских интересах в здешнем крае, а что вы сами делаете для них?»

Весьма красноречив отзыв М. П. Погодина о Платоне: «Я не любил Платона Рижского, раз только с ними встретился, и он мне не понравился. Прочитав речь, я поклонился в землю, заочно прося прощения, что не любил его. Вот речь пастыря, умеющего сказать по месту и по обстоятельствам».

В заключение рас скажем вкратце о семье, в которой вырос будущий митрополит.

У Николая было четыре брата: Михаил, Тимофей, Иван, и Алексей. Михаил Иванович после смерти отца (28.12.1848) и до своей кончины (2.04.1886) был священником Ильинской церкви Погорелого Городища. И отец, и сын были погребены на кладбище при этой церкви. Там же покоится прах дочери Михаила Ивановича Марии (24.10.1852—2.11.1900). Недолгий жизненный путь этой женщины красноречиво характеризует надпись на ее надгробном памятнике:

Ты много трудилась на ниве родной,
Ни славы, ни почестей ты не искала,
В основе трудов твоих польза лежала,
Да будет душе твоей мир и покой.

Сын Михаила Ивановича — Сергей — родился в 1862 г. Из пятого класса Тверской духовной семинарии он поступил в Демидовский юридический лицей в Ярославле, откуда по своему прошению был уволен, чтобы сменить своего отца на посту священника Ильинской церкви (с 10 августа 1886 г.). В 1895 г. Сергея Михайловича открыл при Ильинской церкви церковно-приходскую школу, в которой он бесплатно преподавал Закон Божий. В 1900 г. за свою службу Сергей Михайлович был награжден скуфьей. Дальнейшая его судьба неизвестна, по всей видимости, он стал последним священником Ильинской церкви.

Другой брат митрополита, Тимофей, священствовал в храме Св. Троицы в Твери. В 1848 г. он пережил страшную эпидемию холеры. В больнице, находившейся в здании Тверского духовного училища, Тимофей Иванович день и ночь исповедовал многих обреченных, к которым опасались подойти даже родственники.

Иван Иванович Городецкий прожил короткую, но яркую жизнь, судить о чем, правда, приходится только по эпитафии на его надгробном памятнике на Митрофаньевском кладбище в Петербурге: «Иван Иванович Городецкий профессор Ришельевского лицея скончался жертвою усердия к своему делу на 27 году от роду февраля 16 д. 1838 г. Памяти любезного брата посвящает архимандрит Платон». В 1904 г. в Тверскую ученую архивную комиссию поступила тетрадь с рукописью комедии «Жених по жребию», автором которой был Иван Иванович Городецкий[4].

О четвертом брате Платона — Алексее — известно лишь то, что он проживал в Погорелом Городище, и митрополит просил Погорельскую думу, чтобы ежегодные проценты от тех денег, которые он во время своего визита передал посаду на покупку пустоши, выдавались Алексею до его смерти, после чего они должны были оставаться в пользу посада.

Еще в середине XX в. погорельские старожилы рассказывали, что уже в советское время им довелось учиться у трех дочерей Сергея Михайловича Городецкого. Их отличало редкое сочетание необыкновенной красоты и незаурядного ума. Скоропостижно скончавшуюся в молодости Ольгу Сергеевну провожало в последний путь всё население Погорелого Городища.

[4] Журнал 95 заседания ТУАК от 17 февраля 1904 г. С. 9.

Н. А. Лопатина

Из истории одной драки в Торжке

Пытаясь описать характер жителей города, Н. И. Рубцов[1] рассказал об одном случае, случившемся в Торжке: «Носились прежде слухи о том, что новоторам свойственно до некоторой степени буйство; но, кажется, что это не совсем верно, если судить по тому, что осенью или зимою в девять, десять часов вечера в Торжке, кроме лая собак, не услышишь почти никакого другого звука. Может быть, к заключению о буйстве новоторов подал повод случай, бывший еще при императрице Екатерине II. Перед проездом ее через Торжок, новоторы, поссорившись с придворною прислугою, разбили царскую кухню и гардероб на одной из площадей. По этому случаю было произведено исследование и суд, который приговорил каждого десятого из граждан к наказанию кнутом. Наказание это не было исполнено, потому что новоторжское общество отправило к императрице депутацию с просьбою о помиловании, и в самый праздник Похвалы Богородицы императрица даровала прощение. В память этого случая и по настоящее время ежегодно в праздник Похвалы Богородицы служат в городской думе при собрании городского общества благодарственный молебен»[2].

Этот рассказ, но уже в связи с изложением истории императорского Путевого дворца, внес в свою книгу о Торжке и А. А. Суслов, процитировав текст из очерка Н. И. Рубцова со своими дополнениями. Для того чтобы было понятно, что же добавил А. А. Суслов к цитате из Н. И. Рубцова, мы даем цитату из его книги и выделяем те фразы, которых нет у него: «„Памятная книжка Тверской губернии“ за 1865 год сообщает забавный факт, *связанный с пребыванием в путевом дворце Екатерины II*: „прежде носились слухи, что новоторам свойственно буйство, но, кажется, это не совсем верно. Если судить по тому, что осенью или зимой в девять-десять часов вечера в Торжке, кроме лая собак, не услышишь другого звука. Может быть, заключение о буйстве новоторов сделано на основании одного инцидента, который произошел в городе *в 1787 году* во время приезда Екатерины II, когда на одной из городских площадей *группа молодежи* поссорилась с придворной прислугой, разбила царскую кухню и гардероб. По этому поводу было проведено расследование, и суд приговорил каждого десятого из граждан наказанию кнутом. Наказание не было осуществлено, так как городское общество отправило к Екатерине II депутацию с просьбой о помиловании. *Всё это происходило в апреле месяце*, в праздник Похвалы Богородице. Екатерина II отменила свое прежнее решение. В память события *вплоть до 1863 года* ежегодно служили в городской думе благодарственный молебен. *Но за жителями Торжка на долгое время сохранилось прозвище „драные“*»[3].

Сравнивая цитаты, заметим, что А. А. Суслов, ссылаясь только на «Памятную книжку Тверской губернии на 1865 год», неизвестно почему связал данный случай с пребыванием Екатерины II в Путевом дворце в 1787 г., указал возрастную группу драчунов — это была местная молодежь, а также дату — 1863 г., до которой служили в городской думе благодарственный молебен, и сообщил о том, что новоторы долгое время имели прозвище «драные».

Впрочем, не ради сравнения двух версий рассказа о ссоре новоторов с царской прислугой мы решили вспомнить этот эпизод. Главное, что этот случай, по нашему мнению, произошел не при Екатерине II, а при императрице Елизавете Петровне, и не в 1787-м, а в 1754 г. Попробуем это доказать.

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО), в фонде Тверской ученой архивной комиссии хранится копия отрывка из дневника бургомистра Морозова, в котором рассказыва

---

[1] Николай Иванович Рубцов (1825—1895), краевед, общественный деятель, один из основателей Тверского краеведческого музея и публичной библиотеки в Твери. С марта 1861 г. он — секретарь губернского по крестьянским делам присутствия с причислением к канцелярии начальника губернии. К этому времени относится начало его литературной публицистической и изыскательской деятельности, посвященной прошлому и настоящему Тверского края. Служба Н. И. Рубцова была связана с частыми разъездами, что давало ему возможность знакомиться с общественной и экономической жизнью губернии, наблюдать быт и нравы, культуру, язык, природу разных частей губернии. Всё это станет основой задуманного им музея, послужит материалом для написания прекрасных очерков городов Осташкова, Торжка, Кашина.

[2] *Рубцов Н. И.* Очерк Торжка // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865. Приложение.

[3] *Суслов А. А.* Торжок и его окрестности. М.: Московский рабочий, 1970. С. 70.

ется о подобной ссоре и драке, произошедшей в Торжке в 1754 г.[4]; текст этого документа был недавно опубликован[5]. Вот этот фрагмент:

«1754 года апреля 1 дня в начале зачалося, как приехал из Москвы гвардии Преображенского полку капитан Тимофей Петрович Текутьев с солдатами и объявил, что де из уст по словесному ее императорского величества приказу прислан к вам в Торжок для исследования о ссоре и драке о имеющемся при гардеробе ее императорского величества лакеем Бочкиным, который следовал из Москвы в Петербург 15 мая того ж года[6]. Всемилостивейшая государыня в то время изволила шествовать мимо Торжка и, проехав Новоторжский государев дворец с версту, и остановилась для перепряжки ямских лошадей за Рождественским монастырем. И к тому случаю как я, Морозов, с крайним успехом пришед и ожидаю, как бы к ним подойти на поклон. Потом пришел ко мне Петр Иванович Шувалов[7] и таким смирным голосом спросил: „Что, ты — бургомистр Морозов?" — Я ему отвечал: „Морозов". Потом взял меня за правую мою руку, повел с собою к карете всемилостивейшей государыни и объявил, что де просит новоторжское купечество. И на то изволила милостивая Государыня сказать: „Благодарствую, примите от него". Потом еще принесли ко мне два штофа гданской водки хорошей, и я ничего против, чтоб ту водку соизволила принять, что самая достойная водка, то при таковом случае изволила взять себе в карету и смотреть, как на них подпись подписана, и соизволила у себя той водки один штоф удержать, а другой отдала Александру Борисовичу Бутурлину[8], при том же приняла сахар, потом стал я докладывать Петру Ивановичу Шувалову о том, чтобы соизволила принять напитки; и на ту просьбу объявил мне: негде положить, потом велел всё принять, и соизволила милостивая государыня на то смотреть, при коей карете тогда были все генералитеты, кавалеры и весь синклит царский, а именно знатных персон тогда было: Александр Григорьевич Разумовский[9], Михайло Ларионович Воронцов[10], Петр Шувалов, Иван Шувалов[11], Александр Борисович Бутурлин, Петр Спиридонович Скоморохов, Петр Борисович Куракин, Василий Иванович Чулков[12] и прочих чинов, при котором случае иных притом опознать не мог. Со всеми теми, Бог милостив, в то благополучное время допустил видеться, говорить и слезно о деле просить и точно им при том, как что было подлинно на словах объявлял, и они все то слушали и мое объявление принимали и о деле том рассуждали, а только как между прочими покорными просительными моими словами, аз употреблял при всех тех генералах, просил: „Милостивая государыня, подлинно в то время, как известно самому всещедрому Богу, что я в тот праздничный Похвалы Богородицы день субботы отъехал в деревню (в день драки. — *Н. Л.*), а товарищ мой (второй бургомистр Новоторжского городового магистрата. — *Н. Л.*), сказывают, в тот час был у литургии и ничего того дела не знает". И потом стали господа генералы рассуждать, и из тех лиц Петр Иванович Шувалов и Василий Иванович Чулков объявили: „Ежели в то время при том не был, то ты не бойся ничего и дела до тебя никакого не

---

[4] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Ед. хр. 1698.

[5] Морозовы. Дневник // Публикация Н. В. Середы // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в. М.: Российская политическая энциклопедия: Памятники исторической мысли, 2007. С. 220—223. Учитывая публикацию Н. В. Середы, мы публикуем текст дневника в собственном прочтении с некоторыми уточнениями.

[6] При дальнейшем чтении текста становится известно, что драка новоторов с лакеем Бочкиным и императорской прислугой произошла в праздник Пресвятой Богородицы 30 марта 1754 г. Именно после этого праздника, 1 апреля, приехал для расследования драки Текутьев. В связи с этим запись о том, что Бочкин следовал 15 мая 1754 г. из Москвы в Петербург можно понять как ошибку переписчика (в подлиннике дневника она могла относиться к проезду через Торжок самой Екатерины II) или как сообщение о том, что драчун Бочкин оказался вновь в Торжке 15 мая 1754 г.

[7] Петр Иванович Шувалов вместе с братом Александром принимал участие в перевороте 1741 г., после чего пожалован в камергеры; муж подруги императрицы Мавре Егоровне Шепелевой; сенатор (1744), граф (1746), генерал-аншеф и генерал-адъютант (1751). Двоюродный брат И. И. Шувалова.

[8] Александр Борисович Бутурлин (1694—1767), военачальник; генерал-адъютант (1747), подполковника лейб-гвардии Преображенского полка (1749), фельдмаршал (1756), граф (1760), генерал-фельдмаршал (1756).

[9] Алексей Григорьевич Разумовский (1709—1771), из украинских казаков; участник переворота 1741 г., морганатический муж императрицы Елизаветы (1742), граф, генерал-фельдмаршал (1756).

[10] Михаил Илларионович Воронцов (1714—1767), камер-юнкер при дворе цесаревны Елизаветы Петровны, секретарь (1735). Участвовал в перевороте 1741 г. С А. М. Черкасским и Н. Ю. Трубецким составил манифест о восшествии на престол. Действительный камергер, поручик лейб-кампании (1741), муж двоюродной сестры императрицы Елизаветы графини Анны Карловны Скавронской (1742), вице-канцлер, граф (1744), государственный канцлер (1758).

[11] Иван Иванович Шувалов (1727—1797), камер-юнкер (1749), фаворит императрицы Елизаветы. Оказывал воздействие на внутреннюю и внешнюю политику России.

[12] Василий Иванович Чулков (1709—1775), истопник во дворце цесаревны Елизаветы Петровны (с 1739), камер-юнкер (1742), метр-де-гардероб (1743). Пользовался большим доверием Елизаветы Петровны.

будет". Еще же он, Морозов, на то им отвечал, что такое дело сделалось глупым препростым и малолетними, кои совершенного разума в себе не имеют. Окромя нас, народом Василий Иванович подтвердил <и> рассуждал, что то де может так сделалось, и было при том довольное число господ, кои были у нас, кушали всякие напитки, все благодарили нас, да и после того, на другой день, в селе Выдропужск так благодарили нас за вчерашнюю нашу компанию и угощение. В том же Выдропужске, как государыня прибыть изволила, тогда поднос приказала принять и потом благодарила, и тогда вышел Александр Борисович Бутурлин и объявил: „Милостивая государыня вас всех ныне прощает и винных приказала освободить из-под караула и комиссию рушить". Назавтра <мы> были допущены до государыни для благодарения за такие ее милостивые до нас щедроты и милосердие. На то нам всем государыня из своих уст сказать тако соизволила: „Бог вас простит, я не желаю ссор и драк быть никаких". И я, Морозов, еще погодя, как в карете изволила быть одна, зашел с другой стороны, стал благодарить один за такое великое матернее ее до нас, яко родная мать о чадах своих имея попечение, пал пред милосердием ее, поклонился в землю, и то изволила оконце открыть, вторично изволила сама своими устами сказать: „Бог простит вас!"»

В выписке из дневника Морозова имеется копия с посланного капитану Текутьеву ордера:

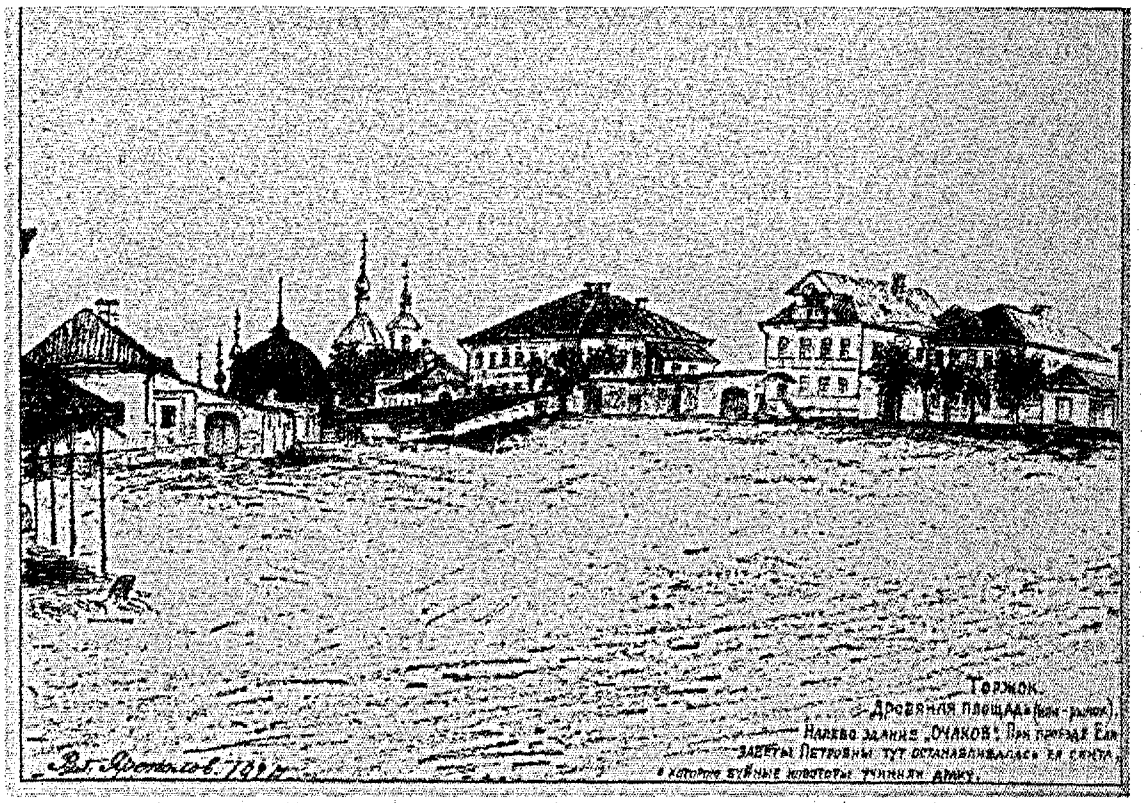
«Ее императорское величество всемилостивейшая государыня указать соизволила: порученное вам следствие о происшедшей в городе Торжке от тамошних обывателей с бывшими при гардеробе ее императорского величества лакеем Бочкиным и прочими драке уничтожить, и которые по следствию посадские виновными оказались, оным ту их вину из высочайшей монаршей милости отпустить повелела и из-под караула освободить с таким при том крепким подтверждением: ежели они впредь таковые или подобнейшие предерзости учинят, то уже неотменно будут жестоко наказаны, по которому высочайшему повелению и учинить вам при собранном лучших тамошних людей непременное исполнение, а самим с находящеюся при вас команде следовать в Москву и явиться по-прежнему при команде. Мая 16 дня 1754 года».

Итак, что же следует из процитированных выше документов?0

Несмотря на разную датировку историй о драке новоторов в дневнике Морозова и в статье Н. И. Рубцова, ясно, что речь идет об одном и том же событии, так как имеется ряд сходных деталей в обоих рассказах: праздник Похвалы Богородицы, драка с гардеробщиком императрицы и другой ее прислугой, хлопоты о прощении новоторов и прощение императрицы. Не думаю, что именно в праздник Похвалы Богородицы произошли две драки — одна при Елизавете, другая при Екатерине II. Тем более это не могло произойти в 1787 г., как указывал А. А. Суслов. В 1787 г. Екатерина проезжала по дороге из Москвы в Петербург через Торжок 6 июня 1787 г. и провела в нем в ночь с 6 на 7 июня, а до этого, с 24 марта 1787 г., она была в южных губерниях и Крыму, куда отправилась из Петербурга 2 января через Великие Луки и Смоленск.

Из дневника следует, что ссора и драка новоторов с прислугой императрицы произошла в праздник Похвалы Богородицы (в 1754 г. он приходился на 30 марта), была ли в этот день сама императрица в Торжке, неизвестно. Зато из дневника Морозова мы узнаем, что императрица проследовала через Торжок 15 мая, уже после Пасхи (в тот год Пасха приходилась на 14 апреля), которую она праздновала, будучи в Москве. То есть прощение новоторов произошло не в праздник Похвалы Богородицы, как об этом писали Н. И. Рубцов и А. А. Суслов. В рассматриваемых нами документах также указано, что новоторы, виновные в драке, содержались под караулом с начала апреля по 16 мая 1754 г., сколько их было, не указано, и о том, что каждого десятого жителя приговорено было выдрать кнутом, вообще не упоминается. Скорее всего, дополнения к этой истории, которые мы не встретили в дневнике Морозова, и о которых написали Н. И. Рубцов и А. А. Суслов, существовали в устных преданиях, которые указанные авторы могли слышать от старожилов Торжка. Можно предположить, что в числе арестованных и находящихся под караулом были дети богатых новоторжских купцов, и это, скорее всего, было одной из причин, из-за которой так рьяно бургомистр Морозов пытался вымолить прощение у императрицы. Впрочем, как видно из дневника, Морозов боялся, что и он, как бургомистр, ответственный в силу своей должности, за порядок в городе, будет наказан за данный инцидент.

Место драки у Рубцова указано довольно условно: «на одной из площадей». На сегодняшний день мы можем более точно указать это место. На одном из рисунков В. Яроцолова, опубликованных в 2002 г. И. А. Бочкарёвой, изображена Дровяная площадь в Торжке. В нижнем правом углу рисунка есть интересная для нас подпись, сделанная печатными буквами,



скорее всего, самим художником: «Торжок. Дровяная площадь (или рынок). Налево здание „Очаков". При проезде Елизаветы Петровны тут останавливалась ее свита, с которою буйные новаторы учинили драку». В левом нижнем углу уже прописными буквами подписано: «Вл. Ярополов. 1924»[13]. Эта надпись подтверждает, что драка новоторов с императорской прислугой, которая так запомнилась жителям Торжка, произошла при Елизавете Петровне, а не при Екатерине, а самое главное, на рисунке обозначено место, где произошла драка. Конечно, В. Ярополов указал его не как очевидец событий, а, скорее всего, по воспоминаниям старожилов. Мы же обозначим место данной драки на современной территории города.

Сейчас бывшая Дровяная площадь носит имя Петра Ивановича Ананьина, одного из партийных руководителей города в первые годы Советской власти. Здание «Очаков», которое мы видим на рисунке, до нашего времени не сохранилось, а располагалось оно там, где сейчас сквер перед Городским домом культуры, сразу под холмом. Здание с наименованием «Очаков» не раз упоминается в документах XIX в. как питейное заведение, которое городовой магистрат сдавал в наем. В 1819 г. купец Е. Г. Теребенин желал вступить в должность винопродавца в питейном доме Очаковском[14]; в 1837 г. городская дума сдает в наем «дом Очаковский» управляющему питейными заведениями господина Полторацкого тверскому купцу Толченову[15]. Скорее всего, и 30 марта 1754 г., в праздник Похвалы Богородицы, это также было некое питейное заведение, где решившая отдохнуть и развлечься царская прислуга подралась с местной молодежью. Наверняка, обе стороны были нетрезвы, и оттого стали буянить. Мы не знаем имен зачинщиков и участников драки, кроме имени царского лакея Бочкина, и драка эта, как и множество других драк, могла бы уйти в небытие, если бы в ней не участвовали царские лакеи. Но, может статься, что в то время здание «Очаков» использовалось и для других нужд. Во всяком случае, по плану города Торжка 1767 г. где-то на этом месте, внутри нового Гостиного двора, планировалось построить задние магистрата.

Так как драка произошла не в 1787, а в 1754 г., мы не можем связывать ее с сохранившимся до наших дней каменным императорским путевым дворцом, который был построен в конце 1770-х гг. на новом месте, а не на месте старого деревянного путевого дворца, местоположение которого нам неизвестно.

[13] *Бочкарева И.* Владимир Ярополов в Торжке // Торжок в путевых заметках и мемуарах. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей, 2002. С. 150.
[14] ГАТО. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 534.
[15] ГАТО. Ф. 56 Оп. 1. Ед. хр. 25109. Л. 7.

В связи с этим сделаем несколько уточнений к атрибуциям Н. В. Середы из предисловия к публикации дневника Морозова. Так, она считает, что «основное внимание в дневнике отводится описанию встречи Е. И. Морозова с императрицей Елизаветой Петровной в 1753 году»[16]. Действительно, в середине первого листа тетради, в которой записан отрывок процитированного выше дневника Морозова, есть заголовок: «Книга записная 1753 года мая 1 дня». Но ведь, как мы видели, основной текст начинается с даты «1754 года апреля 1 дня в начале зачалося...», а ордер каитану Текутьевы датируется 16 мая 1754 г.

Не можем мы согласиться с мнением Н. В. Середы о том, что с императрицей Елизаветой Петровной встречался Е. И. Морозов, поэтому о купцах Морозовых: главном персонаже описываемых событий и авторе дневника, и о его потомках, мы расскажем подробнее.

Купцы Морозовы были одними из самых зажиточных и влиятельных людей в Торжке во второй половине XVIII — первой четверти XIX вв. Они владели крупными кожевенными заводами, солодовнями, занимались хлебной торговлей. Многие члены этого рода избирались в городское управление. В рассматриваемой нами копии дневника Морозова на четырех листах есть несколько записей с датами, связанные с главными событиями в семье Морозовых, при этом после каждой даты подсчитано, сколько лет прошло от указанного события до 1827 г. Эти подсчеты записаны в столбик, мы же дадим их в строку. Мы публикуем их, так как именно они помогут нам определить автора записей в подлиннике дневника:

«Родился сын Иван большой 1737 года декабря 27 дня <...> 1827 — 1737 = 90.

Родился другой сын Иван 1745 года января 22 дня <...> 1827 — 1744 = 83.

Родилась дочь Анисия 1751 г. декабря 19 дня <...> 1827 — 1751 = 76.

1710 года сентября 1 дня родился Иоаким, Иванов сын Морозов <...>1827 — 1710 = 117.

А брак восприял 1734 января 7 дня.

А в замужестве жены моей Анны жития ее было по 1777 г. по январь по 5 число, того за ней 43 года и три дня, а преставилась января 10 дня в обедню. 1827 — 1777 = 50 лет[17].

Начал строить новый двор 1750 г. в мае месяце. 1827 — 1750 = 77.

1827 августа 12 дня батюшка Ефрем Иванович господин Морозов поехал в Санкт-Петербург».

Все эти записи в совокупности с выявленными в ГАТО другими документами о жизни купцов Морозовых в Торжке позволяют сделать вывод, что дневник, выписка из которого хранится в ГАТО, вел Иоаким (Аким, Яким) Иванович Морозов († после 1784), который, судя по дневнику, в 1754 г. был бургомистром в Торжке[18].

В выписке из дневника указаны даты рождения детей именно Якима Ивановича Морозова: Ивана Большого, другого сына Ивана, дочери Анисьи. Кроме того, приводятся даты рождения самого Иоакима Ивановича Морозова, его женитьбы, смерти его жены Анны. Также указано, что в 1750 г. он начал строить новый двор. Из работы А. В. Дёмкина о тверском купечестве, нам известно, что новоторжский купец Иоаким Иванович Морозов владел мельницей, торговал хлебом, занимался перетопкой сала-сырца, мыловарением, имел кожевенное производство: делал красные кожи с дегтем, которые свозились в Петербург для вывоза за границу[19]. Другие документы подтверждают наше мнение, что в дневнике приведена хроника семьи Иоакима Ивановича Морозова. Например, в книге со сведениями о рождении и их капиталах новоторжских купцов на 1778 г. записаны купец Яким Иванов Морозов 67-ми лет с сыном Иваном Якимовым Большим 40 лет и детьми Ивана Большого Иваном двух лет († 1776 г.) и Ефремом 8 лет, а также с сыном Иваном Якимовым Меньшим 31-го года[20]. Указанный здесь возраст членов семьи практически совпадает с указанными датами в дневнике, что и позволило нам сделать вывод, что автором дневника был Яким Иванович Морозов.

---

[16] Морозовы. Дневник. С. 221. По мнению Н. В. Середы, копия дневника Морозова написана в тетради обычного для XIX в. формата на лощеной бумаге без водяных знаков, причем «бумага и почерк напоминают почерк копии дневника Томилов-ых».

[17] Запись о смерти «моей жены Анны» Н. В. Середа толкует как запись о смерти жены Ефрема Ивановича Морозова и отно-сит ее к 1827 г. Но нам известно, что женой Ефрема Морозова с 1793 г. была Авдотья Степановна Мишурина, правда, она скончалась до 1827 г. По нашему мнению, в дневнике речь идет о смерти жены Якима Морозова Анны в 1777 г.

[18] Бургомистр — в России 1699—1866 гг. глава городского управления или должностное лицо, входившее в состав город-ского самоуправления. Как, правило, избирались 2 бургомистра и 4 ратмана.

[19] *Дёмкин А. В.* Русское купечество XVII—XVII веков. М., 1990.

[20] ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 499. Л. 52.

Старший сын И. И. Морозова Иван Якимович Большой Морозов († 1803[21]) продолжил дело отца. В 1786 г. он записался в купцы 1-й гильдии (2 чел.)[22], в 1787—1802 — 2-й гильдии[23]. Иван Якимович Большой владел мучной мельницей в версте от Торжка, юфтевым заводом. В 1779 г. он перестроил скит на Поклонице в единоверческую церковь. В 1781, 1790 гг. он избирался градским головой[24], после его смерти наследниками его были сын Ефрем Иванович Морозов и дети Ефрема[25].

Выписка из дневника Иоакима Ивановича Морозова была сделана в 1827 г., вероятнее всего, его правнуком Степаном Ефремовичем Морозовым, сыном купца 1-й гильдии Ефрема Ивановича Морозова. Известно, что в 1803, 1811—1812, 1827—1829 Е. И. Морозов избирался городским головой. Ефрем Иванович Морозов упоминается в рассматриваемой нами выписке из дневника Морозова в следующей записи: «1827 года августа 12 числа батюшка Ефрем Иванович господин Морозов поехал в С.-Петербург поутру в 6 часов». Эта запись и позволяет нам сделать вывод, что копию с дневника делал сын Ефрема Ивановича Морозова в 1827 г., при этом он и производил подсчеты: от 1827 г. он вычитал все указанные его прадедом Я. И. Морозовым даты, тем самым вычисляя, сколько лет прошло с даты рождения его прадела, смерти прабабки, рождения деда и т. д. Попутно заметим, что Ефрем Иванович Морозов поехал в Петербург хлопотать перед банком о задержке по выплате кредита, так как в этот год он был объявлен должником Государственного коммерческого банка в Петербурге и его движимое и недвижимое имущество было описано за долги[26].

Нам известен только один сын Ефрема Морозова Степан Ефремович, который родился в 1802 г.[27] Значит, в 1827 г., когда он делал выписку из дневника прадеда, ему было 25 лет. Мы можем также предположить, где собственно он это делал. Скорее всего, в доме отца на Успенской улице (сейчас это площадь Ананьина, 2)[28]. Можно представить, как сидел он в одной из комнат второго этажа (там, где сейчас редакция газеты «Новоторжский вестник») и занимался в отсутствии отца этим делом для отдохновения от трудов по коммерции. А в Тверскую ученую архивную комиссию эта выписка могла попасть не от самого С. Е. Морозова (известно, что он скончался после 1862 г.), а от его сыновей Михаила или Николая. А, может статься, кто-то из Морозовых передал ее Н. И. Рубцову.

По нашему мнению, рассказ о встрече бургомистра Морозова с императрицей составлен не на основе делопроизводственных документов, как считает Н. В. Середа, а был записан самим участником событий Иоакимом Ивановичем Морозовым, так как в основном рассказ ведется от первого лица. Оборот же «Аще он, Морозов...», встреченный один раз в этом тексте, мог принадлежать переписчику в лице Степана Ефремовича Морозова.

И совсем не можем мы согласиться с выводом о том, что данный текст — «фальсификация, сделанная на основе реально существовавших, видимо очень малочисленных дневниковых записей и делопроизводственных документов». Мы считаем, что основной рассказ, записанный от первого лица, имеет однородную стилистику, очень последователен, и события, рассказанные в нем, подтверждаются рядом фактов из других источников. Кроме того, непонятна причина, по которой вдруг в 1827 г. Степан Ефремович Морозов написал эту «фальсификацию». Разве что он решил вспомнить заслуги прадеда перед банкротством отца.

---

[21] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 104.
[22] Там же. Ед. хр. 4261.
[23] Там же. Ед. хр. 1, 60.
[24] Там же. Оп. 2 Ед. хр. 120. Л. 2; Ед. хр. 1093.
[25] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 104.
[26] Там же. Ед. хр. 792. Л. 9—65; Ед. хр. 886.
[27] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 14475. Л. 24 об. Метрическая книга Успенской церкви г. Торжка.
[28] Второй дом Е. И. Морозова на Успенской улице после войны был капитально перестроен, сейчас это дом на пл. Ананьина № 3 (в этом здании сейчас Торжокуниверсалбанк). За этими домами у Морозовых были солодовни (одна из них — сгоревшее здание столовой по ул. Луначарского). На средства купцов Морозовых в Торжке построено несколько церквей.

И. А. Бочкарева

Свечная башня Борисоглебского монастыря: к истории строительства

В ГАТО в делах Тверского губернского правления хранится дело «Об утверждении проекта на строительство башни и части ограды при Новоторжском Борисоглебском монастыре» и пояснительная записка к проекту. Данные документы о самой поздней постройке нынешнего ансамбля Борисоглебского монастыря – Свечной (Розовой) башне дают возможность ввести в научный оборот сведения о времени утверждения проекта, о технических условиях выполнения строительных работ, о назначении постройки и подтверждают авторство новоторжского городового архитектора Степана Ивановича Гребенщикова. По косвенным данным удалось установить и время строительства башни (ил. 1).

Обращаясь к историографии вопроса, необходимо отметить, что в источниках по истории Борисоглебского монастыря конца XIX в. сведения о Свечной башне или вовсе отсутствуют (И. Красницкий, Д. Самбикин), или крайне скупы (И. Колосов: «В одной из башен, перестроенной настоятелем Антонием, помещалась библиотека»)[1]. Только Ю. и З. Шамурины дают первое, довольно подробное описание башни: «В 40-х годах XVIII столетия монастырь был обнесен существующей до нашего времени каменной оградой с двумя башнями на углах. Одна из них, расположенная на северо-восточном углу, была переделана при архимандрите Антонии (1864—87 гг.) и приспособлена для помещения в ней монастырской библиотеки. К сожалению, нет никаких указаний на то, когда башня приняла свой современный оригинальный облик. Строитель ее, по-видимому, задался целью воспроизвести для торжковского монастыря замысловатые формы московских построек конца XVII века, устроить из башни сооружение, напоминающее нарядную Красную башню Троицкой Лавры и другие современные ей башни и колокольни. В результате получилось здание довольно красивое, но только отдаленно, только разве общим впечатлением напоминающее произведения „московского барокко". Мало старомосковского в отделке окон, в островерхих арках, заканчивающих два нижних этажа, в узкой круглой башенке, образующей верхний ярус»[2]. А. А. Суслов в книге «Торжок и его окрестности» издания 1970 г. писал: «По углам ограды находились две каменные башни. В одной из башен помещался архив и библиотека». В издании 1983 г.: «Угловая башня – бывшая монастырская библиотека – самая поздняя постройка монастыря. В ее архитектуре сказались эклектические тенденции конца XIX века. Выполненная в псевдорусском стиле, башня грузна по пропорциям, своему объему и не вполне гармонирует с остальными сооружениями монастыря»[3]. В книге Л. В. Андреева о монастырских башнях читаем: «Каменная монастырская ограда построена в 1700-х годах <...> На трех углах поставлены башни, на южной стороне небольшие, а на северо-восточном, обращенном к городу углу, большая трехъярусная Свечная башня. Угловая, ныне существующая красная башня, построенная по проекту тверского архитектора Гребенщикова, отражает общий упадок русской архитектуры конца XIX века. Она выполнена в каком-то эклектическом стиле»[4]. Нам представляется, что ее предшественница была по архитектуре идентична сохранившейся ныне юго-восточной башне. Об этом свидетельствуют и известные изображения (фото 1860-х гг.). Сохранившаяся юго-восточная башня тоже трехъярусная: первый ярус имеет выход на восточную галерею стены, второй – на южную галерею (ил. 2, 3). Башни возводились при строительстве каменной монастырской ограды в 1734–1747 гг.

Прошло 120 лет со времени строительства монастырских башен. В 1868 г. Тверская духовная консистория адресует в строительное отделение губернского правления «Проект на построение каменной башни и части ограды при Новоторжском Борисоглебском монастыре». Речь идет о северо-восточной башне. Рассмотрев проект, правление отправило 6 мая 1868 г.

---

[1] *Колосов И.* Новоторжский Борисоглебский монастырь. СПб., 1890; *Красницкий И.* Торжок // Красницкий И. Тверская ст... рина: Очерки. СПб., 1875; *Самбикин Д. И.* Монастыри и приходские церкви Торжка и их достопримечательности. Твер... 1903.

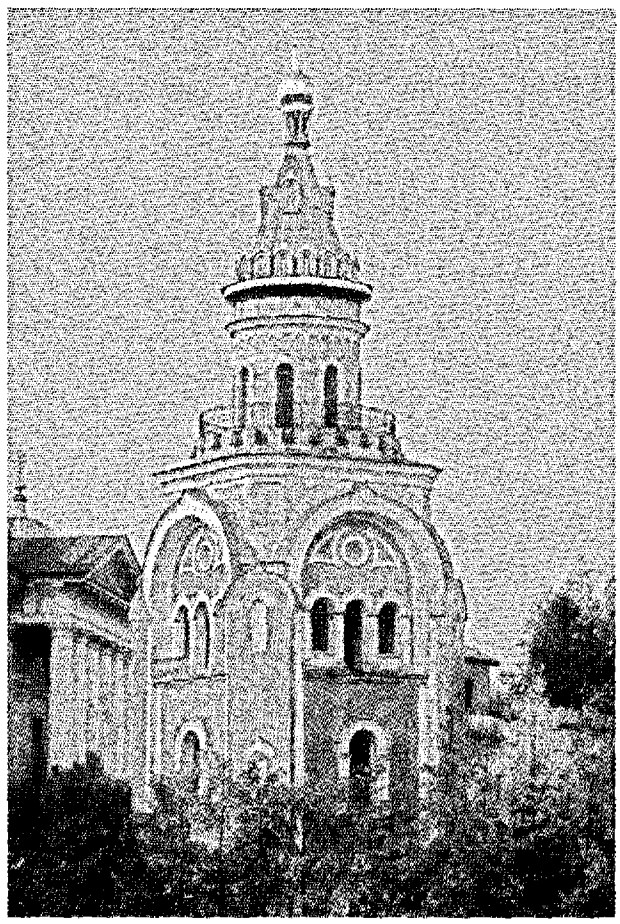
[2] *Шамурины Ю. и З.* Калуга. Тверь. Тула. Торжок. М., 1913. С. 67.

[3] *Суслов А., Фомин А.* Торжок и его окрестности. М., 1983. С. 51.

[4] *Андреев Л. В.* Торжок. По городам России. М., 2007. С. 22.

Тверскую консисторию ответ за подписью губернского инженера, полковника Строковского о неутверждении данного проекта. Причиной отказа было то, что в проекте не указывалось, «какие именно меры будут приняты против разлива водой основания башни <...> для заключения степени устойчивости башни необходимы сведения, производились ли и каким образом испытания грунта <...>, соответствует ли качество грунта способу устройства фундамента; этажи для какого назначения»[5].

Архитектор С. И. Гребенщиков, проведя «работу над ошибками», направляет в Тверь пояснительную записку к проекту, которая начинается с обоснования необходимости строительства новой башни: «В прежние времена башня существовала на этом месте с 1747 до 1867 г. и от ветхости разрушилась, а потому для соединения существующих каменных стен ограды <...> для поддержания ее оконечностей, чтобы соблюсти наружный вид монастыря со стороны города»[6].



1. Свечная башня Борисоглебского монастыря. Фото 2005 г.

Встает вопрос: почему через 120 лет возникла необходимость строительства новой северо-восточной башни, в то время когда юго-восточная башня стоит до наших дней? По-видимому, из-за особенностей геофизического состояния грунта на данном участке, что не предусмотрели строители башни в 1747 г. Архитектор в пояснительной записке докладывал: «Грунт, на котором полагается соорудить башню, оказался песчано-глинистым, при углублении на 5 аршин показалась вода, тем более принимая в соображение, что на всем косогоре до самой реки Тверцы на разных возвышенностях существуют колодцы»[7]. Гребенщиков подробно излагает технические условия выполнения проекта: «Неблагонадежность такого грунта и невозможность углубиться до материка побудила назначить под основание башни свайную бойку и устроить на сваях ростверк[8] с продольными и поперечными *<нрзб.>*. При производстве свайной бойки полагается вынуть землю котлованом под всё пространство глубиной, как существует горизонт на 6 аршин, где постоянная сырость предохранит дерево от гниения. На ростверки полагается вывести фундамент из бутового камня, который имеется от старой башни, цоколь из гранитного камня тесаный, прочие части из кирпича и некоторые украшения из белого старицкого камня». Можно констатировать, что по использованному материалу замысел был осуществлен: цоколь башни выполнен из тесаного гранита, башня – из кирпича. Проектом также предполагалось «части башни скрепить достаточным количеством железных связей». Для оттока вешних грунтовых вод вокруг башни предусматривалось устройство дренажа и канав[9].

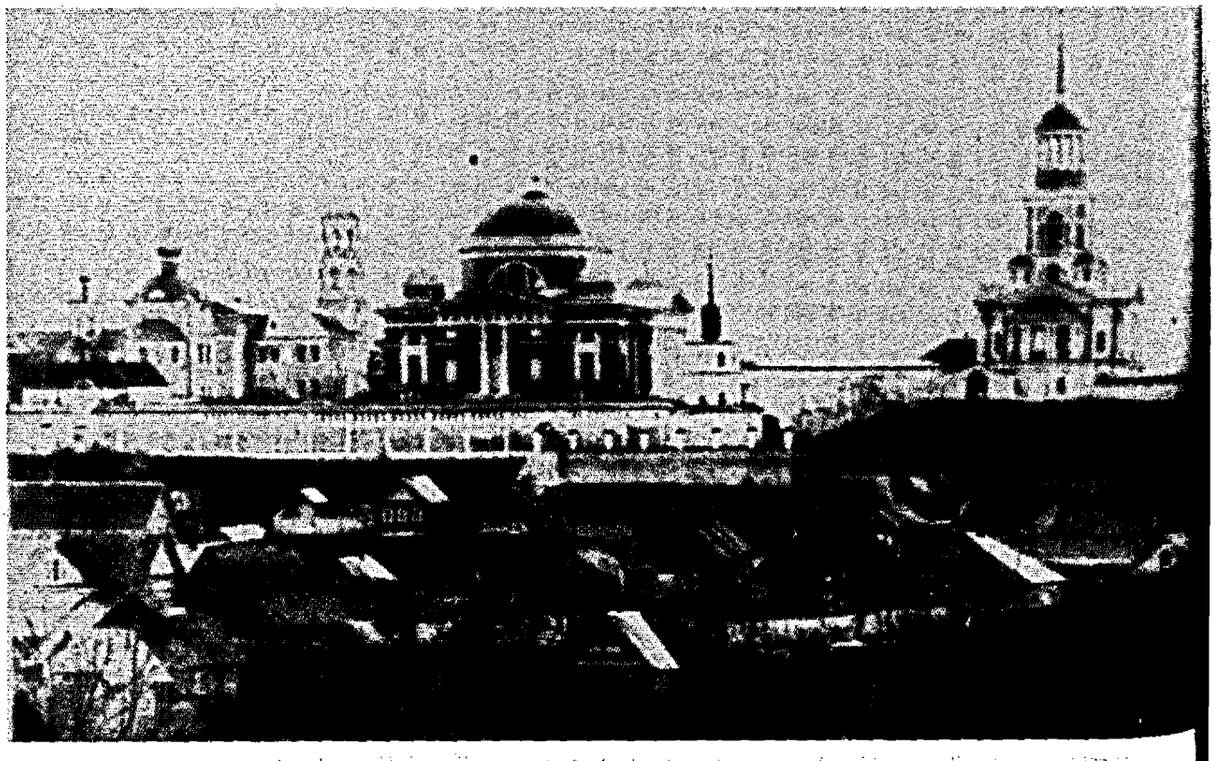
Архитектор предлагал помещения первого этажа, вход в который с внешней, северо-восточной стороны, использовать «по усмотрению настоятеля монастыря». Там разместилась, вероятно, как и прежде, свечная лавка. Перед входом в нее, со стороны Тверцы, еще со времен старой башни, была устроена площадка, обнесенная оградой. На фотографиях начала XX в. она

[5] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 76742. Л. 2.
[6] Там же. Л. 5.
[7] Там же. Л. 5 об.
[8] Ростверк – бревна, лежни, иногда на сваях, служащие основанием здания (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. IV. С. 104).
[9] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 76742. Л. 6, 7.

хорошо просматривается. Вход на второй этаж башни – с внутренней стороны монастыря (в настоящее время заложен). Из помещения второго этажа был проход на галерею ограды восточной стороны. Вход на третий этаж башни был устроен с северной стороны галереи ограды.

Помещение третьего этажа было самое светлое – с трех сторон окна; вероятно, там располагалась библиотека. Из этого помещения проектом предусматривались два выхода на балконы: «для зрителей во время крестных ходов, особенно 11 июня, во время обнесения святых мощей преподобного Ефрема». Металлические решетки балконов вместе с кронштейнами, крепившими их, были выломаны в 1990-е гг. Четвертый этаж башни представляет собой световой фонарик круглой формы, вход в него – по винтовой лестнице с третьего этажа. Вокруг фонарика был предусмотрен круговой балкончик, «окруженный железной решеткой для свободного

2. Ансамбль Борисоглебского монастыря. Фото Е. Шаламоновой, 2006 г.



3. Борисоглебский монастырь. Свечной башни еще нет. Фото 1860-х гг.

прохода. Сверху всего оканчивается деревянным шпилем <...> обитым железом»[10]. 4 сентября 1868 г. проект С. И. Гребенщикова был утвержден. Вероятно, во время строительства были внесены изменения: усложнено завершение постройки: вместо деревянного шпиля – усеченный шатер с ложными окошками и слуховыми проемами, увенчанный шаром с крестом.

Мы не располагаем прямыми источниками о времени строительства башни, но в книге приходов и расходов Борисоглебского монастыря за 1871 г. в статье расходов значится: «уплочено столяру за 20 новых рам в окна строящейся башни»[11]. Столярные работы, как правило, являются заключительным этапом строительства. На литографии Д. Гаврилова «Борисоглебский монастырь» (1874) изображена новая Свечная башня (ил. 4). Таким образом, время строительства башни можно датировать началом 1870-х гг., то есть второй половиной XIX в., а не концом XIX в., как утверждают некоторые источники.

Все монастырские постройки окутаны легендами. Существуют они и о Розовой башне. От экскурсоводов приходилось слышать, что в этой башне историограф Н. М. Карамзин писал главы «Истории государства Российского». Напомним, что Карамзин умер в 1826 г., почти за полвека до строительства башни.

Еще одна легенда повествует о том, что каждое утро, в определенный час, новоторы выходили из дома и смотрели на Розовую башню. Из нее появлялся монах и проходил вокруг фонарика. Если на нем была белая накидка, то ожидался солнечный день, отсутствие накидки означало пасмурную погоду. Объясняли это тем, что в помещении библиотеки был барометр. Таким образом, предсказания погоды делались на научной основе, при монастыре существовал своеобразный гидрометцентр.

Я весьма скептично отношусь к легендам, но однажды в доме коренных новоторов Шитаревых мне показали старинный барометр в виде башенки из папье-маше и объяснили принцип действия: внутри на телячьей жилке крепится фигурка монаха, в дождливую погоду жилка растягивается и фигурка появляется в окне башни, в сухую погоду жилка сужается и фигурка поднимается вверх. На мое предложение передать барометр в музей сказали, что подумают, но произошло непредвиденное: барометр вместе с другими старинными вещами был похищен.

4. Борисоглебский монастырь. Литография Д. Гаврилова. 1874 г.

[10] Там же. Л. 6 об., 7 об.

[11] ГАТО. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 4. Цит. по: *Михайлова Т. А.* Сравнительное описание построек и служб Новоторжского Борисоглебского монастыря. 1992. Машинопись. Архив ВИЭМ. Д. 79.

Ж. В. Бойкова

Новоторжский городской голова и провизор Николай Иванович Дегтеревский

Моя девичья фамилия — Дегтеревская. Эта редкая фамилия (на протяжении своей жизни мне ни разу не встречались однофамильцы), поэтому мне всегда хотелось узнать, «откуда есть пошли» мои предки. К тому же время неумолимо, уходят наши родители, унося с собой историю семьи. К сожалению, сейчас уже многого не восполнить. Еще 25—30 лет назад можно было бы собрать сведений гораздо больше.

Начало было положено школьным домашним заданием моего сына, тогда пятиклассника: составить родословное древо. Мы вместе с ним приступили к поискам: расспросили нашего дедушку Виктора Викторовича Дегтеревского, разослали письма с вопросами родственникам. Много раз рассматривали старинный семейный альбом, кожаный, с бронзовым вензелем и застежкой. С красивых, в цветах, страниц альбома на нас смотрели папины прабабушки в кринолинах, тетушки в шляпках, с зонтиками, гимназистки: то в форменных платьях с кружевными воротниками, то в укороченных пальто, в ботиночках и шляпке-таблетке с муфточкой, компания молодежи на отдыхе: на велосипедной прогулке, на рождественских катаниях в расписных санях. Сохранилось несколько фотографий моего прадеда, Николая Ивановича Дегтеревского. Одна из них особенная: он в чиновничьем мундире, на груди должностной знак городского головы: на большой плоской цепи серебряный овал с гербом города Торжка — шесть, летящих голубей.

Тогда за выполненное задание мы получили законную «пятерку», после чего энтузиазм Сережи, что, наверное, естественно для его возраста, угас, а для меня только начались поиски: поехала в Торжок.

Город стал мне родным, как был он родным для моих предков. В сборе материала мне помогали сотрудники Всероссийского историко-этнографического музея, где хранится большой фотоархив Дегтеревских. В городе отыскались люди, которые помнили моих близких. Документальные источники, в основном, были получены из ГАТО. И стали оживать фотографии из старинного альбома, хотя осталось еще много недосказанного.

Мой прадед Николай Иванович Дегтеревский родился в 1843 г. Из его послужного списка: «...православного вероисповедания. Обучался в Злотопольском[1] уездном дворянском училище Киевской губернии», три класса которого закончил в 1864 г. В 1867 г. выдержал испытание на степень аптекарского помощника в императорском университете Святого Владимира в городе Киеве. 16 ноября в 1871 г. выдержал испытание на степень провизора в том же университете, в чем и выдан ему диплом за № 67, который удостаивал «аптекарского помощника Николая Дехтеревского <!> степени провизора со всеми правами и преимуществами»[2].

Известно, что до июня 1875 г., около года, он работал в Харьковской аптеке господина Кириллова. Во время войны с Турцией с 9 ноября 1877 г. поступил на службу управляющим аптекой Кавказского военно-временного госпиталя № 62 и был уволен 21 ноября 1878 г. в отпуск, впредь до отчисления от этой должности»[3].

О многих этапах его жизни можно составить представление только по косвенным данным. Судьба каким-то образом привела его в Москву, и он «с 19 июня по 12 сентября 1879 г. заведовал управлением Пречистенской аптеки в Москве, а с 19 марта 1880 г., находился в той же аптеке в качестве провизора и при очень хорошем поведении обязанности свои исполнял с усердием»[4]. Тогда в Москве встретился он с Леонтиной Бремер. Образованная, добрая девушка, дочь известного аптекаря-гомеопата Виктора Андреевича Бремера. Ей было 25 лет, Николаю Ивановичу — 36 лет. Они решили пожениться. Этот союз упрочил его положение в качестве представителя аптекарской династии.

---

[1] Город Златополь, до 1787 г. называвшийся Гуляй-поле, в 1959 г. был объединен с Новомиргородом и двумя соседними селами Виноградовкой и Катериновкой. В настоящее время это город Новомиргород.

[2] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 56719. Л. 2.

[3] Там же. Л. 2 об.

[4] Там же. Л. 3.

Вероятно, тогда он едет в Новомиргород к родственникам, чтобы получить свою долю наследства. В свидетельстве, выданном приставом города Новомиргорода, сообщается, «что с 22 марта по 28 мая 1880 г. Н. И. Дехтеревский проживал в городе Новомиргороде у своих родственников». Оттуда Н. И. Дегтеревский спешит в Торжок, где становится владельцем аптеки. В рапорте в Тверское врачебное управление от 1 июля 1880 г. Н. И. Дегтеревский «имеет честь донести» о том, что вольная Новоторжская аптека на Сенной площади, принадлежащая провизору Бернарду Сегалю, приобретена им в собственность 30 мая 1880 г. Управление аптекой будет осуществляться самим Н. И. Дегтеревским[5].

Вскоре состоялось венчание во Введенской церкви на Лубянке. Об этом узнали мы из записи на оборотной стороне диплома, выданного советом киевского императорского университета Святого Владимира: «Означенный в сем дипломе провизор Николай Иванов Дегтеревский сего июля 25 дня 1880 года повенчался с дочерью провизора девицей Леонтиной Викторовой Бремерг <!>, в чем удостоверяем Московской Введенской на Лубянке церкви: священник Николай Анириев, диакон Василий Казанский, псаломщик Николай Павловский»[6].

Моя прабабушка Леонтина Викторовна Бремер родилась в 1855 г. Известно, что ее отец Виктор Андреевич Бремер был выходцем из Швеции, племянником писательницы Фредрики Бремер. Долгие годы он арендовал гомеопатическую аптеку на Петровке в Москве у Андрея Форбрихера (родного брата жены). Мать Леонтины Полина Федоровна — урожденная Форбрихер, отец ее Федор Форбрихер, выходец из Дерпта. Его сын Андрей Форбрихер в 1880-е гг. был владельцем известной в Москве Петровской гомеопатической аптеки.

В Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) хранится герб рода Форбрихеров: «На лазоревом щите, женщина в серебряной одежде, с зеленым лавровым венком на голове, держащая в правой руке золотую чашу, а в левой золотой жезл, обвитый таковою же змеею. Щит украшен дворянским королевским шлемом. На шлеме три голубых страусовых пера. На них вертикально золотая пчела. Намет справа голубой с серебром, слева голубой с золотом». Девиз: «Laborte et arte» («Работа и Искусство») серебром по голубой ленте.

В 1880 г. молодожены приезжают в Торжок. Это была одна из самых красивых и благополучных пар в городе: хорошо образованные, глава семейства — специалист со столичным опытом работы, имеют недвижимость — новоторжскую аптеку. Аптека располагалась на Сенной площади Торжка в двухэтажном флигеле дома, построенного в стиле барокко в 1768 г. для новоторжского купца И. Я. Кутафьева, в XIX в. в нем находился городской магистрат[7].

В левом флигеле здания магистрата на первом этаже располагалась аптека, а второй этаж занимала семья Дегтеревских. В заявлении в Новоторжское раскладочное присутствие от 3 апреля 1905 г. находим интересные сведения: «За всё помещение в два этажа, в нижнем аптека, а в верхнем квартира» годовая плата составляла 450 руб. Сам владелец заведует и управляет аптекой. На вопрос «Какого рода торговое заведение, и каким товаром торгует плательщик?» Н. И. Дегтеревский отвечает: «Аптека. Аптечные медикаменты и парфюмерные товары по рецептам и по мелочам». На вопрос «Сколько покоев и входов для покупателей имеется в заведении?» отвечает: «Вход один, покоев два для аптеки, один для служащих и один для лаборатории, всего четыре». На вопрос о складских помещениях: «Одна комната при аптеке для запаса медикаментов и подвал под аптекой, и чердак для трав и посуды». «При торговле лиц находилось: членов семьи — 1 ученица; наемных приказчиков — 2 — провизор и ученик; прочих служащих — 2 человека». «Содержание за стол и квартиру всех служащих» за год обошлось 864 руб. Общий оборот 7282 руб. и 65 коп.»[8] Проверяющие отмечали, что «при аптеке Дегтеревского было заведение искусственных минеральных вод и шипучих фруктовых напитков. В санитарном отношении там всё благополучно»[9]. Сохранилась фотография дома с вывеской «Новая Новоторжская аптека Н. И. Дегтеревского».

Адрес-календари Тверской губернии за 1903—1916 гг. дают сведения об исполняемых должностях и сословной принадлежности прадеда: «принадлежит к дворянскому сословию», являлся кандидатом в уездное по квартирному налогу присутствие, членом уездного по квар-

[5] Там же. Л. 5, 1.
[6] Там же. Л. 26 об.
[7] После революции во время нэпа в доме был винный магазин Полякова и ресторан, позднее парикмахерская, в настоящее время — городское отделение милиции.
[8] ГАТО. Ф. 490. Оп. 8. Ед. хр. 127. Л. 128—129 об.
[9] *Воинова Н. А.* История развития здравоохранения в Торжке. Машинопись. Архив ВИЭМ.

тирному налогу присутствие, провизор (он же казначей) Общества вспомоществования нуждающимся ученикам реального училища (учреждено в 1906 г.), товарищ председателя Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в начальных учебных заведениях г. Торжка (учреждено в 1906 г.), представитель от городской управы в городском по государственному налогу с недвижимых имуществ присутствии».

В кондуитном списке фармацевтической практики Николая Ивановича, выданном врачебным отделением Тверского губернского правления 1 марта 1910 г., записано, что «Н. И. Дегтеревский, 65 лет, русский, православного вероисповедания указом от 30 декабря 1905 года награжден Орденом Станислава 3-й степени за службу членом новоторжского городского квартирного присутствия»[10].

С 1911 по 1916 г. (два срока) Николай Иванович избирался городским головой Торжка. По его инициативе в городе началось строительство водопровода. В пояснительной записке к проекту водоснабжения Торжка, посланной генерал-губернатору в Тверское губернское правление 5 июля 1912г., представлены обоснования необходимости строительства нового водопровода: «В данное время обслуживает город ручеек (ручей Здоровец), вода которого по исследованиям найдена не лучше тверецкой, и в сухое лето не может снабжать город водой в достаточном количестве»[11].

Второй срок его избрания на должность городского головы пришелся на трудные годы Первой мировой войны. В Новоторжском уезде было 5 призывных пунктов. 72-летний городской голова руководит всеобщей мобилизацией в уезде. Дегтеревские проводили на фронт троих сыновей: Николая, Виктора и Константина. Дочь Надежда работала в военном госпитале[12]. Николай Иванович был награжден медалью «За труды по всеобщей мобилизации 1914 года».

После революции новые власти отобрали аптеку, но Николаю Ивановичу разрешили работать в ней служащим. Прадед был православным человеком. О его честности, смелости и гражданской позиции можно судить по такому факту: в 1919 г. в Торжке проходит кампания по вскрытию мощей святых. В Спасо-Преображенском соборе были выставлены на поругание толпы мощи новоторжской святой благоверной княгини Иулиании. Сохранилось заявление от прихожан в Новоторжский уездный исполком: «Мы просим, и даже требуем, согласно данных населению декретом об отделении церкви от государства прав, немедленной передачи нам нашей дорогой святыни — мощей святой благовер. кн. Иульянии и отмены вашего распоряжения о позорном пребывании святыни до 12-го февраля в поруганном виде»[13]. В числе первых подписей — подписи Н. И. Дегтеревского и его сына Константина. Если учесть время, дворянское происхождение, занимаемые должности, происхождение жены, можно представить, каким сильным и мужественным человеком был этот человек.

Аптека просуществовала до 1924 г., до смерти Николая Ивановича. Леонтина Викторовна пережила мужа на 12 лет, умерла в 1936 г., похоронена рядом с мужем на кладбище Дальняя Троица. Вся их совместная жизнь — 44 года — прошла в Торжке, здесь они были почитаемы и уважаемы среди новоторов, здесь они стали счастливыми родителями, здесь пережили войны и революции, здесь оказался и последний их приют.

У Николая Ивановича и Леонтины Викторовны Дегтеревских было семеро детей.

Новоторка Галина Борисовна Егорова вспоминала отдельные штрихи семейной жизни Дегтеревских. Каждое лето семья снимала дачу в Прутне. Всегда у них было много гостей, родственников. Николай Иванович на Пасху сам закупал продукты, делал пасху, красил яйца. Для аптеки всей семьей ездили на сбор трав. Сами сушили их, изготавливали настойки, мази. Любили устраивать пикники на Поклоннице. Дочери учились в гимназии, перед экзаменами забегали в часовню на площади помолиться и поставить свечки. Сыновья учились в Реальном училище.

Приведу небольшие справки о детях. Старшая дочь Александра родилась в 1882 г. В кондуитном списке фармацевтической практики аптекарской ученицы Александры Николаевны Дегтеревской, выданном врачебным отделением Тверского губернского правления в ок-

[10] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 56716. Л. 21.

[11] Там же. Ед. хр. 86797. Л. 12 об., 13. Цит. по: *Лопатина Н. А.* Самотечный водопровод в Торжке // Тверская старина. 2000. № 27. С. 86.

[12] *Бочкарева И. А.* Новоторжский край в годы Первой мировой войны // Сборник научных трудов ВИЭМ. Вып. I. Торжок, 1997. С. 16.

[13] ВИЭМ. КВФ. 543/41.

тябре 1905 г., записано, что «А. Н. Дегтеревская, родившаяся 8 августа 1882 года, православного вероисповедания, получила образование в Новоторжской женской гимназии. Имеет свидетельство на звание домашней учительницы за № 11617 от 13 июля 1903 года. На основании циркуляра Министерства народного просвещения от 25 октября 1899 года за № 25788 выдержала испытание в педагогическом совете Ржевской мужской гимназии по латинскому языку для получения звания аптекарской ученицы, в чем имеет свидетельство от 14 октября 1902 года за № 1105. 20 октября 1902 года поступила в Новоторжскую вольную аптеку провизора Дегтеревского, 15 сентября 1905 года выбыла из оной. В течение нахождения в аптеке при хорошем поведении возложенные на нее обязанности исполняла хорошо»[14]. Была замужем, имела сына Владимира. После войны она с сыном вынуждена была перебраться в деревню Андреаново, где работала скотницей, помогала сестрам Ольге и Олимпиаде продуктами. Последние годы жизни провела в доме престарелых в Торжке, где ее любили. Александра хорошо играла на фортепиано, часто устраивала музыкальные вечера с танцами.

Дочь Ольга родилась в 1885 г. Закончила Московский университет[15], работала в Новоторжской вольной аптеке своего отца провизором[16]. После революции до пенсии работала в аптеке на Тверецкой набережной. Замужем не была, ее жених погиб в начале Первой мировой войны. Всю жизнь, кроме нескольких лет эвакуации в Казани, Ольга прожила вместе с сестрой Олимпиадой в Торжке. Умерла 10 марта 1970 г.

Дочь Олимпиада родилась в 1886 г. Закончила гимназию. Работала учительницей Успенско-Остолоповского училища. Была замужем за Штарком, детей у них не было. В адрес-календарях за 1911—1915 гг. среди членов городской управы значится секретарем Ригинальд Эдуардович Штарк — возможно, это муж Олимпиады. Летом 1914 г. супруги поехали в гости в Германию. В начале Первой мировой войны Олимпиаду арестовали. В архиве имеется удостоверение на имя О. Н. Штарк-Дегтеревской в том, что она «с 1 августа 1914 г. и по настоящее время находилась в плену в Германии и поэтому не имела возможности до настоящего времени продолжать учительские обязанности в вышеназванной школе»[17]. По возвращении в Россию Олимпиада работала учителем и воспитателем в детском доме, затем в костно-туберкулезной больнице. С мужем они развелись. Олимпиада Николаевна прекрасно играла на фортепиано, давала уроки музыки, у нее даже была любимая брошь в виде золотого скрипичного ключа с бриллиантами. Умерли она в один год с Ольгой 22 ноября 1970 г., похоронили их рядом на Иоанно-Богословском кладбище.

Старший сын Николай родился в 1889 г. Закончил новоторжское реальное училище. Увлекался спортом, был вратарем новоторжской футбольной команды. В «Списках жителей Торжка, имеющих военную подготовку» за 1918 г. сказано: «Н. Н. Дегтеревский — комдив роты, прапорщик запаса». Был женат на Валентине Евтропиевне, у них было двое детей: дочь Валентина (Аленька) и сын Николай. Валентина была участницей Великой Отечественной войны. Николай учился в химико-технологическом институте, был призван в армию в 1939 г., погиб при защите Москвы в 1942 г. под Волоколамском. Его имя выбито на памятнике новоторам, погибшим в Великой Отечественной войне. Николай Николаевич был адвокатом при нарсуде. Последние годы жизни провел в Арзамасе.

Виктор (мой дед) родился в 1890 г. Пошел по стопам отца — стал фармацевтом. Был женат на Алевтине Константиновне Афанасьевой, которая родилась в 1891 г. в Белоруссии. Работал в Белоруссии заведующим аптекой. С 1934 г. постоянно жил в Курске и работал заведующим медицинским складом на химико-фармацевтическом заводе. Умер в 1962 г. У Виктора было двое детей: дочь Нина и сын Виктор (мой отец).

Надежда родилась в 1892 г. В 1912 г. закончила гимназию. Во время Первой мировой войны работала сестрой милосердия. Надежда Николаевна была замужем за Евграфом Михайловичем Базилевским, который работал в бухгалтерии Большого театра. Они жили в Москве, детей у них не было.

[14] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 74761. ЛЛ. 8, 8 об., 9.

[15] В домашнем архиве есть копия Свидетельства Совета Императорского Московского Университета аптекарскому помощнику Ольге Дехтеревской (так в тексте) в том, что она, по надлежащем испытании в Медицинском факультете, определением Университетского Совета, 2 ноября 1913 г. состоявшегося, утверждена в степени провизора.

[16] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 75712. Л. 1.

[17] ГАТО. Ф. 1382. Оп. 1. Д. 339. Л. 43. Благодарим И. А. Бочкареву за предоставленную справку.

Сын Константин родился 1915 г. Врач-хирург. Был женат на Ольге Константиновне Соловьевой. Умер в возрасте 44 лет. У них было двое сыновей: Виктор и Сергей, оба учителя. В 2005 г. у внука Сергея Константиновича — Кости родился сын Даниил, прапраправнук Николая Ивановича и Леонтины Викторовны, единственный продолжатель фамилии Дегтеревских. Благодаря ему в древе Дегтеревских появилось VI колено.

Так сложилась судьба моего прадеда и членов его семьи, сыгравших определенную роль в общественной и культурной жизни Торжка конца XIX — начала XX в. Закончить свой рассказ мне хочется словами писателя Д. М. Балашова: «История — это наша жизнь, и делаем ее мы. Все скопом, соборно. Всем народом творим, и каждый в особину тоже».

1.Николай Иванович Дегтеревский. Фото 1914 г.

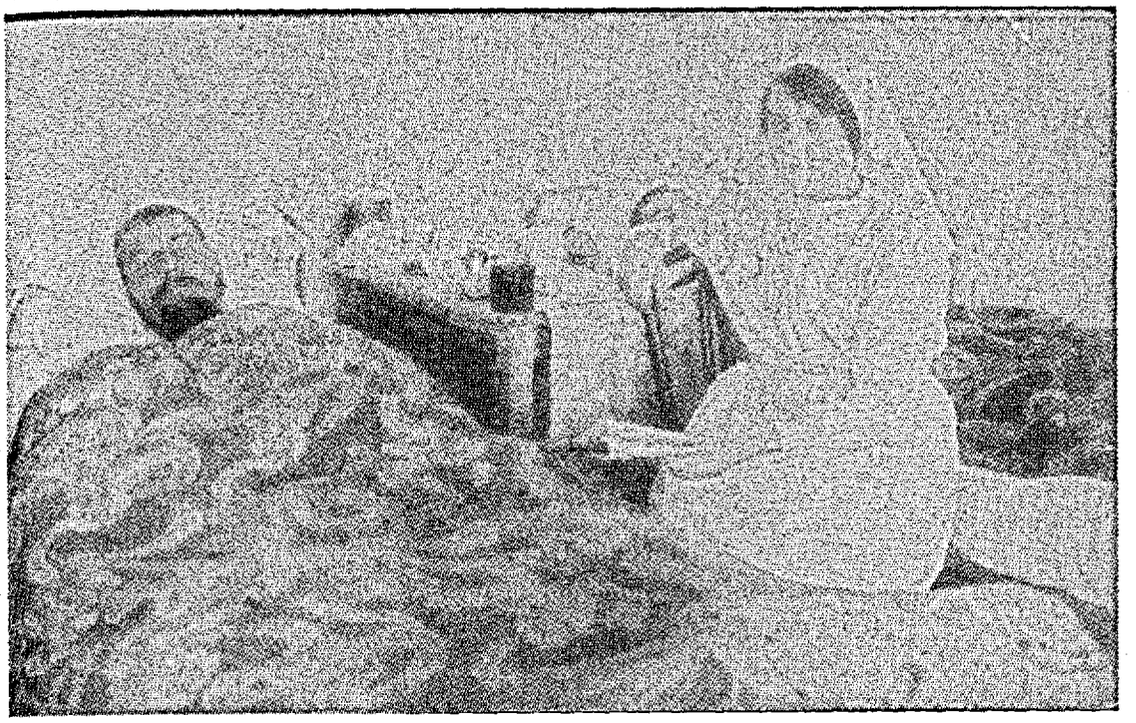
2. Семья Дегтеревских. Фото 1915 г.
Сидят слева направо: Георгий Федорович Бремер (племянник Леонтины Викторовны), Николай Иванович Дегтеревский, Володя (сын племянницы Леонтины Викторовны), Надежда Николаевна, Леонтина Викторовна Дегтеревская, Штарк (муж Олимпиады Николаевны), муж Александры Николаевны, Александра Николаевна.
Стоят слева направо: Надежда Федоровна Бремер (племянница Леонтины Викторовны), Виктор Николаевич, Валентина Евтропиевна (жена Николая Николаевича), Ольга Николаевна, Олимпиада Николаевна, Константин Николаевич.

3. Полина Федоровна Бремер (урож. Форбрихер) с детьми. Фото 1858 г.
Слева направо: Виктор, Евгений, Полина Федоровна, Леонтина, Федор, няня Арина

4. Новоторжская футбольная команда. 1933 г.
Стоят (слева направо): 6-й Николай Николаевич, 10-й Константин Николаевич, сидит с мячом Коля — сын Николая Николаевича.

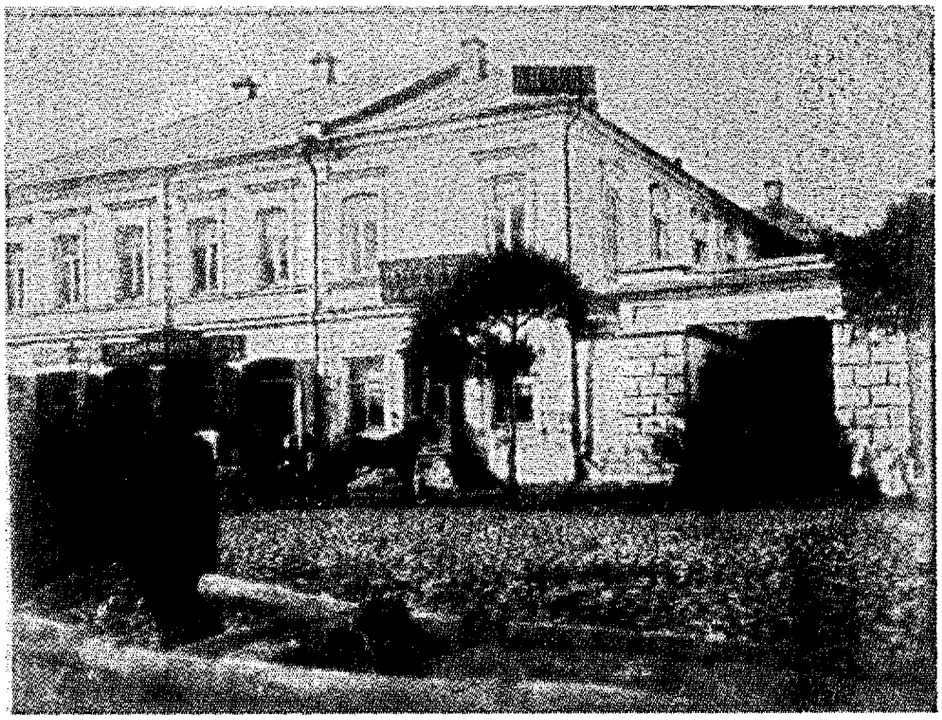
5. Велосипедная прогулка. Фото 1913 г.
Стоят (слева направо): 1-я Ольга Дегтеревская, 3-й Георгий Бремер, 6-я Александра Дегтеревская (?), 7-й Николай Дегтеревский, 8-й - Виктор Дегтеревский.

6.Шляпки
Слева направо: Виктор Николаевич Дегтеревский, Мария Федоровна Бремер, урожд. Кукунова, ее муж Георгий Федорович Бремер, неизвестная.

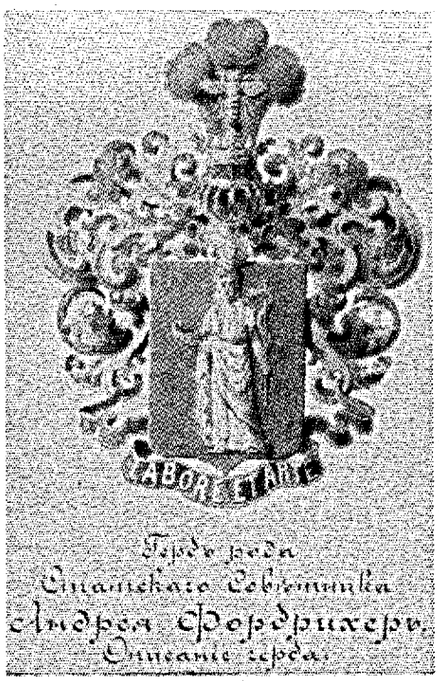


7. Надежда Дегтеревская в госпитале. Фото 1915 г.

8. Олимпиада Дегтеревская. Фото 1910 г.



9. Дом на Сенной площади. На первом этаже находилась аптека, на втором жили Дегтеревские. Вывеска «Новая новоторжская аптека Дегтеревского»



10. Герб рода Андрея Форбрихера

11. Ольга Николаевна Дягтеревская

Новоторжский поэт Василий Михайлович Чуфарин

Вступительная заметка
и подготовка текста О. В. Лобановой

Этот человек оставил заметный след в общественной жизни Торжка второй половины XIX — начала XX в. и заслужил добрую память потомков. Василий Михайлович Чуфарин родился в Торжке в мещанской семье, жившей на Александровской улице. Этот дом сохранился (ул. 1-я Пугачева, 41), сейчас в нем живет внучка Василия Михайловича — Софья Николаевна Чуфарина.

Краевед А. А. Суслов считал годом рождения В. М. Чуфарина 1855. Эта дата выведена на основании надписи на могильном камне (сохранилась фотография могилы[1]): «Мир праху твоему учредителю пожарного общества В. М. Чуфарину <скон. ?> 5 июля 1913 г. Жития его было 58 л.». Однако, сопоставив записи в метрических книгах о браке и смерти В. М. Чуфарина[2], можно прийти к выводу, что годом его рождения является 1852.

В. М. Чуфарин с женой и сыном Георгием

В течение четырех лет юноша служил письмоводителем у пристава 1 стана Старицкого уезда. Как говорится в данном ему в 1872 г. аттестате, занимался он этой работой «усердно, ревностно и с полным знанием дела», «постоянно отличаясь аккуратностью, примерным поведением и безукоризненной честностью»[3]. С 17 марта 1873 г. по 1 мая 1875 г. Чуфарин служил столоначальником в Новоторжской городской управе «при весьма хорошем поведении с отличным усердием и всегдашнею исправностью»[4]. 25 сентября 1879 г. он окончил курс в Новоторжском уездном училище, преобразованном в городское[5], служил письмоводителем в Новоторжской мещанской управе[6]. Женился Чуфарин на дочери новоторжского мещанина Марии Николаевне Селезневой. У них родилось много детей, но до взрослых лет дожили три сына: Николай, Георгий, Михаил. В. М. Чуфарин хорошо играл на скрипке и выступал на благотворительных концертах.

В. М. Чуфарин был активным членом добровольных обществ: взаимопомощи по случаю смерти, Красного Креста, трезвости, пожарного. Сохранилось несколько документов, говорящих о его добросовестной службе: удостоверение Императорского российского пожарного общества о праве ношения отличительного бронзового знака общества от 28 августа 1906 г.[7], свидетельство главного управления Российского общества Красного Креста от 29 октября 1907 г. о выдаче ему медали Красного Креста в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904—1905 гг.[8]; благодарность от на-

---

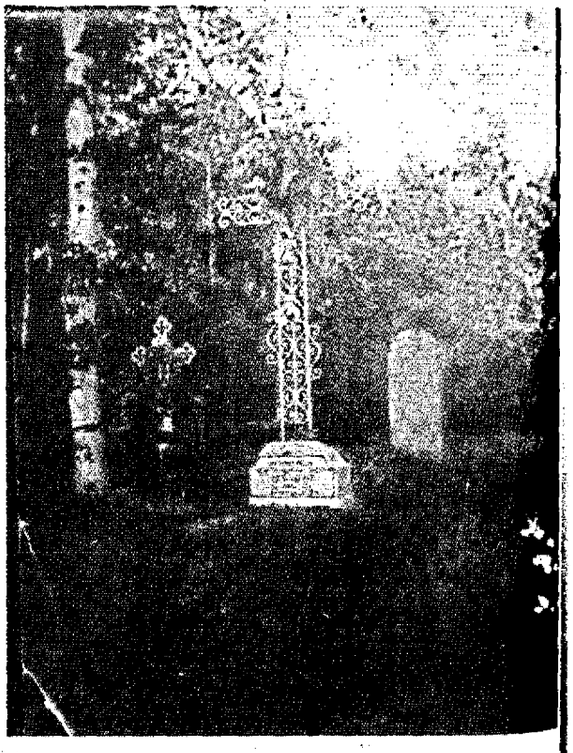
[1] ВИЭМ. КОФ. 390/804.
[2] В записи о браке в 1880 г. указан возраст М. В. Чуфарина: 28 лет. В записи о смерти в 1913 г. — 60 лет. Метрические книги Иоанно-Предтеченской и Никольской церквей г. Торжка. ГАТО. Ф. 160. Оп. 15. Ед. хр. 3703, 3865.
[3] ВИЭМ. КОФ. 390/1410.
[4] Аттестат, подписанный городским головой Поповцевым. ВИЭМ. КОФ. 390/807.
[5] ВИЭМ. КОФ. 390/1411.
[6] Адрес-календарь Тверской губернии на 1905 год. Тверь, 1905.
[7] ВИЭМ. КОФ. 390/806.
[8] ВИЭМ. КОФ. 390/808.

чальника пожарной команды начальнику 4 трубного отряда Новоторжского вольного пожарного общества Чуфарину за «энергичные действия» во время пожара на Воздвиженской улице 17 июля 1909 г.[9]

С детства он много читал и стал сочинять еще в годы учебы. Живя в небогатой семье, этот способный юноша не мог продолжить образование в каком-либо учебном заведении и потому занимался самообразованием. У внучки Василия Михайловича сохранилась общая тетрадь, куда он выписывал сведения по химии, истории, философии и другим наукам. Очевидно, что он был хорошо знаком с Библией, античной поэзией, мифологией, историческими сочинениями. Герои его стихов и поэм — русские былинные богатыри, князья Александр Невский и Дмитрий Донской, Борис Годунов, Ульяния Новоторжская, патриарх Гермоген, Петр I, Степан Разин, Кузьма Минин, Иов многострадальный, царь Соломон, Юдифь и многие другие. Кроме того, немало стихов написано на злободневные для него темы.

В нашем музее хранятся рукописные тетради В. М. Чуфарина, переданные его родными. Среди них — «Оглавление сочинений В. М. Чуфарина». Перечень имеет несколько разделов: «Библейские темы», «Духовные мотивы», «Элегии, думы», «Лирика», «Песни природы», «Песни сердца», «Легенды, сказания, история», «Из жизни», «Сатиры», «Поэмы».

У Чуфарина много произведений, посвященных жизни бедняков. Его душа болела за способных, талантливых русских людей, из-за нищеты и беззакония не сумевших найти достойное применение своим силам. В стихотворении «Родине», опубликованном в журнале «Кормчий» в 1912 г., он молил, чтобы Россия «из грубости и дикости» стала «человечною, разумною, сердечною», «на бой с нуждой рванулася».



Могила В. М. Чуфарина на Христорождественском кладбище Торжка

С 1878 г. произведения В. М. Чуфарина печатались в журналах «Тверской вестник», «Искра», «Светоч», «Благовест», «Кормчий», «Путь жизни». В 1884 г. в Твери вышел сборник произведений Чуфарина, куда вошли поэмы «Наместник новоторжский», «Ульяна», «Отрок Григорий» и стихотворения. Эта книга стала настоящей библиографической редкостью.

Среди поэм на сюжеты из истории Торжка привлекает внимание поэма «Ульяна», рассказывающая трагическую историю, произошедшую в начале XV в. Дочь погибшего новоторжского наместника, жена князя Симеона Вяземского Ульяния в неравной борьбе с соблазнителем князем Юрием Смоленским умирает, предпочитая смерть позору. В заметке, посвященной выходу в свет этого сборника, отмечается, что «поэма написана сильным стихом и полна неподдельного драматизма»[10].

Лирические стихотворения В. М. Чуфарина, по большей части, грустны, в них он размышляет о печальных сторонах жизни. Исключение составляют несколько стихотворений, вероятно, написанных в период влюбленности и радостных встреч с любимой.

В. М. Чуфарин умер в 1913 г. и был похоронен на Христорождественском кладбище. В 1930-е гг. Христорождественская церковь была разрушена, По воспоминаниям родных, могила сохранялась до Великой Отечественной войны. Потом кладбище было разорено и место застроено.

[9] ВИЭМ. КОФ. 390/811.
[10] ВИЭМ. КОФ. 5735.

Творчество В. М. Чуфарина спустя почти век после его смерти привлекает внимание человеколюбием и искренностью. Написанные хорошим литературным языком, эмоциональные, его стихи и поэмы читаются на одном дыхании. В планах ВИЭМ издание всех произведений, написанных этим замечательным новотором. В настоящем сборнике мы публикуем поэму «Улиания» и некоторые стихотворения, которые, на наш взгляд отражают особенности творчества автора.

В подготовке текста принимали участие сотрудники ВИЭМ Т. П. Большакова, Т. Я. Морозова.

В. М. Чуфарин

Улиания
Поэма

Песнь первая

I
В семействе дяди сиротою
Ульяна кроткая живет.
Она семнадцатой весною,
Как роза нежная, цветет.
Семьи бездетной утешенье,
Довольна жизнию она,
Не знает горестей, волненья,
И светлых радостей полна.
Невинных дней ее хранитель —
Уютный терема покой,
И в эту мирную обитель
Не проникает шум людской.
Для жизни тихой, безмятежной
Живет затворницей она
И, как цветок лилейный, нежный,
От всяких бурь ограждена.

II
Сегодня в тереме Ульяна
Сидит среди своих подруг.
Темнеет. Спать ложится рано.
Но вдруг — и ужас и испуг:

Огонь весь терем освещает,
Боярский двор горит, пылает.
«Горим!» — встревожился весь дом,
Смятенье, крик и шум кругом.

Гудит набат ночной порою,
Уснувший город пробужден.
«Пожар! пожар!..» — Под летней мглою
Народ бежит со всех сторон.
Пылает зарево пожара,
Несутся искры к облакам.
Везде тревога, шум и гам,
Как в многолюдный день базара.
Спасают рухлядь бедняки
И льются женщины слезами;
Стоят уныло с образами

У ветхих хижин старики.
Пылает огненное море...
Смятенье, ужас, плач и горе...
Сам князь торжковский молодой
Пред многолюдною толпой
Ломает, полный возбужденья,
Огнем объятые строенья.

Отважный, ловкий князь Семен
Бесстрашен, смел и оживлен.
Но вдруг средь шума и движенья
Глядит он, полный изумленья:
Пред ним боярышня, — она
Мила, прекрасна и бледна.
Пожара пламя озаряло
Ее прекрасные черты
И ярким блеском украшало
Прелестный образ красоты.
Отважный князь ее смущает,
Ульяны бледность исчезает,
И сердце стало биться в ней
Тревожней, чаще и сильней.

III
Не спится князю, он в волненье.
Она в его воображенье,
И дивный образ красоты
К себе влечет его мечты.
Настало утро, — грусть и скука;
Проходит день, — покоя нет;
В груди тоска, печаль и мука —
Без ней Семену грустен свет.
Проходят дни, — Семена гложет
Тоска, как лютая змея.
Забыть Ульяну он не может,
В палатах пусто без нея.
Он с кроткой, бедной сиротою
Связать судьбу свою готов...
И князь, влекомый красотою,
Послал к боярину сватов.

IV
Польщен боярин: честь такая
Дороже жизни. Весел он.
Уже гремит молва людская,
Род Гостомыслов вознесен.
О свадьбе князя рассуждают
В боярских пышных теремах;
Ульяну льстиво поздравляют
Подруги с завистью в сердцах.
Невеста юная в волненье,
В груди восторг и упоенье.

И князь в восторге. Испытал
Он в жизни много треволнений,
Он не изведал наслаждений
И вовсе радостей не знал.

Годами молод, стар бедами;
Провел он молодость с врагами;
В борьбе в Витовтом роковой
Лишился Вязьмы родовой,
Осмеян мачехой-судьбою;
И связан дружбою святою
С ним Юрий доблестный один,
Смоленский грозный властелин:
Они, как братья, выступали
За друга друг в кровавый бой
И, утомленные борьбой,
Свои уделы потеряли.
И вот три месяца назад
Московский князь из сожаленья
Им дал Торжок для прокормленья.
Семен и этому был рад.
Но друг его в Москву умчался
И там у князя добивался
Войны с могучею Литвой.

Семен махнул на все рукой.
Кровавых битв ему не надо,
Ульяна — вот ему отрада.

V

Шумит народ перед дворцом
У бочек с брагой и вином,
За новобрачных выпивает
И скоморохов окружает.
Старик нахмуренный, слепой,
Гусляр и бард земли родной,
Поет под гусли, звуки льются,
Родные песни раздаются.

В дворце пируют; молодых
При звоне кубков поздравляют
И целоваться заставляют
При шутках добрых и простых.
Вот сединами убеленный
Встает священник, крест берет, —
И князь взволнованный встает
С своей подругою смущенной.
Дружки торжественной толпой
Чету безмолвно окружают
И новобрачных провожают
В роскошно убранный покой.

Песнь вторая

I

Едет в Торжок из Москвы величавой
Юрий Смоленский, несчастный герой.
Мрачный, угрюмый, осмеянный славой,
Жалкий скиталец в отчизне родной.

Взор его блещет грозой озлобленья;
Злость на московского князя кипит:

Он не позволил сбирать ополченья,
Видимо, — с тестем, Витовтом, дружит.

В жизни ни цели, ни смысла не стало,
Гордому сердцу не нужен покой...
Прежде желанье пределов не знало,
Ныне, как смерд, он поруган судьбой!

Прежде владыка, объятый страстями,
Ради безумной забавы на час,
Жен разлучал беспощадно с мужьями,
Тешился казнью кровавой не раз.

Ныне гоним он народной враждою,
Даже родимый Смоленск изменил:
Сдался без боя Витовту-герою,
И пред Литвою главу преклонил.

Что ему делать? — с женой нелюбимой
Юрий в разлуке и холоден к ней...
Едет, людьми и судьбою гонимый,
Злобный, угрюмый и тучи мрачней.

И вспоминаются ему
Все пережитые волненья.
И злому сердцу своему
Он не находит утешенья.
В кровавых битвах закален,
Людские слышавший стенанья,
Он на людей ожесточен
И чужд к несчастным состраданья.
Лишенный власти родовой, —
Лишен великого княженья,
И дан насмешливой судьбой
Ему Торжок для прокормленья.
И тот не весь, а пополам
С Семеном Вяземским... О! мщенье
Кипит в нем, ненависть к князьям,
И ни к кому нет сожаленья...

II

Семен Мстиславич очень рад
Приезду князя и почетно
Встречает Юрия, как брат,
Радушно, просто, беззаботно.
Князь Юрий встречею польщен,
И поверяет другу он
Свои душевные волненья,
Страданья, гнев и озлобленья,
И неудачи все... Семен
Сам на Витовта озлоблен,
Но кротко князя утешает
И друга в дом свой приглашает.

В дворец супругов молодых
Приходит Юрий, гость почетный;

Здесь мир отрадный, беззаботный,
Все так добры, не видно злых.
Хозяйка пеннику подносит,
Хозяин кланяется, просит
Во здравье выпить. Гость польщен,
До дна всю чару выпил он
И, по обычаю приема,
Поцеловал хозяйку дома.
В словах и чинных и простых
Он поздравляет молодых.
Но взгляды страстные бросает
Он на Ульяну... Забывает
Весь мир пред женской красотой...
В его груди огонь другой
Сжигает все его волненья —
Тоску, и гнев, и жажду мщенья.
Он поражен... Семен Мстиславич
С поклоном чествует его:
«Не брезгуй, Юрий Святославич,
Приимством дома моего,
Прошу откушать вместе с нами
И выпить запросто с друзьями!»

Князья садятся. Пир идет.
Но что так много Юрий пьет
Вина? — У друга ль веселится,
Иль хочет он в хмелю забыться?
Нет! взор Ульяны заронил
Невольно искру в сердце злое
И в гордом сердце вспламенил
Любовь и чувство неземное, —
Палимый внутренним огнем,
Он не зальет его вином.

III
В своем чертоге Юрий бродит,
Как тень печальная, один.
Ни в чем отрады не находит
Себе влюбленный властелин.
В палатах грустно и уныло,
Дворец печален, как могила,
Понурых слуг мертвящий вид
И кровь, и сердце холодит.
Роскошно всё, но нет отрады.
Чего-то нет... Чего же надо? —
Ульяны нет; от ней одной
Чертогов облик гробовой
Сиял бы жизнью и красою,
Как мир пленительной весною.
И Юрий мучится тоской,
И чужд несчастному покой.

И в сердце черствое закралась
Святая, чистая любовь,
И сердце то перерождалось,
Кипело, жить хотело вновь.
И незнакомое волненье

В нем пробудилось: упоенья
И счастья жаждало оно,
Но счастие погребено:
Другой красавицу ласкает,
Другой Ульяной обладает,
А он лишь думает о ней
Среди мучительных ночей.

IV

Зачем влекущей красотою
Наделена, Ульяна, ты?
Чиста ты женственной душой,
Невинны светлые мечты.
Но ты неведомо внушила
Любовь преступную к себе
Тому, чья жизнь была уныла
И шла в тревогах и борьбе.
Ты заронила в сердце злое
Святую чистую любовь,
Кому неведомо святое,
Кто хладно лил людскую кровь.
В нем страсти пылкие таятся,
Тебе падением грозят;
Его мечты к тебе стремятся,
Тебя, невинная, хотят.

Вот он у терема порою
Проходит с свитою своей.
Красив и статен он собою,
По взгляду женщин — чародей.
На терем смотрит он с тоскою,
Ульяну видит он в окне;
И страсти огненной рекою
Кипят в сердечной глубине.
И грудь затворницы прекрасной
Он рад бы страстью напоить.
Ценой позора рад несчастный
Любовь преступную купить.
Как страстно жаждет он свиданья!
Но князь СемЕн всегда с женой,
Он любит кроткое созданье
Любовью первой и святой.
Порой в саду она гуляет
Среди боярынь молодых,
Иль с нею муж один бывает,
И там никто не видит их.

V

У князя Юрия для славы
Пиры и множество гостей.
Богатый, щедрый, величавый
Он стал в почете у людей.
Он на охоту выезжает
С своею свитой удалой
И всех собою затемняет,
И пред Семеном он — герой.

Молва о Юрии несется,
О нем толкуют в теремах...
Но он к одной Ульяне рвется, —
Она одна в его мечтах.
Одна... А юная княгиня,
Как недоступная святыня,
К нему безмолвно холодна,
И равнодушна, и скромна.

Нет сил таить в груди страданья,
Добиться хочется свиданья.
Но как и где?.. Служанку он
Подарком ценным подкупает
И, ожиданьем возбужден,
С Ульяной видеться мечтает.

VI
Как тень, украдкою идет,
Таясь под летней полумглою,
Служанка Анна. Юрий ждет
Ее с волненьем и тоскою.
«Ну, что и как?!» — «Об этом мне
Она и молвить запрещает:
Одной минуты не желает
Побыть с тобой наедине».
— «Озолочу, устрой свиданье!»
— «Князь, невозможно: ведь Семен
Хоть с виду прост, но грозен он,
Гневлив и лют на наказанье».
— «Семен! — его ты не страшись,
Ведь он червяк передо мною,
От всяких бед тебя укрою,
Служи ты мне, меня держись.
Я долго жить у вас не стану,
Как увезу с собой Ульяну,
И ты служанкою при ней
Жить будешь лучше и вольней».
— «Так слушай, князь: Семен — помеха,
Пока он здесь, не жди успеха,
Все жены крепки при мужьях,
Без них и верность наша — прах.
А честь что пух: от дуновенья
Всё разлетается в мгновенье.
Придумай князя удалить,
Тогда ты можешь победить.
Я много случаев видала...
Прощай, и помни, что сказала...»

VII
Безмолвен Юрия дворец.
Не видно князя. Что с ним стало?
Понуры слуги, жизни мало,
Как будто в доме есть мертвец.
Какой-то знахарь издалека
К больному князю привезен,
И говорят, что князь жестоко
Болезнью лютой поражен.

Семен Мстиславич навещает
Больного друга. Юрий плох;
Он стонет, охает, вздыхает,
Он изнурен, он изнемог...
«Семен, Семен! давно бы надо
В Москву мне съездить по делам,
Да вот болезнь всему преграда.
А дело на руку бы нам:
Великий князь с Витовтом в ссоре,
У них разрыв, наверно, вскоре,
И князь на нашего врага
Теперь готов идти войною,
И дело только в нас с тобою:
Расправа будет недолга,
Мы возвратим свои княженья...
Друг! поезжай без промедленья
К двору великого... Узнай,
И что, и как там... Посылай
Ко мне гонцов. Моей казною
Греми пред гордою Москвою,
Чтоб князю пыль пустить в глаза...
Поверь, исчезнет, как роса,
Витовт от дружного напора
И сдаст уделы нам без спора».

Семен так рад: «Давно с женой
Я собирался в город стольный.
Вот будет рада и довольна!..
Признаться — беден был казной...
Сберусь и завтра же поеду».

— «Семен, как другу и соседу
Скажу: отправься ты без ней,
Чтобы поверил князь скорей
В желанье наше ополчиться,
А то ведь может так случиться —
Сочтет приезд твой развлеченьем,
Жене досужим угожденьем».

Жаль и жену-то молодую,
И князь-то дельно говорит.
И, веря в дружбу дорогую,
Семен поездкою спешит.

VIII
Княгиня запросто гуляет
В саду. Безмолвие кругом.
Заря вечерняя пылает
На небосклоне голубом.
Природа в сладком усыпленьи.
Служанка Анна в отдаленьи
Стоит; под сению аллей,
Внимая шелесту ветвей,
Любуясь пышными цветами,
Ульяна ходит меж кустов.
Вдруг слышит шелест за ветвями
И шум неведомых шагов.

Взглянула — Юрий... Привиденье
Не поразило б так... Она
Трепещет, полная волненья,
Стоит безмолвна и бледна.
«Прости, княгиня! пред тобою
Стою с сердечною мольбою,
Таиться дольше силы нет —
Люблю тебя, как Божий свет,
Люблю, и грудь вся изнывает...»
— «Уйди! уйди!» — Она бежит,
Но Юрий путь ей преграждает,
Блестя глазами, говорит:
«Я не затем сюда явился,
Чтобы отверженным уйти.
Ах, пожалей! Я истомился,
Тоска-змея в моей груди.
Во мне любовь ты возбудила,
И очарован я тобой,
И без тебя мне жизнь постыла,
И я измучился тоской...
Твой муж тебя в затворе губит,
Тебя не так, как я, он любит:
Ты для него — раба-жена,
Игрушка жалкая одна,
А я всю жизнь тебе отдам,
Клянусь: я рай тебе создам!»

— «Уйди! уйди!.. кричать я стану!..»
— «Ну что ж, кричи... Кто мне судья?
Я всем скажу: люблю Ульяну,
И ты давно уже моя,
Тебе позор со мной свиданье,
И не найдешь ты оправданья».
— «Уйди!.. ты слышишь голоса...
Увидят нас... Уйди, бесчестный!
Ах! дай защиту, Царь Небесный!
Ах! защитите, небеса!»
— «Ужели ты небес страшишься?
Поверь, позволено всё нам,
А если мужа ты боишься,
Тебе защитником — я сам.
Меня ли ты иль мужа любишь,
Поверь — для Бога всё равно».
— «Уйди, безбожник, проклят будешь,
Когда не проклят ты давно».

— «Княгиня, сжалься!.. не уйду я...
Так пусть же все сюда идут...»
И обнял князь ее, целуя...
Княгиню девушки зовут...
— «Пусти!..» Бежит она... Встречают
Ее служанки: «Что с тобой?»
— «Змея, змея там!..» — Провожают
Ульяну в княжеский покой.

IX
Спешит в ночи гонец лихой,
Несется вихрем конь ретивый.
В глухую даль страны лесной
Гонец вперяет взор пытливый.

Темна, страшна лесная даль.
Жилища путник не встречает.
Устал гонец. В груди печаль.
На утро князя догоняет.

А князь гонцу не удивлен:
Посланцев Юрий не жалеет.
Но что же слышит князь Семен:
«Твоя княгинюшка болеет,

Не езди в даль, спеши скорей,
Я тайно послан за тобою».
— «Назад! ворочайте коней!
Скорей, живей, лети стрелою!»

X
И кони ринулись назад.
Клубится дымом пыль густая.
Дивятся встречники, глядят,
Чуть сторониться успевая.

Примчались в мирный городок.
В свои покои князь вбегает,
Спешит к Ульяне в теремок,
Ее с боязнью обнимает.

— «Что было здесь?» — Молчит она.
— «Но что с тобой?» — «Мне грустно стало».
И, затаенных дум полна,
Ни слова больше не сказала.

А муж встревожен и смущен,
Ему неясно объясненье,
В душе и мука и сомненье:
Подозревает что-то он.

Песнь третья

I
Проходят дни. Влюбленный Юрий
От неудачи раздражен.
К Ульяне страсть клокочет бурей,
И день и ночь томится он.
Всегда в его воображенье
Она, как дивное виденье,
Она... На терем смотрит он.
Глухая полночь. — «Там Семен!»

Воображает князь несчастный
Чужих восторгов образ страстный...

Не спит он несколько ночей,
Томят преступные желанья,
И только думает о ней.
Неутолимые страданья!
Хоть посмотреть бы на нее,
Услышать голос ее милый...
Клянет влечение свое,
Но победить его нет силы.

Придет ли ночь — он утра ждет,
А днем тоска сильней гнетет.
Нигде покоя нет ему.
Он равнодушен ко всему,
Скучлив, задумчив на пирах,
Забывчив в княжеских делах,
Слова бросает невпопад,
И зол, и жизни он не рад.

И мыслит он, тоской томимый:
«Ужели женщиной любимой
Нельзя на свете обладать
И суждено по ней страдать?
Но ведь забыть ее нет силы!
Что ж, — кончить жизнь своей рукой,
Или, влача свой век постылый,
До гроба мучиться тоской?
Нет, больше незачем таиться,
Страданье должно разрешиться,
Я не могу ее забыть,
Невыносимы и томленья...
Ценой позора, преступленья
Ульяну должен я купить.

Так прочь же муки и страданья!
Семен — ничтожность предо мной,
И я достигну обладанья
Его прекрасною женой».

II
Пирует Юрий, князь великий,
Среди собрания гостей.
Палаты гордого владыки
Блистают множеством огней.

Идя на пир, Семен угрюмо
Простился с кроткою женой,
И муж, объятый мрачной думой,
Смутил души ее покой.

Как брата старшего, родного
Семена Юрий лестно чтит.
«Мне в целом свете, — говорит, —
Нет лучше друга дорогого».
В разгаре пира много пьет
И другу чаши подает.

Гости-бояре сидят,
Шутят, толкуют, смеются;
Кубки литые звенят.
Вина заморские льются.

Вот скоморохи гурьбой
Шумно ворвались, запели;
В пляску пуститься порой
Сами бы гости хотели.

Пьяны бояре. Хмельных
Гости и князь ублажают,
И в холодильную их
Слуги несут, провожают.

III
Ночь... Небо грозное темнеет...
Несется буря... Мрак густеет.
Сверкает молния порой
И слышен рокот громовой.
Семен встает, уйти желает,
Тоска томит его сильней,
Но князь его не отпускает
И от ликующих гостей
В покой уводит отдаленный,
И там, ужасный, возбужденный,
На друга грустного глядит
И, как безумный, говорит:

— «Семен! как братья мы с тобою
И неразрывные друзья,
Сердись иль смейся надо мною,
Но только выслушай меня.
Я увлечен твоей женою,
Стремлюсь к ней сердцем и душою,
И не могу я жить без ней,
Должна Ульяна быть моей...

Постой, Семен, твой гнев напрасен,
Во гневе я и сам ужасен.
Молчи и выслушай меня.
Страдать не буду больше я,
Томиться больше я не стану,
Всё погублю я за Ульяну...
Ты должен мне ее отдать,
Или борьба на смерть с тобою,
Пусть будет решено судьбою,
Кто должен ею обладать...
Но друг! великое княженье
Возьми без спора за жену,
Возьми ты всю мою казну,
Я всё отдам без сожаленья.

Постой, молчи... мое желанье
Нельзя, Семен, переменить,
Она должна моею быть...
Отдай Ульяну в обладанье!

Отдай, отдай, прошу тебя,
Смотри, я стану на колени...
Отдай, молчи... щади себя,
Довольно в мире преступлений!..»

— «Злодей безбожный! проклят будь!
Давно ты, каин, аду нужен,
Но я сегодня безоружен,
Пронзил бы вражескую грудь!
Пусти меня!..» Грохочет буря...
Как лютый зверь, ужасен Юрий...
И меч им быстро обнажен
В порыве диком исступленья.
Сверкнула сталь... упал Семен...
Ни слов, ни стона, ни мученья.

Безмолвно, тихо всё вокруг;
Стучит, зовет убийца слуг,
Вбежала челядь: «Труп возьмите
И бросьте в реку, да скорей
К дворцу Семенову бегите,
Свяжите слуг его... живей!»

IV
Ульяна страдает под бременем горя,
Мучительна холодность мужа для ней.
В груди ее слезы бушуют, как море,
Тоска угнетает сильней и сильней.

Ужели невинные гибнут напрасно?
Нет, всё рассказать она мужу должна.
Зачем она терпит, зачем так несчастна,
Когда непорочна, невинна она?

И ждет она нетерпеливо
Семена в терем. Нет его.
То ходит быстро, торопливо
В тиши покоя своего,
То к двери медленно подходит,
То будто тень, безмолвно бродит,
Так грустно, жутко что-то ей.
Тоска томит ее сильней.
Уж наступает ночь глухая,
Гроза сверкает, дождь шумит,
И буря, дико завывая,
То грустно стонет, то гудит.

И плакать бедная готова.
Старухе няне утешать
Свою питомицу не ново,
Но тут не знает, что сказать.
«Ложись, усни. Семен Мстиславич,
Поди, чай, к утречку придет:
Сегодня Юрий Святославич
Пир небывалый задает.
Ложись-ка, что скучать напрасно,
Пусть веселится сокол ясной,

Наш князь хоть несколько ночей —
С веселья будет подобрей,
А то всё смотрит так сурово,
Ни с кем не вымолвит ни слова.
И говорить-то ведь о чем
Мужчине умному с бабьем?»
Раздев княгиню молодую,
Ее укладывает спать,
Перекрестив, как дочь родную
Душою преданная мать.

V

Перед иконами горит
Лампада, спальню озаряя.
Княгиня тихо, сладко спит,
Тревог и горестей не зная.
Но кто украдкою идет,
Как вор, к Ульянину покою?
То страсть преступная влечет
Злодея силой роковою.
И Юрий входит... За собой
Он спальню тихо запирает,
Стоит пред спящей сам не свой,
Глядит и будто замирает.
И просыпается она...
Ей мнится — муж стоит пред нею.
И, неги трепетной полна,
Встает, приблизилась к злодею,
И вдруг отчаянно кричит,
Прикрыться хочет торопливо,
И побледнела, и дрожит,
И озирается пугливо.
И князь несчастную берет,
Как жертву слабую, в объятья,
Бежать, кричать ей не дает,
Не слышит просьб, мольбы, проклятья...
— «Семен! Семен!» — «Семен убит.
Теперь свободны мы с тобою,
И нас никто не разлучит,
Ты мне назначена судьбою».
Слова те грянули грозой...
В ней сила дикая проснулась,
Она от Юрия рванулась,
Как львица, к двери запертой.

VI

Напрасно в дверь она грохочет.
Князь обладать Ульяной хочет...
— «Не рвись, теперь не уступлю!
Не рвись — напрасное старанье,
Мое, мое ты обладанье,
Отдайся мне, — тебя люблю —
Исполню все твои желанья...»

Она на Юрия глядит
И, задыхаясь, говорит:
— «Пусти меня... Я всё забуду...

Я за тебя молиться буду...
Не помяну до гроба злом,
Не упрекну тебя ни в чем...
Пусти! пусти!..» — «Нет, ты прекрасна,
Отдайся мне, борьба напрасна:
Смирись, здесь нет твоих людей,
Невольно будешь же моей!..»

Напрасны вопли и моленья.
Никто нейдет к ней для спасенья.
Она борьбой истомлена...
Но вот увидела она
Кинжал у князя... Сталь сверкает
В ее руке... князь отступает...
Увы! неопытной рукой
Он только ранен. Страшный, злой,
В безумном, диком исступленье
Он вынул меч... В одно мгновенье
Сверкнули молнией глаза,
В лице и зверство и гроза,
А страсти мстительная сила
Рассудок Юрия затмила.

«Когда не хочешь быть моей,
Умри и ты! — кричит злодей, —
Иль покорись!» — «Нет, враг ужасный!
Угрозы лютые напрасны,
Я не паду перед тобой...
Пусть лучше гибель, смерть, мученье,
Но не позор, не преступленье
Пред миром, небом и землей!»

В груди тирана страсть и злоба.
И князь, и жертва — страшны оба...

Разит ее в пылу досады —
Не просит женщина пощады...
Горячей кровью истекает,
Без стонов мертвой упадает,
И — угасает жизнь младая,
Позору смерть предпочитая.

VII

Злодей от мертвой отступил;
Взглянул на жертву злодеянья, —
И мертвый облик пробудил
В жестоком сердце состраданье.
Непостижимый страх объял
Убийцу в сумраке покоя,
И он, привычный на всё злое,
Пред трупом женщины дрожал.
И, озираясь, как безумный,
Кричит, зовет покорных слуг,
Грохочет в дверь... Толпою шумной
Вбежали слуги; страх, испуг
Оледенил, как изваянья,
Их перед жертвой злодеянья.

«В Тверцу ее!.. сейчас, скорей
Сбирайтесь в путь!.. без промедленья,
Готовьте лучших лошадей!»
Труп унесли в одно мгновенье.

В глухую полночь, под грозой
И бурей, воющей уныло,
Река труп жертвы молодой
Бесшумно, тихо поглотила...

«Скорее в путь!» — спешит злодей
Бежать, скрываться от людей.

VIII
В палатах вопли, шум, смятенье.
Гудит набат, бежит народ.
Старушка няня в исступленьи
Над свежей кровью слезы льет.
Повсюду шум, народ толпами
Убитых ищет — не найдет,
Кровавый след к реке ведет,
Но всё безмолвно под струями.
Убийцу ищут —— князя нет,
Давно простыл злодея след.

IX
В народе есть одно сказанье,
Забытой древности преданье,
Идет из рода в род оно
И церковью освящено:

Отшельник некий в сновиденьи
Услышал свыше глас святой:
«Иди в Торжок для погребенья
Иулианы молодой.
Речные воды вверх теченья
Ее прах чистый принесут;
Ее, приявшую мученья,
Пусть при соборе погребут». —
Послушный гласу Провиденья
Поведал старец чудный сон,
И вот чудесное явленье
Тогда свершилось: принесен
Иулианы прах водами
Вверх по теченью. Узнают
О том священники, с крестами
И с пеньем к берегу идут.
Ее при храме погребают,
Ее святою называют,
И с той поры до наших дней
Она — святыня для людей.

X
Тоскою страшною томимый,
Никем на свете не любимый,
Тая в груди ужасный страх,
Князь Юрий странствует в степях.

Не смеет людям показаться,
К князьям боится он являться,
Желал бы умереть скорей
Среди безлюдья и степей,
Но смерть злодея презирает,
Щадя, как Каина, его:
Татарин мимо проезжает,
Не нападая на него.
Ордой свирепой басурманы
Стремятся грабить караваны
И смертью путникам грозят,
Его неведомо щадят.
Хоть смерть страшна без покаянья,
Готов бы сам себя убить.
За жертв, за кровь и злодеянья
Стал ад несчастному грозить.
И привидения порою
В степи являются ему.
Семен с любимою женою
Идут, кровавые, к нему.
Встают казненные злодеем,
Толпою в саванах бегут
И, страшной местью пламенея,
Ему кричат, его зовут.
И тени женщин оскорбленных
За ним бегут, догнать хотят,
Несут младенцев убиенных
И князю местию грозят.
Ватага демонов хохочет,
Когтями страшными грозит...
Несчастный князь укрыться хочет,
«Укрой меня!» — слуге кричи.
Слуга страдальца утешает,
Безумный вовсе не внимает,
Что привиденья бред один
И нет их в окресте равнин.
«Пойдем! Бежим! хочу укрыться
От них в стенах монастыря.
Скорей, скорей! хочу молиться
На лик небесного царя».

XI

И вот, покинув край татарский,
Бежит он к области рязанской —
Искать в обители приют,
Куда несчастные идут.
Туда от света он укрылся
И в скромной келье поселился,
Но и в обители святой
Душе злодея чужд покой.
Томимый бурными страстями,
Тоскою мучимый всегда,
Не знавший счастья никогда,
В мир, населенный мертвецами
Сошел он, чуждый для людей,
Как хищник счастья и злодей.

И всем чужда его могила,
Никто не сжалился над ним;
Как жил он грустно и уныло,
Так умер, всеми нелюбим.

Стихотворения

Любуша
(XIV столетие)

Молода княжна Любуша,
Но в Богемии княжит,
Управляет всей страною,
Судит, рядит и мирит.

Раз пришли на суд два брата.
«Не хотим мы вместе жить,
Нам отцовское именье
Укажите разделить».

Суд решил: «Нельзя делиться,
Братья вместе жить должны».
И решенье утвердилось
Властью высшею княжны.

Старший брат непримиримый,
Насмехаясь, говорит:
«Видно, толка не добьешься
Там, где женщина княжит!»

Искусство

В предградье Родоса, вдали от волненья,
Тревог и обычного шума людей
Художник, объятый огнем вдохновенья,
Сидит за работой в палатке своей:
Он пишет картину, он холст оживляет,
Он душу в творенье своем воплощает.

А в городе — битва: кровавое дело
Свершалось в погибельной бойне людей:
Ярясь, озверелое войско кишело
При кликах, проклятьях и звоне мечей;
Пестрела окрестность людскими телами,
И хищные птицы вились над полями.

Родосцы разбиты, спасаясь от плена,
Бегут от киприйцев. Безлюдно в домах,
Нигде ни души, лишь в жилье Протогена
Неведом погрома военного страх:
Он мирно сидит за любимым твореньем,
Царь Кипра о том узнает с удивленьем,

Со свитой и стражей идет к Протогену
И смотрит угрюмо: «Что ж ты не бежал?
Иль ты равнодушен в свободе и плену!
Иль хитрую лесть для меня умышлял?»
И ждет он ответа, и смотрит пытливо,
А свита и стража стоят молчаливо.

Художник взглянул на царя равнодушно
И просто, как равному равный, сказал:
«Ты, страсти военной предавшись послушно,
Владыкам Родоса войну объявлял,
Но разве ты шел и с искусством сражаться?
Уйди, не мешай мне: нам не в чем считаться».

Вскипел победитель, взглянул с озлобленьем,
Но вдруг, на картину взглянув, онемел.
Он замер, забылся пред чудным твореньем,
И взор его грозный светлел и светлел.
И свита, и грубые стражи владыки
С восторгом смотрели на дивные лики.

Смерть Сократа

— Беги! подкуплена вся стража,
Ведь ты безвинно осужден,
Простой народ афинский даже
На этот суд ожесточен:
Тебя софисты обвинили,
Мороча лживостью страну.
— А разве лучше, чтоб казнили
Меня правдиво, за вину?
Подайте яд; не забывайте:
Законы должно исполнять.
Вот чаша, пью из ней... прощайте...
За правду сладко умирать!»

Прерванная литургия
(Византийская легенда. 1453 г.)

Софийский храм сиял огнями,
Народ молился и рыдал,
А бурный шум резни с врагами
В обитель храма проникал.

И были пламенны моленья
Поникших, грустных христиан:
«О, ниспошли освобожденье,
Господь, от ига мусульман!»

Обедня длилась; песнь святую
Пропели; в царские врата
Вносили чашу золотую,
Завет Спасителя Христа.

Но в этот миг в обитель храма

Влетел, как бурный ураган,
Могучий всадник, вождь ислама,
С ордой свирепых мусульман.

И крик, и вопли, и смятенье,
И свет убийственный мечей
Прервали чин Богослуженья
При диком ужасе смертей.

Тогда с мольбой священник хилый
Упал к подножию креста,
И вдруг невидимою силой
Закрылись царские врата...

Враги ярились, точно звери,
Во прахе город погребли,
Но разомкнуть святые двери
В алтарь Софии не могли.

Века минули. Византия —
Не христианская страна,
И величавая София
В исламский храм превращена!

Но речено: придет година,
И царь восточных христиан
Великий город Константина
Опять возьмет от мусульман.

Народы мирные стекутся
В Софию с царственным вождем,
Тогда и двери разомкнутся,
Но не людьми, а Божеством.

Священник прежний в облаченье
Златую чашу пронесет,
Он довершит Богослуженье
И тихо в вечность отойдет.

Неувядаемая роза
(Легенда о Елизавете Тюрингенской из времен крестовых походов)[11]

Она идет полуденной порою
Из замка с гор скалистою тропою
И пищу в дар бездольным беднякам
Несет в узле к окрестным деревням.

Идет с лицом сияющим, веселым,
Склоняясь часто над узлом тяжелым,
Она, ландграфа Людвига жена,
Почти ребенок, девственно нежна.

[11] Елизавета Тюрингенская, дочь короля Венгрии Андрея II, родилась в Пресбурге в 1207 г., выдана замуж 14 лет за ланд-
графа Тюрингенского, вступившего на престол в 1215 г. По смерти супруга Елизавета в 1227 г. была изгнана вместе с
детьми из Вартбурга зятем Генрихом Распе и поселилась в Марбурге, занималась благотворительностью. В 1237 г. по-
новлением папы Григория IX канонизирована католической церковью.

Что это — прихоть женственной забавы?
Иль праздный ум богачки ищет славы?
Порыв ли то прекрасных, юных лет?
Или одно тщеславие? — о нет!

Она блистает свежей красотою,
Она всех жен и дев затмит собою;
Она полна любви влекущих чар,
Но с детства дан Всевышнего ей дар.

От нежных ранних лет Елизавета
Была святыми чувствами согрета;
Она в чертоге пышном родилась,
Она в дворце роскошном развилась.

Она нужды ни в чем не испытала,
Но всем несчастным сердцем сострадала,
Голодных, нищих жалкая семья
Ей были братья, сестры и друзья.

Восьмнадцать лет еще Елизавете,
Она жена, и у нее есть дети,
А муж женою преданно любим
И беззаветно, искренне храним.

И всё ж она несчастным сострадала:
Питала их, болящих посещала;
Без пользы бедным день не проходил,
И муж, узнав, всё это запретил...

Она идет полуденной порою
Из замка с гор скалистою тропою;
Она спешит, устала, — вдруг пред ней
Угрюмый муж без свиты и людей.

Сегодня Людвиг в гневе и досаде:
Он с королем давно уже в разладе,
Он на людей, на жизнь ожесточен...
Перед женой остановился он.

И говорит в пылу негодованья:
«Опять ты здесь, упрямое созданье!
Опять ты к этим париям идешь
И мне назло подачки им несешь!»

И он готов рукой нетерпеливой
Из слабых рук жены благочестивой
Отнять дневную пищу бедняков
И разметать или выбросить всё в ров.

Он вырвал узел в дерзком исступленье,
Вдруг — отступил и видит в изумленье:
В узле не дар для жалкой нищеты
А роз прекрасных свежие цветы.

Глядит; светлеет взгляд его суровый,
Молчит, молить прощения готовый.
Но взял из роз цветущую одну,

Прижал к груди и розу и жену.

Их нет. Века прошли по их кончине,
Но роза та жива еще поныне:
Елизавету в западных краях
Святою пишут с розою в руках.

Спартанка
(479 г. до н. э.)

Изменник Павзаний на казнь осужден,
Роскошный царь Спарты отважной,
Он с персами в дружбе продажной
И тайных сношениях был уличен.
Сегодня возмездия день роковой, —
Вся площадь пестреет народной толпой.

Отправлена стража за гордым царем,
Всё к казни позорной готово.
Вдруг воин доносит сурово:
«Изменник укрылся во храме святом!» —
Волнение, ропот: законом самим
Укрывшийся в храме священно храним.

Тут чтимая Спартой Павзания мать
Явилась к толпе возбужденной.
Пред ней расступились, и гул озлобленный,
Как гром в отдалении, стал утихать.
И стало всё тихо, и, гнев затая,
Все ждут о пощаде молений ея.

Дрожат у ней горькие слезы в глазах,
Глядит она как-то тревожно,
И сына спасти ей возможно,
Но — ужас и гнев в материнских словах:
«Изменник укрылся, — заложимте вход, —
Пусть сын мой голодною смертью умрет!»

И первою камень она понесла
К убежищу сына родного,
Сложила у входа святого
И сына на страшную смерть обрекла...
Задвигалась пестрая масса людей,
И вход заложила громада камней.

Гордится гражданкою честный народ
И подвиг ее прославляет.
Ах! славе она не внимает,
Тоска материнское сердце грызет,
Но сын, изменивший отчизне родной, —
Позор для спартанки и проклят страной.

Счастье

Мы все тернистыми тропами
Идем, волнуемся, спешим
И личных благ под небесами
Себе завистливо хотим.

Идем разрозненной толпою,
Заботясь каждый о себе,
И часто сердцем и душою
Чужой завидуем судьбе.

Но не слыхал в земной отчизне
Еще никто ни от кого:
«Я счастлив, всё дано мне в жизни,
Не надо больше ничего».

Весь век, волнуясь и страдая,
Себе всё большего хотим
И только телу ищем рая,
А не душе, и не другим.

Ах, если б жили мы на свете,
Любя друг друга без конца,
То были б счастливы, как дети,
Под кровом доброго отца!

Старина и новь

Говорят о старине,
Как о тьме без света,
Так прочтем о нашем дне,
Вот лежит газета.

Велика, как простыня,
Бездна толкованья,
Но ни света тут, ни дня —
Дряблость прозябанья.

Тут людишки — не народ,
Даже не пигмеи,
А какой-то жалкий сброд,
Но зато — идеи.

Тут с апломбом обо всём
Свысока трактуют,
А на деле пред врагом
Льстятся и пасуют.

Встарь умели защищать
Родину святую,
А теперь — хоть наплевать
На страну родную.

Нам ни Бога, ни святынь,
Ни семьи не надо,
И вся жизнь, куда ни кинь, —
Скука и досада.

Но речам о старине,
Что в ней всё нелепо,
Вторим в дряблом полусне
Мы и верим слепо.

И — людишки, не народ,
Ниже, чем пигмеи —
Попугайствуем: «Вперед!..
К свету!.. За идеи!..»

Родине

Страна моя унылая,
Бездольная, но милая,
Молю тебе сознания,
Развития и знания.

Молю, чтоб из забитости,
Из грубости и дикости
Ты стала человечною,
Разумною, сердечною.

Молю, чтоб голь бездомная,
Забитая, голодная,
Как богатырь, проснулася,
На бой с нуждой рванулася.

Молю я, Русь обильная,
Но сонная, бессильная,
Чтоб ты цвела и славилась,
Врагам своим не кланялась.

Твои поля широкие,
Твои моря глубокие,
Твои леса дремучие,
Твои сыны могучие.

Но вянут зря в убожестве
И гибнут зря в ничтожестве...
Встань, Господом хранимая,
Проснись же ты, родимая!

Вечер в столице

Морозно. Улица столицы
Полна движенья: блеск огней,
Ряд экипажей, вереницы
Нарядных дам, толпы людей.
Облиты светом магазины,
Картины выставлены в них,
Великолепные витрины
И блеск изделий дорогих.
Громады стройные красиво
Огнями яркими блестят, —
Там жизнь клокочет прихотливо:
Где бал, где пир, где маскарад.

Среди толпы разнообразной
Мелькает тенью роковой
«Золоторотец» безобразный,
Иззябший и полубосой.
Лицо морщинами изрыто,
Блуждает дико острый взгляд;
Всё тело кое-как прикрыто
Пятнистой рванью из заплат.
Он хрипло просит подаянья,
Он озирается порой,
И вот пред ним, как изваянье,
Встает усач городовой.

В ротонде пышной величаво
«Она» медлительно идет;
То взглянет влево, то направо,
То черной бровью поведет.
Приятный взгляд красноречиво
Как бы зовет, как бы манит...
Подходит старец, и — ретиво
Лихач с обоими катит.

Несешься прочь мечтой тревожной
От этой дикой кутерьмы:
Здесь отрекаться невозможно
Ни от сумы, ни от тюрьмы;
И этот блеск, и бедность эта
(Голодный, пария иль вор),
И эта дама полусвета —
Для человечества позор.

Кумир

Безумная сила бездушья людей,
О, деньги! — причина людского раздора, —
Создали вы бедность, нужду, богачей,
Создали вы нищего, Креза и вора.

Издревле в дремучих и темных лесах
Притоны разбойничьи вы населяли,
За вас в благодатных, обильных краях
Безжалостно люди людей убивали.

За вас враждовали с царями цари,
Тонули в крови легионы народа;
За вас проникала борьба в алтари,
За вас разбивались и честь и свобода.

И ныне над жалкой, голодной толпой
Бездушно и властно царят капиталы:
Здесь пышные замки блистают красой,
Там стонут и плачут глухие подвалы.

Здесь пир услаждает нарядных людей,
В чертогах их льется чарующе пенье,

Там мать у постели голодных детей
Терзается, видя малюток мученье.

О! верится в царство Божественных дней:
Низвергнут проклятое иго народы,
И деньги не будут кумиром людей
На лоне великой и чудной природы.

Политики

Радикал
— Нытье надоело!
В делах и без дела
Всё ахи да охи у вас
И даже проклятья под час:
То люди коварны,
То власти злонравны,
То гадок правительства гнет,
То дик и невежлив народ.
К чему эти охи?
Не сами ль мы плохи
Когда раболепно живем
И лишь протестуем нытьем? —
Да в шею коварных,
В отставку злонравных,
Стряхнуть изнурительный гнет
И вывести в люди народ.

Прогрессист
— Ох, прытки вы больно!
Заноешь невольно,
Когда и за смелую речь
Вас могут упечь и запечь:
Задень ретроградов,
Ругни казнокрадов, —
В крамольники навек зачтут
И детям житья не дадут, —
Сожрут бюрократы...
А есть и собраты
В плащах либеральных идей, —
Но с думкой-то шкурно-своей.
Возьмем Шетрункова. —
Оратор, нет слова,
Послушать — ходячий прогресс,
А к звездным чрез бабу пролез,
Его почитают,
Умнейшим считают;
Ну, как вы махнете взашей,
Скотов обратите в людей?

Скептик
— Что ж, схапали снова
Свободу-то слова!
А где же союзы, печать
И прочая там благодать?

Прогрессист
— О, ох! от такого
Паскудного слова
У нас Шетрунковым везет,
А люд с голодухи ревет...
Блистали словами
Пигмеи делами:
«Мы сила, мы всё повернем.
Мы, мы... да мы море зажжем!»
А сами на кучки
Разбились как тучки,
И плыли партийно вразброд,
Дела же ни взад, ни вперед.
Орали нелепо,
А море свирепо
Вздувалось при лаве речей
И залило вспышки огней...
Ах, если б умело
Да дружно и смело
Пуститься на всех парусах, —
Мы были б в своих берегах! —

Скептик
— Сказав про синицу
Вы дуру царицу
Напомнили речью своей:
Корыто опять перед ней.

Прогрессист
— Не только корыто, —
Всё прахом разбито...
Не рыбку мы все-таки ждем!

Радикал
— Не ждать, а идти напролом!

Прогрессист
— Нет-с, выждать!.. народу
Дать может свободу
Прогресс и учения свет.

Скептик
— О, да! — через тысячку лет.

Периоды

I
Она мила. В пятнадцать лет
Она прекрасное созданье:
Глаза блистают, в них желанье
Всего, чем красен белый свет.

II
Она девица... Двадцать лет...
Прошла гимназию, читала,
В ученых обществах блистала, —
В глазах огни, а жизни нет.

III
Ей тридцать лет; в саду сидя,
Она в прекрасное не верит, —
Ей всё равно, и, не любя,
Она любовью лицемерит.

Газетный идиот

Над черносотенной газетой
«Застенок в свете» он сидит
И оловянными глазами
Вперясь в нее, зубрит, зубрит.

В лице то злость, то умиленье,
То кровожадности порыв,
А рот, кривясь по настроенью,
На выраженья не спесив:

«Семь миллионов безотчетно
На Божий храм потреблено
И сорок тысяч там потребно
На клир, как клиром сочтено,

О чем тут спорить? — дело Божье,
Нет, говорят, — отчет давай...
Эх вы, крамольники, ракальи,
Сквозь строй бы вас, — не рассуждай!»

И оловянными глазами
Он на газету всё глядит.
«Что пропечатано, то верно:
Во всём, везде паскудит жид.

Но я с евреями по дружбе
Веду делишки... Как понять:
Евреи или христиане
На правде?.. Вот бы отодрать!»

Бабочка[12]

Ребенок резвый, шаловливый
При свете солнечных лучей
Бежит за бабочкой красивой
По мягкой зелени полей.
Напрасно дети с нетерпеньем
Зовут товарища играть.
Шалун объят одним желаньем
Летунью бабочку поймать.
Она блестит, вокруг порхая,
Порой садится на цветах.
Как бы резвясь, как бы играя,
И вот — она в его руках.

[12] Кормчий. 1909. № 22.

Дитя в восторге, очи ясны,
Но миг — и плакать он готов.
В руках от бабочки прекрасной
Лишь пыль — без блеска и цветов.

Дисциплина[13]

— Эй, Прыткин, верни рядового сейчас:
Фуражку, мерзавец, не снял у квартиры...
Ракальи! прохвосты! я высварю вас!
Мирволят вам новых идей командиры!..

На вытяжке робко стоит рядовой —
Уставился в злые глаза офицера...
Не знал он, что тот на квартире другой,
Не знал, но виновен в глазах изувера...

Рука раззудилась... Не может простить
Его благородие нижнему чину,
Избил, искровавил.. — Сто розог вкатить!
Пусть знает и помнит, дурак, дисциплину! —

Савушка[14]

Малым ребенком он стал сиротою,
С детства в наследье суму получил,
С нею сроднился, как с милой сестрою,
Христа ради у окон просил.

Призрели мальчика люди чужие,
Щедрую подали помощь ему:
Страх и побои за корки сухие,
Грубый упрек за нужду и суму.

Вырос он, света и жизни не зная,
Рабствовал людям, трудился на них,
Даром растратилась жизнь молодая,
Радостей не было в ней никаких.

В грязных лаптишках всегда щеголяя,
Занятый тяжким мозольным трудом,
Он не заметил, как старость седая
Тихо к нему подошла с костылем.

Знали все Савушку: многим ретиво
За пятачки он до поту служил,
Грубую брань выносил терпеливо
И, как ребенок, незлобивым был.

Только в хмелю горемыка сердился
И богачей да чиновных бранил,

[13] До Александра II нижние чины при проходе мимо офицерской квартиры, несмотря ни на какую погоду, должны были быть с открытыми головами и смотреть на окна. *Прим. автора.*
[14] Свет. 1879. Вып. 1.

Пьяный — вдали им рукою грозился,
Трезвый — смущенно работы просил.

Старость беднягу совсем сокрушила:
Он, как дитя, ослабел, похилел.
Сил же работать когда не хватило,
Снова суму без раздумья надел.

Утром старик собирал подаянье,
Вечером собранный хлеб пропивал
И под хмельком, забывая страданье,
Песнями разную шваль забавлял.

Савушку глупым всегда называли,
Пьяного Савушку били не раз,
Битого Савушку в часть отправляли
С знаками щедро украшенных глаз.

Раз, возвращаясь в родное селенье,
Он у пригорка присел отдохнуть.
Холод и голод, тоска и томленье
Сжали бедняге мучительно грудь.

Сел одиноко на снежной равнине,
Савушке грезы навеял мороз,
Ветер уныло запел о кончине
И погребальную песню разнес.

Снежная вьюга над нищим завыла,
Саваном белым его облекла.
В полночь метель старика схоронила
И на могилу курган намела.

Сгинул старик, — никому нет печали,
Некому было и спомнить о нем.
Только случайно его отыскали,
Мертвого, с бледным, покойным лицом.

Деньги на гроб по копейкам собрали
С шумом и бранью в селе мужики
И горемыку в земле закопали
Тихо, без грусти, без слез, без тоски.

Угнетенные дети[15]

Вижу я много детей угнетенных,
Жалких, забитых родимой рукой,
Радостей с раннего детства лишенных,
Робких и вялых, без мысли живой.

Вижу и думаю: бедные дети,
Горек вам в жизни удел роковой,
Трудно вам будет бороться на свете
С горем, неправдой и злобой людской.

[15] Кормчий. 1913. № 26.

Нет для борьбы вам ни воли, ни силы, —
Воля подавлена с ранних годов,
С детства озлоблены вы и унылы,
С детства закованы в цепи рабов.

Точно тираны бездушные, злые
Сами родители властью своей
В вас погубили задатки благие
В нежном расцвете пленительных дней.

Иго бездумное власти жестокой
Жизнь довершит вам в грядущих летах,
Или заманит в пучины порока,
Веру и чувства погасит в сердцах,

Или втолкнет вас в вертепы разврата,
В пьянство, блуждание, стены тюрьмы
И не откроет путей для возврата
К свету и счастью из смрада и тьмы.

Вы не вздохнете, страдальцы, свободней,
Вы не увидите в жизни отрад...
Люди вы, люди! И зверь благородней
В дикой пещере взращает щенят:

Нежит, питает, ласкает, лелеет,
Телом своим согревает он их
Иль, защищая, себя не жалеет,
Кровью в борьбе истекает за них...

Ниже вы зверя, бездушные люди!
Вы, угнетая своих же птенцов,
Миру даете не честные груди,
А лиходеев, убийц и воров.

•

Уныние

Песня унылая, песня печальная
Рвется из гру́ди моей.
Это последняя песня прощальная,
Вывод из прожитых дней.

С раннего детства забитый, униженный,
Жизнию мучился я.
Всеми поруганный, всеми обиженный,
Проклял я ад бытия.

Юность катилась, как ночь непроглядная
Хмурой осенней порой,
Длилась томительно жизнь безотрадная,
Жизнь без зари золотой.

Раз заалела ты, зорька прекрасная,
Но о тебе не пою:
Сердца разбитого драма несчастная
Жизнь доконала мою.

Полно! прощайте вы, доля суровая,
Труд с непосильной борьбой, —
Тянется лентой дороженька новая
К гробу на вечный покой.

Отчаянье

Кончено! прочь упованье! —
Больше не стоит терпеть...
Смерть! приходи на свиданье:
Сладко, легко умереть.

Жизни тяжелой и трудной
Не говорю я: «Прости».
Нет, как злодейке безумной,
Только скажу: «Отпусти!»

Полно... Надорваны силы,
Грудь истомилась борьбой.
К краю холодной могилы
Я пододвинут судьбой.

Холодны смерти объятья,
Грудь ее льда холодней.
Но не сорвутся проклятья
Новой подруге моей.

Были объятья теплее, —
Верил я, свято любил,
Но и любя, и лелея,
Кровью змею возрастил.

Кончено! сердце разбито,
Даль — безрассветные дни...
Здравствуй, подруга, хоть ты-то
Не измени!

Грусть

Печалит душу жизнь бесцельная,
Томит отсутствие друзей;
Вокруг одна тоска смертельная
Да тупость черствая людей.

В семье ни дружбы, ни участья,
А только мелочный расчет,
И грустны дни, и в жизни счастья
Уж сердце бедное не ждет.

Пустота жизни

Скучно и грустно живется.
Жизни нет в жизни моей,
Сердце отрадой не бьется,
Сердце не верит в друзей.

Счастия нет и в помине —
Тлен прозябанья один...
Скучно, как в голой пустыне
Средь нелюдимых равнин!

Без святыни

Точно ночью осенней темно,
Ни одна-то звезда не мерцает,
Жизнь ничем-то, ничем не прельщает,
И не верим мы в счастье давно.

Точно звери, мы рыщем во мгле
Без святыни, отрад, упований, —
Не похожи на Божьих созданий
Мы на созданной Богом земле!

Грустные мотивы

Когда б любимому труду
Я мог отдаться всей душою,
Забыв вседневную нужду
С ее гнетущею тоскою,

Тогда, быть может, пел бы я
Не про печали да невзгоды,
А про отрады бытия
И прелесть девственной природы.

Но если мой унылый стих
Звучит то грустно, то протяжно,
Зато и в песнях всех моих
Нет лжи и совести продажной.

И не могу я воспевать
Счастливо праздные забавы,
Как резвым птичкам не порхать
Зимой под инеем дубравы.

Окружающим

Жалкий труд, нужда, заботы,
Суета в борьбе со злом,
Но по сердцу нет работы,
И тоска, тоска кругом.

Гаснет ум, слабеют силы,
Сердцу пищи никакой.
Точно осень, дни унылы,
Даль покрыта мертвой мглой...

Доля, доля роковая!
Для того ль родимся мы,
Чтобы жить изнемогая
В душном сумраке тюрьмы?

Надгробные речи

Много я слышал надгробных речей —
Хвалят и славят почивших людей,
Хвалят печально скончавшего век:
«Вот, — говорят, — это был человек!»
А человека-то в жизни его
Мучили, точно врага своего,
И погубив в бессердечной борьбе,
Стонут над ним: «Так угодно судьбе...»
О! мастера мы речами кадить
Памяти тех, кому не дали жить.

На кладбище

Погибну ль я под бременем страданья
И недруг злой сотрет меня с земли?
Оставлю ль я в сердцах воспоминанья?
Истлею ль я в забвенье и пыли?

Смерть не страшит развязкой роковою,
Свершив земное, должно умереть.
Молюсь о том, чтоб с чистою душою
Мне до конца все скорби претерпеть.

Молюсь о том, чтоб шествие земное
Кому-нибудь я злом не отравил,
Чтоб верил я всегда в одно святое,
Чтобы всегда я ближнего любил.

Упование

Перестань, не стучи,
Сердце, болью в груди,
Успокойся и верь —
Счастье есть впереди.

Не до гроба терпеть
Да тужить, горевать —
На прекрасной земле
Надо счастья искать.

А роптать на судьбу
Да горюючи жить —
Это мучить себя,
Это Бога гневить!

Перестань, не стучи,
Сердце, болью в груди:
Верь, надейся и жди
Светлых дней впереди!

Любовь

Когда в груди бушуют страшные порывы,
Когда готов убить ты сам себя,
Взгляни на всех влюбленных — все ль они счастливы
И все ль они не мучатся, любя?

Где нет любви, там нет ни жизни, ни волненья,
Царит там тишь могильная одна.
Любовь — и грусть, и скорбь, и сладость упоенья,
Любовь — и ад, и неба вышина!

Вера

Во дни душевного мученья
Одна ты другом мне была
И от печального паденья
Меня, как ангел, берегла.

Я был забит, унижен всеми,
От мук и горя изнемог,
И даже был поруган теми,
Кого лелеял и берег.

Но ты меня не покидала!
Ты говорила мне: «Живи,
Терпи!» и в душу ты вливала
Слова возвышенной любви.

Крепился дух, мужали силы,
Светлели мрачные мечты
И от безвременной могилы
Неслись к престолу красоты.

И отлетало прочь сомненье,
И жизнь влекла, пленяя вновь.
Друг, кто ты? — Вера в Провиденье,
Со мной — надежда и любовь!

Молитва

Боже! с мольбою от мира
Сердцем к тебе возношусь,
За обездоленных, падших,
За угнетенных молюсь:

Дай беззащитным страдальцам
Благ из наследья земли;
В сытых, великих и сильных
Души людские всели.

Равенства братского долю
С неба для всех ниспошли;
Очеловечь человека,
Сына обильной земли!

И. Н. Юргина

Опыт решения социальных проблем на примере специализированных учреждений медицинской и социальной помощи в Торжке

Дом трудолюбия в Торжке

Ученые-демографы, социологи, изучающие состояние современного российского общества констатируют ряд негативных тенденций, среди которых — рост числа алкоголиков, бомжей, безработных. Вызывает озабоченность здоровье населения, рост числа больных и инвалидов. С подобными угрозами российское общество сталкивалось не однажды, например, в конце XIX — первой половине XX в. Объектом исследования являются социальные и медицинские учреждения Торжка и уезда (района), использующие разнообразные способы, технологии помощи нуждающимся.

Одним из направлений социальной помощи, имевшем место в дореволюционном Торжке, была трудовая помощь. В 1895 г. под покровительством императрицы Александры Федоровны было учреждено особое ведомство — Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. Высочайшее покровительство способствовало открытию подобных учреждений повсеместно. К 1898 г., по данным Словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, в России действовали уже 175 домов трудолюбия. Первым учреждением подобного типа в Тверской губернии стала швейная мастерская женского общества «Поощрения трудолюбия», открытая в 1881 г. в Твери[1]. К середине 1890-х гг. число учреждений трудовой помощи в Тверской губернии увеличивается. В 1893 г. учрежден дом трудолюбия в Твери, находившийся в ведении благотворительного общества «Доброхотная копейка»[2], в 1895 г. — дом трудолюбия в Торжке, в 1898–1900 гг. аналогичные заведения с отделениями для детей открываются в Вышнем Волочке[3] и Ржеве (1898)[4], учреждены детские трудовых приюты в Зубцове и Старице (1899).

Дом трудолюбия в Торжке был открыт Новоторжским благотворительным обществом 16 марта 1895 г. Содержание его осуществлялось на средства, пожертвованные купцами П. М. и Е. В. Пожарскими. Заведение размещалось на втором этаже двухэтажного каменного дома вместе с богадельней, столовой и ночлежным приютом. С 1897 г. здесь же открылась читальня[5]. Первоначально в учреждение принимались только взрослые, в основном алкоголики. Позднее стали принимать и малолетних бедных жителей для обучения мастерству. В мастерских производились столярные, слесарные и переплетные работы. Расценку труда осуществлял смотритель, который и заведовал учреждением. Примерно 1/6 часть средств расходовалась на нужды дома трудолюбия, а остальная часть выплачивалась работнику. Средняя численность работающих в доме трудолюбия в осенне-зимний период была около 35 человек, большую часть из которых составляли местные жители — мещане, владеющие ремеслом, и дети-сироты, проживавшие здесь же. Примерно треть клиентов — административно высланные, бродяги, алкоголики и лица без определенных занятий и места жительства. Судить о пользе дома трудолюбия и его эффективности довольно сложно, так как сохранившиеся отчеты официальных лиц обычно отражали положительную, «парадную» сторону. Например, по отзыву новоторжского уездного исправника, учреждение функционировало успешно, расширяло деятельность и было «особенно полезно для лиц, ведущих бродячую жизнь и не имеющих определенных занятий».

Очевидно, организация домов трудолюбия частично восполнила возникшие социальные потребности. Причем осуществлялись попытки решать параллельно несколько важнейших задач: трудовая занятость беднейшего части люмпенизированного населения, духовно-нравственное воздействие, привитие трудовых навыков не только детям, но и взрослым. Эт

---

[1] Отчет Тверского отделения благотворительного общества «Поощрения женского труда», состоящего под покровительством вел. кн. Михаила Николаевича за 1907 год. Тверь, 1908. С. 2; Бесплатная швейная мастерская благотворительного общества «Поощрения женского труда» // Вестник благотворительности. 1898. № 1.

[2] *Лутковский В.* О домах трудолюбия в России // Вестник благотворительности. 1897. № 11. С. 49—54.

[3] ГАТО. Ф. 510. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 112—114.

[4] Устав общества оказания трудовой и благотворительной помощи в г. Ржеве. Ржев, 1898.

[5] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 6685. Л. 16, 27.

меры носили отчасти профилактический характер и соответствовали общим тенденциям социальной помощи в России.

Но проблемы безработицы, тунеядства и нищенства невозможно было решить только таким способом, и предпринимаемые меры могли лишь смягчить ситуацию. Вместе с тем накопленный опыт позднее, уже в советское время, был использован в учреждениях, получивших название лечебно-трудовых профилакториев. Одно из таких учреждений долгое время располагалось на территории Борисоглебского монастыря.

В современных условиях проблема безработицы в связи с экономическим кризисом снова обострилась. В Торжке вопросами трудоустройства безработных занимается центр занятости. В соответствии с законодательством безработному сегодня могут предложить участие в общественных работах, оказать содействие в поиске подходящей работы. Большинство зарегистрированных в качестве безработных получают пособие. Вместе с тем имеет место скрытая безработица. Среди прочих остается неохваченной самая сложная, маргинальная категория неработающих трудоспособного возраста — бомжей, бродяг, нищих. К сожалению, нет для них в городе предложений временной работы, например на один или несколько дней. Сегодня эти представители социального «дна» самоорганизуются: собирают макулатуру, стеклотару, металл. Многие же занимаются криминальным промыслом — грабят дачи, подвалы и т. п. Торжок в этом отношении не исключение. Возможно, стоит подробнее изучить прошлый опыт, использовать его с учетом современных реалий.

Детский туберкулезный санаторий

Одним из направлением специализированной помощи можно считать помощь туберкулезным больным, оказываемую в стационарных условиях не больниц, а санаториев. История такого учреждения в Торжке начинается в дореволюционный период, так как его организаторы поднимали вопросы помощи туберкулезным больным еще в земский период.

В дореволюционной историографии социальные и медицинские учреждения и рассматривались долгое время неразрывно. Лишь в пореформенный период, в 1870—1880-е гг. лечебное дело выделилось в самостоятельное направление. Среди актуальных проблем начала XX в. была низкая продолжительность жизни. Так, из отчета медико-санитарной части Твери следует, что при высокой рождаемости, фиксировалась чрезвычайно высокая смертность. Средняя продолжительность жизни в Твери, например в 1905—1910 гг. составила всего 23,9 года. Особенно высокая смертность наблюдалась среди младенцев до 1 года, достигавшая 32 %, а в фабричных районах и 50 % от числа родившихся детей[6].

Бытовая неустроенность, скудное питание, отсутствие своевременной медицинской помощи беднейшим слоям населения способствовали распространению туберкулеза. При отсутствии своевременного эффективного лечения болезнь уносила жизни сотен тысяч человек и стольких же оставляла калеками. Помимо чахотки, опасной и наиболее тяжелой разновидностью болезни был костный туберкулез, поражавший в основном маленьких детей. Врачебное сообщество искало способы борьбы с коварным заболеванием, однако наука еще не знала эффективных средств. Вместе с тем ситуация становилась критической. В 1908 г. в России открылся первый приморский санаторий для туберкулезных детей неподалеку от города Виндавы на 50 мест. Несмотря на относительно невысокую стоимость лечения (35 руб. в месяц), оплачивать его могли далеко не все. Заметим, что во Франции, например, аналогичное учреждение в «Berck sur mer» принимало ежегодно до 12 тыс. детей. Изменить ситуацию в России к лучшему, по мнению специалистов, могли городские и земские самоуправления[7]. Действительно, этот вопрос неоднократно поднимался на съездах земских врачей. Кроме того, общественные организации пытались сдвинуть дело с мертвой точки. Организацией помощи занялись активисты Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом. В числе первых в России 30 апреля 1911г. открылось Тверское отделение Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Правление возглавили тверские врачи П. А. Орфанов и Э. Э. фон Ландезен. Начался сбор средств с целью открытия санатория для бесплатного лечения малоимущих больных туберкулезом взрослых и детей. Привлечение внимания общественности к серьезной социальной проблеме осуществлялось посредством разнообразных благотворительных мероприятий. В Твери в 1911—1913 гг. был организован выпуск специальных марок, проводились летние праздники

[6] Отчет медико-санитарной части г. Твери за 1910 г. Тверь, 1913. С. 19—20.

[7] Приморская санатория для туберкулезных детей вблизи гор. Виндавы // Нива. 1908. № 38. С. 658—659.

«Белой ромашки» с платными гуляниями и продажей искусственных цветков белой ромашки[8]. Выручку от мероприятий, пожертвования и членские взносы предполагалось использовать на содержание санатория. Планировалось открытие детского санатория на 20 мест и санатория на базе Черногубовской казенной дачи для взрослых больных. Лишь к 1914 г. были собраны необходимые средства, и санаторий для туберкулезных больных был открыт[9]. Естественно, что вновь открывшийся санаторий всего лишь обозначил одно из направлений в борьбе с социально опасным заболеванием.

Статистика заболеваемости не оставляла оптимизма. В Новоторжском уезде в 1916 г. на амбулаторных приемах было зарегистрировано свыше 700 больных, реальное количество которых было значительно больше. Особенно много больных наблюдалось в местностях, где были развиты отхожие промыслы. Врач упирвичского участка в отчете по своей больнице писал, что туберкулез — одна из самых распространенных болезней, в особенности в Мошковской волости, где мужское население уходит на заработки в большие города с 10—11 лет, живет там впроголодь, в сырых и темных подвалах, лишь изредка приезжая в деревню. К 20-ти годам многие из них умирают. Врач подчеркивал, что для этих больных нет места в общих больницах и необходимо устраивать особые лечебные учреждения, причем как можно скорее[10]. Проблема была обозначена, но решение не было простым и быстрым. Позднее при городской больнице было открыто специальное отделение, и лишь в середине 1930-х гг. начал действовать детский туберкулезный санаторий.

Большая часть сведений об этом учреждении записана со слов Елены Алексеевна Даниловой, проработавшей в Торжокском детском туберкулезном санатории с 1939 до 1977 г. (то есть 38 лет) медицинской сестрой.

Санаторий для туберкулезных детей открылся в 1935 г. По воспоминаниям очевидцев, большой вклад в развитие этого направления помощи больным внес Б. В. Шолков, врач-хирург, начавший свою профессиональную деятельность еще в земский период. Он возглавил отделение, а затем и детский туберкулезный санаторий и работал там до 1946 (?) г. По отзывам сотрудников, Б. В. Шолков был чрезвычайно строг и требователен к персоналу, требуя не только исполнительности, но и строжайшего соблюдения санитарии и гигиены. Как вспоминают очевидцы, инициатором открытия учреждения и активным участником процесса была Мария Александровна Братолюбова[11]. До этого она работала в Упирвичах. Е. А. Данилова вспоминает: «М. А. Братолюбова пришла к Шолкову и упросила организовать помощь больным детям. Сначала подыскали помещение. Кровати искали по всему городу — кто какие даст. Стали собирать больных детей, в первую очередь по деревням Торжокского района, где они лежали в домах без всякой помощи и привозить в Торжок».

С конца 1930-х гг. детский туберкулезный санаторий располагался на ул. Гончарной. На лечении здесь в разное время находилось до 100 больных детей со всех уголков Калининской области. Антибиотики в медицине еще не применялись. Лечение сводилось к длительной фиксации конечностей и позвоночника в гипсе. Каждому ребенку изготавливали гипсовую форму — кроватку, в которой он вынужден был лежать длительное время: от нескольких месяцев до нескольких лет. Когда дети шли на поправку, им делали съемные корсеты. Все приспособления для лечения делали сами сотрудники учреждения. Лечение осуществлялось под наблюдением Б. В. Шолкова, периодически приглашавшего в учреждение узких специалистов. Так, в 1940-х гг. в Торжке бывала профессор Ралье, известный специалист по костному туберкулезу.

Большое значение в процессе длительного лечения придавалось не только питанию и уходу за детьми, но и воздушным процедурам. В хорошую теплую погоду кровати выносили на веранды, где дети спали, обедали. Обучались дети здесь же, в санатории. К кроватям были приспособлены специальные столики, куда можно было положить учебники, тетрадки. В штате были предусмотрены ставки воспитателей, которые обучали детей, по мере возможности развлекали их (давали мини-концерты, показывали кукольный театр). Среди сотрудников, долгое время работавших в учреждении были медицинские сестры: Мария Александровна Братолюбова, Нина Ефремовна Соловьева, Мария Дмитриевна Евстратова (девичья фами-

[8] ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 90633. Л. 1—37, 43—46, 83, 131, 190.
[9] Там же. Ед. хр. 73519. Л. 1—37.
[10] *Шолков Б. В.* Земская медицина в уезде и медицинский отчет за 1916 год. Торжок, 1917. С. 23.
[11] Дневники М. А. Братолюбовой хранятся в фондах ВИЭМ.

лия), Мария Николаевна Морева, Елена Александровна Данилова и др. Несомненно, это были люди с добрым сердцем. Многие из них пережили эвакуацию санатория во время войны.

После первых бомбардировок в Торжке в октябре 1941 г. было издано распоряжение об эвакуации учреждения в течение 24 часов. Часть детей сумели отправить по домам, а 35 лежачих — пришлось эвакуировать. Е. А. Данилова вспоминает: «Персонал в экстренном порядке собирал всё необходимое: медикаменты, постельное белье, кровати, посуду, оборудование, питание. Детей одели в спальные конверты и стали перевозить на машине на вокзал. По железной дороге добрались до Калинина. Началась погрузка на теплоход. Только завершили погрузку, и начался авианалет и бомбежка. Одна из бомб попала в машинное отделение. Чудом удалось спасти и вынести детей на берег. Позднее, переместились на другой теплоход под названием „Конституция“ и шли по реке до Углича. Здесь сделали пересадку и по Волге дошли до Казани, откуда были направлены в поселок Бондюга. В Торжок санаторий был реэвакуирован лишь в июне 1945 г.»[12]

Вплоть до 1971 г. в санатории на ул. Гончарной лечили детей с костным туберкулезом. Позднее сюда стали направлять детей с заболеваниями легких. Проводя исторические параллели, следует сказать, что с переходом к рыночным отношениям в отдельных вопросах Россия отказалась отброшенной назад не на десятилетия, а на целое столетие. Реформы последних лет, к сожалению, не обеспечили снижения заболеваемости и смертности. Сегодня в стране более 20 млн. больных алкоголизмом, свыше 2 млн. человек употребляют наркотики, в стране более 6 млн. инвалидов, показатель детской смертности в 2—3 раза выше, чем в большинстве развитых стран[13]. Число больных туберкулезом увеличивается ежегодно.

Приложение. Состав призреваемых и работающих в доме трудолюбия в Торжке в июне 1896 г.

	Дворяне	Новоторжские и тверские мещане	Административно высланные	Дети-сироты
Столярная мастерская		5	1	2
Слесарная мастерская		3	1	2
Переплетная мастерская	1	2	2	3
Обойная мастерская		1	1	
Всего: 24	1	11	5	7

[12] Воспоминания Е. А. Даниловой. Родилась в 1918 г. в д. Челядино Большевишенского с/с, до конца 1990-х гг. проживала в Торжке на ул. Падерина. Зап. И. Н. Юргина в 1999 г.

[13] Демографический ежегодник России. 2002: Статистический сборник. М.: Госкомстат РФ, 2002. С. 297—298.

И. Н. Волкова

К вопросу о жилищном кредитовании в годы войны

22 июня 1941 г., без объявления войны, фашистская Германия напала на Советский Союз. Уже к осени 1941 г. линия фронта подошла к Торжку, и наш город стал прифронтовым. В октябре 1941 г. немецко-фашистская авиация совершила массированный налет на город Торжок. Налеты продолжались до 11 ноября 1942 г. За этот период была разрушена большая часть города: дома, учреждения, памятники культуры. С октября 1941 по ноябрь 1942 г. немецкая авиация произвела 1810 самолето-вылетов, на город было сброшено до 2200 тонн фугасных и зажигательных бомб. Из 2586 домов было полностью уничтожено 837 жилой площадью 80592 квадратных метра. Ущерб, причиненный учреждениям, предприятиям и организациям города составил 6,5 миллионов рублей. Было разрушено и сожжено имущество, лично принадлежащее гражданам города, по не полным данным, на сумму более 51,5 миллиона рублей. Всего причинено ущерба городскому хозяйству в целом и гражданам города Торжка, более чем на 166 миллионов рублей[1].

При Исполкоме Городского Совета, была создана Комиссия, которая подсчитывала ущерб, нанесенный жителям, действиями немецко-фашистской авиации. Этот ущерб подсчитывали на основе актов, составленных по заявлениям горожан и подтвержденных свидетельскими показаниями. В качестве примера приведем два акта из тысяч, сохранившихся в нашем городском архиве.

18 сентября 1943 г. по заявлению жительницы Торжка Екатерины Барановой был составлен акт с указанием имущества, уничтоженного во время бомбардировок города с 13 октября 1941 г. по 11 ноября 1942 г.[2]:

Наименование имущества	Количество	Стоимость имущества
Комод	1	2000
Кровать	1	833
Стулья	2	200
Стол	1	200
Сундук	1	100
Зеркало простое	1	500
Перина	1	1000
Подушки	–	400
Матрасы	2	600
Одеяла	2	1800
Валенки	–	8000
Сапоги кожаные	2	5000
Туфли	2	3000
Самовар	1	1000
Салфетки	2	600
Простыни	1	300
Ведра	2	200
Примус	1	200
Таз	1	100
Итого:		33 233

Как видно из этого документа, семья Барановой потеряла почти всё свое имущество.

По заявлению другой жительницы города Анны Ивановны Колоколовой, проживающей по ул. Пушкина, 13 октября 1941 г. во время бомбардировки сгорел ее дом и всё имущество. Комиссией составлен акт, уничтоженного имущества, часть которого приведена в таблице:

[1] Архивный отдел администрации города Торжка (АОАГТ). Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 59.
[2] Там же. Ед. хр. 42. Л. 3.

Наименование имущества	Количество	Стоимость
Пианино фирмы «Дидерикс»	1	50 000
Буфет красного дерева	1	3 500
Комод ореховый с туалетом	1	3 000
Стулья венские	18	3 600
Чернильный прибор мраморный	1	300
Умывальник мраморный	1	2 000
Линолеум	12 метров	8 000

Итого, ущерб, нанесенный этой семье, составил 300 тысяч рублей, из них стоимость недвижимости (дом) — 160 тысяч рублей, мебели и личных вещей — 140 тысяч рублей[3].

Хотелось бы обратить внимание на имущество, находившееся в этом доме: буфет красного дерева, комод ореховый с туалетом, венские стулья и особенно на редкий и очень дорогой музыкальный инструмент — пианино фирмы «Дидерикс». Даже по этому не полному перечню, видно, что социальный уровень этой новоторжской семьи выше среднего.

28 февраля 1942 г. решением № 178 исполнительного комитета Калининского областного совета депутатов трудящихся «О распределении кредита на индивидуальное жилищное строительство в городах и рабочих поселках, освобожденных от немецких оккупантов» город Торжок получал 300.0 тыс. руб., причем оговаривалось, что «при успешном освоении выделенного кредита будут отпущены дополнительные средства».

Мы знаем, что в 1942 г. шли тяжелейшие сражения Великой Отечественной войны под Сталинградом, Ржевом, Ленинградом, в Крыму (падение Севастополя). И тем не менее советское правительство начинает оказывать помощь в восстановлении и строительстве жилья.

Облкомбанку разрешалось выдавать кредит на одну семью до 5 тысяч руб. со сроком погашения в течение пяти лет, начиная с 1943 г. Позже, когда стало ясно, что этих средств недостаточно, стали давать кредиты до 10 тысяч рублей, а срок погашения был увеличен до 7 лет[4].

Чтобы понять, насколько платежеспособным было население города Торжка, приведу следующие данные по зарплатам горожан на 1945 г.: инженерно-технические работники получали до 1 500 рублей, рабочие — 300—400 рублей в месяц, служащие — 300—400 руб., охрана — 200 руб.[5] При этом цены на товары в 1945 г. были следующие: хлеб — 1—1,7 руб., молоко (1 литр) — 2 руб., свинина — 17 руб. за кг, сахар-рафинад — 5,7 руб., соль — 0,48 руб., водка — 80,5 рублей[6].

Предположим заработная плата одного члена семьи — 1,5 тысячи рублей. Семья из трех человек на питание тратила бы 300—500 рублей + 300 рублей на одежду и прочее, тогда даже в семье, где один работающий человек, от зарплаты на погашение кредита оставалось около 700 рублей. Таким образом, взяв кредит в размере 10 тысяч рублей, семья новотора могла погасить его в течение 1—2 лет.

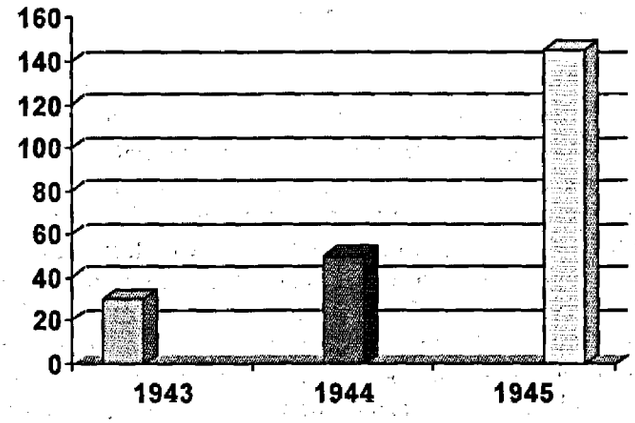
Кандидатуры на получение кредита и сумма обсуждались на заседаниях исполкома Торжокского городского совета депутатов трудящихся. По сохранившимся архивным документам удалось установить, что в 1943 г. кредиты получили 30 семей города на сумму 162 тысяч рублей[7], в 1944 г. — более 50 семей на сумму 378 тысяч рублей[8], в 1945 г. кредиты получили 145 семей города в общей сумме 929 900 рублей[9].

Мы видим, что по сравнению с 1943 г., в 1945 г. количество горожан, получивших кредиты, и общая сумма кредита увеличились почти в 5 раз. За три военных года 1943—1945 кре-

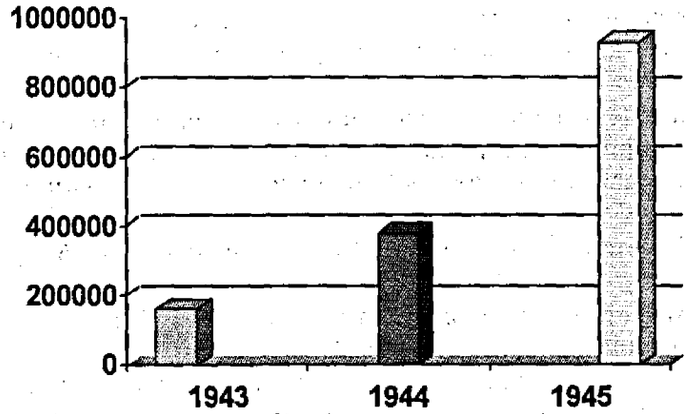
[3] Там же. Ед. хр. 9. Л. 45.
[4] Там же. Ед. хр. 20. Л. 29—30.
[5] ГАТО. Ф. Р-1391. Оп. 3. Ед. хр. 44. Л. 29.
[6] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Статистический сборник. М., 1965. С. 95. Таблица «Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные товары».
[7] АОАГТ. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 107, 11, 118, 132, 141, 151, 157.
[8] Там же. Ед. хр. 33. Л. 15, 46, 67, 73, 89, 94, 99, 104, 110, 164.
[9] Там же. Ед. хр. 104. Л. 62, 63, 95, 105, 108, 110, 115, 118, 127, 133, 143, 148, 160, 169, 176, 179.

диты на строительство и ремонт разрушенного жилья получили 225 семей новоторов на сумму 1 469 900 рублей. Общее количество семей — 225.

Кредиты выделялись не только жителям города, но и района. Так за 1945 г. на основании постановления XII-ой сессии Верховного Совета и приказа народного комиссара финансов от 4 июля 1945 г. за № 346 исполком райсовета выделил кредиты 19 семьям на общую сумму 118 тысяч рублей[10].



Общая сумма кредитов составила 1 469 900 рублей



Подведем итоги: в труднейшие для Советского Союза военные годы, когда большая часть всех средств страны была направлена на развитие вооруженных сил, правительство нашло средства для того, чтобы помочь гражданам в восстановлении и строительстве разрушенного войной жилья.

[10] Там же. Ед. хр. 661. Л. 148, 153, 160, 172, 183.

Ю. А. Кобелева

К вопросу о демографической политике в СССР в последние годы Великой Отечественной войны (на материалах города Торжка)

Великая Отечественная война унесла более 26 миллионов жизней советских людей. Огромные потери понесла Красная Армия. По последним данным, ее боевые потери составили более 8,6 миллионов человек. Через фашистские концлагеря для военнопленных прошло по разным данным от 4,5 до 5,7 млн. человек. Две трети из них погибли в плену. На временно оккупированной советской территории, в которую входила и часть территории Калининской области, тоже по неполным данным, погибло около 10 млн. человек – в основном мирных жителей.

Тяжелое демографическое положение, в котором оказалась страна, стало сказываться уже в 1943 г., когда советское правительство приступило к восстановлению разрушенного народного хозяйства и жилья.

В 1944 г. политическое руководство страны приняло программу, направленную на преодоление демографического кризиса. Эта программа включала как моральное, так и материальное стимулирование рождаемости. Стимулирующие меры заключались в повышении социального статуса и улучшения материального положения многодетных матерей.

8 июля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, направленный на увеличение государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении Почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнской Славы» и медали «Медаль материнства» (приложение 1).

Сразу же после принятия Указа Торжокский горисполком приступил к реализации его положений. По нашим подсчетам, в 1944 г. на момент опубликования Указа в Торжке было зарегистрировано 26 многодетных семей с общим количеством детей 136. Но уже через год было зарегистрировано 158 многодетных семей с 850-ю детьми[1]. При этом надо учесть, что население города уменьшилось за годы войны в полтора раза и в 1945 г. едва превышало 20 тысяч человек. Официальный контингент на конец 1945 г. составил 21556 человек[2]. В районе количество таких семей было значительно больше, чем в городе. В 1945 г. было зарегистрировано 518 многодетных семей с 2908 детьми[3]. Наглядно данная ситуация показана в диаграмме Количество многодетных семей в городе Торжке и Новоторжском районе в 1944–1945 гг. (приложение 2).

В последние военные годы государство проводило политику финансовой поддержки многодетных семьей в форме единовременных и ежемесячных пособий. Данные о размерах выплачиваемых пособий приведены в таблице «Виды и размеры пособий многодетным матерям»:

Количество детей	3	4	5	6	7	8	9
Единовременное пособие (руб.)	400	300	700	2000	2500	3000	3500
Ежемесячное пособие (руб.)	-	80	120	140	200	220	250

По материалам торжокской газеты «Знамя ударника», в 1945 г. многодетным семьям в городе Торжке было выплачено 167 тысяч рублей[4]. В Торжокском районе многодетным семьям было выплачено более 352 тысяч рублей[5].

---

[1] Архивный отдел администрации города Торжка. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 83. Л. 104.
[2] Там же. Ед.хр. 104. Л. 176 об.
[3] Там же. Ф. 38. Оп. 1. Ед. хр. 637, 661.
[4] Там же. Ед. хр. 99. Л. 318.
[5] Знамя ударника. 1946. 8 января. С. 4.

Судить о размере этих пособий можно по покупательской способности того времени, по ценам на основные виды товаров. Госкомстат СССР приводит следующие цифры по основным государственным розничным ценам нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные и непродовольственные товары (в рублях за килограмм) в последние военные годы (приложение 3)[6]. Из таблицы мы видим, что размеры пособий, выдаваемых многодетным матерям, позволяли обеспечивать детей необходимым набором продуктов питания и промышленных товаров по ценам нормированной торговли.

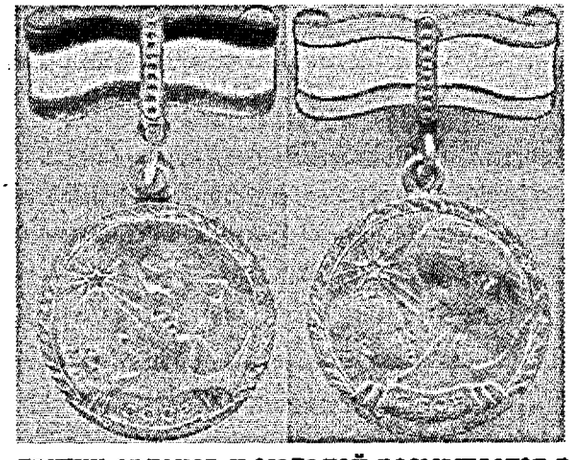
Эти данные подтверждаются и документами управления статистики Калининской области за 1945 г. Из докладной записки секретарю обкома ВКП(б) И. П. Войцову: «...произошли значительные изменения в сторону потребления более квалифицированных по питательности и вкусовым качествам продуктов»[7]. Многодетные семьи получали помощь и от органов городской власти (приложение 4)[8].

В 1945 г. в соответствии с указом проводятся ежемесячные награждения многодетных матерей. На заседаниях исполкома горсовета и исполкома райсовета рассматриваются списки многодетных матерей, представляемых к награждению правительственными наградами. В каждом протоколе десятки фамилий. Всего за 1945 г. по городу Торжку было награждено 154 многодетных матери, а по Новоторжскому району — 513 многодетных матерей[9].

Социальные меры, проводимые советским руководством и администрацией города Торжка и района, перечисленные выше, позволили значительно повысить статус многодетной матери, серьезно поддержать их материально и вследствие роста рождаемости увеличить количественный состав населения Торжка и района в послевоенные годы.

Приложение 1.

Медаль материнства



Медаль учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Положение о медали и ее описание утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. «Медалью материнства» награждаются матери, родившие и воспитавшие пять и шесть детей. «Медаль материнства» состоит из двух степеней: I и II степени. Высшей степенью медали является I степень. Ею награждаются матери, родившие и воспитавшие шесть детей. Медалью II степени награждаются матери, родившие и воспитавшие пять детей. «Медаль материнства» I и II степени носится на левой стороне груди и при наличии у награжденной других орденов и медалей размещается рядом с ними или ниже их. «Медаль материнства» I степени изготавливается из серебра 925 пробы, и имеет форму правильного круга диаметром 29 мм. Серебряного содержания в медали I степени – 16,60 г. Общий вес медали первой степени без колодки – 17,453±0,62 г. Автор рисунка медали – художник Н. И. Жуков. Первый Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении медалью был подписан 6 декабря 1944 г. Согласно этому Указу, медалью I степени были награждены 24 женщины, а медалью степени – 19 женщин.

[6] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Статистический сборник. М., 1965. Таблица «Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные товары (в рублях за единицу)».

[7] ГАТО. Ф. Р-2367. Оп. 1. Ед. хр. 104. Л. 230—231.

[8] Архивный отдел администрации города Торжка. Ф. 38. Оп. 1. Ед. хр. 661.

[9] Там же. Ф. 85. Оп. 1. Ед. хр. 104; Ф. 38. Оп. 1. Ед. хр. 637.

Орден «Материнская слава»

Орден «Материнская слава» был учрежден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Статут ордена утвержден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. Орденом «Материнская слава» награждались матери, родившие и воспитавшие семь, восемь и девять детей. Орден «Материнская слава» состоял из трех степеней. Высшей степенью ордена являлась I степень. Матери, родившие и воспитавшие семерых детей, награждались орденом III степени; матери, родившие и воспитавшие восемь детей, – орденом II степени; матери, родившие и воспитавшие девять детей, – орденом I степени. Орден «Материнская слава» изготавливался из серебра. Серебряного содержания в ордене I и II степени – 19,788±1,388 г, III степени – 19,699±1,388 г.

Звание «Мать-героиня». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. было установлено, что матери, родившей и воспитавшей десять детей, присваивается высшая степень отличия – звание «Мать-героиня». Положение о почетном звании «Мать-героиня» и орден «Мать-героиня» были утверждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 августа 1944 г. Присвоение звания «Мать-героиня» производилось по достижении последним ребенком возраста одного года и при наличии в живых остальных детей этой матери.

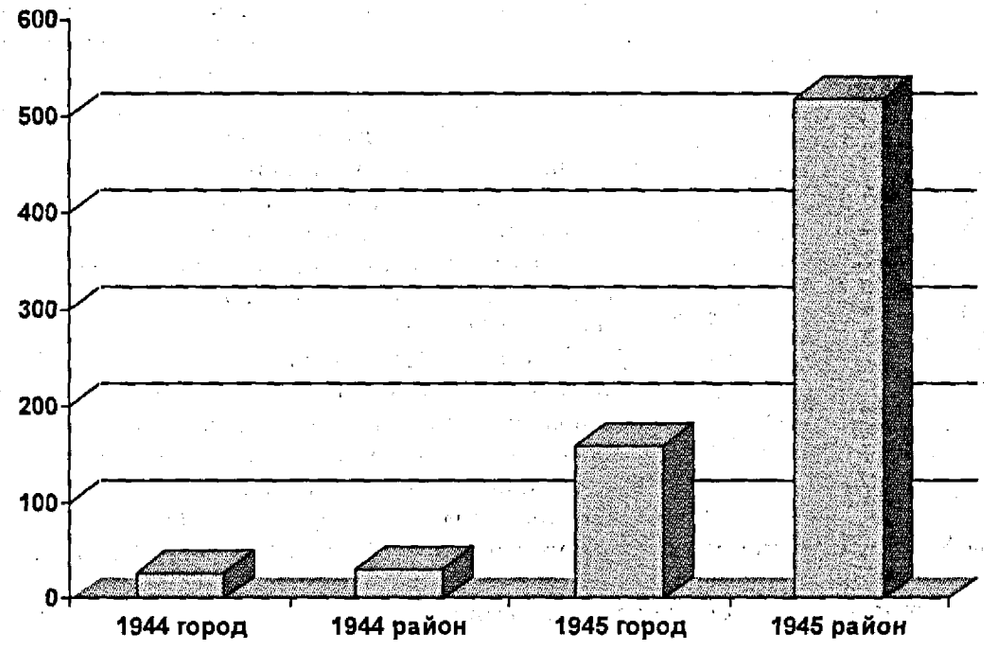
Орден «Мать-героиня»

Матерям, которым присвоено звание «Мать-героиня», вручался орден «Мать-героиня» и Грамота Президиума Верховного Совета СССР. Знак ордена «Мать-героиня» представлял собой золотую выпуклую пятиконечную звезду на фоне серебряных лучей, расходящихся в виде пятиконечной звезды, концы которой размещены между концами золотой звезды. Размер ордена между противолежащими концами серебряной штраловой звезды – 28 мм. Высота ордена вместе с колодочкой – 46 мм. На 18 сентября 1975 г. золотого содержания в ордене 4,5±0,4402 г, серебряного 11,525±0,974 г. Проба золота 583. Общий вес ордена – 17,5573±1,75 г.

При награждении медалью «Медаль материнства», орденом «Материнская слава», присвоении звания «Мать-героиня» учитывались также дети, усыновленные матерью в установленном законом порядке; погибшие или пропавшие без вести при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо при выполнении долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности и социалистического правопорядка, а также умершие вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при указанных обстоятельствах, либо вследствие трудового увечья или профессионального заболевания.

Первое присвоение почетного звания «Мать-героиня» было произведено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 октября 1944 г. Вручение наград состоялось в Кремле 1 ноября 1944 г. Среди четырнадцати женщин, удостоенных этим Указом звания «Мать-героиня», орден «Мать-героиня» № 1 и Грамота Президиума Верховного Совета СССР № 1 были вручены жительнице поселка Мамонтовка Московской области Алексахиной Анне Савельевне, воспитавшей 12 детей. Во время войны восемь ее сыновей ушли на фронт, четверо из них погибли. Впоследствии присвоение почетного звания «Мать-героиня» с одновременным вручением ордена осуществлялось ежемесячно, списками по 30–40 человек.

Приложение 2. Количество зарегистрированных многодетных семей в городе Торжке и Новоторжском районе в 1944–1945 гг.



Приложение 3. Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные продовольственные товары (в рублях за единицу).

	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли		
	1940		1945	1944		1945
	на начало года	на конец года	на конец года	с начала введения коммерческой торговли	на конец года	на конец года
Говядина средней упитанности I сорта	10	12	12	400	320	150
Свинина разрубочная необразная I сорта	14	17	17	600	500	300
Колбаса вареная «Отдельная»	13.5	16	16	450	450	250
Судак мороженый крупный I сорта	3.8	5.5	5.5	200	150	110
Масло сливочное несоленое высшего сорта	17.5	25	25	1000	750	370
Масло подсолнечное рафинированное	13.5	13.5	13.5	700	600	250

Молоко (1 литр)	2	2.2	2	60	50	40
Сыр «Советский» экстра 50%	25	29	29	700	530	330
Яйца столовые I сорта (десяток)	6.5	6.5	6.5	200	150	100
Сахар-рафинад колотый	4.1	5.7	5.7	1050	750	250
Конфеты глазированные в шоколаде «Весна»	20	20	20	–	850	340
Чай черный байховый «Грузинский» I сорта	80	80	80	750	750	600
Соль помола № 1	0.12	0.12	0.48	80	80	50
Мука пшеничная I сорта	2.9	2.9	2.9	–	–	60
Гречневая крупа «ядрица»	4.3	4.3	4.3	250	250	150
Хлеб пшеничный из муки II сорта	1.7	1.7	1.7	–	–	30
Водка 50° (0.5 литра)	11.5	11.5	80.5	250	190	100

За годы войны государственные розничные цены в нормированной торговле не изменялись, за исключением цен на водку, водочные изделия, виноградные вина, пиво и соль.

Государственные розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные непродовольственные товары (в рублях за единицу).

	Цены нормированной торговли			Цены коммерческой торговли			
	1940		1945	1940	1942	1944	1945
	на начало года	на конец года	на конец года	цены показательных универмагов	на конец года	на конец года	на конец года
Ситец, артикул 3 (за метр)	3	3	3	5.9	9.6	9.6	55
Драп деми, артикул 277 (за метр)	250	250	250	500	750	750	2000
Крепдешин, артикул 5А (за метр)	58	58	58	102	148	148	600
Костюм мужской	367	367	367	640	954	4000	2950

ской, артикул 13–31 (за штуку)							
Носки мужские, артикул 82 (за пару)	7	7	7	9.5	17.5	125	95
Ботинки мужские хромовые, артикул Р-3004 (за пару)	90	140	140	238	336	1875	1700
Мыло хозяйственное обыкновенное I сорта (за килограмм)	2.7	2.7	5.5	–	–	350	137.5
Мыло туалетное «Красный маю» (за кусок в 75 грамм)	1.5	1.5	4	–	–	85	55
Духи «Красная Москва» (за флакон № 4199)	28.5	28.5	57	–	–	500	400
Кастрюля алюминиевая, артикул К-5 (за штуку)	14	14	42	25	–	350	140

За годы войны государственные розничные цены в нормированной торговле не изменялись, за исключением цен на мыло хозяйственное и туалетное, парфюмерно-косметические товары, металлическую посуду, табачные изделия и некоторые другие непродовольственные товары. С 11 апреля 1942 г. на товары, продаваемые без карточек, были установлены повышенные цены; начиная с середины 1944 г. цены на эти товары были вновь значительно повышены, причем продажа их производилась в специальных коммерческих магазинах.

Приложение 4

Директору индпошива тов. Ивановой.

В счет городского фонда пошейте многодетным матерям, награжденным правительственными наградами:

тов. Смирновой –3 детских платья, 3 детских пальтишка, матери одно платье и одно полупальто;

тов. Бычковой – 3 детских платья, 3 детских пальтишка, матери одно платье и одно пальто.

Данный пошив произвести за счет средств Горисполкома.

1 декабря 1944 года

Председатель исполкома городского совета (Баланин)

Зав. горторготделом (Смирнова)

Н. В. Терещенко

Социальные проблемы участников чеченской и афганской войн (на материалах Торжка)

Комплексный анализ социологического опроса показывает, что военнослужащие и сотрудники отдела внутренних дел были направлены в командировку для выполнения боевых задач по собственному желанию и по совету товарищей (56 % и 24 %), что является показателем высокого морально-боевого духа. В то же время повторно согласились бы поехать 20 % ветеранов, а отказались бы большая часть опрошенных. В связи с тем, что ветераны чеченского и афганского конфликта не получали адекватного денежного вознаграждения и различного рода дополнительных поощрений за службу в экстремальных условиях, а право на льготы уже имеется, то нет необходимости повторно рисковать жизнью и здоровьем. Кроме того, уравнивание ветеранов в льготах привело к тому, что большинство не хотят оказаться повторно в горячей точке.

По окончанию командировок время на реабилитацию военнослужащим и сотрудникам отдела внутренних дел в основном предоставлялось. На вопрос «Как вы оцениваете свое психологическое состояние после реабилитации?» нет четко выраженных позиций, так как 36 % опрошенных считают, что они частично восстановили свое морально-психологическое состояние, а 32 % затруднились в оценке своего состояния. Военнослужащие, участвовавшие в боевых действиях в Афганистане, в свое время получали полную или частичную реабилитацию по возвращению. У некоторых прошло много времени после прибытия из «горячих точек».

По результатам социологического опроса видно, что четверть опрошенных (24 %) пользуются транспортной частью социального пакета для поездок в пригородном железнодорожном транспорте. Подавляющее большинство (68 %) получают полную компенсацию, так как медицинским обслуживанием обеспечиваются по месту службы, транспортной льготой пользуются редко в связи с плотным графиком работы, а при наличии личного транспорта пользование данной льготой нецелесообразно.

По данным проведенного опроса 72 % ветеранов не имеют собственного жилья или нуждаются в улучшении жилищных условий. В связи с периодической сменой мест службы военнослужащих. А также недостаточное финансирование строительства жилья для ветеранов из разных источников бюджета.

Проанализировав ответы на вопрос «Какая, по отношению к вашему доходу, происходит экономия в вашем бюджете при использовании социальных льгот?» мы видим, что для половины опрошенных экономия бюджетных средств – средняя (52 %), а для 32 % ветеранов – значительная. В связи с тем, что каждый участник боевых действий выбирает гибкую, удобную для него систему пользования льготами, он тем самым, получает оптимальную экономию средств.

40 % опрошенных устраивает работа Пенсионного фонда, и у ветеранов не возникает проблем с его посещением. Это говорит о высоком качестве облуживания и профессионализме работников фонда.

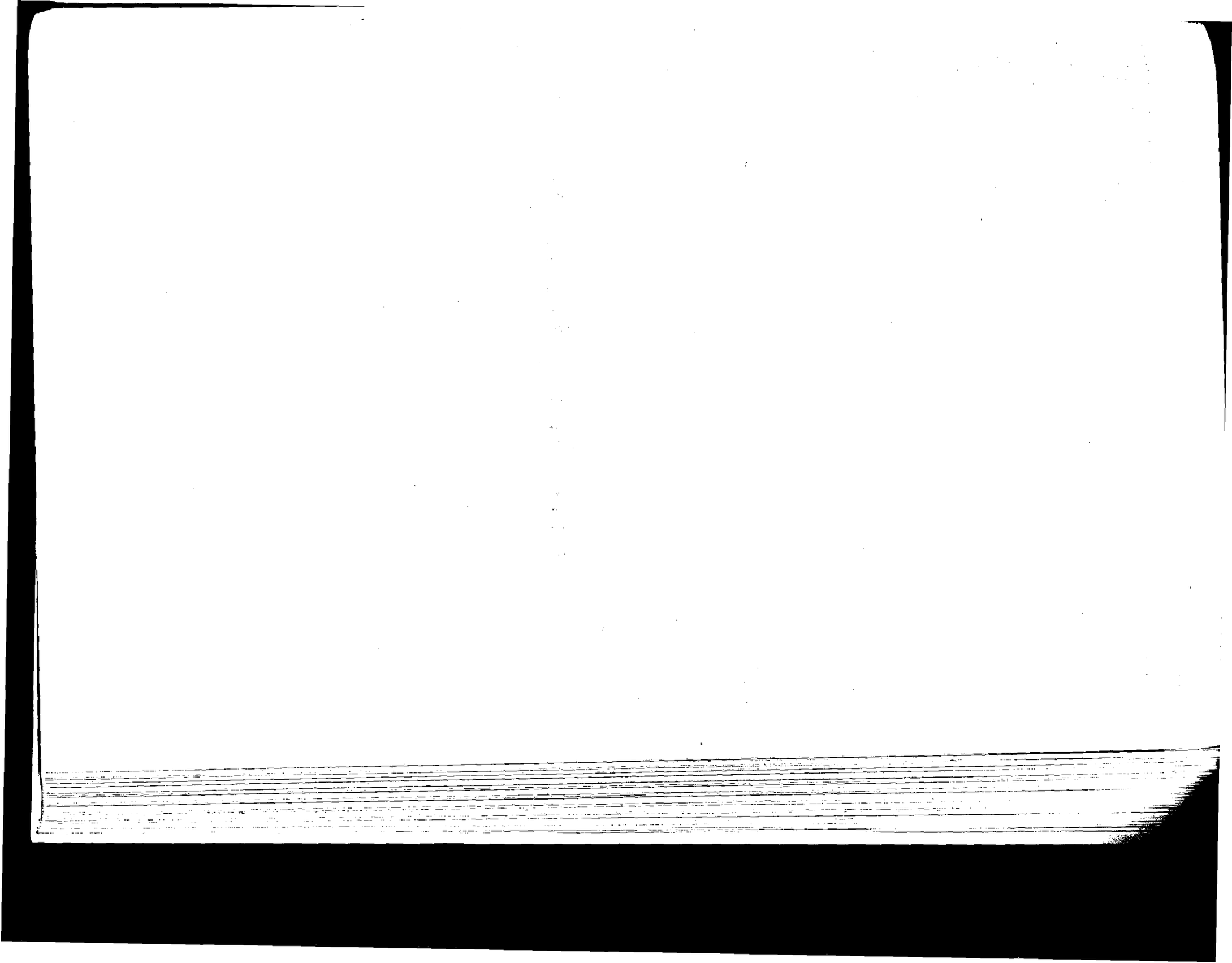
По данным исследования, только 16 % опрошенных считают заботу государства о ветеранах достаточной, и около 72 % считают, что государство недостаточно заботится о них. На мой взгляд, это обусловлено невозможностью реализовать свои права на все льготы в нашем регионе. В то же время большинство одобряют закон РФ «О монетизации льгот» по причине получения хоть какой-нибудь компенсации за то, что они по праву заслужили.

Результаты социологического опроса

1	Пол	мужской	21 (84%)	женский	4 (16%)						
2	Возраст	до 25	1 (4%)	26—30	6 (24%)	31—40	8 (32%)	старше 40	10 (40%)		
3	Образование	среднее (неполное)	0 (0%)	среднее (полное)	1 (4%)	средне-специальное	7 (28%)	высшее	17 (68%)		
4	Проходили службу в ЧР (ДРА) на должностях	солдат и сержантов	2 (8%)	прапорщиков	7 (28%)	офицеров	16 (64%)				
5	Как долго Вы находились в «горячих точках»	до 3 месяцев	11 (44%)	до 1 года	7 (28%)	более 1 года	7 (28%)				
6	Вы попали в «горячую точку»	по желанию	14 (56%)	по совету товарищей	6 (24%)	принудительно	4 (16%)	затрудняюсь ответить	1 (4%)		
7	Предоставлялся ли Вам реабилитационный период	да	6 (24%)	частично	17 (68%)	нет	2 (8%)				
8	Как вы оцениваете свое психологическое состояние после реабилитации	полностью восстановился	3 (12%)	воестановился частично	9 (36%)	не восстановился	5 (20%)	затрудняюсь ответить	8 (32%)		
9	Обращались ли Вы за дополнительной психологической помощью во время командировки или в период реабилитации	обращался	1 (4%)	не обращался	24 (96%)						
10	Поехали бы Вы еще раз в «горячую точку»	да	5 (20%)	скорее да, чем нет	1 (4%)	скорее нет, чем да	6 (24%)	нет	12 (48%)	затрудняюсь ответить	1 (4%)
11	Какими частями социального пакета Вы пользуетесь	всеми	1 (4%)	только транспортными	6 (24%)	только медицинекими	1 (4%)	получаю полную компенсацию	17 (68%)		
12	Как часто Вы меняете решение о получении льгот	ежегодно	1 (4%)	не меняю решение	24 (96%)						

13	Как часто Вы пользуетесь льготами помимо социальных пакетов	постоянно	1 (4%)	1—3 раза в неделю	0 (0%)	1—3 раза в месяц	9 (36%)	1—3 раза в год	15 (60%)		
14	Какая, по отношению к вашему доходу, происходит экономия в Вашем бюджете при использовании социальных льгот	незначительная	8 (32%)	средняя	13 (52%)	значительная	4 (16%)				
15	Считаете ли Вы удобным для Вас режим работы Пенсионного фонда	да	10 (40%)	нет	8 (32%)	затруднюсь ответить	7 (28%)				
16	Сколько времени Вы тратите на посещение Пенсионного фонда	до 1 часа	17 (68%)	до 2 часов	7 (28%)	до 3 часов	1 (4%)	свыше 3 часов	0 (0%)		
17	Пользуетесь ли Вы ежегодно отпуском в удобное для Вас время	да	9 (36%)	нет	16 (64%)						
18	Воспользовались ли Вы правом первоочередной установки квартирного телефона	да	9 (36%)	нет	16 (64%)						
19	Как Вы относитесь к закону РФ «О монетизации льгот»	положительно	19 (76%)	отрицательно	3 (12%)	нейтрально	3 (12%)				
20	Обеспечены ли Вы жильем	да	7 (28%)	нет	18 (72%)						
21	Считаете ли Вы заботу государства о ветеранах ЧР (ДРА) достаточной	да	4 (16%)	нет	18 (72%)	затруднюсь ответить	3 (12%)				

«Гений вкуса»



Е. Г. Милюгина

Мифология повседневности в поэзии Н. А. Львова и львовско-державинского кружка

Поэзия Н. А. Львова уже неоднократно становилась предметом исследовательского внимания. Основы ее изучения были заложены в трудах Я. К. Грота, Г. А. Гуковского, З. В. Артамоновой, В. А Западова[1]. Работы современных филологов продолжили это начинание в самых разных направлениях поиска. Так, в диссертации К. Ю. Лаппо-Данилевского «Литературное наследие Н. А. Львова» (1988)[2] и изданном им томе избранных сочинений поэта (1994)[3] дана жанровая классификация лирики Львова. Статьи, вошедшие в научную серию «Гений вкуса» (2001—2005), содержат идейно-тематический анализ поэзии Львова. В них описаны такие концептуальные группы, как стихи о поэте и поэзии[4], философская и любовная лирика[5], этические искания[6]. Но предложенная жанровая классификация традиционна, а тематическая классификация в том виде, в котором она на сегодня разработана, показывает сходство поэзии Львова и русской лирики XVIII—XIX вв., а не оригинальность поэтического мышления художника.

Как представляется, для продуктивности дальнейшего движения необходимо изменить масштаб исследовательской задачи и ракурс поиска. Исследователи уже отмечали неразрывную связь лирики Львова с поэзией львовско-державинского кружка[7]. В работах М. В. Строганова эта творческая установка поэтического содружества справедливо переосмыслена в методологический принцип анализа его наследия[8]. В развитие этой мысли возникает задача выявить в поэзии львовско-державинского кружка то *особое*, что объединило столь разных художников, как Львов, Г. Р. Державин, В. В. Капнист, А. М. Бакунин, М. Н. Муравьев, — то, что не возникало, очевидно, в замкнутом на себя индивидуальном творчестве того или иного поэта, то, что отличало поэтические дискуссии львовско-державинского кружка от философско-эстетических прений в иных, современных ему поэтических салонах, то, что требовало не-

---

[1] *Грот Я. К.* Николай Александрович Львов // Русская поэзия: Собр. произведений рус. поэтов, частью в полном составе, частью в извлеч., с критико-биогр. ст., библиогр. примеч. и портр. / Ред. С. А. Венгеров. Вып. 4. СПб.: [Тип. И. Ефрона], 1894. С. 767—768; *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. С. 116, 149, 197, 208, 209; *Артамонова З. В.* Неизданные стихи Н. А. Львова // Лит. наследство. Т. 9—10. М.: Журн.-газ. объединение, 1933. С. 264—286; *Западов В. А.* «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // 21 Герцен. чтения: Филол. науки. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1968. С. 83—85.

[2] *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Литературная деятельность Н. А. Львова: Автореф. дис.... канд. филолог. наук / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) АН СССР. Л., 1988.

[3] *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитект. работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием: *Львов.*

[4] *Вестстейн Виллем Г.* Образ поэта в стихотворениях Львова // Гений вкуса: Материалы междунар. науч-практич. конф., посвящ. тв-ву Н. А. Львова / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 262—271.

[5] *Никишов Ю. М.* Стихи Радищева и Львова на рубеже веков // Гений вкуса: Материалы междунар. науч-практич. конф., посвящ. тв-ву Н. А. Львова. С. 318—325; *он же.* О поэтике стихотворения «Ночь в чухонской избе на пустыре» // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 2 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 66—70; *он же.* Любовные признания Николая Львова // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 3 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 60—70.

[6] *Николаев Н. И.* «Фортуна» Н. А. Львова в контексте русских этических исканий конца XVIII — начала XIX века // Гений вкуса: Н. А. Львов. Сб. 3. С. 71—81.

[7] *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Неизвестные стихи А. М. Бакунина: (К вопросу о лит. творчестве участников львовско-державинского кружка // Проблемы развития рус. фольклора и лит. XII—XX вв.: Тез. докл. науч. конф. молодых ученых и специалистов. 6—7 апр. 1988 г. Л.: Б.и., 1988. С. 29—30; *Ропацкая Л.* «Пристанище художникам всякого рода»: О кружке Н. А. Львова // Сов. музыка. 1980. № 2. С. 94—100; *Росси Л.* М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.: К характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII века // Гений вкуса: Н. А. Львов. Сб. 3. С. 287—298.

[8] Львов в стихах поэтов-современников / Сост., подгот. текстов и комментарии М.В. Строганова // Гений вкуса: Н. А. Львов. Сб. 2. С. 117—169; *Строганов М. В.* Предисловие // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 4 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 5—22; *он же.* Предисловие // Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Гений вкуса: Н. А. Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. С. 5—16.

посредственного дружеского общения и возникало именно и только в его атмосфере — и его и отражало в поэтическом дискурсе.

Это особое — поэтизированная частная жизнь Львова и его окружения — получило в XX в. название *мифологии повседневности*[9].

Современные исследования феномена повседневности показывают, что разные культуры формируют различные тексты поведения людей. Вырабатываемые ими стандарты охватывают все сферы человеческой жизни и выражаются в особых символических формах: обрядах и ритуалах, художественных стилях и религиозных представлениях, стереотипах сознания и поведения и т. д. Поведение личности, сформировавшись на основе ценностно-нормативных систем, выступает своеобразным ключом к прочтению смысла конкретной исторической эпохи и конкретного топоса[10].

В этом смысле поэзия повседневности львовско-державинского кружка — уникальный материал для уяснения характера мира Львова.

Естественной формой выражения повседневного опыта стали для львовско-державинского кружка камерные по содержанию тексты. Особенностью лирики Львова является ее автобиографический характер. Конечно, не стоит объяснять жизнь поэта через его произведения — между биографическим автором и его героем нельзя ставить знака равенства. Но само это неравенство — приращение смысла в художественном тексте против текста биографического — открывает читателю особенности понимания поэтом самого себя, своего предназначения, поэтической концепции жизни.

Стихия живой жизни врывалась в стихи Львова и находила там своеобразное воплощение. И дружеские связи, и любовь, и создание собственного дома, и занятия искусством, и государственная служба — все сферы повседневной жизни нашли отражение в поэтическом дискурсе Львова.

Сердце Львова, открытое миру, необыкновенная одаренность всегда притягивали к нему друзей, и он эмоционально отзывался на их искренние чувства. Любовь к искусству и творческий дух объединяли союз «Четырех разумных общников», душой которого был молодой Львов. Уже тогда в поэзии он стремился запечатлеть стихию жизни в ее изменчивости, неповторимости событий, мозаичности переживаний. Это выразилось в программном стихотворении «Хочу писать стихи...»:

И так сегодня день немало я трудился;
На острове я был, в полку теперь явился.
И в школе пошалил; ландшафтик сделал я;
Харламова побил; праздна ль рука моя?
Я Сумарокова сегодня ж посетил,
Что каменным избам фасад мне начертил.
И Навакшонову велел портрет отдать,
У Ермолаева что брал я срисовать.
Еще ж я вам скажу, скажу право без лени,
Что Аплечеева поставил на колени... (*Львов*. С. 23—24).

Обычные, казалось бы, дела, мимолетные радости и ссоры, типичные жанровые сценки, минипортреты друзей и однокашников — все эти мелочи повседневной жизни в поэтическом тексте Львова увековечены, возведены в ранг высших ценностей. Не будь этого стихотворения — кто бы сейчас вспомнил Харламова, Сумарокова, Навакшонова, Аплечеева, Ермолаева? А лирическое *я* в его поэтическом пространстве сродни мифологическому демиургу, обустраивающему мир по своим собственным законам.

Позже вокруг Львова сложился творческий кружок, названный по именам его ведущих поэтов львовско-державинским. Портрет содружества сохранила для нас поэтическая переписка его участников: Львова, Державина, Капниста, А. М. Бакунина, а также мемуаров

[9] *Богданов К. А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. Территория культуры: антропология; *Бабаева А. В.* Миф в пространстве повседневности // Смыслы мифология в истории и культуре: Сб. в честь 90-летия проф. М. И. Шахновича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. об 2001. Мыслители. Вып. 8. С. 300.

[10] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций на Христианском Западе XII—XIII Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 51; *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 370— *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 69.

М. Н. Муравьева и Ф. П. Львова. Отраженная в них мифологизация персоналий связана с пристрастием каждого из участников кружка к тому или иному поэту древности, выраженное в характере поэтической манеры: анакреонтизме Львова, пиндаризме Державина, горацианстве Капниста.

Один из любимых жанров этого объединения — послание друзьям. В творческом наследии Львова есть поэтические письма Державину, Оленину, Бакунину, А. А. Безбородко, И. М. Муравьеву, А. А. Мусину-Пушкину, А. Е. Егорову. Доверительный тон, сердечное участие в радостях и бедах, дружеский совет, ироническое подтрунивание, даже галиматья, чушь — *чуха*, как называл это Львов, — всё это впитали его послания. Став органичным продолжением традиции античных эпистол Горация, Марциала и Овидия, они вместе с тем живо и непосредственно отразили мир мыслей и чувств русского дворянства конца XVIII в.

Единственной любовью Львова была М. А. Дьякова. Ей посвящены нежные и трогательные стихи, взволнованные и радостные письма. В пьесе «Сильф» нашла иносказательное отражение история зарождения их любви. Атмосфера взаимопонимания, гармонического согласия, воцарившаяся в финале пьесы, стала атмосферой их семейного союза — сначала тайного, потом признанного родственниками Дьяковыми. После того как тайна брака открылась, это была уже не та идеализированная семья, о счастливых воображаемых вариантах которой писал Львов в своих первых литературных опытах, а настоящая, вьющая гнездо в реальном пространстве и времени — в Никольском-Черенчицах — и столкнувшаяся с разными социальными, бытовыми и психологическими испытаниями на прочность. Единство этого союза, основанного на глубоком сердечном чувстве, нерушимого ни в делах, ни в праздности, ни в горести, ни в радости, Львов возводит в стихах в статус великой спасительной силы:

Ты одна, о мой душевный друг!
Дух спасительный судьбы моей,
Ты одна б со мной решилася
С чистой радостью сердечною,
Как блаженство, и напасть делить (*Львов*. С. 37).

Рождение детей: сыновей Леонида (1784) и Александра (1786) и дочерей Елизаветы (1788), Веры (1792) и Прасковьи (1793) — было большой радостью для Львовых, хотя и принесло много новых забот по их воспитанию. О них Львов неоднократно пишет в стихах, восхищаясь детскими выдумками и затеями и стремясь стать с ними наравне и в работе, и в веселье. Таково стихотворение «Сам на себя и на ребят моих»:

Всегда был мал,
Всегда был скверен,
Теперь стар стал,
А всё уверен,
Что хоть уйти, хоть ополчиться,
Хоть пошалить иль потрудиться,
Переменю я обоих
Ребят моих (*Львов*. С. 94).

Характеризующую союз Львовых нежную верность друг другу, эмоциональную привязанность, неразрывную даже на расстоянии, выразил Капнист в своем изящном посвящении Марии, вписанном в новое издание львовского «Анакреона», навсегда увековечив ее обаятельный образ:

Зачем, как мотылек,
С цветочка на цветок
Анакреон беспечно
Весь век свой пролетал? —
Такой, как ты, конечно,
Он розы не сыскал[11].

В мифологию повседневности входит и идеализация родового гнезда Львовых Никольского-Черенчиц, равно как и имения Бакуниных Прямухино, Обуховки Капнистов. А. М. Бакунин в посвященных Львову стихотворениях «Другу моему Николаю Александрови-

[11] *Анакреон*: Жизнь Анакреона Тийского. Стихотворение Анакреона Тийского / Перевел **** **** [Н. А. Львов]. СПб.: В 3 кн. СПб.: Тип. Корпуса чужестр. единоверцев, 1794. [2], XLIV, 287 с. Экз. из коллекции РГАДА с авт. правкой. Л. 6.

чу» и «Ручей» отождествляет Львова — преобразователя ландшафта Никольского-Черенчиц с натурфилософским гением жизни:

Давно ли здесь по тундре мшистой
Тропинка к гибели влекла?
Висела над струей нечистой
Студеная густая мгла. <...>
Но что за шум воды текущей?
Ручей ли здесь? Не может быть,
То не ручей, то Лель могущий,
Что образ свой в водах сокрыл,
И гений жизни, в ней текущий,
Долину мертву оживил[12].

В послании «К Н. А. Львову» Державин превращает сельскую жизнь поэта в Никольском в чистую идиллию и тем самым творит миф о Львове-селянине; этот миф поддержан задуманной к стихотворению заставкой, изображающей Львова-землепашца:

Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.

Тут нежна, милая супруга —
Как лен пушист ее власы —
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.

Целуя раскрасневши щеки,
На пяльцы посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.

«О! если бы, — она вещает, —
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, —
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!

Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом»[13].

«Храмовидный дом» — мифологема Державина, уставшего от городской суеты. Для него дом-храм символизирует любовь, работу и искусство. И даже женское рукоделие в этом контексте перестает быть ремеслом и обретает некий высокий космогонический статус: оно переосмысляется в один из процессов построения гармоничного мира, а результаты его обретают силу оберега этого мира.

Дом-храм бесконечно дорог и самому Львову, но его концепция семейного счастья иная. Вот как он описывает мир своего Никольского:

---

[12] *Бакунин А. М.* Собр. стихотворений / Подгот. текстов, сост., вступ. ст., примеч. М. В. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2001. С. 17—18.

[13] *Державин Г. Р.* Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. В 9 т. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1864—1883. Т. 2. С. 516.

Для должности мне день всегда казался мал,
А если я его не проводил с друзьями,
Для счастья моего я день тот потерял.
А здесь меж мужиками,
Не знаю отчего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал равен,
С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
Благословляючи на встретенье стократ
Станицу шумную троих моих ребят,
Которые растут здоровы, сильны, стройны;
Но были ль бы и здесь так дни мои спокойны,
Когда бы не был я на счастии женат? (*Львов*. С. 62)

Формула семейного счастья у Львова более широка, чем у Державина, более богата эмоциональными переживаниями и духовными контактами. Она включает в себя не только любовь между супругами, но и «станицу шумную ребят»[14], и круг друзей, и общение с деревенскими мужиками, питающее его народной мудростью. Это «горацианское» счастье перевешивает для Львова случайные подарки переменчивой Фортуны.

Материалом поэтических сюжетов, живописных словесных картин становились у Львова и события, казалось бы, совсем непоэтические: обустройство усадьбы, служба по горному ведомству, угледобывающий и землебитный проекты. Примечательно: Львов осмысляет события собственной жизни в категориях глобальных, вселенских, вечных, возводя их в степень архетипа. Так, в стихотворении «На угольный пожар» отражена служба по угледобыче в Валдайском крае:

Послушай, мать сыра земля,
Ты целый век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул? — Я!

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар,
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар (*Львов*. С. 40—41).

Конкретный биографический эпизод — самовозгорание угля, не принятого петербургскими заказчиками и складированного на даче Львова, — поэт осмысляет в контексте космогонической борьбы четырех первостихий: земли, воды, воздуха и огня, начатой по его инициативе.

Подобный строй чувств характерен и для Державина. В своих поэтических посвящениях Львову он осмысливал направления хозяйственной деятельности своего друга, и прежде всего землебитное строительство и горное дело, в мифологических образах:

Друг мой! — Увы! озлобясь, Время
Его спешило в гроб сокрыть,
Что сея от познаний семя
Мнил веки пользой пережить;
Воздвигнув из земли громады
И зодчества блестя челом,
Трудился, чтоб полнощны чады
Искусств покрылися венцом (Память другу);

[14] См. об этом: *Строганов М. В.* Концепт *детство* в русской усадебной поэзии начала XIX века // Детская литература и воспитание: Сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. С. 118—125.

Хоть взят он от земли и в землю он пойдет,
Но в зданьях земляных он вечно проживет (Надпись к портрету)[15].

В строках Львова и Державина оживает древнейшая символика огня и земли как первоэлементов вселенной. Поэты творят новую мифологию: образ земли (женское начало среди четырех стихий) у них, помимо обычных смыслов (материнство, бренность, могила), приобретает и другие — вечности и неистощимости *материи*, таинственным образом превратившейся в *строительный материал*, из которого по проектам Львова возникали *строения*, ставшие вечной памятью их создателю.

Державин мифологизирует самого Львова. Но и Львов описывает свою жизнь как миф — в переписке поэтов об обстоятельствах государственной службы встречается, например, такой пассаж (письмо из Москвы от 13 августа 1786 г., по поводу первой угольной комиссии): «...в Валдай послан я по именному повелению искать угля и нашел; твоему тучному украинскому смыслу, я чаю, и в голову мотыгою не вобьешь, сколько это важно для России; *мы только, великие угольники*, сие смекнуть можем. А сколько я сего угля нашел, скажу только то, что *если ваш тамбовский архитектор возьмется сделать над светом каменный свод, то я берусь протопить вселенную*» (*Львов*. С. 328). Пропорцию эйфории и самоиронии в выделенных строках еще предстоит вывести, но второе не отменяет первого: Львов явно ощущает себя культурным героем, и в словах его горит Прометеев огонь.

Тема продолжается в письме Львова к Державину от 18 сентября 1786 г. из Боровичей «Я всё еще в угольной яме; но слава Богу, что *обретение мое идет час от часу лучше; уголь, который теперь пошел, на всякую уже потребность годен, — не только что обжигать известь или кирпич и готовить кушанье, но металлы с удивительным успехом растопляет* <...> Через 10 или 12 дней еду я в Питер наверное, накопав и отправя на барках или, лучше, на *барке* уголь. *Что там прикажете на оном жарить?*» (*Львов*. С. 329). Градация величия (свойств угля) названа в письме по нарастающей, и потому финал его звучит явно *некулинарно*: что же надлежит жарить на том угле, который уже растопил металлы? Если же связать это письмо с написанным месяц назад, можно предположить, что теперь Львов ощущает себя Гефестом.

А вот письмо Львова к Державину из Никольского от 24 мая 1799 г. с упоминанием землебитной комиссии: «Глаза у меня так болят, что я не токмо сам писать, но и поправить писаного не могу: с утра до вечера учу мужиков *из пыли строить палаты*; а пыль и солнце — весьма дурные окулисты» (*Львов*. С. 354). Фраза о строительстве палат из пыли почти дословно совпадает со строкой из автоэпиграммы, что также переводит ее в разряд мифологизированных свидетельств:

Рассудку вопреки и вечности в обиду,
А умницам на смех
Построил, *да его забвен не будет грех*,
Из пыли пирамиду (*Львов*. С. 94).

Ирония в автоэпиграмме Львова неоднозначна. Подшучивая над собой, он легко, словно невзначай, опрокидывает рационалистические декларации классицистов и просветителей. Пирамида — традиционный символ прочности, величия, победы памяти над временем — построена им из «пыли» — земли, считавшейся символом бренности.

Сама идея противостоять вечности средствами бренного — смела и оригинальна для XVIII в. Ей место скорее среди художественных дерзаний серебряного века, среди безумств Блока, мечтающего

Все сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Однако, в отличие от символистского манифеста Блока, поэтическая декларация Львова свободна от аллегорий и аллюзий: автор говорит о собственном опыте землебитного строительства и называет «пылью» грунт, землю. Землебитные «пирамиды» Львова, в число которых входили строения разного назначения — культового, жилого, хозяйственного — успешно функционировали в течение полувека в Никольском, около ста тридцати лет в Подмосковье, а самое

[15] *Державин Г. Р.*. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 2. С. 461. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит мне.

вестное из них, Приоратский дворец в Гатчине, и сейчас радует посетителей своей свежестью и прочностью.

***

Итак, в творчестве поэтов львовско-державинского кружка формируется оригинальная мифология повседневности. Ее основной концепт — поэтизация активной трудовой деятельности по преобразованию внешнего мира. В случае Львова это обустройство Никольского-Черенчиц, преображение Новоторжского края, где поэт проектирует и строит целый ряд дворянских усадеб, и Торжка, где он возводит Борисоглебский собор, воспетый Бакуниным в поэме «Торжок» как символ истинно русского искусства. Для Бакунина это построение «прямухинской гармонии», в духовном и материальном отношении всецело заменяющий столичный мир. Для Державина — храмовидный дом, оазис любви и искусства в шумном и суетном пространстве города.

Напряженное отношение к жизни, наполненной событиями и свершениями, изменяет для Львова, Державина и Бакунина восприятие времени: его мерой становятся циклы трудовых ритмов, определяющих темы и эмоциональный строй лирики. Центральным образом в творчестве поэтов львовско-державинского кружка становится поэтическая личность, участвующая в повседневности всей полнотой своих творческих сил.

Осмысление повседневности как сферы активной самореализации человека, преобразующего внешний мир, сближает поэзию львовско-державинского кружка с хронотопом космогонического мифа, а сам поэт выступает в ней в функции культурного героя современности, что отражает дух рубежа XVIII—XIX вв. как эпохи идейно-художественного обновления.

Федерика Росси

Парк Безбородко и античность

В 1797 г. Павел I подарил Безбородко крупный участок земли в центре Москвы. Последний, в связи с этим, в том же 1797 г. поручил Джакомо Кваренги сооружение дворца, а Н. А. Львову устройство парка[1]. Из-за последовавшей вскоре смерти заказчика (1799) проект дворца и парка не был осуществлен. Однако до нас дошел альбом Львова с проектами и подробными пояснениями к ним. Вероятно, Львов предполагал напечатать как текст, оставшийся незавершенным, на французском и русском языках, так и одиннадцать чертежей, иллюстрирующих презентацию проекта[2]. В альбоме показаны планы, сечения, фасады различных строений парка в живописном природном окружении. На обложке альбома герб Безбородко, обрамленный гирляндами, помещен над овалом, где изображена входная галерея парка. На заднем плане видны деревья, среди которых можно различить кипарисы. На переднем плане, в некоторых фрагментах антаблемента, ощутимы отголоски классического периода; зрительное объединение русского герба с античными руинами подчеркивает характер произведения, связь России с античностью.

Проект сада возник в период с апреля 1797 г. по 1799 г.: Безбородко впервые упоминает о нем в письме С. Р. Воронцову, написанном между 17 июня и 23 ноября 1797 г. Второй раз о парке упоминается в письме С. Р. Воронцову от 26 мая 1798 г. Как отмечает Гримм: «Судя по тому, что все чертежи, кроме последнего, приведены к единому формату альбома добавлениями, надставками или наклейкой на новые листы, можно предположить, что идея создания альбома возникла не сразу, а появилась, когда проект был уже завершен»[3]. Возможно, идея создания альбома появилась после смерти Безбородко, хотя не исключено, что Львов намеревался опубликовать данную работу еще в октябре 1797 г. либо отдельно, либо в составе более объемного труда на ту же тему. В контракте, подписанном с гравером Майером 3 октября 1797

---

[1] Я хотела бы выразить мою сердечную благодарность Д. О. Швидковскому за его ценнейшие советы, а также Е. А. Шорбан и Г. К. Смирнову за их помощь. Я хотела бы поблагодарить М. В. Строганова и потомков Н. А. Львова за содействие моим исследованиям в Твери. Я очень признательна сотрудникам ГМИИ в Москве, сотрудникам ИРЛИ и Научно-исследовательского Музея Академии художеств в Петербурге за их отзывчивость. Я глубоко признательна профессорам Howard Burns, Enrico Castelnuovo, Massimo Ferretti, Salvatore Settis, Paul Zanker университета Пизы, где я защитила диссертацию «Tradurre Palladio. Nikolaj L'vov architetto e intelletuale russo al tramonto dei Lumi» (Переводы Палладио. Николай Львов – русский архитектор и эрудит на закате Просвещения. Pisa, 2007). Я благодарна также Alessandro Poggio за его советы. Перевод данного текста выполнен А. Лентовской, которую я благодарю за проделанную работу.

[2] См.: *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве // Сообщения Института истории искусств АН СССР. М., 1954. Т. IV—V. С. 107—122. Здесь опубликован русский пояснительный текст к проектам. Об этом парке см. также: *Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова Н. А.* Архитектор Львов. М., 1961. С. 44—46; *Makhrov A.* Architecture and Politics: Catherine the Great's «Greek Project» in the Works of Nikolay L'vov // Newsletter of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. 1998. P. 10—14; *Ткаченко А. В.* Западноевропейские влияния и их трансформация в проекте парка князя Безбородко // Гений вкуса. Сборник 1 / Ред. М. В. Строганов. Тверь, 2001. С. 197—202; *Никитина А. Б.* Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб., 2006. С. 118—120.

Перевод обрывается примерно на середине, французский текст не издан. Листы поделены пополам; слева текст на французском, справа – на русском. Версии очень похожи, однако описания отдельных памятников составлены только на русском языке. Французский текст заканчивается перед описанием верхнего монумента отрывками из четвертой и первой песни поэмы Жака де Лиля «Les jardins ou l'art d'embellir les paysages» (Сады или искусство украшать сельские виды. Paris, 1782):

Point de ces édifices, prodigués par la mode,
Obélisque, rotonde et kiosk et pagode,
Ces bâtiments Romains, Grecs, Arabes, Chinois,
Chaos d'Architecture et sans but et sans choix,
Dont la profusion stérilement féconde
Enferme en un jardin les quatre parts du monde...
Surtout du Mouvement: sans lui, sans sa magie
L'esprit désoccupé retombe en léthargie.

Львов не называет автора стихов. Но, по свидетельству Ф. П. Львова, его кузена, П. В. Бакунин дал эту поэму де Лиля почитать молодому Львову, и тот немедленно запомнил ее наизусть (*Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитект. работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. С. 316—325, 367. Далее: *Львов*).

[3] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 108.

г., в пункте 3 значится: «Собрание различных садовых строений, состоящее в двадцати пяти досках. Обязуюсь я таким же образом выгравировать и на таком же основании с каждой доски отпечатать по сту екземпляров. Получить имею за работу и за материалы по двадцати по пяти рублей». Речь шла о более ограниченном тираже, по сравнению с четырьмястами экземплярами, запланированными для «Опыта о русских древностях», что наводит на мысль о ценности и дороговизне издания[4].

В начале альбома говорится о том, что устроение этого парка будто бы сделало возможным «согласить учение двух противоположных художников Кента и Ленотра», поскольку были помещены «в одну картину сад пышности и сад утехи»[5]. Идея не нова, ее можно найти уже у Болотова и Хиршфельда[6]. В пояснительном тексте Львов, ссылаясь на Хиршфельда, описывает чувства, которые должен вызывать правильным образом устроенный сад в зависимости от времени суток, и для утренних часов предполагает атмосферу радости и спокойствия. Эти описания обязаны своим происхождением письмам Плиния Младшего, переведенным на французский язык и хорошо известным в XVIII в. Львов, кроме того, ссылается на собственные проекты других резиденций, прежде всего, на проект Александровой дачи, где каждый памятник соответствовал определенной атмосфере: данный проект представлял собой архитектурную иллюстрацию «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II для внука Александра в образовательных целях и в связи с «греческим проектом»[7].

Львов делит план сада на три части (ил. 1). Рядом с дворцом он проектирует сооружение, ведущее через террасы в натуральный сад, который, будучи приведен «в движение текучими водами», предстает «живым подножием дому, долженствующим одушевлять всю площадь перед ним»[8]. Многие русские сады были поделены на регулярный и натуральный. В таком решении нет ничего необычного, однако новизна кроется в его символическом наполнении. В первой части, прилегающей к дому, интересно использованы символы воды и огня, отсылающие к воинской доблести и героизму.

Композиционным центром первой части сада является огромная статуя божественной покровительницы владельца дома, стоящая на лаконичном пьедестале: «на четвероугольном цоколе оного изваяны человеколюбивые и героические деяния; а подножие, дикую гору представляющее, имеет четыре пролета, сквозь которые видно во внутренней пещере жертвенник благодарности, закрытый со всех четырех сторон прозрачною водяною завесою, которая движением своим умножая блеск возжигаемого в дни праздничные на жертвеннике огня, придает оному некоторый вид таинства и святыни. Десять дорических колонн, вокруг монумента расположенных и такое же число курительниц при себе имеющих, составляют балюстрад около монумента. Курительницы сии соединены гражданскими и военными венцами вместо парапета на карнизе служащими. Упадающие воды с подножия храма собраны в мраморную чашу, занимающую внутренность круглого храма»[9].

На подготовительном рисунке к проекту, где одеяния статуи еще не приобрели определенность, изображены детали капители, вазы для балюстрады и основания для колонн. Львов отказывается от баз и решает уничтожить украшавшие антаблемент чаши, схожие с вазами Аполлоновой колоннады Камерона, ранее уже использованные для Александровой дачи. Львов упрощает проект, стремясь отойти от моделей Камерона. Другой до сих пор не издан-

---

[4] РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Ед. хр. 14. 1816. Л. 20. То же: РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Ед. хр. 84. 1796—1799. Л. 3—4. Текст контракта опубликован: *Никитина А. Б.* Архитектурное наследие Н. А. Львова. С. 499—500. Территория на берегу Яузы была уступлена по указу от 21 апреля 1797 г. (*Глумов А. Н.* Львов. М., 1980. С. 144; *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 128). О переписке Безбородко с Воронцовым см.: *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 130; Архив князей Воронцовых. Кн. XIII. С. 377.

[5] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 110.

[6] О Болотове, Хиршфельде и Львове см. *Rossi F.* Tradurre Palladio. Nikolaj L'vov, architetto e intellettuale russo al tramonto dei Lumi. In corso di stampa; www.gardenhistory.ru (статья Б. М. Соколова, 2007) с библиографией. О русских садах XVIII в. см.: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982; *Lichačev D. S.* La poesia dei giardini: per una semantica degli stili dei giardini e dei parchi: il giardino come testo / A cura di A. Raffetto; introduzione di S.Graciotti; *Нащокина М. В.* Русские сады. XVIII – первая половина XIX века. М., 2007; *Schönle A.* The ruler in the garden: politics and landscape design in imperial Russia. Oxford, 2007; *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. М., 2008.

[7] Об ансамбле: *Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова Н. А.* Архитектор Львов. С. 91—94; *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. С. 306—307.

[8] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 110.

[9] Там же. С. 114.

ный лист, выполненный акварелью, отражает ход работы над проектом (ил. 2)[10]. Вода спускалась с памятника в грот, трехстороннее помещение с нишами, и прикрывала цветочную пирамиду, состоящую из трех уровней. Террасы и лестницы повторяют некоторые художественные решения проекта Львова для Кремлевского дворца, где архитектор использовал в качестве доминирующего композиционного элемента арку и различные типы руста. Памятник, расположенный перед выступающей частью виллы, - дань уважения Безбородко, крупному политическому деятелю, заслужившему общественное признание своими гражданскими реформами и своей дипломатической проницательностью в военном вопросе. Возможно, что богиней-покровительницей Минервой является Екатерина II, такое толкование Львов уже давал в программе портрета Левицкого.

Другой памятник монархине в центре небольшого храма-периптера ионического ордера находился в Таврическом дворце Старова. Львов, наоборот, поместил статую сверху колоннады, и ее основание походит на отдаленную реплику фонтанов со скалами Бернини, которые вдохновили также и Кваренги: статуя, помещенная на скалистое основание, из которого бьют струи, собирающиеся в бассейн, нарисована архитектором из Бергамо на переднем плане одной архитектурной фантазии[11]. Кажется правдоподобным, что Львов, взяв за точку отсчета колоннаду Камерона в Царском Селе и фонтаны с необработанными камнями, типологически переработал их в этом памятнике Минервы. Идея огромной статуи богини могла прийти ему после чтения Павсания, который упоминает о двух больших статуях Афины в афинском Акрополе Промахос и Парфенос: вновь в творчестве Львова, где столь часто использовалась греческая дорика, просматривается связь с Грецией и с политическим проектом императрицы[12].

Вода – тот элемент, который связывает три части парка, разделенные «скорее на плане»: ее поток начинается у подножия памятника Минервы, в нижнем английском парке распадается на множество речушек, которые затем становятся бассейнами для навмахий и водных забав последней части парка[13].

Среди утопающих в зелени строений в английском саду – храм-руина Нептуна, вольер, турецкая беседка с характерным решением крыши и полумесяцем, которая в некоторой степени вторит проекту Хиршфельда, опубликованному в его трактате (в своей копии трактата Львов добавил ремарку[14] к предложенному образцу) (ил. 3). Однако в решении деталей Львов основывается на примере турецкой беседки, спроектированной для Царского Села в 1790-е гг.[15]. Чертеж вольера снабжен пояснением, которое отталкивается от подробного описания вольера Варрона, «схожего с круглым храмом», и описывает, какими они должны быть в со-

---

[10] Подготовительный рисунок с набросками отдельных деталей памятника см.: РГИА. Ф. 37. Ед. хр. 11. № 105. 1816. Л. 1, 2 Сбоку находятся указания о том, как правильно выполнять чертеж. А. Б. Никитина (Архитектор Львов. С. 119—120) считает, что это указания для копиистов, переписывавших проект начисто. Неопубликованный рисунок хранится в НИМРАХ (инв. 639); окончательный чертеж в альбоме там же (НИМРАХ. А-15664). Слово *тайна* использовано Львовым в отношении античности также и во вступлении к тексту Палладио, где он пишет о том, что только древние сооружения и здания Палладио, имитировавшие античность, способны вызывать ощущения таинственного и священного. В нашем случае игра двух начал: воды и огня, а также отсылка к античности служат для придания «таинственного и священного облика».

[11] Рисунок Кваренги «Фонтан со скульптурами в парке» см.: Biblioteca Civica Mai. Альбом BC. L-7; опубликован: *Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi / A cura di S. Angelini, catalogo di V. Zanella. Bergamo, 1984. P. 345, cat. n. 417, p. 382.

[12] Намек на государыню не должен был быть открытым, учитывая плохое отношение к ней Павла I. Львов цитирует Павсания во вступлении к выполненному им переводу Анакреона (*Львов.* С. 109). Этот намек появился, возможно, благодаря открытию в конце XVIII в. колоссальной статуи Афины (3.05 м) в Веллетри рядом с Римом. Статуя Львова имеет достаточно близкое сходство с ней. Статуя находится в Лувре (инв. MA 464). Купол центрального зала Таврического дворца восходит к образцу купола Св. Софии Константинопольской; Державин в своем описании этого зала сравнивал его с храмом. А. Махров, видя в саду связь с греческим проектом Екатерины, ставил вопрос: может ли статуя в саду быть изображением императрицы (*Makhrov A.* Architecture and Politics: Catherine the Great's «Greek Project» in the Works of Nikolay L'vov. P. 12).

[13] Наиболее богатые и роскошные в России водные забавы можно было найти в Петергофе. Львов упоминал в своих записях Петергоф и Версаль как образцы регулярного парка; именно они стали образцами для создания первой части парка, названного «роскошный сад». В своем проекте парка Львов мог опираться на то, что видел во Франции, а также, возможно, использовал книгу Кармонтеля, опубликованную в 1779 г. в Париже, посвященную саду графа Шартрского (*Ткаченко А. В.* Западноевропейские влияния и их трансформация в проекте парка князя Безбородко. С. 199). Художник Шарль де Вайи, который содержал у себя русских пансионеров во время их пребывания в Париже, спроектировал для парка Энгиен (Enghien) навмахию, павильоны и водные игры (Charles De Wailly (1730—1798), peintre-architecte dans l'Europe des Lumières: Catalogue de l'exposition / Ed. M. Mosser, D. Rabreau. Paris, 1979. Cat. 312).

[14] *Hirschfeld C. C. L.* Théorie de l'art des jardins. Leipzig, 1785. T. V. P. 71. Экземпляр в библиотеке ГМИИ.

[15] Рисунок *турецкого павильона* Кваренги ныне находится в музее истории Санкт-Петербурга. Он опубликован: *Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 23.

временности. Львов критикует древних, считая их здания излишне просторными по сравнению с «мелочными оного жильцами», но не воплощает на практике свои взгляды, поскольку искусство сильно «зависит от обычья». Спроектированный им вольер по размерам схож с вольером Камерона в Царском Селе[16].

За английским садом следует третья часть парка, где «пруды один от другого перешейком только уским отделенные, подали художнику совсем новую мысль, великолепие древних гимнастических игр возобновляющую». Квадратный водоем преобразован в «полукруглую наумахию», пристани размещены по его углам. Напротив Львов установил две ростральные колонны, которые выполняли двойную функцию – церемониальную и осветительную. На двух колоннах «железные треножники служат фаросами для освещения игр, когда даются оные в ночное время. Сие здание вообще удобно, как для иллюминации, так и для фейерверков»[17].

Второй водоем продолговатой формы «обращен в водяную Лицею, по которой на маленьких Гондолах делается регата; термины, разделяющие пути, состоят из разных трофеев, разные победы на море означающих. На пиедесталах их подписано имя победителя и день победы; кругом водяной Лицеи расположен для ристалища на колесницах Гипподром. Один день в неделю назначен для сего позорища и молодые люди, любящие сие упражнение сбираются в великом числе для оживления сего здания, которое без того было бы мертво»[18].

Нижняя часть парка открыта «для публичного гулянья», что и объясняет его монументальный и «героический» характер. Раз в неделю здесь должны были проводиться игры для всех желающих: здесь слышится отзвук идей Радищева, полагавшего архитектуру общественным достоянием[19]. «На узком перешейке, разделяющем Гипподром от Навмахии построены двое триумфальных ворот, через которые проезжают Атлеты прежде начинания игр. По бокам оных полукруглые колоннады поддерживают куполы и вместе с воротами составляют один общий храм славы как для сухопутных, так и для морских героев, коих бюсты поставлены в середине полукруглого здания»[20]. Их пример должен научать духу гражданственности.

В императорском парке Царского Села такие памятники героям, как Чесменская и Марейская колонны, служили напоминанием о победах, одержанных в царствование Екатерины. Государыня шутливо писала, что «когда война сия продолжится, то Царскосельский мой сад будет походить на игрушечку, после каждого славного воинского деяния воздвигается в нем приличный памятник. Битва при Кагуле <...> возродила в нем обелиск с надписью <...> Морское сражение при Чесме произвело в великом пруде Ростральную колонну <...> кроме всего, вздумала я приказать построить в лесочке Храм памяти, к коему проход был бы через Торжественные врата, здесь все деяния, в нынешнюю войну бывшие, будут представлены на медальонах»[21]. Эта фраза свидетельствует о том, что сооружение памятников возобновлялось по необходимости и что ансамбль не был задуман как единый комплекс. В то же время, мы узнаем, «что предполагалось построить в Царском Селе здание, где прославлялись бы сразу все события Турецкой войны. Иными словами, должны были возвести некое средоточие победной темы в ансамбле». В поэтике Царского Села «слава античного идеала» слилась со «славой росских дел»[22]. Хотя столь прямые и недвусмысленные намеки на героизм и воинскую доблесть были не вполне привычны для частного сада, в парке Безбородко «слава античного идеала»

---

[16] См.: *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 125. О вольере Варрона см.: *Etienne R.* La volière cosmique de Varron à Casinum (Italie) // Revue des études anciennes. 108 (2006). P. 299—312.

[17] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 114.

[18] Там же. С. 114—115.

[19] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1794. Т. 1. С. 137; *Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова Н. А.* Архитектор Львов. С. 46.

[20] В примечании к альбому Львов указывает: «На правой стороне графа Румянцева-Задунайского лицом к Гипподрому; на левой адмирала Грейга к Навмахии» (*Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 115). Львов упоминает П. А. Румянцева-Задунайского, героя войн с турками, и С. К. Грейга, русского адмирала шотландского происхождения, одного из творцов Чесменской победы в 1770 г. Львов перечисляет победы армии и флота над турками, поскольку двойное наступление с моря и суши привело к блестящим победам. Не следует забывать, что украинский князь Безбородко начал свою карьеру в канцелярии графа Румянцева, когда последний был малороссийским губернатором, и вместе с генералом участвовал в турецкой кампании. Екатерина II высоко оценила дипломатические качества Безбородко после подписания Кучук-Кайнаджирского мира и сделала его своим секретарем в 1775 г.

[21] Ручной дорожник. СПб., 1802. С. 20—21; *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. С. 235.

[22] *Швидковский Д. О.* Чарлз Камерон и архитектура императорских резиденций. С. 236—237.

слилась со «славой росских дел». После героических настроений первых построек вблизи дворца «средоточие победной темы» оказывается воплощенным в третьей части ансамбля.

Архитектура парка Бербородко призвана повествовать о героических деяниях, из-за чего умножается количество статуй и барельефов, появляются богато украшенные строения. В частности, в Храме Славы Львов широко использует пластику, что придает поверхности более дробную трактовку, нежели в предыдущих работах, где сплошные массивы стен были отчетливо ощутимы и использовался лишь необходимый минимум декоративных элементов. Львов выбирает редкий для себя коринфский ордер, который, тем не менее, считает (начиная со времени строительства собора в Могилеве) наиболее подходящим для алтаря, самой святой и торжественной части церкви. Необычно и особенно интересно использование смешанной типологии: Львов воспроизводит, видоизменяя, идею храма-периптера, посвященного герою. В центре он помещает триумфальную арку с бюстом героя, а по бокам – две экседры. В рисунках он помечает: «Храм героев морских сражений», демонстрирует его фасад, в котором не соблюдены правила симметрии, и, желая вдвойне подчеркнуть его торжественность, устанавливает на его верху слева колесницу, а справа – ростры. На втором рисунке на том же листе представлены «Триумфальные ворота для победителей», увенчанные квадригой (ил. 4). Храм очень удачно размещен между двумя водоемами, в полной мере выполняя двойную функцию храма-арки. Идея здания в целом взята из архитектуры Римской империи, особенно подходящей для празднования воинских побед с большой торжественностью. Хотя подыскать прямые аналогии не представляется возможным, интересно отметить, что и Луи-Жан Деспре для прославления Екатерины II пользовался тем же архитектурным языком, применяя коринфский ордер, пластику и богато насыщенный декор для проектов нескольких триумфальных арок и храма Бессмертия Екатерины, которые, однако, не были реализованы (ил. 5)[23].

«Оба сии здания как гипподром, так и Навмахия не имеют ничего ни лишнего, ни безполезного. Все части оных содействуют общему началу и тогда, когда не оживлены они движением игр, то гулящий видит в Архитектуре их с зеленью перемешанной нечто новое и великолепное, а разсмотря статуи и надписи найдет он нечаянно в саду частного человека, как в Пантеоне патриотическом, историю века в памятниках сынам отечества воздвигнутых»[24].

Близки навмахии Львова сады в классическом духе, устроенные Кваренги, который ранее спроектировал для Безбородко в Полюстрово продолговатый водоем с двумя небольшими павильонами по бокам и с водопадом, струи которого извергались из недр огромного разрушенного коринфского храма[25] (ил. 6). Несомненно, одной из моделей для комплекса послужила вилла Адриана, но также необходимо упомянуть еще одну отсылку к античности: идея устроить просторный парк, сельскую идиллию в самом сердце города, настоящую rus in urbe, реализовал Нерон при строительстве Золотого дома. В тексте Львова говорится, что сад «по выгодному и редкому своему местоположению должен иметь и в характере своем, естли что нибудь не больше, то по крайней мере нечто новое. Действительно, как пространство места позволяет некоторые части оного отделать во вкусе натуральном: то можно ввести по сторонам и некоторые сельския красоты, соединя оные непосредственно с городским великолепием, смягчить живыми их приятностями и круглою чертою холодный прямоугольник Архитекту-

---

[23] Проект Львова можно сравнить с чертежом поперечного сечения храма Бессмертия Деспре, который находится в городской библиотеке Бергамо им. Анджело Маи (инв. CV-77). О проекте храма Бессмертия Екатерины см.: *Ševčenko V. G.* Il progetto del Tempio dell'Immortalità di Louis-Jean Desprez // Dal mito al progetto. La cultura architettonica dei maestri italiani e ticinesi nella Russia neoclassica: Catalogo della mostra di Lugano-Mendrisio / Ed. N. Navone, L. Tedeschi. Mendrisio, 2003. T. I. P. 101—104; *Wollin N. G.* Desprez en Suède, sa vie et ses travaux en Suède, en Angleterre, en Russie etc. 1784—1804. Stockholm, 1939. P. 208—216. Проект Львова сопоставим с чертежами Деспре (*Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 163, 295, кат. 345), которые приписываются Кваренги (*Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 166). См.: городская библиотека Бергамо им. Анджело Маи (инв. от CV-68 до CV-77). В данной связи стоит упомянуть также неосуществленный проект Кваренги павильона Геркулеса для сада К. Г. Разумовского в Гостилицах, типологически схожий с проектом Львова (городская библиотека им. Анджело Маи в Бергамо, инв. H-3; H-4; H-5; *Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 153). Говоря об изменении стиля Львова, по сравнению с другими его работами, можно упомянуть Петербургские ворота, построенные в честь русского флота, которые представляют собой памятник значительно более основательный и объемный, чем храм-арка Славы.

[24] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 115—116.

[25] Чертежи Кваренги для Полюстрово см.: *Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 272, ill. 360—361. Типологически близкий [illegible] является гораздо более строгий, чем проект Львова для Безбородко, задуманный Кваренги в 1800 г. проект бассейна в [illegible] тергофе (*Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 156, ill. 219). Кваренги проектировал также открытый бассейн для парка в Царском Селе. «Ограда бассейна с кабинами для переодевания на последних открытых площадках выполнена в пышном стиле, с полуколоннами, барельефным фризом на стенах и с колоннадами во внутренней части» (*Piljavskij V.* Giacomo Quarenghi. P. 160). Но предпочтение было отдано более сдержанному варианту. Элемент развалин классического здания в саду, столь типичный в конце XVIII в., характерен и для других проектов Кваренги и Львова.

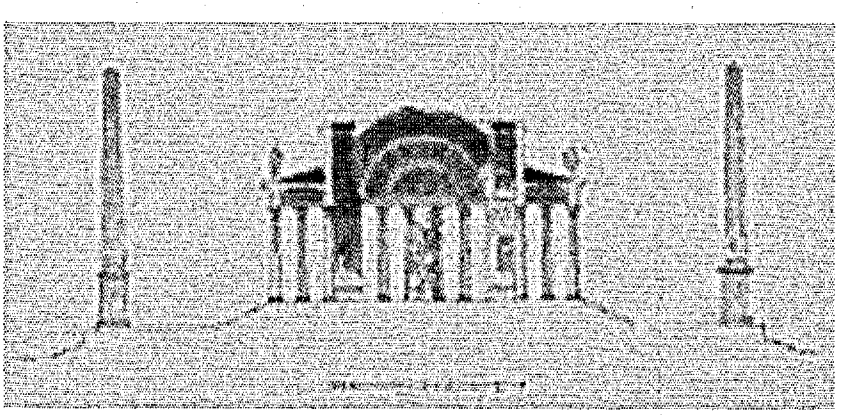
ры»[26]. Необходимо особо подчеркнуть присутствие знаменитого колосса на входе в Domus Aurea (Золотой дом): вероятно, между ним и огромной статуей Минервы в парке Безбородко можно провести параллель. Этот проект Львова перекликается с той важностью, которую Екатерина II придавала фигуре Нерона[27].

Екатерина II видела в славном прошлом образец для настоящего и стремилась наполнить столицу произведениями в античном духе. Рядом с Петербургом она хотела возвести строение, которое вобрало бы в себя наследие Цезаря, Августа, Клавдия и Нерона. Екатерина считала, что подобное присвоение культурного наследства может оправдать величие и мощь ее империи: создание собственных выдающихся памятников и использование выигрышных культурных канонов узаконивает власть. Желание Екатерины соединить в своем строении наследие Цезаря, Августа, Клавдия и Нерона свидетельствует о наличии четкого плана. Цезарь – основатель империи и Юлианской династии; от его имени происходит титул царя. Август создал структуру государственного устройства империи и написал историю своих деяний; он был меценатом, и период его правления получил название нового золотого века. Клавдий, как и Екатерина, интересовался историей; он написал историю этрусков в двадцати томах на греческом языке. Присутствие Нерона среди образцов для подражания может показаться удивительным, однако этот факт легко объясняется античной историографической традицией на греческом языке, подчеркивавшей роль императора как освободителя Греции[28]. Подобный взгляд на Нерона перекликается с «греческим проектом», который получит огромное значение в политической деятельности Екатерины II. Камерон считал Золотой дом Нерона одной из основополагающих моделей для своего творчества и использовал его художественные мотивы для создания внутреннего убранства в Царском Селе.

Помимо резиденции Нерона, Львов, вероятно, брал за образец и Палатинский холм. Дворец Домициана выходил на Circus Maximus (Главную арену), что вполне осязаемо заставляло почувствовать присутствие императора во время представлений. Таким образом, арена объединяет собой место скопления народа и личное пространство императора, как и навмахия в русском саду. Построение отношений между дворцом и ареной в Риме повторяется в Константинополе, где император из дворца, через лоджию, мог созерцать ипподром, и вновь встречается в Москве, то есть в первом, втором и третьем Риме.

В тексте Львов уточняет свое представление о саде как смешении публичного и личного, упоминая о садах в английском стиле, где можно предаться размышлениям, отдохнуть душой и где изысканно и тщательно соблюдено личное пространство.

Архитектурный комплекс, вызывающий в памяти Золотой дом Нерона, императорские дворцы Рима и Константинополя, афинскую колоссальную статую, турецкий павильон, Храм Славы, посвященный героям войны с турками, является ярким свидетельством политической проницательности заказчика, который приложил немалые усилия для реализации греческого проекта.

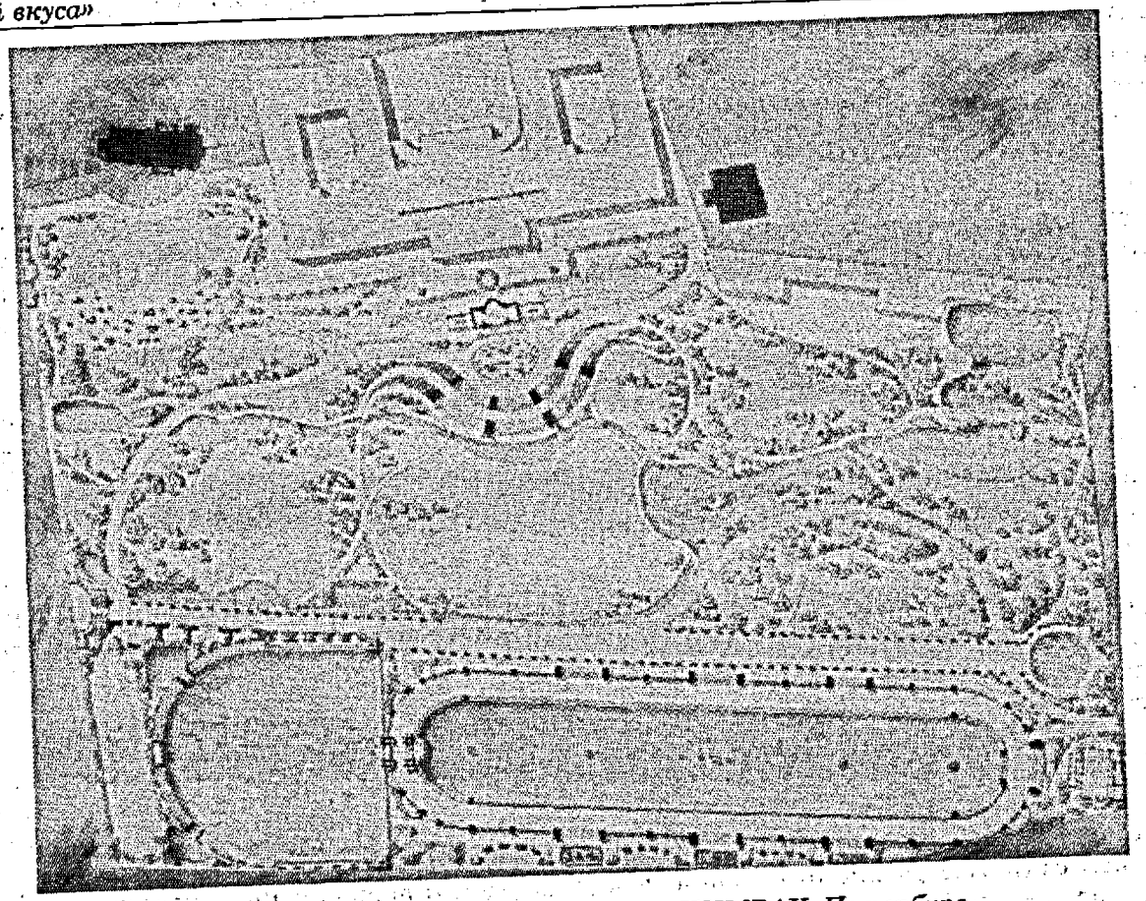


Л.-Ж. Деспре. Проект храма Бессмертия Екатерины II. Городская библиотека Бергамо им. Анджело Маи.

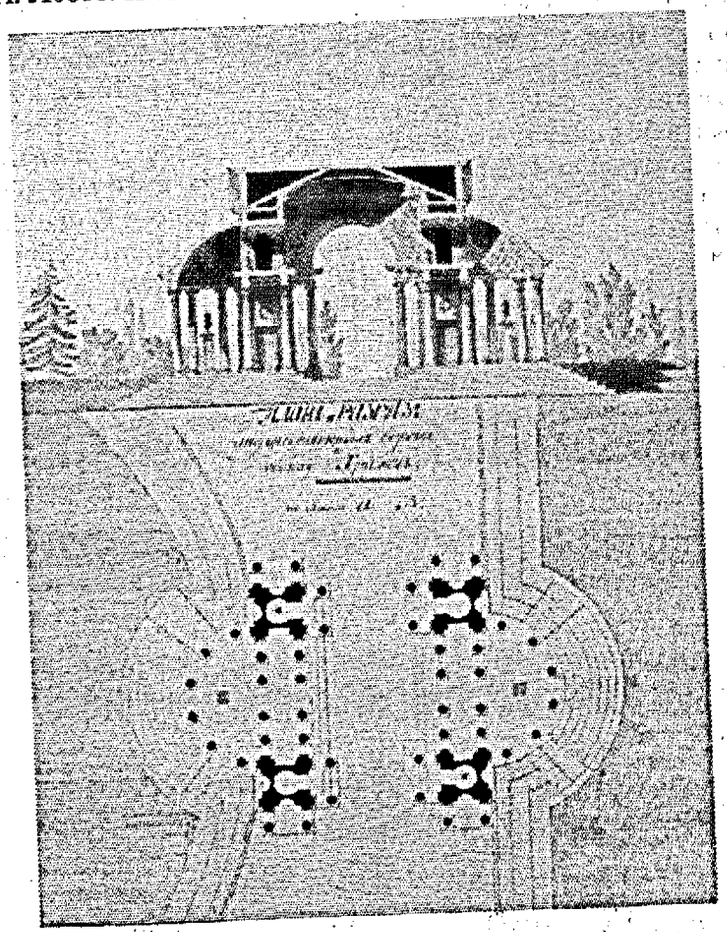
[26] *Гримм Г. Г.* Проект парка Безбородко в Москве. С. 110.

[27] Там же. По свидетельствам современников, Золотой дом напоминал «виллу в черте города». Марциал (Mart. XII, 57, 21) говорит о rus in urbe вне связи с жилищем Нерона, однако его фраза вполне соотносима с описанием комплекса. См.: *Miesch H.* La villa romana. Firenze, 1999. P. 60. Описание резиденции Нерона см.: Svet. (Nero 31).

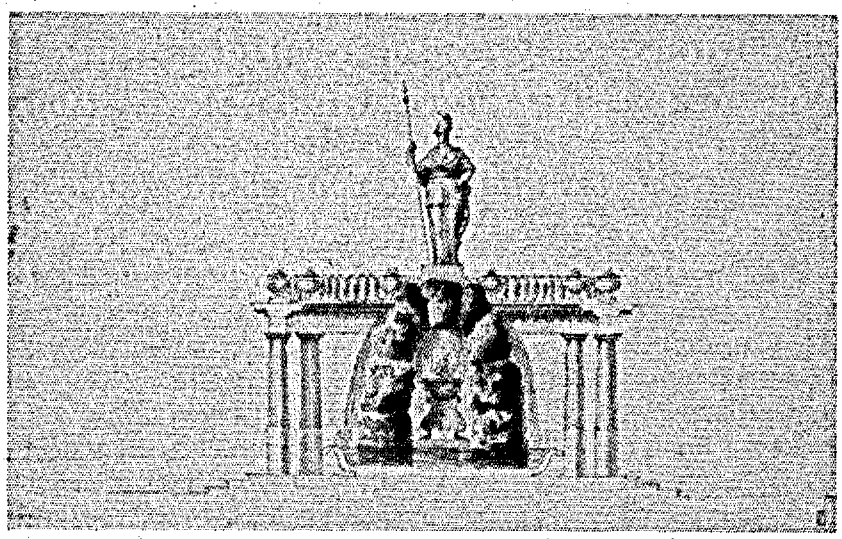
[28] Plut. Tit. XII 13, Paus. VII, 17, 3 и в особенности Philostr. Vita Apoll. Tyan V, 41. О личности Нерона в описании античных греческих историков см.: *Pavan M.* Nerone e la libertà ai Greci // Parola del Passato. XXXIX. 1984. P. 342—361.



Н. А. Львов. План сада Безбородко. НИМРАХ, Петербург.

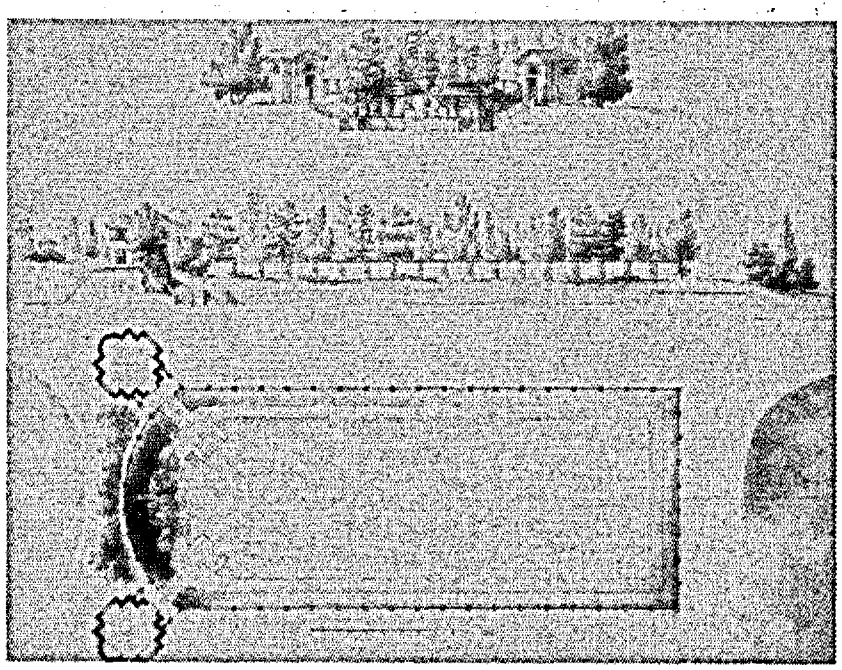


Н. А. Львов. Проект Триумфальных ворот сада Безбородко. НИМРАХ, Петербург.



Н. А. Львов. Проект монумента для сада Безбородко. НИМРАХ, Петербург.

Ц. Ц. Хиршфельд. Проект «лесного домика» с примечаниями Львова. ГМИИ, Москва.



Дж. Кваренги. Проект водоема для сада Безбородко в Полюстрове. Городская библиотека Бергамо им. Анджело Маи

«Разные удобности, к удовольствию жизни и здоровья служащие». «Пиростатика» Н. А. Львова

Вступительная заметка и подготовка текста
С. А. Астаховской
Примечания С. А. Астаховской, М. В. Строганова

Н. А. Львов — это удивительно гармоничная и обаятельная личность, не случайно собирающая вокруг себя специалистов самых разных профессий. Его творчество изучают филологи, архитекторы и искусствоведы, геологи и инженеры. Талант Львова проявился в самых разных сферах искусства и науки, а результатами его «бурной» деятельности стали многочисленные архитектурные сооружения, рукописи и книги по самым разным областям знаний.

В 1795 г. в свет вышла первая часть оригинальной работы Львова «Руская пиростатика...»[1]. В предисловии к книге автор упоминает о том, что она является результатом многолетней работы, «следы» которой неожиданно обнаружились на неатрибутированных страницах гатчинского альбома[2]. Среди них — три рисунка, имеющих отношение к работам Львова по пиростатике, а на одном из эскизов камина стоит дата: «Декаб: 9 + 1788 Сп:бу»[3]. Титульный лист «Руской пиростатики...» и предисловие известны в двух вариантах, на одном из которых имеется надпись: «Сочинена 1793 года»[4].

В книге автор обратил особое внимание русских техников на преимущества устройства комнатных отопительных печей с поддувалом и колосниковой решеткой, указал на недостатки конструкций каминов[5].

Вторую часть своего сочинения «Руская пиростатика...»[6] Львов опубликовал в 1799 г. В ней весьма подробно говорится о новых «духовых печах, верхние или соседственные комнаты нагревающих». К сожалению, предложенная автором конструкция подобных печей оказалась неэффективной и не получила распространения[7].

Работа Львова в свое время так и не была оценена по достоинству специалистами, хотя послужила толчком к известному изобретению Н. А. Амосова. Как писал А. И. Орлов, «к заслугам Н. Львова следует отнести то, что он в 1799 году не только отметил недостатки отопления с „глухими" душниками, но и указал способ улучшения работы „духовых печей" <...> До сих пор считают, что немецкий профессор Мейснер будто бы впервые в истории отопительной техники указал в своем сочинении „Об отоплении согретым воздухом", опубликованном в 1821 г., на необходимость подвода наружного воздуха к колориферу воздушного отопления.

Как мы видим, <...> Н. Львов сделал это на 22 года раньше проф. Мейснера. Мейснеру принадлежит лишь приоритет в устройстве каналов для циркуляции комнатного воздуха и в дополнительном устройстве при воздушной системе отопления вытяжных вентиляционных каналов для удаления испорченного воздуха из отапливаемых помещений непосредственно наружу.

Идея и опыт Н. Львова и Мейснера были восприняты Н. Амосовым, который в 1835 г. получил привилегию на „пневматические" печи своей конструкции, а в 1841 г. дал описание этих печей в специальной брошюре <...> Благодаря своему изобретению генерал Амосов при-

---

[1] Руская пиростатика, или употребление испытанных уже воздушных печей и каминов... Часть первая. СПб.: В типографии корпуса чужестранных единоверцев, 1795.

[2] Музей-заповедник «Гатчина» располагает уникальным экспонатом — альбомом, составленным из увражей известных французских авторов и листов с зарисовками и пометками Львова. Подробнее об альбоме см.: Астаховская С. А.. Львовский альбом из собрания Гатчинского дворца. // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 4 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 83—108.

[3] Л. 21 об. Разрез камина с воздуховодом.

[4] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М.: Изд. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1964. Т. II. С. 184—186.

[5] *Орлов А. И.* Русская отопительно-вентиляционная техника. М.: Госстройиздат, 1950. С. 58.

[6] Руская пиростатика, или употребление испытанных каминов и печей, кои посредством наружного воздуха нагревают комнаты и служат к разным употреблениям. Часть вторая. СПб.: Печатано у Шнора, 1799.

[7] *Орлов А. И.* Русская отопительно-вентиляционная техника. С. 68.

обрел всеобщую известность»[8]. Быстрому распространению печей Амосова безусловно способствовала установка их в Зимнем дворце в Петербурге.

Один из разделов второй части «Руской пиростатики...» был посвящен «паровой кухне», которая в России была впервые разработана Львовым на основе идеи англичанина Кларка. В анонсе второй части «Пиростатики...» Львов писал: «Отделение состоять будет в паровой кухне, где парами всякого рода мясо, рыбу и зелень с несравненным вкусом приготовлять можно в собственном их соку, без пользы пропадающем в воде, в которой мяса варятся. В кухне сей не нужно употреблять не токмо медных, но никаких кастрюль. Тем же самым жаром, который горит на очаге, можно печь хлебы и пирожное, вертеть жаркое и содержать изготовленное кушанье несколько часов горячим не высушив и не передержав оного...Я занял как строение, так и самое употребление сей кухни из газет, в которых оная была при печатана: не знаю, так ли я сделал, как кухни сии в Англии зделаны; но опыты и после пример одной сюда привезенной в полной мере желание мое удовлетворили»[9].

В гатчинском альбоме на л. 91 в верхней части листа представлен рисунок, который можно считать подготовительным для гравюры, помещенной во второй книге «Руской пиростатики...» несколько лет спустя. Под рисунком надпись: «паровая кухня для Катер:<ины> Яков:<левны> 1792, апрель 15»[10]. Здесь имеется в виду Екатерина Яковлевна Державина, жена Г. Р. Державина. В 1791 г. Державин покупает дом на набережной р. Фонтанки и начинает его перестройку. Таким образом, рисунок можно атрибутировать как проект паровой кухни для дома Державина на Фонтанке.

Сопоставляя даты на «черновиках» и даты издания книг видно, что работа над каждой тетрадью велась 5—7 лет. Не смотря на специфику текста, читать его легко и интересно, кажется, что он написан на одном дыхании, действительно, как письмо хорошему знакомому. Легкая ирония, экономические выкладки, строительные тонкости — всё переплетается в подробных инструкциях, снабженных чертежами и схемами. Хотя, в одном месте Львов досадует на то, что на одном из чертежей «подовой душник не так, однако, проходит, как на чертеже представлено <...>; но чертежи попали в бестолковые руки, потому и прошу простить тысячу недостатков, которые при сем издании исправить мне не удалось, но которые, однако, делу не мешают»[11].

Не все замыслы удалось осуществить автору, изменяется содержание второй книги. Теперь первое место в ней отводится «извезным печам», о которых автор «обмолвился» годом раньше, при издании «Палладиевой архитектуры»[12]. Не успевает он дописать и главу о зимних садах, обещая развить тему в третьей части «Пиростатики», но она так и не выйдет в свет. Львов, видимо, не стремился к всеобщему признанию, в первой части своего труда он пишет: «Самая лучшая будет выдумке моей похвала, естьли камины мои будут в употреблении <...> Польза их будет мое удовольствие и заплата»[13]. Но работа его была практически забыта на долгие годы.

Предлагаемый текст приводится с сохранением некоторых особенностей написания, свойственных XVIII в.

[8] Там же. С. 71.
[9] Руская пиростатика... Часть первая. С. 54—55.
[10] Музей-заповедник «Гатчина». 157-XI. Карандаш, тушь, перо.
[11] Руская пиростатика... Часть вторая. С. 18—19.
[12] Там же. С. 1.
[13] Руская пиростатика... Часть первая. С. 30.

Русская пиростатика,
или употребление испытанных уже воздушных печей и каминов,
посредством коих:
1-е Нагревается комната наружным воздухом.
2-е Соблюдаются дрова.
3-е Переменяется в покоях вредный воздух на свежий, но теплый.
4-е Отвращается дым, и наконец
5-е Доставляются разные удобности, к удовольствию жизни и здоровья служащие.

Часть первая

СПб.: В типографии корпуса чужестранных единоверцев, 1795.

Оглавление: о чем говорится в первой части пиростатики
Вредное тепло
Болезни от оного
Польза свежего воздуха
Что наши печи?
Есть печи не угарны
Наши камины и их действия
Троякое действие огня потеряно
Профессор Риттер о действии огня
Как должно строить камины
Погрешности настоящих каминов
Действие душников в 22 градуса морозу
Курильницы и канфоры на душниках
Употребление оных
Воздушный резервуар
Поддувало
Баран
Выходы и приятность воздушных каминов
Воздушные камины без железного листа, без воздушного ящика,
без поддувала и без пазухи
Изобретение воздушных каминов
Построенные камины на воздушные переделывать
Таган из труб изготовленной
Посредством латунных или жестяных листов
Причины от коих дымятся камины
Одобрение воздушных каминов
Общее примечание воздушных каминов
Воздушные печи
Ла Фоссы и Нефоржи не прибавили нам тепла
Печи в стенах
Подробности, как оные печи строить
Холодные душники
Печи и камины вместе
Выгоды печи в стене построенной
Опыты печей воздушных
Польза оных в домах, в больницах
В чем будет состоять вторая часть «Пиростатики»
И третья часть

Из письма моего к И. П. Л., требовавшему от меня сведений о воздушных печах, вы
тетрадь. В продолжении двух лет у многих видел я копии с оной, и во многом непоняти
для того решился я напечатать книгу, так как было письмо мое написано. Без того, мо
быть, остались бы только воздушные камины и печи у тех хозяев, где я оные сам делал
надсматривал; другие бранили бы и меня и печи мои, строя оные по тем не исправным
скам, по которым исправно и построить нельзя.

Н<иколай> Л<

Русская пиростатика

М<илостивый> г<осударь> м<ой>
И. П.

Вы когда и чего попросите, то так как подарите; а я и подарить бы так не умел.

Например: сказав мне через П<етра> Л<укича>[14], чтобы я прислал вам чертеж воздушного моего камина, несказанно вы меня одолжили! без того не собрался бы я в девять лет ни начертить, ни описать такой вещи, которой опыт утвержден полезным успехом. Без того, несмотря на благополучное начало нынешней зимы, 20-ю градусами стужи прибытие свое ознаменовавшей, был бы я со многими наряду как будто и уверен, *что у нас, как в Суринаме, греться не нужно, что камины наши могут дымится бездонно и беспошлинно; что могут они истреблять леса на умножение простуды; что печи наши могут быть или бесполезны и дороги, или безобразны и вредны, и что, наконец, если удастся кому* (что не всегда случается) *построить такую печь, которая занимает мало места, берет не много дров, и держит тепло, то и тут хозяин валяется часто от угару,* или живет в таком вредном тепле, которое не обинуясь променял бы на стужу, естьли бы знал бедственные оного действия; потому что печи наши или из самой топли чадным жаром, или нажаренными стенами разрежая воздух в комнате, наполняют оную теплою, но стоячею атмосферою, которая по примечаниям Тиссота[15], поморила более людей, нежели самая зараза.

Мы пьем, однако, отважно чашу сию, потому что влияние яда сего столько же неприметно, сколько действие оного вредно и ощутительно; другие хотя и знают, что действие сие чем медленнее, тем надежнее, но как начало оного удалено, то приписывают скорее повреждение здоровья своего вещам видимым и явным.

Бессонница, головные боли, слабость, вертижи, у женщин истерические припадки, а у мужчин женское расслабление, отвращение от всего не всех обращают подумать, что гости сии посещают особу нашу по большей части тогда, когда мы, отгородясь от живого воздуха, зачинаем в недействии дышать удушное тепло мертвой атмосферы, а с него глотать гнилость, заражать или распалять нашу кровь в собственных домах наших, которые мы, разоряясь, строим не для здоровья нашего.

Неоспоримо скажут мне вопреки, что летний воздух лечит, но зимой на дворе и нос отморозишь. — Не один летний, всякой воздух лечит, кроме гнилого и стоячего, нужно только дать ему движение, чтобы сделать его свежим, здоровым... Нужно только нагреть его, чтобы он был полезен; свежий воздух я разумею холоден; естьли же зимою можно наполнять комнату летним воздухом без труда, без лишних издержек, не стоит ли это по крайней мере пробы? — Естьли сия проба удалась, не стоит ли это ввести в употребление?..

В том всё и дело наше, и дела нашего конец.

Печи и камины зимою нужны. — О! необходимы, да и летом иногда не лишнее; а потому-то нужно, казалось бы, подумать еще о том, чтоб они и полезнее были тех, которые очень часто занимают в доме место, а в употреблении одно имя.

Что наши печи?

Большая часть наших печей так сложена, что из дров и огня, нельзя, кажется, для здоровья нашего меньше воспользоваться; но для вреда и убытка хитро придуманы. Я не стану говорить про те фигурные, которые так же мало украшают комнату, как и нагревают оную; но возьмем дедовскую самую лучшую большую изращатую печь, в которой хорошо расположены обороты, которая, следовательно, держит жар и не дымится, — больше нечего, кажется, и требовать. Каким образом нагревает она покой? Из нее, как сказано, несет тепло, когда закрокт жарко; а естьли не усмотрят, то хозяин за дрова платит угаром. — Надобно дать утухнуть углю. Так надобно лишние дрова, чтобы только накаленным стенам умеренной печи нагрелся целой покой, и тогда будет еще только кругом печи жарко; а в отдельных углах комнаты весьма свежо, и ходящий по комнате имеет выгоду, не выходя из оной, за теплый угол расплатиться в холодном углу насморком. — Не для того ли то и подобало всякому благословенному россиянину сделаться сиднем естьли не на печке, то подле печки?

[14] Вероятно, Петр Лукич Вельяминов († 1805), друг Г. Р. Державина и Львова, в имении которого Никольском-Черенчицах ему был отведен отдельный дом.
[15] Симон-Андре Тиссо (1728—1797) — известный французский врач.

Есть, однако, печи, которые не угарны, а куда теплы! — Милостивая государыня! Для вас, конечно, не возобновилось чудо Неопалимой Купины. Печь ваша так же сложена, как и другие, а не угарна потому, что осторожно топят, выдерживают и дают остыть жару. — Ну, так было бы по-вашему холодно, а у меня куда тепло! в летах ваших, сударыня! Сокровище сие бесценно, дай Бог, чтобы оно продолжилось; но посмотрим, от чего? — Тут увидел я под видом печи огромную твердыню, которая безмерною поверхностию накаленных ее фасов волоса трещать у приближающихся заставляла. — Вот сударь! И у нас тепло, а в целые сутки только три охапки Тришка накинул. В трех охапках будет по крайней мере полтора аршина квадратных трехполенных дров; следовательно из сажени будет двенадцать тришкиных охапок. Сажень трехполенных хороших дров выдет на одну печь в 4 дни; а, полагая дешево, хороших дров сажень стоит три рубли здесь, шесть рублей в Москве; итого на одну печь в зиму в Петербурге надобно 144 рубли; в Москве 288 рублей. — Тепло, Сударыня!

И подлинно, комната была наполнена такою удушною теплотою, что и дышать было нечего. По пропорции печи покой был невелик, и для спасения моего от удушения не было ни одного прохладного уголка для насморку, который ожидал меня при выходе. — Вот действия обыкновенной печи, которую топят изнутри покоя. Те, которые из другой комнаты топятся, еще вреднее потому, что воздух в комнате хотя тогда только обращением чистится, а как топится печь, и живущие имеют время отдохнуть и в запас надышаться, пока не закроют оную; в сих же последних нет и той отрады. Тут непременной гнилости атмосфера, дыханием живущих вдобавок отравленная, представляет мне всегда пневматический колокол, в котором для того только не дохнут люди, что дурно законопачены окна и часто двери отворяются. — Мудрен! кто вырвется без простуды.

Комнаты наши не имеют зато сей невыгоды. — Но какую же они имеют выгоду? Прошу сказать.

Камин, который не дымится (что довольно и редко), очищает, это правда, непременно воздух в комнате, но очищает и саму комнату от тепла. Он нагревает только маленькую вокруг себя сферу, в которой теснятся и гнутся в три погибели люди, чтоб нагреть одну часть в то самое время, когда другая для того зябнет, что обыкновенный камин в трубу более студит, нежели только одним прямым действием огня может нагреть комнату. Погас огонь, и волшебство кончилось. — Начинаются судороги холодного чарования, должно зябнуть или угореть, ежели есть у кого-нибудь и такой камин, который закрывается, потому что запертый в камине жар не имеет для измещения своего, как в печи, оборотов, идет прямо и тотчас чадом в комнату, или мало, или ничего не нагревает, припекает или простужает людей; а как истопится, то должно или уйти от замерзания, или лечь без памяти от угару, или во избежание того и другого держать в нем неугасимый вестальский огонь[16]. Последнее сие средство редко могут употреблять люди, не погася светильник кошелька своего.

И так камины наши нагревают маленькую часть комнаты действием прямых огненных лучей; а печи тем только жаром, который огонь сообщает теплом твердым (я не считаю чад или тепло из печи, которого польза и вред зависят часто от Тришки), но действие огня трояко:

1. Нагревает огонь прямым движением лучей своих; 2. преломлением и отражением лучей и 3 сообщением жара своего телам твердым.

Сие троякое действие огня в печах наших и каминах потеряно; а пользуемся мы только одним из двух первых, последнее же и самое важное, то есть действие огня в телах твердых, употребляем мы только ко вреду нашему: а потому, ежели есть возможность в одном камине или в одной печи соединить все три оные вместе, не будет ли от одного камина и от тех же дров второе тепло? — Но я не доволен был еще, ежели бы только тепло было; надобно, чтобы было тепло и здорово.

Вот в чем состоит главная выгода воздушных каминов и печей: надобно, чтоб вошедший из бабушкиной каморки в мою теплую комнату испытал над собою точно то ощущение, которое чувствуем мы в летний день при выходе из тесного театра на просторный воздух; надобно, чтобы комнаты нагревались наружным воздухом и тем более были теплы, чем на дворе холоднее. Чтоб воздух сей сам собою очищался; словом, чтобы можно было сделать в покое тепло, сколько надобно, но чтоб никогда не было в нем душно.

[16] Важнейшей обязанностью древнеримских жриц богини Весты, весталок, было поддерживание священного огня, виновная в угасании священного огня наказывалась розгами.

Что-то это мудрено. А ведь жили люди и без сих мудростей. — В таком случае отдавайте тотчас мою «Пиростатику» на подтопку. Сего рода людей одним только живым полымем нагреть можно; но тем, кто спросит, каким же образом мудрости сии исполнить можно? — отвечайте: *весьма не мудрено*. Ежели нужно к доказательству истины и примеры, то я могу оных показать несколько — как здесь, так и в Москве — для уверения неимоверных; но тех и опытом не уверишь, кто верить не хочет.

Говоря небрежно про печь и камины, не слишком ли, может быть, опорочил я дедовские наши роскоши? — Может быть. Я винюсь; но вы меня простите. Мне нужно было поместить в один камин и в одну печь недостатки прочих; без того была бы книга — а книги кто читает?

В одной, однако, печатной читал я, что будто тому легче обратить действие в пользу, кто знает причину оного. Наше дело о тепле; огонь его причина. Посмотрим же, что огонь? *Огонь состоит из частиц малейших, коих деятельная жидкость проникает тела твердые и мягкие. Из четырех принятых стихий огонь только один вопреки трем прочим имеет стремление свое с низу к верху, что жар огня земного, естьли что не препятствует его стремлению, движением своим распространяется во все стороны, что тела, долее в себе тепло содержащие, труднее прочих нагреваются, что тело нагретое сообщает тепло прикосновенному другому телу*, и что, наконец, я, в прибавок мудрости г-на Ритера[17], по долгу печника всеми свойствами огня должен воспользоваться; воспользоваться же им можно, когда дело идет о натоплении жилища построением каминов и печей, которые бы

1. прямым действием огня или отражением лучей его нагревали атмосферу комнаты;
2. чтобы тело, им нагретое, не теряло теплоты своей напрасно;
3. чтобы воздух, сквозь теплые тела проходящий, наполнял жилище теплотою здоровою и, наконец,
4. чтобы на произведение трех сих главных огня действий не исходило много горючего вещества.

Как должно строить камины?

Не определяя никакой величины камину, всякой знает, что должен оный быть соразмерен покою, в котором построен; а для того и предлагаю я здесь чертеж камина средней пропорции. Увеличив или уменьшив размер оного, будет самый сей же чертеж годен как для меньшей, так и для большей комнаты. Камины по большей части строятся планом продолговатого четвероугольника на глухом полу, или наравне с полом, или несколько от оного возвышенными. Задняя и боковые стены в камине делаются вплоть к домовой стене или лучше составляют с оной общую стену.

Все сии три статьи равно не выгодны. Четвероугольный план камина неудобен потому, что вместо отражения лучей в комнату, отражает оные от одной боковой стены к другой и нагревает только комнату беспосредственным действием огня, от средней стены отраженного; а вреден потому, что в углах его застаивается дым, которого не хватает сквозной воздух, действующий сильнее посредством огня против отверстия трубы. Малейшее движение внешней атмосферы гонит сей дым в комнату, а не в трубу.

Глухой под бывает иногда опасен потому, что зажигает балки, а бесполезен уже всегда потому, что жар как его, так задней и боковой стенок камина пропадает без всякой пользы. Для отвращения сих недостатков план камина должен быть не четвероугольный, как изображен под буквами *аааа* на листе I-м, чертеж 1, но так, как *бббб* в пунктире.

Делается же сие так:

По начертании четвероугольного плана по мере камина чертеж 2 *вввв* лист тот же ширину отверстия его разделите на семь частей *гг*, из коих три должны составлять глубину *дд*.

Потом от каждого внутреннего угла по задней стене положите по одной седьмой части *ее* и оттуда на внешний ус камина протяните косые линии *жж*.

Углы внутренние *зз* к задней стене скруглите отлогим циркулем и без всякой геометрии, но просто от руки[18].

---

[17] Господин Ритер — член Парижской и Дрезденской Академий и Болонского института. *Прим. Львова.* Очевидно, Львов имеет в виду Иеремию-Бенжамена Рихтера (1762—1807) — немецкого химика, большая часть сочинений которого касается выражения химических законностей в виде определенной математической формулы, например: «Новые химические данные» (1791—1800) и «Элементы стехиометрии» (1792—1794).

[18] Где печникам возиться с геометриею! *Прим. Львова.*

Расположа таким образом план и избегнув из 99 причин одной, от которой камины дымятся, приобретем еще посредством косой линии и круглых углов отражение лучей на комнату *ииии*; а потому и новое тепло доселе без вести пропадавшее. Тот же жар, который сообщал нам огонь прямым своим действием, при нас же и теперь останется.

Для сделания поду и безопасным и полезным должно сделать в четверть кирпича вышины толчею расположенный под камином канал, или, как называют печники, *ножки аа* лист II чертеж 1 и 2.

С которой-нибудь стороны впустить в сии каналы наружный воздух посредством железной трубы[19], под подом положенной, и в чертеж 3 на том же листу знаком NB означенной, которой наружный конец должен проведен быть сквозь стену на улицу (хорошо, ежели бы на север), сделан раструбою и заплетен медною частою сеткою, чтобы мыши и птицы не обратили в ничто всю нашу механику; внутренний конец проведите в *б* чертеж 2.

Воздух, вошед снаружи через трубу и дошед до *б*, покудова пройдет через каналы *аа*, от нагретого огнем поду должен выйти по железной же трубе *вв* на обрезе камина уже горячим черт<еж> 2 и 1.

Под камина сверх ножек *аа* перекрыт должен быть в два ряда плоскою черепицею или железными склепанными листами внизу, сверх которых и одного уже ряду черепиц довольно[20].

Железный лист нужен здесь для того, чтобы не прорвался в душник дым, когда черепица треснет или из швов оной вывалится глина; впрочем, и без листа нетрудно помочь сему недостатку, вымазав черепицу снова глиною.

Хотя косыми линиями расположенные бока у камина в средине оного округлены, одним уже отражением лучей усугубляют тепло; но вящую еще пользу принесут тем, что, будучи нагреты, сообщать они должны жар побочным трубам, через которые идет в покой внешний воздух в *вв* и в *гг* черт<еж> 2 и 1.

Богатые люди, сделав бока сии из латуни или из белого железа, а пустоту ♀♀ между труб и листа засыпав песком, умножат еще светлою поверхностию отражение лучей в комнату, да и через побочные трубы пойдет скорее и сильнее жар, потому что нагревшийся песок нагреет трубу со всех сторон; в кирпичной же стене один ее бок скорее и сильнее будет нагреваться, нежели другой, внутрь стены обращенный. Но для кого затеи сии дороги, тот трубы может выкласть кирпичом, оставя бок оных к огню не закладеиным, но в палец толщиною может он замазать глиною для сравнения с кирпичною стенкою.

Остается задняя и самая важная стенка камина, которой доселе, мне кажется, употребление и польза состояли в том, что часто грела она соседнюю стену; но ни соседи, ни хозяин не ощущали благодетельной сей услуги.

В задней стене должна сделана быть пазуха чертеж 3 и 2 АА, в которой поставится ящик *б* чертеж 3 и 4. Сей ящик делается из листового железа, в средине оного перегородки, расположенные толчеею; расстояние между перегородок должно иметь такую же ширину, как подовые каналы, или ножки, то есть четверть кирпича. Шины, которыми перегородки сии утверждены в боковые листы ящика, переплетены должны быть крест накрест проволокою по поверхности оного и кругом обмазаны глиною, смешенною с частию белого песку и с частию толченых железных вышлавок для того, чтобы долее мог держаться жар и тогда, когда огонь погаснет в камине; без обмазки же железный лист хотя скорее бы разгорячался, но скорее бы и простывал. В нижнем конце сего ящика *дд* чертеж 2 и 4, сделается отверстие, в которое проведется под полом также воздушная с улицы другая труба *нн* или особо положенная, ежели место позволит, или из той же трубы заимствованная, о которой упомянуто. Ежели вторая сия труба возьмется из первой, то труба наружная должна быть шире сказанной пропорции: вместо полутора вершка шириною в два или с половиною в два; воздух, вошедший через оную в ящик, нагретый прогарами *ее* чертеж 1 и 3, прошед все перегородки оного по пунктирной линии *ххх*, выйдет через трубу *з* в отверстие *г* чертеж 4 и 1, горячим на обрезе камина.

А чтобы определительно вам сказать, сколько горяч бывает сей воздух, то пошлюся я на свидетельство П<етра> А<лександровича> С<оймонова>[21] при котором в моем камине, кое-

[19] Труба сия должна быть из железа, с обеих сторон на масле выкрашена; диаметр оной в средине от полутора вершка должен до 6 вершков к наружному концу расширяться и при выходе своем составить раструбу, валторне подобную. *Прим. Львова.*

[20] Можно положить и чугунную плиту; но чугунную плиту не везде можно достать, да и не долго служат оные. *Прим. Львова.*

как построенном, на сем наружном воздухе в 22 градуса морозу, сварили мы в 18 минут в холодной воде яйцо.

Душники сии можно закрывать или крышкою, или мраморным шаром, в доску камина влагаемом; а желающий может оные нарядить бронзовыми хорошей формы вазами, которых бы и красота платила дань полезную, как то на листе I. в чертеже 3 видно[22].

Тогда полукруглое подножие ваза должно стоять на утвержденном в каминную доску *аа* круглом же ободочке и на оном плотно повертываться. Подножие ваза и ободочик должно пробить продолговатыми или круглыми скважинами *бб*. Расстояние оных между собою будет немножко по ширине их отверстия, а отверстие полагаю *я* в палец шириною. Верх у ваза под крышкою должен быть наглухо заделан по самую крышку, и в оной из средины ваза укреплена трубка *в* в половину уже той, которая сообщает жар. Трубка сия должна быть наглухо запаяна под крышкою в *гг* и в нее вставляется другая, пробитая небольшими скважинками +++ и литер<ами> *ее* означенная[23], которые крышкою ваза *д* покрываются, а нижний конец ее *ж* раструбою висеть в трубе жаровой *з* смотр. лист I чертеж 3.

Употребление вазов.

Ежели надобно, чтобы комната нагревалась, то, не снимая крышки, поверните ваз на подножии так, чтобы скважины его пришлися противу скважин утвержденного на камине ободочка, тогда из всех его отверстий наполнится комната свежею, но теплою атмосферою; тяжелый же и нечистый воздух опустится вниз и очистит через трубу комнату. Ежели же покой довольно нагрелся, то поверните его так, чтобы скважины пришлись противу промежутков, тогда жар будет оставаться внутри ящика.

На что в средине ваза к крышке утверждена трубка? — Тут пойдут затеи: оставя ваз в таком положении, в каком от теперь, то есть чтоб чрез нижние скважины *бб* жар не выходил, скройте крышку и положите на ситце или решеточку, тут вставленную и вынимающуюся, несколько какого ни есть благовонного вещества: алое, амбры или другого какого-нибудь аромату, вы можете накуривать комнату чрез отверстия в крышке *д* скважинами означенного от самого утра до вечера.

Доктора говорят, что флогистоны[24] вредны для здоровья; в таком случае никто вам не мешает снять крышку и поставить на ваз обыкновенную паровую курильницу с уксусом, с розовую или другою какою пахучею водою, и комната наполнится парами благовонными. Не любите вы всех сих затей, а надобно вам теплое питье или даже вскипятить чайник; снимите ваз совсем, и поставьте ваш чайник прямо на ободочик, он и тогда еще не скоро простынет, когда в камине огонь погас.

Впрочем, вазы сии на первой случай нужны и для того, чтобы кто-нибудь другого роду духи любящий, не наклал в душник сальных огарков, для сего советовал бы я заплетать проволочною сеткою духовую трубу внизу ободочка, то есть наравне с каминною доскою.

Чертеж 5 лист II изображает такой же ящик, но из глины сделанный и обожженный. Он имеет перед железным некоторые выгоды и невыгоды. Невыгоды те, что, имея между труб четыре прогара, **** звездочками означенные, нагревается он с четырех сторон и сообщает жар и скорее и действительнее. Впрочем, таковой ящик, хорошо сделанный и хорошо в стену укрепленный, может года три послужить и не в береже.

ММ чертеж 5 изображает глиняные же ушки, коими сей ящик укрепляется в стену. Вместо одного можно иметь три глиняных в запасе за один железный, переменять же их всегда можно и легко, не ломая камина. Ящики сии, а с ними и знатную выгоду воздушного камина можно перевести из одного места в другое, и во всяком простом камине с малою переделкою употребить в пользу[25].

---

[21] Соймонов Петр Александрович († 1800) — статс-секретарь Екатерины II, действительный тайный советник.

[22] И особливо в большую пропорцию на листе последнем. *Прим. Львова.*

[23] Сие яснее в последнем чертеже изображено. *Прим. Львова.*

[24] Летучее вещество, выделяющееся при горении и окислении в виде пламени и тепла. *Прим. Львова.* Химик Сталь (1660—1734) считал, что все горючие тела претерпевают под влиянием огня превращение, обусловленное присутствием в них в качестве составной части флогистона (от φλογιστός — сожженный), который выделяется при горении.

[25] На заводе у г. Рашета делаются сии резервоары, или ящики, весьма хорошо. *Прим. Львова.* Антуан Яков Доминик (Жан Доминик) Рашет (1744—1809), профессор скульптуры императорской Академии художеств, автор мраморного бюста Г. Р. Державина (1794), находящегося в библиотеке Казанского университета и вызвавшего его стихотворение «Мой истукан».

ИИ чертеж 2 и 3 означает пустоту, покрытую железным отдушником, в которую проведена из воздушной трубы небольшая трубка *к* чертеж 2 и 3. Сей отдушник служит вместо меху, раздувая огонь, часто помогает от дыму, и мужики называют его *поддувало*.

При хороших сухих дровах, при дневальном истопнике и при исправном мехе от сих затей можно и уволиться[26]. Но я по той же причине в два чертежа моих каминов собрал всё доброе, что мог придумать и испытать, по которой в один камин и в одну печь собрал всесветных печей недостатки.

Когда камин совершенно протопится и уголья погаснут, то, чтобы ночью не выносило из комнаты тепла, можно закрывать его на ночь посредством барана ЛЛ чертеж 3, которого подробности опишу я в следующем листе.

Камин, таким образом построенный, сверх обыкновенного издержки за ящик, за трубы и за листы железные, может быть, будет стоить от 10 до 15 руб., то ежели и здоровье ни во что не ставить, как обыкновенно оно ни во что и не считается по тех пор, пока оно не потеряно; одна приятность жизни в свежем воздухе, кажется мне, за сию издержку заплатит, а половинный почти расход на дрова в барышах останется. Но ежели покажется кому-нибудь и то дорого, тот может сделать себе такой же почти камин из кирпича, одною железною трубою равную почти пользу первому приносящий.

Воздушный камин без железного листа, без воздушного ящика, без поддувала и без пазухи лист III.

План как сего, так и всех возможных каминов должен быть одинакого виду. Выше сего видели мы, какая от того происходит польза, а видим везде, кто хочет видеть, какой от четвероугольных вред.

Подовой канал или ножки *аа* лист III чертеж 1 и 2. должны быть расположены *толчеею* так же, как и в первом, и так же перекрыться в два ряда черепицею *бб* чертеж 1, но без железного листа. В канал сей (дабы избежать издержки двух железных труб) пустится воздух или из той же комнаты в трубу кирпичную *в*, которая так же должна быть заплетена медною сеткою при раструбе своей, или, естьли место позволит, из другого холодного покоя, из коридору или из сеней, с боку или сзади. Воздух, прошед через каналы *аа*, выйдет через скважину, в кирпиче оставленную, в *гг* чертеж 1 и 2, и хотя не столько будет жарок, как бы он был проведен снаружи, но польза и тут будет его велика приведением атмосферы в движение.

По стенам вокруг всего камина сделаются из маленького кирпича прогары *дддд* чертеж 1 и 2, в средине которых должно оставить расположенную толчеею пустоту в ¼ кирпича шириною *еееe*. В сию пустоту железною трубою *жж* под полом пустится наружный воздух, долженствующий пройти через все обороты *еееe* и выти в душник *з* чертеж 1 и 2.

В сем камине, кому не нужно иметь поддувала, на месте оного можно сделать зольник, сверх оного должна быть сделана железная, приподнятая, но укрепленная из белого или листового железа крышечка *ии* чертеж 2 и 3, а под нею ящик *к* чертеж 3, в который сметается из камина зола. Ящик сей, не безобразящий камина, из латуни с кольцом лицевую сторону имеющий, избавит хозяина от всегдашней нечистоты, которая при выметании золы из камина наполняет не одни мебели едкою пылью.

Под сего камина должен быть несколько покат С чертеж 3 как для удобности вычищать оный, так и для того еще, чтобы лучи огненные тем удобнее обратить в комнату.

Чертеж 4 изображает в плане баран, которого место показано в прорезе чертеж 3 под буквами ЛЛ, а собственный его прорез в чертеже 5. Баран сей делается таким образом.

Невысоко от перекрышки камина, где труба по своде епанчи сделается уже квадратная, вкладывается в лицевую и заднюю ее стены две железные планочки ММ чертеж 4 и 5, ширною в вершок, потом на железную четвероугольную раму утвердится железный лист, и через всю ее поперек железный шпиль НН по третьей части ширины ее. На шпиле посредством ручки О подымается и опускается сия рама ниже задней планки, на притворе Р перед ней в лицевой стенке утвержденной. А чтобы перевес затвора не опускался когда не надобно, то к задней части оного прикрепится на железной цепочке гирька ПП черт<еж> 4 и 5. Гирька сия должна держать закрышку барана на равновесии, дабы можно было поставить оный в вертикальном положении так, чтобы он не опускался тогда, когда он открыт будет.

[26] Сделав в том самом месте зольник такой же, как изображен на III листе в 3 черт<еже> под лит<ерами> *ик*. *Прим. Л.*

Вот и все простые мудрости воздушных каминов. Приметя один раз выдумку важную и несравненную, начала великого ее изобретателя достойною нагревать комнаты наружным воздухом, всё прочее легко и незначащее.

В свете давно уже нет ничего нового, и от меня прошу не ожидать. Новые изобретения предоставлены мужам великим, и американскому Прометею[27], похитившему огонь небесный, не трудно было бы найти средство холодом производить тепло.

По возвращении моем из Гишпании[28] случилось мне увидеть в Байоне камин Франклеинов, оттуда почерпнул я начало и мною употребленных. Хотя камин Франклеинов, долженствующий быть железным, по трудности дела, по дороговизне, а особливо по крайней осторожности в топлении его угольем весьма мало употребляется, но выдумка, тем не менее, принадлежит Франклеину. С того времени всегда я думал и целые девять лет делал опыты, каким бы образом можно было воздушные сии камины сделать немудреными, дешевыми, но столько же для здоровья и кошелька полезными, как и те, которые не всякой художник и не везде в состоянии сделать, а, конечно, никакой уже Тришка истопить не в силах, не превратя всего дому в коптильню свиных мясов.

Мне принадлежат только подробности нашему употреблению и климату свойственные. Кто знает камины Франклиновы, увидя мои, найдет ту разницу, которую мне определять некстати.

Самая лучшая будет выдумке моей похвала, естьли камины мои будут в употреблении... Польза их будет мое удовольствие и заплата.

Строение воздушных каминов, смотря по удобности места, можно производить различными образы, имея всегда в виду: 1-е, их начало наружный воздух, и, 2-е, косые бока.

Наприм<ер>, всякий английский камин, имеющий чугунную заднюю стенку, можно обратить в камин воздушный, поставя за сею стенкою горизонтально или перпендикулярно железные или глиняные трубы, сделать из одной в другую в стене кирпичом сообщение, в нижнюю трубу провести наружный воздух а выпустить его через верхнюю в комнату на возвышении от 6 до 7 четвертей от полу. Пустоту между труб и чугунной стенки наполнить речным песком.

У меня есть камин, сделанный из чугунных труб наподобие тагана между собою железом утвержденных и на четырех ножках основанных. Наружный воздух проводится в одну из сих ножек *ааа*, проходит через все трубы *бббб* и выходит в комнату чрез последнюю *ввв* несказанно жарко; потому что трубы, на которых горит огонь, со всех сторон огнем объемлются. Таган сей весьма удобно перевозить из места в место и во всяком камине употребить можно; но он не дешево стоит и не всякой художник сделать оный в состоянии. Я прилагаю здесь чертеж его более для любопытства, нежели для подражания; хотя действие оного несравненно прочих сильнее.

Примечание. Сей чугунный камин вылит по данному от меня чертежу с отменным искусством и чистотою; но, по признанию г-на Гасконна, искусством своим и не у нас одних известного, не везде может быть исполнен и не всяким хозяином заплачен; а мое дело здесь состоит в том, что бы и нуждникам тепло было.

У кого есть чугунные трубы в вершок или и меньше в диаметре, длинною от 1 до 1½ аршина, — из них можно сделать всякой камин воздушным:

Отступя от поду вершка полтора, положить параллельно оному шесть труб одну от другой в ¼ вершка расстоянием; да три трубы одну над другой в таком же расстоянии сверх задней трубы по задней стенке, кои составят спинку из труб, горизонтально положенных; концы как сих, так и первых утвердить кирпичом в стену, между ими из одной в другую оставить в сообщения, в переднюю провесть наружный воздух, а чрез верхнюю выпустить оный в комнату. Трубы сии могут служить вместо решетки или тагана, на который будут класться дрова, а из-под них выгребать золу.

Я сделал опыт подобного камина из завоеванных шведских ружей, перепилив ствол каждого надвое, более года служил он мне с большею пользою, но железо скоро прогорело и вся

Франклин Вениамин (1706—1790), североамериканский публицист, политический деятель, ученый, изобретатель громоотвода (1752).

Он посетил Испанию во время первой заграничной поездки с конца октября 1776 г. по май 1777 г.

механика обрушилась. — Чугунные трубы, не будут иметь сей невыгоды, и могут прослужить более 10 лет.

Ежели кому-нибудь вздумается переделать простой четвероугольный и дымящийся камин на воздушный, не ломая оного, то можно сие исполнить следующим порядком: взяв меру между боков и заду камина выгнуть латунь шириною как высок камин по предложенной черте *ббб* в I-м листе черт<еж> 1 так, чтобы концы сего листа касались наружным камина боком косою линиею, а внутренние углы скругляя назади у латунного листа, утвердить перегородки *кккк* черт<еж> 1 лист I, пунктиром означены, так, как сделаны оные в ящике, то есть толчеею лист II чер<еж> 4. В первую перегородку провесть (естьли нельзя наружного) внутренний воздух с полу, а выпустить оный душником на обрезе или на боку камина чрез последнюю перегородку. Реверберация латуни, скоро нагревающейся, и прохладной за оною воздух тотчас нагревать станет комнату, как скоро камин затопят; а скругленные углы помогут от дыму, естьли оный в четвероугольных углах застаивался.

Я видел некоторые камины, моим же способом сделанные, наподобие изображенного в III листе, но с тою разницею, что бока оного и под выложены чугунными плитами. Я сам употреблял чугун сначала; но многими опытами уверился, что плитами в огне оный употреблен быть не может. Обыкновенное действие чугуна, более еще, нежели прочих металлов, сжиматься, когда простынет, а расширяться при раскалении, делает его совсем неудобным. Ежели плиты утвердить в стене, то лопнут оные скорее еще, нежели их пустишь на свободе; а ежели не укрепить концы оных, то в скважины проходить будет дым прежде, нежели еще от жару лопнут доски.

Везде, где говорил я об употреблении железных и чугунных труб в стенах камина, по недостатку оных можно употребить глиняные, предохраняя оные только от удара железным листом и наполняя песком пустоту между оными.

Причины, от которых камины дымятся

Камины дымятся от стольких разных причин, что их почти и исчислить не можно; мы скажем только несколько главных.

Главная почти всем каминам дымящимся свойственная причина, по мнению печников, узкость трубы или епанчи каминные, которую они чем шире разломывают, тем более камин дымится. Епанча камина должна быть сделана шире трубы только с двух боковых стен; но от задней стены и от перекрышки камина не шире рукава трубного. Я многие дымящиеся камины одним только сим средством исправил, что сузил таким образом епанчи оных.

Камины дымятся так же часто от четвероугольного плана оных. Сии можно исправить, скругляя углы и сделав косые бока у камина, чтобы дым не имел места застаиваться и нажимающей из трубы атмосферою не выходил в комнату, но проносился в трубу сквозным духом.

Причина дыму в некоторых каминах бывает иногда и от трубы, которую по небрежению или по невежеству делают печники вопреки рассудка шире вверху, нежели в средине. Трубы все должны быть сделаны уже кверху, тогда тянут оные несравненно сильнее. Ежели есть какое-нибудь строение выше трубы, то редкой камин и почти никакой не обойдется без дыму. Весьма трудно сыскать средство исправить сей недостаток. Трубу на высоком доме нельзя сделать выше башни, а на низком доме выше высокого, и воздух, сопротивлением вышнего тела в движение приведенный, всегда будет препятствовать свободному выходу дыму. В таком случае пользуют иногда известные на трубах вертящиеся посредством флюгера бураки или сделанные конусами наподобие обороченного стакана железные колпаки, коих основание должно быть шире верху, а на верху на четырех ножках утверждается выпуклая крышечка, расстоянием от верхнего борта конуса вершка на 1½ или на 2 краями своими ширину оного с навесом покрывающая.

Многие камины дымятся от неумеренной их высоты, от широты глубине их несоразмерной.

Следуя предложенной мною пропорции каминов, доселе мне нигде еще на опыте не изменявшей, недостатки сии сами собой уничтожаются. Можно иногда отвратить в простом камине дым одним только тем способом, что сделать его в плане поуже и все стенки: как заднюю, так и боковые — прикласть не перпендикулярно, но, как говорят печники, *на нет с отливом*, то есть шире вверху, нежели внизу. Прочие причины дыму, как то две трубы, вместе сведенные и затопленные, дурная труб кладка, сажа, снег, иней, паутина и тысячи других известны и печникам и трубочистам. — В их руках и средство к отвращению оных.

Одобрение воздушных каминов

Благодарен я тебе за воздушные твои камины. — Сделали мы се по-твоему и душники, и отдушины; а как затопили камин, то понесло в комнату такой чад, что хуже харчевни сделало. — Сызнова переламывали, сделали трубу со двора; теперь хоть топи, хоть не топи, такую несет стужу, что хоть волков мори в горнице — мы уже так и бросили до твоего возвращения.

И подлинно, по возвращении моем к хозяину нашел я, что первый душник был сделан снизу из кухонных сеней; а второй, наружный, со двора, но вход воздуха 12-ю вершками выше выхода оного в комнату. — Опустя сей последний аршин 6 верш<ков> ниже выхода его, произвел я невероятное чудо; однако не заслужил письменной благодарности, которую мне свидетельствовали и свидетельствуют словесно.

Помилуй, батюшка! у меня из душника камина, по-твоему построенного, капустой пахнет! — откуда он проведен, сударыня? — Из погреба. — Естьли бы из конюшни, то бы не пахло капустою; а потому и надобно примечать.

Общее примечание о воздушных каминах

1. Надобно, чтоб наружный воздух проведен был из места чистого и холодного.

2. Чтобы вход оного был ниже, нежели выход; без того понесет тепло из камина, а не в комнату: потому что атмосфера не сверху вниз, но снизу вверх действует.

3. Чтобы трубы, наружный воздух из камина ведущие, были сделаны плотно, а естьли можно, и спаяны, или по крайней мере швы оных замазкою закрыты были.

4. Чтобы трубы в самом камине положены были в местах теплых и не глубоко во внутренность стен оного: без того будут они бесполезны.

Воздушные печи

Одно доброе начало на многие полезные дела годится. Ту же самую выдумку удалось мне распространить и на сделание печей воздушных, которые в хозяйственной части и перед каминами имеют преимущество. Истопя оные чем бы ни было: соломою или дровами один раз в сутки, хотя бы в осторожность от угару и трубы не закрывать, или закрыть оную тогда, когда совершенно уходит жар, нагреваться будет комната наружным воздухом, и не может в ней испортится оный или застояться, потому что действием печи содержаться он будет во всегдашнем движении.

Печи сии могут быть как обыкновенные всякой величины и формы; но, по мнению моему, та печь лучше других, которой совсем не видно. Ее дело греть, а украшать печами комнаты последнее дело. Дедушки наши делывали свои печи городами, замками и башнями. Каморки их хотя от того стеснялись, но просторно было поле, по которому вечером валялись нараспашку в морозной деятельности проведши день старики, благословляли бытие свое.

Лафосы, Неффоржи[29] и многие пресмыкающиеся иноплеменных пустых затей профессоры научили нас делать вместо печей в комнатах холодные пирамиды, срезанные колонны, обелиски, печи гробами, урнами, пушками и вазами.

Есть ли тут какой ни есть толк? А пользы, уж конечно, нет. — Пирамиды и в Египте славны только одним трудом и величиною; в комнате ли ей место? — Что за обелиски, которые и в 7<-ми>аршинном покое не достают до потолка? — зубочистки.

Урны и надгробии отошлем мы в Невской[30].

Срезанные колонны в комнате похожи на казненного Полкана богатыря[31], которого члены, будучи несоразмерны ни чему в доме, всё подавляют.

Печи вазами столь же безобразны, сколько и вазы печами.

---

[29] Шарль де Лафосс (1636/1640—1716/1717) и Жан-Франсуа де Неффорж (Денеффорж, 1714—1791) — французские художники, создатели типовых архитектурных и интерьерных моделей, публиковавшихся в виде увражей. Львову принадлежали несколько тетрадей с увражами Делафосса и Неффоржа, хранящиеся в настоящее время в ГМЗ «Гатчина».

[30] Имеется в виду монастырь св. Александра Невского (основан в Петербурге в 1710 г. на берегу р. Невы и Черной речки). Большая часть зданий построена в 1725—1791 гг. Император Павел I в 1797 г. переименован монастырь в Александро-Невскую лавру.

[31] Полкан – один из героев русского былинного эпоса; в текстах XVIII в. входит в число «сильных богатырей». В ряде былин «чудище Полканище, Полкан Полканович» является дублетом Идолища Поганого: «в Киеви людей поедает, по-туриному жвачку жует». Илья Муромец является в Киев, застает Полкана за едой и, посмеявшись над его обжорливостью, раскалывает надвое.

Но ежели уже нет места в комнате, где бы можно было еще положить золото и резьбу, и нарядная печь необходима; то всего, мне кажется, опаснее сделать пьедестал, на котором может быть или торжественный ваз, или статуя, и таковая печь в нише, в углу да и на прямой стене иногда у места. По-моему же, в каменных домах должно делать печи в стене и топить непременно из той же комнаты, где оные складены. Естьли топля будет несколько повыше и пошире обыкновенной, а поперек печи сделается из двух или трех железных прутов перегородка, к которой можно ставить дрова стоймя; то печь и как камин служить будет.

Вот тут-то я и пропал! В стенах складенная печь и половину против обыкновенной не греет комнаты; а для чего?

Для того, что жар трех ее сторон пропадает без пользы, нагревая холодную стену. Душники в печах всегда беспроки; их всегда почти закладывают, чтоб не несло из них, покуда топится, дыму, а как истопится, чаду.

Я не токмо на это согласен, что в стенах складенная печь в половину не греет, что душники в печах в половину не греет, что душники в печах часто вредны; но прибавлю еще к тому, что пропадают совсем в печах наших вместе с тем сильным жаром, которым раскаляется под печи и дрова, на оное употребленные, и что печи наши вообще не здоровым образом нагревают покой, потому что они так построены.

Каким образом отвратить сию неудобность?

Прошу рассмотреть лист IV, в котором черт<еж> 1 представляет под воздушной печи с ее наружным душником, черт<еж> 2 прорез ее по линии *аб*, черт<еж> 3 изображает над жаровою тушею расположенный душник, которого поперечный разрез по линии *вг* начерчен в чертеже 4, в котором NB NB означают прогары, равно как и в плане чертеж 5 NB, служащие для нагретия ниши, в фальшивой стенке в полкирпича сделанной, без чего жар ниши мог бы обжечь того, который хочет только погреться.

Чертеж 5 представляет план толчеи или оборотов обыкновенных по линее и *дд* по переднему фасаду 6 чертежа протянутой.

Теперь рассмотрим подробности.

Чтобы даром не пропадал подовой жар и дрова, на раскаление оного употребленные, нужно сделать под самым подом из кирпича канал, наподобие изображенного в 1 и 2 чертеже *жзж*.

В сей канал ввести трубою или снизу из сеней, или из другого холодного места (где бы капусты не было), например со двора, с улицы, наружный воздух под буквою З чертеж 1 и 2, а вывесть оный через лопатку И чертеж 1 на обрезе К чертеж 2. Канал сей перекрыть (богатым людям) можно железным листом или напросте плитою; а сверх листа в два ряда лещадью или же одною чугунною плитою (разумеется, плитками глиняными, которых по чугуну и не надобно). Кто же железного листа употребить не захочет, а чугунной плитой не сможет, пусть выстелит под и просто лещадью, но в два же ряда, наблюдая, чтобы швы приходились под промежутками, а не над каналом. Потом сведется свод жаровой туши, в котором сделаются прогары ЛЛ чертеж 2 и 4. Сей свод выровнять должно хорошим не дресвяным и не черным камнем, величиною каждый в кулак и больше, чтобы через прогары проскочить не мог. Потом сверх камня должно выстлать в один ряд прямою черепицею или лучше положить железные листы, сверх которых расположить параллельно ММ чертеж 2, 3 и 4 глиняные или железные трубы, между коими в стенах из одной в другую сделать сообщение РРРР чертеж 3. А в лопатку НН чертеж 1 и 3 провесть в них снизу наружный воздух, который и вывесть чрез лопатку О чертеж 3 на обрезе печном в П черт<еж> 2. Потом трубы сии засыпать песком и перекрыть в ¼ кирпича или плитками в один ряд, сверх оных оборотить пыл на жаровую тушу *ф*, и сделать обыкновенною толчеею обороты таким образом, как позволит место или форма печи.

Хотя пар костей не ломит, но ломит иногда от него голова. Когда в комнате жарко, то надобно запастемуся всеми способами доставить себе тепло, и о том подумать, чтобы на всякой случай и прохолодиться можно было, не простудясь; открыв трубу и закрыв душники (которые покорно прошу приказать снизу и сверху заплести частою сеточкою), конечно, можно прохолодить покой, но не скоро, а для того и советую я, чтобы у самой трубы и во всю длину оной на чердак проведен был душник холодной или кирпичом или особою трубою отгороженный, который бы в случае нужды открывать можно было из покоя, не подвергая живущих в оном людей простуде, нередко форточками приключаемой. Такой душник комнату остудит скоро и безопасно. Закрыть и открыть оный ловко, потому что сделан он быть должен от полу в двух или с половиною в двух аршинах вышиною.

Где и как сделать вьюшку, должно определить положение печи и всякой искусный печник без руководства сие исполнить умеет.

Естьли топля таковой печи сделана будет из той комнаты, где печь складена, то советовал бы я делать оную и шире и выше, как сказано, обыкновенной и означенной в чертеже 2-м под лит<ерой> m[32]. Дрова можно было ставить стоймя, прислоняя к двум железным полосам сс черт<еж> 2 и 4, чтобы в трубу сильнее тянуло, и для того, чтобы можно было греться, как при камине[33]. уу означает зольник или ящик железной, в которой выметается зола таким же образом, как в листе III черт<еж> 2-й и 3 под лит<ерой> И с тою только разницею, что перекрыть оной кирпичом, а не листом железным.

Теперь должно сказать, какие имеет выгоды печь, в стене построенная и отчего не пропадает тот жар; который сообщают комнате нагретые бока печи и который обыкновенно пропадает в печи, построенной в стене.

Для сего должно сделать между стены и печи из кирпича на ребро, а в четверть кирпича шириною две толчеи, которые зачать с задней стороны от самого полу, продолжить оные по обоим бокам печи около теплых стен: (по холодным местам, еще повторяю, ни душников, ни жаровых труб класть не надобно); в толчеи сии или из другой комнаты, или из той же самой с полу провести воздух, а вывести оный на возвышении двух или 2½ аршин в тот покой, который нагревать нужно. Таким образом не только не пропадет пропадавшее доселе тепло; но будучи движением атмосферы беспрестанно выгоняем, будет еще, нагревая комнату, очищать в оной воздух беспрерывным обращением.

Печь, таким образом построенная, может нагревать две прикосновенные комнаты, ежели только обратить жаровой или середний душник, так как самый сильный, и одну побочную толчею в большей покой, а подовой душник и другую толчею в кабинет или в какую-нибудь небольшую прикосновенную комнату.

Для чего желал бы я именно в каменном доме печи в стенах?

Мы видели уже, каким образом можно отвратить недостатки таковых печей, в стенах построенных, скажем теперь, какую в каменных домах имеют они удобность:

1. не занимают места;
2. могут быть складены также из кирпича, как и кафель, не поливных;
3. удобны к тому же самому украшению, каковое имеет вообще стена;
4. стены таковой печи, будучи перпендикулярно построены с низу до верху без уступов и без впадин, свободно позволяют печнику расположить душники и обороты, которыми часто он принужден жертвовать иноплеменным затеям в печах фигурных; и, наконец,
5. что будучи невидимы, но содержа комнату в тепле, и посредством душников в переменном свежем воздухе заставляют забывать необходимости их существования, имея, впрочем, все выгоды печей отдельных.

Хотя кафельные печи подороже кирпичных стоят; но нельзя не предпочесть их последним как за прочность, так и за чистоту, особливо в таких домах, где печь должна быть отделенная, как то в деревянном доме или в каменном, где для оной нарочного пролета в стене было не оставлено.

Кто удобности жизни предпочитает красотам уродливых каракатиц, печами называемых, тот, может быть, будет со мною согласен, что из простых кафель можно делать печи красивые и, несомненно, полезные, поелику прямые оных линии, вмещая удобности внутренних частей и красоту простого вкуса, от бороминиевского судорожного коверканья[34] излечают и незатейного архитектора, естьли оный не погрешит только противу правил общего размеру.

Я дал своей печи в черт<еже> 6 такой вид, каковую из четвероугольных простых изразцов легко можно скласть теплою и надежною.

---

[32] Для сего жаровая туша должна быть по пропорции выше. *Прим. Львова.*

[33] А как привыкли уже истопники наши потому печь от камина отличать, что в нее дрова кладут, а наставят, то, не переменяя сей великой системы, ничто не мешает и класть их, но я желал бы, чтобы клали дрова не прямо на под, а на железные 3 или 4 прута, вершка на 2 от поду поперек печи положенные, дабы печь через то скорее растоплялась. *Прим. Львова.*

[34] Борромини Франческо (1599—1667) — итальянский архитектор и скульптор. Его стиль отличался пристрастием к кривым и ломаным линиям, диспропорцией частей и вычурностью орнаментики.

Вид сей можно переменить по удобности места тысячею разными образы, а украсить живописью, гипсовою обронною работою[35], цветами, фигурами, даже и самыми карнизами, которые делать лучше можно из гипса, нежели гончары оные из глины исполняют, с тою только осторожностью, чтобы все сии украшения употреблены были выше жаровой туши или наверху печи, а мест горячих и греющихся не занимали.

Я весьма рад отдать здесь справедливость г-ну Волкову[36]: он первый, мне кажется, у нас из простых изразцов зачал делать хорошего вкусу красивые и удельные печи; до него, кроме обелиска, колонны ломаной или города, ничем греться было в честных домах не позволено.

Опыт утверждает достоинство вещи; а свидетельство оного убеждает к последованию.

И то дело; кому сие свидетельство нужно, тому могу я представить пользу воздушных сих печей и здесь, в Петербурге, в доме г<рафа> П<етра> В<асильевича > З<авадовского>[37], и еще недалеко от Петербурга в деревенской церкви г<рафа> А<лександра> Р<омановича> В<оронцова>[38].

Естьли неоспоримо то, что стоячий воздух легко загнивает, что вредно в оном жить и здоровым людям; то сколь полезны бы могли быть воздушные печи, очищающие воздух собственным его непрерывным обращением: в воспитательных домах, в больницах, в богадельнях, где атмосфера столько имеет пищи для заражения своего.

И как бы, кажется, не дорожить свежим воздухом! когда все ныне медики согласны, что посредством его только одного можно восстановить: свободное обращение крови, нечувствительную испарину и укрепить нервы. Прочитайте Тиссота, Бухана[39], и тогда вам всякая бабушкина горница будет казаться удушною епанчою самой смерти.

Естьли у меня не будет голова болеть, то сберу я и остальные чертежи мои, на вторую часть пиростатики; она будет состоять:

1. В духовых печах, коих по сю пору только имя известно, или в печах, нагревающих без чаду верхние покои снизу[40].

2. В воздушных печах крестьянских, в которых подпечек и печь равную приносят пользу, которые летом не умножают в избе жару, но служат как для варения, так и для печения крестьянской пищи.

3. В сушильной или овинной воздушной печи, на которую идет мало дров, а хлеб в короткое время высыхает, поелику зачинает оная сушить с самого того времени, как затопится.

4. В употреблении вечного и неугасаемого на очагах наших огня, кроме обыкновенного его определения на то, во-первых, чтобы нагревать оным над кухнею или возле кухни построенные покои, во-вторых, печь хлебы или пирожное и вертеть жаркое.

5<-е> отделение состоять будет в паровой кухне, где парами всякого рода мясо, рыбу и зелень с несравненным вкусом приготовлять можно в собственном их соку, без пользы пропадающем в воде, в которой мяса варятся. В кухне сей не нужно употреблять не токмо медных, но никаких кастрюль. Тем же самым жаром, который горит на очаге, можно печь хлебы и пирожное, вертеть жаркое и содержать изготовленное кушанье несколько часов горячим, не высушив и не передержав оного.

На такую кухню довольно третьей или четвертой части дров против кухни обыкновенной, и в Англии (где кухня сия выдумана) для одной хозяйственной статьи во многих трактирах уже оные употребляются.

---

[35] Здесь: лепнина; в переводе Львовым книги Петито есть раздел «О барильевах, или обронных изображениях» (см.: *Петито Э.-А.* Рассуждение о проспективе... // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 4 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. С. 195—199).

[36] Видимо, Федор Иванович Волков (1755—1803), архитектор казенной палаты, построивший много общественных, промышленных и частных зданий в Петербурге.

[37] Среди построек Львова в Петербурге дома П. В. Завадовского (1739—1812) нет, хотя в поместье Завадовского Ляличи (Украина, Черниговская обл.) им построен летний домик (конец 1780-х — начало 1790-х). См.: *Веселова А. Ю.* Атрибуция архитектурных памятников Н. А. Львова (предварительный свод) // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 3 / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 235.

[38] Вероятно, имеется в виду Екатерининская церковь в Мурине под Петербургом. А. Р. Воронцов (1741—1805), граф и государственный канцлер.

[39] С.-А. Тиссо — см. выше. Вильям Бухан английский врач (1729—1805), автор популярного домашнего лечебника «Domestic medicine, or a treatise on the prevention and cure of diseases by regimen and simple medicines» (21-е изд. 1813), переведенного на русский язык с французского издания доктора Дюпланеля (М., 1790—1792).

[40] Я говорю *имя известно* потому, что обыкновенные духовые печи, которых, к несчастию хозяев, довольно кос-где построено, только то дело и делают, что или чадом, или дымом комнату наполняют. *Прим. Львова.*

Я занял как строение, так и самое употребление сей кухни из газет, в которых оная была припечатана; не знаю, так ли я сделал, как кухни сии в Англии сделаны; но опыты и после пример одной сюда привезенной в полной мере желание мое удовлетворили.

6<-е> и последнее заключать будет в себе зимний сад или барское гуляние; но мне хочется, чтобы зимний сад мой был и приятен, и полезен[41]; чтобы украшающая его зелень укрепляла здоровье, а не умножала сырости; чтобы земля была не гниючим пластырем, к строению и к гуляющим в оном приложенным: но давала бы такие же благотворительные испарения, какие извлекает натура, когда ее не задушают; чтобы, наконец, сад сей не был вместилищем стоячего, гнилого и сырого воздуха, раздающим обильно болезни влиянием своим. Маленькой опыт доказал уже мне возможность исполнить на деле небольшое сие заведение, а потому третья, самая важная часть «Русской пиростатики» будет у нас состоять

в народных банях.

Я несколько уже лет брежу полезным сим заведением; искусный нашего времени доктор[42] подкрепил меня в сем бреду; а свидетельство разных несчастий и самой смерти, недостатками торговых наших бань тем бедным людям приключенные, которые для здоровья в сии пасть влекутся, до того ранее мое воображение распалило, что я хотел просить как милости, чтобы позволили мне на свой счет построить торговую баню; но, слава Богу, проспался.

Между тем, однако, мало оставил я торговых бань в Москве и здесь, с которыми бы лично не имел чести знакомиться. — Там-то я действительно насмотрелся (особливо по зимам), каким образом люди вылечиваются — знаете ли как?

Иной угорел и на морозе умер...

Другому сделался удар...

Иную подняли полумертвою от того, что нечем было заплатить *за сторожку*...

Ноги у сих бедных людей примерзают к помосту, когда они в 25 градусов и больше стужи голые и распаленные, босиком ходят черпать кипячую на дворе воду. Да и когда в самой жаркой бане бывают, то и тогда еще более вреда здоровью своему делают, вынося на теле своем сражение двух противных сил природы, сверху жар, снизу холод. Посему все бани наши нагреваются только до половины высоты свода устья печного. Вот где, да и только, самый главный вред сей состоит в прочном построении, а действительная оных польза в употреблении благоразумном.

Правда, что не ко всему же безрассудному приставить дядьку. — Неоспоримо; но загородите вороты в ту стену, за которою пропасть, — сделайте безопасный мост, и проводник не нужен. Может, не столько были бы нужны смотрители, да и сами лекаря, ежели бы, перестроив как должно торговые бани, сделали человечеству прислугу, а государству драгоценный подарок здоровья. — Бани паровые должны быть источником оного в климате нашем, не только для нужного состояния людей, но и для каждого. Общее оных употребление подкрепляет сию истину.

Без того в самой просвещенной древности и у римлян не были оные для государей предметом славы первой благотворения, а для народу залогом благоденствия, его здоровьем утвержденного.

Великолепные и просторные остатки человеколюбивых сих заведений, которые от молодых людей удаляли старость, а в старых молодость возобновляли, не удивляют своим пространством; они были соразмерны великому их началу, веками пользу оного оправдавшему. О! великие слова. — Я всё еще не проспался.

Конец первой части

---

[41] Приятное и полезное – формулировка целей и задач искусства, восходящая к Платону (Государство. III 398), повторенная Горацием: «Все голоса за того, кто слил наслаждение с пользой, Кто, занимая читателя, тут же его наставляет» (Искусство поэзии). В русской литературе XVIII в. эта формула ярче всех повторена в оде Г. Р. Державина «Фелица» (1782), которая была к тому же хрестоматийным произведением:

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

(*Державин Г. Р.* Стихотворения / Вступит. статья, подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого. Примечания В. А. Западова. Л.: Советский писатель, 1957. С. 101. Библиотека поэта. Большая серия).

[42] Г. Саншес, которого 20<ти>летнее обращение с нашим народом заставило отбросить многие средства общих лекарств и вылечивать людей в жестоких и опасных болезнях одними паровыми банями. *Прим. Львова.* Рибейра (Антонио) Саншес (Санхец, 1699—1783) — действительный статский советник, доктор медицины, лейб-медик, автор сочинения «О парных российских банях», член императорской Академии наук.

Русская пиростатика,
или употребление испытанных каминов и печей, кои посредством наружного воздуха нагревают покои и служат к разным употреблениям.
Часть вторая, в которой упоминается:
I. О известной печи, дрова и время сберегающей.
II. О духовых печах верхние или соседственные комнаты нагревающих.
III. О воздушных крестьянских печах.
IV. О сушильной или овинной воздушной печи.
V. Об очаге, нагревающем кухню и соседственные или верхние покои.
VI. О паровой кухне.
VII. О зимних садах.
СПб., печатано у Шнора, 1799.

Оглавление

О чем упоминается во второй части Пиростатики
О известно́й воздушной печи
Сколько на известну́ю печь дров исходит
Обыкновенных известных печей постройка
Сколько определяется времени на выжегу обыкновенной известно́й печи
Много лишних дров сожигают, не зная верной приметы, когда печь выгорела
Главный порок известных обыкновенных печей
От чего действие огня усиливается
На чем основано начало известных воздушных печей
Во сколько времени выгорела известные воздушная печь и сколько пошло дров
Каким образом кладутся известные воздушные печи
О духовых печах, или верхние соседственные комнаты нагревающих
От чего бесполезны душники глухие
Осторожность при делании душников
О воздушных крестьянских печах
Выгода воздушной крестьянской печи в сравнении обыкновенной
Осторожность заплетать сеткою душники
О сушильной или овинной воздушной печи
Порочная кладка обыкновенных печей в ригах
Печи должно класть посредине риги
Безопасность воздушных печей
Выгода воздушных печей от сбережения дров
Об очаге, нагревающем кухню и соседственные или верхние покои
Употребление бесполезного огня на очагах для нагревания комнат
О паровой кухне
Откуда заимствована паровая кухня
Для чего господин Сларк не открывал таинства паровой кухни
Выгоды паровой кухни
Хозяйственные выгоды паровой кухни в сбережении дров
Баня посредством паровой кухни
Для паровой кухни не нужна медная посуда
Можно кушанье готовить без огня и у соседа
Польза паровой бани и легкая оной постройка посредством паровой кухни
Истопить баню ароматными или целебными парами
О зимних садах

Объявление

Все снаряды к паровой кухне делал для меня в Санкт-Петербурге живущий близ Синего моста в подвале жестяник Вебер, дом под № 152, а ве́ртел, дымом работающий, агличанин слесарь Гардий, живущий за Никольским мостом в доме Хитрова; в Москве же желающие

себя иметь паровые кухни могут получить достаточное об оных сведение от титулярного советника Менеласа[43], живущего близ Симонова монастыря на даче, Тюфили[44] называемой.

Русская пиростатика

Вторая часть «Русской пиростатики», по обещанию первой, должна бы начинаться духовыми печами; но я промолвился при издании «Палладиевой архитектуры» о *известно́й воздушной печи* и о пользе оной[45], а потому и должен для сей последней оставить первое место, уповая, что нарушенной порядок местничества в предосуждение домовой печи в политическом свете нанесет менее вреда, нежели принесет пользы известна́я воздушная печь сохранением дров и сокращением времени, на обжигание обыкновенных известных печей употребляемого, и оставшиеся на корню ели и березы, нагибая зеленые свои головы, за продолжение их века будут благодарить меня; естьли я не заслужу благодарности от хозяев, прибавя несколько долгоденствия кошелькам их, между тем пусть духовая господская печь подождет череды своей.

Соседи, вокруг меня живущие, присылывали ко мне учиться обжигать известь: *у вас, дискать, батюшка лучше обжигают*; а у меня на 13 сажен камня исходило более 30 сажен дров, и в две недели, а иногда и больше, выжигают адским огнем одну известну́ю печь, из которой иногда 5<-я> часть необожженного камня останется. Изрядное искусство! есть что перенять! и для безлесных провинций сокровище не уплатимое.

Печи мои известные кладывались точно таким же образом, как и в здешней просвещенной Ижоре на берегах дровеносной Тосны, Пудости[46], да и во всей почти пространной России (кроме моих соседей, у которых, чаятельно, была какая-нибудь еще хозяйственная отмена), то есть в четвероугольной яме, менее или более обширной, по трем бокам выложена на глине каменная стенка, четвертая сторона остается для очелков или устьев, которых число и пространство по мере ямы определяется. Очелки сводятся готическим сводом, сверх которого пустота наполняется камнем, и печь выравнивается горизонтально с землею; поверх земли возвышается оная параболическою фигурою, которую ремесленники называют колпаком. Делаются известные печи и не в яме; но на открытом воздухе и называются *полевые*. Я думаю, что у соседей моих были полевые; и название сие стихотворическое стяжали потому, чаятельно, что нагревают они столько же почти полевой воздух, сколько известно́й камень, <для> обожжения которого хозяева перемучили несколько лошадей на возку дров и пережарили несколько людей, проклинающих окаянного выдумщика каменного строения. Сими двумя манерами делаются у нас известные печи; а обжигают оные беспрерывным огнем, который неугасаемо содержат в устьях, доколе камень разгорится: потом смажут глиною или покроют дерном колпак печи и начнут всесожжение дров до тех пор, поколе ... ... но сие *поколе* не очень еще известно.

Одни говорят: пали, покуда устье печи обрушится.

Другие говорят: жги, поколе синий только пламень наверху означится.

Третьи опять велят жечь, поколе красный пламень[47] пробиваться будет.

Словом, всякой почти известно́й мастер имеет свое *поколе*, другому неизвестное; а часто общее *поколе* продолжается до тех пор, поколе все дрова <не сожгут>.

Разрушение печных сводов есть, конечно, самый надежный признак выгоревшей печи; но когда оная из твердого и для доброй извести предпочтительного камня складена, то должно много лишних сажен дров сожечь без пользы прежде, нежели добиться до сего белого знамя.

Синее, красное, фиолетовое и всякое разноцветное пламя зависит более от минеральных и посторонних частей, содержащихся в камне; нежели от степени пережжения оного.

---

[43] Адам Адамович Менелас (1756—1831), помощник Львова с 1785 г., руководитель работ на опытном участке землебитного строительства в Москве.

[44] Тюфили, или Тюхольская, дача — бывшая земля Симонова монастыря, отданная в собственность Львову с 1797 г. для содержания школы землебитного строительства, позже территория завода им. Лихачева в Ленинской слободе в Москве.

[45] *Палладио Андреа.* Четыре книги Палладиевой архитектуры, в коих по кратком описании пяти орденов говорится о том, что знать должно при строении частных домов, дорог, мостов, площадей, ристалищ и храмов. Кн. 1. СПб.: Тип. И. К. Шнора, 1798. 10+79+1+33 л. черт. С. 13. См. примечание 8 к главе V «Об извести и каким образом творить оную»: «Подражатель не есть художник»: Н. А. Львов и «Русский Палладий» / Вступит. статья, републикация и комментарий Е. Г. Милюгиной // Гений вкуса: Н. А. Львов. Материалы и исслед.: Сб. 3 . С. 162.

[46] Реки на территории современной Ленинградской области; в одноименных поселках у этих рек жгли известь.

[47] Поколе заяц заиграет, как говорят ремесленники. *Прим. Львова.*

Когда обжигальщики приметят, что пламя проскакивает сквозь колпак во всех местах, тогда говорят они, что печь дурно складена, и при закладке новой печи сей мнимый недостаток стараются поправить пущею погрешностью, набивают пустоту над сводами сколь возможно плотнее камнем, и исправленная печь еще хуже первой выговорит, естьли употреблять на оную такое же количество дров, от того, что сила огня действует только на внутренние стенки печи и между камней в больших скважинах, которые по милости нерадивого работника в пользу хозяина ненарочно остаются: потому что внутренний камень, удаленный от пламени, разгорается только постепенным прикосновением раскаленных и соседственных к огню камней, которые прежде иногда обратятся в пыль, нежели померные их соседи нагреются. Естьли бы у редко складенной печи, которой пламя во многих местах прокрадывается, замазали только колпак, оставя умеренное отверстие наверху оного, и то служило бы уже для известных печей некоторою поправкою и большою выгодою для дров.

Главный порок известных наших печей состоит в том, следовательно, что безрассудное оных строение и плотная кладка, не допуская огонь распространяться по внутренности печи, жар и силу оного гонит в очелки. Следовательно, такая бы постройка печей была полезна, которая бы тянула внутрь печи огонь, и пламя бы, касаясь непосредственно большей части камня, стремительно между оного проходило, поелику действие огня на сгораемое тело не только часто утрояется; но, можно сказать, вдесятеро становится сильнее. Когда мехом кузнец на раскаление железа или стекольщик трубкою на лампаде обращает оное на растопление стекла, сколько бы угля бесполезно сгорело без мехов прежде, нежели бы раскалилось железо, какой сильной и долговременной огонь нужен бы был мастеру термометров на то, чтобы запаять один только стеклянной стволик, естьли бы не дул он на него через огонь в трубочку.

Вот начало, на котором должно основаться! Оно состоит в том, чтобы, не умножая сгораемого вещества (дров, просто сказать), умножить силу и действие огня посредством сквозного воздуха.

Но неужели к известным печам должно приделать меха кузнечные или заставить людей на них дуть в дудку? Нет. — Приметя сей общий недостаток сложения известных печей, по недостатку дров приказал я Гавриле, старосте моему, мимоездом через деревню сложить в той же яме, где была старая, известную печь, сделать в ней столько же очелков, и дабы не расстроить безграмотную его математику, точно таким же образом, как и в старой печи были; но прибавил к тому: «Переложи через пять рядов камня вильками кругляки однополенные в ножках, а трехполенные поставь стойком в обоих концах ножек, сведи эти стоячие поленья, надставливая другими поленьями в одно место и в самую вершинку колпака, покрой их камнем, зажги печь обыкновенным порядком, скоро ли она выгорит и сколько пойдет дров, меня уведоми».

Вот его ответ: *Доношу вашей милости, что мы известную печь по показанию вашему склали и зажгли. В четверо сутки она дотла выгорела так, что и ножки сгорели пыль пылью, а дров пошло противу старого с небольшим третья доля.*

Прошу приметить, что печь была той же пропорции, как и прежняя, которую обжигали две недели, а иногда и осьмнадцать дней, выгорела совершенно в четверо суток и вместо 30 сажен дров, примерно полагая, довольно было 12<-ти>, а каким образом должно класть сии печи, прилагаю при сем план и профиль с некоторыми краткими примечаниями, которые при строении и обжигании оной наблюдать должно.

Примечание 1-е к плану

А означает устье печи, которое никогда шире аршина класть не должно, в небольших же печах в три четверти, а вышиною в полтора раза против ширины, число устьев определяется по количеству камня.

Б означает ножки, на которых утверждается свод устьев; в средине их изображены круглые поленья вильками и горизонтально положенные через каждые пять или шесть рядов камня; черные круглые пятна изображают стоячие цельные кругляки или из разных круглых поленьев надставленные.

Примечание 2-е к разрезу

В черные полосы представляют стоячие кругляки, которые уже выгорели, а черные круглые пятна — дрова, горизонтально положенные и вильками в плане означенные. <Гр

вированный чертеж между страницами.> Таким же точно образом и в колпаке печи в самую верхушку оного сводятся прогары, как то на разрезе показано.

Известная сего строения печь кладется точно так же, как обыкновенно употребляемые известные печи, наблюдается только при кладке оной:

1-е, чтобы крупной камень класть ближе к огню и к душникам около дров;

2-е, чтобы мелкой камень не мешать с мусором, который закладывает скважины и мешает огню выжигать известь;

3-е, чтобы стоячие кругляки утверждены были в первом ряду камней, естьли оные будут цельные, а если будут они из надставных поленьев, то надставлять их по мере возвышения печи.

Таким образом будучи печь складена и свершен колпак оной, зачинают хворостом или мелкими дровами выгонять пар; в сие время высохнет камень, истлеют дрова и душники между камней потянут полымя, когда жар гнать будут. Доколе колпак не закраснеет, дров прибавлять сверх обыкновенной пропорции не надобно; но когда сквозь раскаленного камня покажется полымя, тогда должно колпак весь — или, покрыв оборотным дерном, засыпать землею, и оставив в середине только небольшую скважину; или, замазав глиною, засыпать землею сверху, удвоив пропорцию дров, жечь самым сильным огнем последние сутки.

Устья известных печей никогда не должно делать широкие, даже и в самых огромных заводских у́же аршина; в печах же от 15 до 20 сажен камня устья должны иметь широты 10 и 12 вершков, широкой под никакой пользы не делает.

О духовых печах, верхние или соседственные комнаты нагревающих

Под названием духовых печей известно у нас небольшое число больших кирпичных твердынь, построенных в нижнем жилье, откуда оные через душники в верхнее жилье сообщают или много чаду, или мало тепла, или иногда чрезвычайный на короткое время жар, или чрезвычайный дым. Много чаду сообщают печи сии тогда, когда душники сделаны прямо из жаровой туши, а мало тепла, когда глухие душники сделаны около жаровой туши . Чрезвычайный на короткое время жар производят первые, когда откроют их тотчас после закрытия печи; а чрезвычайный дым, поколе печь топится. Следовательно, душники, около жаровой туши проведенные и были бы самые полезные, естьли бы они не были глухие.

Глухие! Несвойственное название; их надобно называть скупые, потому что, имея одно только отверстие вверху, не выпускают они жар, которого внизу и во всем своем пространстве много содержат. Внешняя атмосфера, будучи упруже разреженного теплом внутреннего воздуха, сама скорее в душник залезет, нежели выпустит из оного стоячее тепло; кабы можно было в самом душнике поместить комнату, то постройка сих печей была бы небесполезна; но как этого сделать нельзя, то нужно подумать, каким бы образом теплый воздух из душника выгнать в комнату, да и выгонять его беспрестанно, поколе печь горяча будет. — На то ли мы нынешний год по 6 рублей сажень однополенных дров покупаем, чтобы нагревать воздух, который нас не нагревает?

К поправлению сих печей, в которых душники, однако, не из жаровой туши сделаны, и без перестройки оных есть весьма легкое средство. Надобно только в душник провесть наружный воздух трубою, тогда он стоячее тепло погонит из душника в комнату и, как бы ни был холоден, обращаясь несколько раз между теплых стен, будет и сам в верхний покой выходить теплым. Средство сие годится для тех только, у кого печи уже построены и у кого на переломку оных добрая воля не превосходит нужду тепла. Кто же при строении нового дома в духовых печах имеет надобность, тому советовал бы я оные по приложенному здесь чертежу для того, что здесь не потеряно ни подовое тепло, ни жаровой туши и одною печи топкою нижние и верхние комнаты равно нагреваются; а в обыкновенных печах пользуются только теплом нагретых стен или делают колодцы между оборотов дымных, в которые дым и чад, легко прорываясь вместе с теплом, и верхний покой часто посещают. Печь, которой я здесь прилагаю дурной чертеж (лучшего сделать было недосужно), постройкою своею совершенно похожа на изображенную в I части на IV листе. Форма оной определяется по месту и по желанию строителя. В ней на том же самом основании делаются подовые и жаровые душники, каменка и оборот с тою только разницею, что душники проводятся в верхний или соседственный покой, а там выведены оные на обрезе печи; здесь же на обрезе печи выводятся только душники стенные. Так как духовые печи, в нижнем этаже делаемые для нагревания верхнего, должны неминуемо быть больше обыкновенных печей для помещения оборотов и душников в большом количест-

ве, то нужно приметить и то, что душники требуют большой осторожности, когда делаются оные в большом жару. Осторожность сия в том наипаче состоит, чтобы в наружные трубы сии как в подовом, так и в жаровом душнике класть из листового железа просто склепанные и не паянные, обделать их на ребро маленьким кирпичом наподобие ящика, в средине которого лежала бы труба; пустоту между кирпича и трубы засыпать сухим песком и, выравнив оным ящик, наравне с краями перекрыть кирпичом плашмя. Не лишнее было бы делать также железные колены для соединения в стенках трубы с трубою, где есть хороший кровельщик; но за недостатком такого мастера печная кладка не должна, однако, остановляться, потому что в разделку сих труб в стенах можно хорошо и из кирпича сделать, есть ли только стенки рачительно будут складены и в пристойных местах скобами и проволокою перевязаны.

Значение букв

ab Жаровой душник в плане под № 1 изображенный, выведенный в k на профиль.

Под № 2 на плане показан подовой душник? выведенный в i и в разрезе под литерами cd означенный.

e Обыкновенные обороты точно таким же способом сделанные, как в 1 части на IV листе чертеж показывает.

f В обоих разрезах в длину и поперек изображает каменку и прогары.

g Свод жаровой туши поперек разреза.

p Тот же свод, разрезанный по длине.

h Устье печи, сквозь которое подовой душник не так, однако, проходит, как на чертеже представлено; но он проходит в боку устья в углу печи, и в сем разрезе был бы невидим, должно бы <гравированный чертеж между страницами> его изобразить пунктирами; но чертежи попали в бестолковые руки, потому и прошу простить тысячу недостатков, которые при сем издании исправить мне не удалось, но которые, однако, делу не мешают.

О воздушных крестьянских печах

Мужики могли бы нагреваться в зиму и простою их (только не черною) печью неоспоримо; но за что им от той же самой печи задыхаться летом, я не вижу крайней необходимости. Варить пищу и печь хлебы нужно так же летом, как и зимою; для обоих сих операций необходимо, следовательно, топить печь, и в жаркое время мужичья изба становится пеклом, в котором вся семья принуждена обедать, а некоторая часть оной ночевать осуждена бывает. Хорошо бы мужику иметь для лета надворную печь или другую избу для летней стряпни; но сей прожект походил бы на множество тех благотворительных на бумаге затей, которыми экономы за трудностию исполнения не составили поселянам отменного счастия. Похваля благое намерение, должно, однако, с сокрушением признаться, что число таких заживных и благоразумных мужиков невелико, которые бы хотели и могли иметь сию выгоду. Большая часть оных терпити не знает вреда, не может или не хочет отвратить оный. Для сего-то числа православных старался я придумать печь, которая бы требовала не многим более обыкновенного материала, занимала бы не более обыкновенной печи места, зимою служила бы для мужичьей стряпни и для нагревания избы его, а летом не содержала бы вредной духоты. Простое средство отвратило сей вред, самый подпечек превратил я в летнюю печь, которая топится из сеней, а над нею второй кожух составляет печь зимнюю, которая топится из избы; дым из обеих печей проводится в одну трубу, и так как обе печи в разные времена топятся, то дым их не встречается в общей трубе и изба не дымится. Нижняя печь не нагревает нимало комнаты или избы, потому что и душники ее или выводятся в сени, или и совсем не делаются, а душники верхней печи проводятся в избу.

№ 1. В плане изображает устье и подовой душник нижней летней печи, литерою a в разрезах означенный.

Примечание. Вход и выход душников во всех печах нужно загородить, как выше сказано, проволочною сеткою; но в мужичьих печах предосторожность сия должна быть неминуемо исполнена, без того положат они туда все свои онучи, сальные тряпки и — прости воздушная механика!

№ 2. План представляющий устье зимней печи из избы топимой, в разрезах dd.

b и b Жаровой душник в обоих разрезах. Сии душники выводить должно по способности места или в запечек или в печурки.

<гравированный чертеж между страницами> c и c. Устье зимней печи в разрезе поперечном и продольном.

e Печурки.

f Дымовой рукав, обращенный в сторону от верхнего устья и боровом по стене и в длину печи в трубу проведенный.

g и g. Вьюшки верхней и нижней печи.

О сушильной или овинной воздушной печи

Крестьянская изба как ни была бы тепла зимой, как ни была бы холодна летом, хозяин всегда скажет: не красна изба углами ... ... следовательно, надобно есть для благополучия крестьянского, да еще и сытно. — Хлеб надобно молотить, сушить овином — много исходит дров, дрова удалели и дороги. Многие умные мужики бросили овины и для сушения хлеба строят риги, на которые дров употребляется, конечно, меньше; но делаемые в оных дурные печи весьма часто сжигают не токмо самую ригу, хлебом насаженную, годичной труд поселянина, но и всё селение.

Сельским жителям известно, что редкая осенняя ночь проходит без какой-нибудь собственной или соседской иллюминации, и нельзя иначе, обыкновенные печи в ригах будто как нарочно на пагубу крестьянина строятся. Печи сии, состоящие из одного простого свода, делаются в углу риги, и естьли во время топления печи от пламени, из устья прямо под солому стремящегося, не сделается пожара, то от самых стен раскаленной печи всякой день сохнет и тлеет за печью деревянная стена, доколе первая трещина не сообщит искру и рига вспыхнет, а хозяин — и руками розно: от чего эдакая беда случилась.

Печи в ригах выгоднее становить посредине, как для того, чтобы атмосфера нагревалась с четырех сторон, так и для безопасности от пожара, естьли рига деревянная.

Опытом многих лет испытал я пользу печей воздушных в ригах, коих следует здесь чертеж. Печи сии совершенно безопасны, потому что двойные стены и от топления безмерного раскалиться не могут.

Ни одна искра не выскочит в солому, какие бы дрова и сколько бы их в печь положено ни было.

Сверх того воздушные сии печи требуют меньше дров, нежели обыкновенные, потому что четырьмя душниками зачинают они сушить хлеб, как скоро только дрова разгорятся.

Имея каменку между первого и второго кожуха, содержат они жар целые сутки, а потому и воздух наружный, беспрестанно в душники входящий, нагревает ригу, и другая посадка хлеба уже в нагретую атмосферу садится. Хотя не советовал бы я никому садить снопы под самою печью, поелику упадших на печь несколько соломин бывали часто причиною пожара; но естьли необходимость требует, чтобы обмолотить хлеб поскорее, следовательно, и посадить на ригу вдруг сколько возможно больше, то и в сем случае имеют они перед прочими печами решительное преимущество. Свершена будучи крутым щипцом упадшая солома не может на них остановиться, а свалившаяся на землю отвращает всякую опасность. При строении таковой <гравированный чертеж между страницами> печи наблюдать надобно то совсем противное обыкновению правило, что в ригах печи углубляют в землю, воздушная печь в риге должна быть по крайней мере пол-аршина выше полу, дабы наружные душники могли быть в сем пространстве помещены восходящею линиею.

№ 1-й представляет план устья, и два подовые душника: первой имеет свой вход чрез a, выход чрез b в боковую печурку, сеткою заплетенную; вторый на том же плане получает наружный воздух чрез d, выводит горячий воздух чрез c в другую боковую печурку. Сии печурки весьма удобно делать из маленьких садовых горшков, у коих дно выбито.

m представляет под устьем положенные дикие камни, чтобы дровами не выламывали подовой кирпич.

№ 2-й — план прогаров и жаровых душников.

e Трубы, между камней положенные, означены в профиль теми же литерами. Сии трубы, как то на продольном прорезе видно, получают воздух из-под очелка и, обратясь, проводят оный в щипец верхнего кожуха в литеру f. Сии трубы удобно делать глиняные или из листового железа и без всякой предосторожности от дыму, поелику тут не обеспокоит никого оный. Естьли положение места не позволяет печи делать высоко и подовый душник не может сильно действовать, в таком случае должно обратить оный по передней стенке и провести в сии жаровые трубы наружный воздух; чрез сие действие жарового душника несравненно усилится.

g В плане № 2-й и в прорезе № 3-й изображает прогары, чрез которые нагревается каменка и жаровой душник.

№ 3-й l Печурки, из садовых горшков сделанные; тут наблюдать надобно только то, что скважины, обыкновенно делаемые на дне горшков, должно развертеть пошире; но чтобы искра сквозь оные не проскакивала из нутрии печи, перегородить другим черепком.

h В продольном прорезе представляет под-над каменкою для того, чтобы долее в оной содержался жар.

k прогары, сделанные в кожухе, чтобы не выскакивала из печи искра во время топления оной.

n передовое устье.

Об очаге, нагревающем кухню и соседственные или верхние покои

Благонамеренные строители выдумали разные очаги, сберегающие дрова и здоровье поваров. Многие благоразумные хозяева имеют и у нас очаги крытые, очаги с глухою чугунною доскою и очаги с доскою прорезною; но когда русской повар не видит живого пламени, не может бросать на огонь уполовником масла, то он уж и кухню кухнею не почитает и уничиженным считает свое художество затем, что лишено оное должного ему просвещения; а как гораздо легче просветить художество, нежели художников, то и должно оставить сей обычай до времени в наказание им, поелику они в глухом своем просвещении скоро действительную слепоту находят.

Естьли уже по непреложному закону обычья должно так, чтобы на очагах наших горел неугасаемо пылкий, сильный и часто бесполезный огонь, то не можно ли по крайней мере обратить тепло оного для нагревания верхних или соседственных покоев или самой кухни свежим и чистым воздухом? Предложив себе сию задачу, удалося мне перестроить обыкновенный очаг по приложенному чертежу. Очаг сей занимает не много места, служит за две печи в столовой комнате, над кухнею построенной, и тем же огнем вертит жаркое, топит небольшую для хлебенного печь и другую, служащую для сушения разных вещей и для разогревания кушанья, не поджигая оного; а сверх того имеет две обычные канфоры и открытый огонь в угодность повара. На сем очаге можно стряпать дровами и каменным углем; дрова употребляются на обыкновенном горизонтальном тагане, а для угля делается таган полукруглой, в разрезе показанной, которой приставляется плотно к задней стене, дабы жар от угля в прогары, на оной сделанные, тянуло чрез пазуху в трубу и тем нагревало воздушные ходы, которыми нагревается верхняя столовая.

Подробное руководство постройки и употребление под следующими буквами объясняется:

№ 1-й Горизонтальной план очага с изображением душников в прорезе.

Примеч<ание>. Назначенные на оном литеры и на оба прореза № 2-й и 3-й относятся.

a Первый и главный душник, проведенный со двора и под подом очага расположенный, на задней стенке выведен в верхнее жилье.

b Вертикальной душник, так же с надворья взятый и в задней стенке очага между пазух и огня расположенный, выведен по правую сторону через b в верхний или соседственный покой.

c Пазуха над № 3-м, в которую тянет полымя чрез прогары q.

e Железная печка из толстого листового железа для хлебенного; под оною пустота, в которую с очага <гравированный чертеж между страницами> сгребаются уголья, коих жар, обращаясь кругом нижней и верхней печи, проведен в особую трубу.

f Решетка, чрез которую по сделанному вниз каналу сыплется зола в ящик g.

h Другая верхняя печка, так же как и нижняя, основанная на железных полосах, коих концы утверждены в боковые тонинькие кирпичные стенки, с обоих боков до печки не касающиеся, и сзади печки сии приставляются не вплоть к стене; но имеют полвершка расстояния, чтобы нижний жар, кругом оных обращаясь, нагревал обе печки со всех сторон: передняя только стена заделывается наглухо и одни печные устья на лице оставляются.

i Вьюшка в печной трубе, которая тянет жар около обеих печек и соединяется с большою очажною трубою.

k Обыкновенные конфорки, имеющие на поду железные на петлях решетки, а внизу утвержденную решетку l, сквозь которую чрез зольники так же, как под литерою f, упадает зола в общий g.

m В профиле под № 3-м представляет поперек разрезанную печурку с ее решеткою и зольником, под железною печкою сделанную, которая под № 4-м представлена в проспективном виде.

n Изображает под пекарной печки, под которою сия решетка в литере f утверждается.

p Железные подвижные по решетке с ручкою грабли, которыми она прочищается.

o Часть поду или фундамент боковых кирпичных стен, заключающих между себя обе печки.

q Под № 2-м прогары.

Примеч<ание>. Вертел дымом работающий; подробное описание оного смотри в следующей паровой кухне.

О паровой кухне

Никогда философия столь явно не сходила в кухню, как в нынешний просвещенный век; исполать снисхождению ее! Там не сделала она никакого вреда человечеству; но, напротив, действительною пользою ознаменовала посещение свое. Она научила человека употреблять дым и пар вместо рук своих, прибавила ему силы, времени и здоровья; свидетельствуюсь английским автором[48], который говорит:

«Превращенную в пар воду посредством жара философы давно почитали чрезвычайною силою; но сила сия была забвенна, доколе знаменитые механики, в недавном времени научив употреблять оную, показали всей Европе полезное ее действие в войне, в земледелии, в рудокопном художестве, да и в поваренном искусстве».

Наше дело говорить о сей полезной и сытной выгоде; прочитав в объявлении пышное введение господина Сларка о паровой кухне, не мог я нигде достать ни модели, ни рисунка; но в восхищении из виньета, кой-как напечатанного при том же самом объявлении, заимствовал я строение оной, переменял, прибавлял и переламывал столько раз, что наконец добился до желанного действия. Построил сперва себе на опыт такую кухню в кабинет, потом другую с переменами и с прибавлением в деревне, а, наконец, спустя несколько лет, увидел здесь из Англии на образец привезенную небольшую паровую кухню; к совершенному моему торжеству в поваренном подвиге нашел, что я ни в чем от английского автора не удалился, и благополучно придумал те небольшие средства, которые он имел большую причину скрывать в объявлении его.

Господин Сларк, имея исключительное право делать паровые кухни и продавать оные в Лондоне, в объявлении своем старался столько же закрыть образ строения сей паровой кухни, сколько обнаружить все выгоды оной, выгоды, действительно заслуживающие внимание и выдумку его по справедливости между больших и полезных обретений помещающие.

Посредством паровой кухни сберегаются дрова или уголь, приготовляется всякого рода кушанье не токмо здоровым и вкусным образом; но и с великою чистотою.

Отвращается опасность от нелуженых кастрюль; и все варимые вещи, как то: мясо, рыба, а особливо овощи и зелень в собственном их соку и на столе приготовляемые, сохраняя вид и цвет, приобретают вкус несравненно лучше и питательнее противу тех, кои в воде варятся, потому что тонкие сии соки горячею водою извлекаются и с нею пропадают.

Доказанное уже дело, что масло и жир как бы свежи, прошед через огонь, делаются вредною пищею от того, что весьма трудно не поджечь повару на открытом огне сии горючие вещества. В паровой кухне ни в каком блюде пригари быть не может, потому что кушанье приготовляется на особом, как выше сказано, столе и от огня совсем удалено. — Дрова и уголь соблюдаются тем, что тот же самый огонь, который горит на очаге, не токмо вертит и жарит жаркое, служит к варению всякой пищи и к печению хлебного; но в то же самое время нагревает для посуды шкаф, содержит для употребления в кухне на целый день теплую воду и топит баню, естьли есть в оной необходимость.

Часто вареные вещи бывают нездоровы и принимают дурной вкус от того, что варятся в дурной воде там, где хорошей найти не можно; парами вареное кушанье невыгоды сии не имеет; и хотя для произведения паров и самая дурная стоячая, даже морская вода употреблена будет, пары оной будут чисты и никакого вкуса не сообщат варимой в них пище. Для паровой кухни не нужна никакая медная посуда, всё кушанье приготовляется в 3, в 4-х или больше жестяных коробках, а две-три небольшие кастрюлички жестяные же вставляются в крыш-

[48] Очевидно, речь идет о Джеймсе Ватте (Уатт, 1736—1819), знаменитом усовершенствователе паровой машины.

ку сих коробок и служат для молочного кушанья и разных соусов. Вся сия жестяная посуда никогда огня не видит, отчего и употребляется весьма долгое время без починки.

Постройка таковой кухни будет неоспоримо дороже стоить, нежели простой кухонной очаг; но издержка сия ежедневно сбережением дров и посуды возвращающаяся; была бы еще последняя выгода, естьли бы первую не составляло сбережение здоровья вкусною пищею. Впрочем, опыт докажет всякому правду и извинит мое восхищение.

Следующий чертеж изображает паровую кухню:

под № 1-м в плане;

под № 2-м в фасаде и профиле;

под № 3-м в поперечном разрезе через таган и котел;

под № 4-м представлен котел в большом виде с коромыслом для выпуску лишнего пара, дабы не разорвало крышки.

Подробное описание частей, паровую кухню составляющих, означено следующими общими для всех четырех чертежей буквами:

a Четвероугольный котел с выпуклою и плотно припаянною крышкою из белого железа или медной вделывается в стену позади тагана и составляет главное начало всего паровой кухни действия. Сей котел под № 3 представлен в боковом разрезе, а под № 4 в том же самом виде в большой пропорции. Когда вода от прикосновения огня с лицевой стороны к котлу и от жара, под котел из тагана упадающего в литеру o № 3 и 4, закипит, то пары восходят в трубку bbb, из котла вдоль стены проведенную <гравированный чертеж между страницами>, через краны пойдут в коробки ссс, в которых положенная всякого рода пища варится: каким образом сии коробки устроены, прилагается особый чертеж. Сии коробки могут стоять далее или ближе к очагу, как позволяет место и длина паровой трубки. Ежели сию трубку провести совсем в особый покой и там по длине ее поставить коробки, в которые провести паровые краны, то можно будет готовить кушанье и у соседа в доме, где совсем огня не будет.

d Воронка, на лицевой стороне имеющая сверху жестяное ситечко, а внизу кран, соединена коленчатою трубкою с котлом при самом дне оного. Через сию воронку наполняется котел водою и по ней можно видеть, когда вода кипит и сколько оной выкипело; через кран + выпускается теплая вода в кухню для употребления в доме.

ee Две рукоятки, посредством коих подвигаются по тагану в n два подвижные небольшие тагана f, служащие для чайников.

g Печка с чугунною вверху доскою, на которой разогревается кушанье и в которую жар или особо кладется в дверцы, или выгребается из-под печки m через небольшой боров, в стене сделанной.

h Две обыкновенные конфоры, из которых зола упадает в ящик i.

k Также ящик для золы, которая упадает из-под печки m. Сия печка, служащая для хлебного, должна быть сделана из железа, поставлена между двух кирпичных стенок на железных полосах; вокруг ее ходящий жар проведен особою небольшою трубою в кухонную трубу, сия небольшая труба служит и для печки g. Печь сия нагревается тем же углем, который нагорает в очаге и по мере надобности нагребается на железную решетку, под печкою сделанную, сквозь которую зола упадает в сквозной ящик k.

l Особый шкаф, из кафель сделанный с железными полками и с железными затворками; в сей шкаф из трубки b проведен паровой кран; дно у сего шкафа сделано из железа, и когда надобно нагревать посуду, тогда пускают в оный пар. Посуда нагреется и вспотеет, нужно ее только обтереть, то посуда нагрета и вымыта. Естьли же в сем шкафе хотят содержать теплое кушанье, то из-под тагана сквозь стенку сгребают несколько углей под железное дно, сквозь которое шкаф нагревается; золу же из-под шкафа вычищают сбоку.

o в № 3 означает пустоту, оставленную между котла нижней железной решетки и стены, в которую для грения воды упадает уголь, а сквозь нижнюю решетку сыплется зола в ящик p; задняя сторона у тагана перед котлом забрана также железными полосами решеткою для того, что бы не проломили котла, когда небережно на очаг дрова кладут.

q Вертел, действующий дымом посредством крылатого колеса, в трубе под R в № 3 означенного.

s Железное колесо, которое обращает вертикальной шпиль W и перед огнем служит для жарения маленьких птичек.

t Цепь, положенная на две деревянные шкивы, посредством которой обращается вертел и когда употребляется оный на жарение противу огня разного жаркого. Чертеж представляет сей вертел, положенный на крючках тогда, когда оный не употребляется.

№ 4. Как выше сказано, представляет поперечный разрез котла в большом виде.

x Железная стоечка, приклепанная на крышке, вверху оной петлею приделано небольшое железное коромысло, в средине которого пробоем спущен вниз небольшой железный батожок с пробкою; в конце коромысла висит гирька z весом в один фунт. Гирька сия держит пробку в скважине, и пары из оной идут тогда по трубке bb чрез краны в коробки CC. Когда же краны бывают закрыты и кушанье не приготовляется, а вода между тем кипит, то скопившиеся пары могли бы легко взорвать с котла крышку. Сие неудобство отвращается тем, что силою пара фунтовая гирька z поднимается вверх, когда выбьет пробку, и пары тогда из котла выходят чрез трубу, пунктирами под № 3 означенную.

Естьли не нужны пары для приготовления кушанья, а надобна только теплая вода для употребления в кухне, то должно тогда пробку совсем ототкнуть.

Когда кушанье изготовлено, главное и первое дело вытереть сухо жестяную посуду и, опрокинув, поставить в сухом месте, дабы служила оная на бесконечное время.

Чертеж паровой коробки

<гравированный чертеж между страницами> I. Кран из большой паровой трубки, чрез которые впускается пар на самое дно коробки чрез скважину II под нижнее сквозное дно, означенное в профиле и в проспективном виде под № IV.

III. Кран, чрез который выпускается вода, от пару скопившаяся.

IV. Решетчатое дно с ручками, на котором варятся большие штуки говядины, ветчины и прочего. Сие дно вынимается приделанными к нему ручками.

V. Жестяная обечайка, имеющая на дне своем скважины с возвышенными краями, дабы упадающая с верхнего кушанья вода не сообщала вкусу нижним. Сия обечайка служит для варения разных кореньев и фруктов.

VI. Решетчатое сито в профиле и в проспективном виде, разделенное на четыре части для варения разной зелени.

VII. Две или четыре небольшие кастрюлички для делания соусов, вставленные в крышку, когда в кастрюльках не работают, то скважины их же крышками покрываются.

VIII. Ручка на крышке коробки.

IX. Ручки, к середней обечайке приделанные.

Бывают случаи, где паровая баня служит не токмо для исцеления болезней; но и самую смерть отвращает. Весьма легко посредством того же самого огня и той же самой кухни или возле, или позади очага устроить небольшой чулан; пол и стены оного выслать кафлями, к одной стене из кафлей же сделать полок, а по средине чулана чугунный или из листового железа с крышкою в аршин вышиною и вершков 10 в диаметре утвердить цилиндр. Сей цилиндр наполнить или мелкими чугунными обломками или камнем; под полом из продольной трубки B провести под сей цилиндр пар, а в стене утвердить кран, посредством которого пар сей запирать или выпускать в цилиндр можно. Когда в цилиндре камни разгорячатся и пар наполнит баню, тогда градус тепла уменьшать или умножать можно, поддавая на горячие камни понемногу холодной воды, или закрывают цилиндр крышкою, когда не надо больше пару.

Из той паровой трубки, которая проведена под цилиндр, должно положить под полом другую небольшую трубочку с краном, чрез которую провесть пар под полок для нагревания оного прежде, нежели в бане будут париться. Впрочем, для нагревания полка немного будет труда и денег стоить, только над полком сделать небольшой сводик и под него класть снаружи несколько угля.

Сие последнее средство баню нагревать гораздо лучше, потому что от частого употребления пару недолго прослужат изразцы и внутренность их, не будучи поливная, скоро отсыреет; напротив того, от жару ничего им не сделается, должно только так ходы оного устроить, чтобы тепло проходя сквозь рюмки кафель и, равно нагревая пол и стены, подымалось до известной вышины. Таким образом можно устроить весьма чистую и красивую небольшую баню, которая без всякого труда и без всякой особой издержки для услуги целого дома всегда истоплена и всегда готова.

Вместо чугунного или железного цилиндра можно сделать также из тесаного хорошего камня пьедестал и, дав ему вид древнего жертвенника, на крышке оного утвердить небольшой сосуд, имеющий скважину на дне своем, а сквозь крышку сего сосуда на железной проволоке прикрепить пробку, сосуд <гравированный чертеж между страницами> наполнить каким ни есть пахучим спиртом, с водою разведенным; то открывая и закрывая пробку, баня наполняться будет по воле хозяина ароматными или целебными парами.

Небольшой чертеж изображает в профиле и в фасаде пиедестал, нагревающий баню и трубку, через которую сообщается пар.

№ 1. Половина каменного пьедестала в фасаде представленного.

2. Тот же пьедестал в разрезе.

3. Труба, через которую из кухни проведен пар, посредством коего нагреваются положенные внутри пьедестала камни.

4. Кран, коим запирается и выпускается пар, сей кран можно сделать на полу или в стене.

5. Скважины в крышке, сквозь которые идет пар.

6. Сосуд, наполняемый водою.

7. Пробка, прикрепленная к крышке и затыкающая трубку № 8, которая, будучи открыта, пропускает воду сквозь ситечко № 9, на каминке внизу оной находящееся.

Примечание. Проволока, к которой утверждена пробка, проведена сквозь крышку ваза, дабы можно было ототкнуть пробку, не снимая крышки, или поднять крышку, не оттыкая пробки.

О зимних садах

Ко мне писал о зимних садах один приятель, читавший в 1-й части «Пиростатики» мое об оных объявление. Вот небольшая выписка из письма его.

«Что касается до зимних садов, то я от них ничего доброго не надеюсь ни для здоровья людей, ни для целости строения, в котором они бывают. Сады сии одна только пустая затея, портят деревья, гноят строение и содержат всегдашнюю сырость, которую хозяин и гости глотая здоровью своему мало пользы делают; держать их холодно — пропадут деревья, а от теплоты и сырости пар в запертом месте хуже всякого осеннего ненастного дня; не знаю, как вы сию статью оборотите *в пользу здоровья и для приятности жизни*».

Всё сие справедливо и сии самые неудобства, мною давно примеченные, заставили меня искать и средств к отвращению оных; а естьли бы я в том не предуспел опытом, то, верно бы, и не обещал полезного и приятного от вещи бесполезной и вредной.

В зимних садах воздух должен быть не сырой, но свежий и теплый, сколько надобно.

Деревья должны рость, как растут оные на свежем воздухе; но только какие деревья?

Самые дорожки, служащие для прогулки, должны служить и к поправлению воздуха.

Сверх того, зимний сад не должен быть в тягость хозяину своею издержкою, естьли будет оный в доме человека частного. Естьли же зимний сад назначается для публичной прогулки в такое время, когда имеющие в оной надобность по причине стужи или грязи по улицам ходить не могут, в таком случае должен сад сам собою содержаться.

Непредвидимые обстоятельства не допустили меня обработать сию статью, и я принужден оставить оную для третьей и последней части «Пиростатики», прося извинить сию необходимую отсрочку и некоторые неисправности во второй части, которую за краткостию времени и за скоростию отъезда моего не успел я привесть в должный порядок; но для охотника и знатока ясно и довольно сказано, для людей же, любящих точность для точности, а не для действия описываемой вещи, всякое подробное описание недостаточно. Сего разбора люди любят большие книги, из которых было бы что убавить; любящие, напротив того, употреблять и испытывать новые вещи, довольны будучи начальною мыслию автора, могут прибавить к совершенству ее собственною своею догадкою, к исполнению придумать средства, и безделица тогда становится делом совершенным. Для сего небольшого числа избранных поборников художества накинул я скоропостижно первые черты «Пиростатики» и беспристрастному их суду поручаю добрую мою волю и несовершенную книгу.

Конец второй части.

Натали Шнайдер

Предисловие к изданию басен друга

Издание басен Хемницера, переработанное и выпущенное его друзьями: Державиным, Львовым, Капнистом и Олениным — в 1799 г. под названием «Басни и сказки И. И. Хемницера, в трех частях», через 15 лет после смерти баснописца, представляет собой их совместный проект. В третьей части басни Хемницера отделены от «Чужих басен» концовкой с изображением урны, на которой проставлены инициалы всех участников издания: «Д. Л. К. О.» Издание украшено гравюрами работы Оленина, на большинстве из которых его монограмма. Заставка с силуэтом самого Хемницера, выполненным, вероятно, женой Державина Екатериной Яковлевной[1], помещена перед текстом вступления «Жизнь сочинителя». Я. К. Грот во вступительной статье к первому изданию сочинений и писем Хемницера в 1873 г. приписывал этот, на его взгляд, «достовернейший очерк биографии» Ивана Ивановича его другу Н. А. Львову[2]. Последующие же исследователи творчества баснописца или деятельности кружка, членом которого он был, склонны считать автором данного текста В. В. Капниста[3].

О заключительном этапе работы над посмертным изданием басен друга Хемницера свидетельствует письмо Львова к Капнисту. Видимо, необходимые тексты басен были собраны, откорректированы, оставалось лишь написать краткие биографические сведения о самом баснописце перед тем, как отдать сборник в печать. В издании Я. К. Грота 1873 г. приведены «Заметки Львова о жизни Хемницера», состоящие из двух частей. При этом Я. К. Грот упоминает, что первая заметка написана «на почтовом листе, а другая на целом листе толстой серой бумаги»[4]. В рукописном отделе Пушкинского Дома мной найдена именно вторая заметка, которая хранится в архиве Грота под названием «Капнист В. В. Послание к нему <Львова Н. А.> („Анекдоты Ив. Ив. <Хемницера>“)»:

«Анекдоты Ивана Ивановича в бытность Михайла Федоровича в чужих краях, про которые ты, я думаю, слыхал:

<. . . . . .>

Прочее же всё, что здесь между нами происходило, тебе известно; что же до жизни и до судьбы его касается, то всё ты весьма подробно найдешь в бумагах моих, у вас оставленных. Ту жизнь, которую я писал, найти не могу, я тогда ее бросил, да, как ты сам помнишь, она же была написана на листочке, то мало бы к чему доброму годилась, хотя бы и цела была. Писать же сам ничего я не могу, кроме болезни глазной; я так болен болезнию князя Александра Андреевича, что от утра до вечера бываю у него. Глуп я, это я чувствую, никогда я не умел рассудком разорвать связь сердечную. Состояние его меня чрезвычайно беспокоит»[5].

Данное письмо не датировано, но упоминание князя Александра Андреевича Безбородко, его болезни и беспокойство Львова за своего покровителя дают возможность определить время его написания. Безбородко умер 6 апреля 1799 г. Две недели, предшествовавшие его смерти, Львов с утра до вечера не отходил от постели больного[6]. Недомогание самого Львова,

---

[1] См.: Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биогр. статьею и примечаниями Я. Грота. СПб., 1873. С. 34.

[2] Там же. С. 1.

[3] См., например: «...изданию был предпослан биографический очерк „Жизнь сочинителя“, написанный кем-то из друзей Хемницера, скорее всего Капнистом» (*Битнер Г. В.* Хемницер // История литературы: В 10 т. М., Л., 1947. Т. 5: Литература XVIII века. Ч. 2. С. 474); «...биографический очерк „Жизнь сочинителя“, написанный, по-видимому, другом Хемницера писателем В. В. Капнистом» (*Степанов Н. Л.* Иван Хемницер // Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963).

[4] Сочинения и письма Хемницера. С. 40. Печатается по: *Кораблев М. В., Сорочан А. Ю.* Об авторстве анонимной статьи «Жизнь сочинителя» // Гений вкуса. Н. А. Львов: Материалы и исследования. Сб. 2 / Ред. М. В. Строганов. Тверь, 2001. С. 111.

[5] ОР ПД. Фонд Грота. № 15917. Капнист В. В. Послание к нему [Львова Н. А.] («Анекдоты Ив. Ив. [Хемницера]»). Б. д. 2 л.

[6] См. также письма Львова к А. Р. Воронцову от 1, 3 и 4 апреля 1799 г., в которых он описывает состояние здоровья больного Безбородко, свои переживания и горе от вида «в сем состоянии человека угасающего» (*Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева. Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Перечень архитект.

его проблемы с глазами, часто упоминаются в его письмах к друзьям[7], причем он сам нередко даже не может «беседовать <...> рукой»[8] своей. И в письме Воронцову от 4 апреля 1799 г. он пишет: «Глаза мои только и позволяют утвердить это несчастное описание своею рукою»[9].

Из письма Львова мы узнаем, что он уже писал «Жизнь», но не может ее теперь найти. В настоящее же время из-за проблем с глазами написать ничего не сможет. Все материалы для составления биографического очерка, заботливо собранные Львовым и написанные им в черновом варианте, он оставил у Капниста, вероятно, во время своего последнего визита. Хотя слова «в бумагах моих, у вас оставленных»[10] могут относиться и к кому-то другому из друзей, которые совместно работали над выпуском сборника[11]. Капнист на основе уже собранного Львовым материала и составил «Жизнь сочинителя» в том варианте, в котором она была напечатана в издании 1799 г. М. В. Кораблев и А. Ю. Сорочан в своей статье «Об авторстве анонимной статьи „Жизнь сочинителя"», проанализировав упоминавшиеся уже две заметки и «Жизнь сочинителя», пришли к выводу, что «Капнист был единственным автором статьи <...>. Он, конечно, воспользовался сведениями и анекдотами, сообщенными ему Львовым, смягчив некоторые детали и убрав имена»[12]. Надо заметить, что Капнист из шести анекдотов, включил в биографический очерк лишь два. Вероятно, некоторые из использованных сведений Капнист не проверял и просто перенял их из написанного Львовым, иначе как объяснить факт несовпадения реальных дат с теми, которые даны в предисловии к сборнику 1799 г. На это несовпадение указывал еще Я. К. Грот в статье «Биографические известия об Иване Ивановиче Хемницере по новым рукописным источникам», предваряющей издание сочинений Хемницера под его редакцией. Приведя даты смерти родителей Хемницера: отец — апрель 1789 г., мать — 23 сентября 1789 г., Я. К. Грот пишет, что «мать баснописца пережила мужа только 5-ю месяцами. И продолжает: «...из слов биографа следует заключить одно из двух: или что эта статья писана в 1789 году, или что писавший не знал о смерти вдовы»[13].

В своем письме Львов записывает несколько анекдотов, которые произошли с Хемницером во время путешествия с Михаилом Федоровичем Соймоновым, родственником Н. А. Львова, в 1776—1777 гг. Николай Александрович сам был свидетелем этих и других курьезных случаев, произошедших с Иваном Ивановичем во время путешествия и позже. Эти два вошедших в «Жизнь сочинителя» анекдота должны были стать наглядным примером «нрава и образа мыслей»[14] дорого их сердцу друга.

Надо заметить, что анекдот переживает в России свой расцвет во второй половине XVIII в., в конце XVIII — начале XIX в. он выдвигается в литературный ряд, становится фактом культуры[15]. Анекдот был связан с традицией, сложившейся в устной речи[16], русским фольклором, а также с влияниями, шедшими с Запада. В печати сборники анекдотов стали появлять-

---

работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. С. 351—353. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием: *Львов*.

[7] Ср. информацию из писем его к Капнисту за 1794—1795 гг. *Львов*. С. 346—349.

[8] Там же.С. 347.

[9] Там же.С. 353.

[10] ОР ПД. № 15917. Л. 1 об.

[11] Интересно заметить, что через год после смерти Львова Державин, Капнист и Оленин, вероятно, намеревались выпустить новое издание басен Хемницера. Об этом свидетельствуют слова Державина в письме Капнисту от 30 июля 1804 г: «Оленину говорил о Хемницеровых баснях. Но он обещает и никогда ничего не делает, и это так по всем делам» (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 157).

[12] *Кораблев М. В., Сорочан А. Ю.* Об авторстве анонимной статьи «Жизнь сочинителя». С. 114.

[13] Сочинения и письма Хемницера. С. 36.

[14] Там же. С. 38.

[15] Е. Курганов указывает на истоки рождения литературного анекдота от скрещивания апофегмы с фольклорным анекдо Причем сборники апофегм, пользовавшиеся большой популярностью особенно в XVIII в., «попали в русскую почву через польское культурное посредничество» (*Курганов Е.* Литературный анекдот пушкинской эпохи: Диссертация искание ученой степени доктора философии. Хельсинки, 1995. С. 15—24, 29).

[16] Известно, например, что будущий баснописец И. А. Крылов, проживая в Твери, «с особенным удовольствием по народные сборища, <...> по целым часам сиживал на берегу Волги, прислушиваясь к разговорам прачек, присматр к народу, схватывая и впитывая живое русское слово. Он любил затем передавать товарищам запоминавшиеся см ворки, случаи, анекдоты» (*Гофман В. А., Западов А. В.* Крылов // История русской литературы: В 10 т. Т. 5: Лите первой половины XIX века. Ч. 1. С. 236.

ся в XVIII в. Таково рода сборники или отдельные части переводились с иностранных языков. В петровские времена вышел, например, сборник анекдотов и изречений, переведенный с польского языка. Хотя этот сборник был известен в рукописях на Руси еще с XVII в., издан он был впервые в 1711 г. под названием «Краткие, витиеватые и нравоучительные повести книги три; в них же положены различные вопросы и ответы, жития, поступки, пословицы и беседования различных философов древних»[17]. Чтение такого рода произведений давало возможность малознающему читателю, кроме всего прочего, в легкой и занимательной форме почерпнуть новые сведения из различных областей, в том числе, исторических. Державин оставил в своих рукописях в разделе «Об истории» записи, характеризующие суть анекдотов: «Некоторой особенной род истории суть анекдоты. В них собираются любопытные и достойные примечания дела, дабы их разобрать философически и политически. В них может вдаваться автор в глубокие размышления, кои означат дарования его»[18].

В издании Николая Курганова «Российской универсальной грамматики, или всеобщего письмословия <...> с седмью присовокуплениями разных учебных и полезнозабавных вещей», издававшемся в России с 1769 по 1837 г., третье «присовокупление» представляло собой «сборник исторических анекдотов и изречений различных мужей древности и свод морально-философских нравоучений (на основе Епиктета, Сенеки и др.)»[19]

Анекдоты печатались не только в сборниках, но и в прессе, занимали значительное место в журналах того времени наравне с серьезным материалом. По поводу «Московского журнала» Я. К. Грот писал: «...журнал начинался обыкновенно стихами, потом шла изящная проза, далее — смесь, т. е. анекдоты, выбранные из иностранных журналов; в конце же помещались разборы театральных представлений в Москве и в Париже и рецензии новых книг, как русских, так и иностранных»[20]. Державин был убежден в полезности публикации анекдотов в журналах для широкого круга читателей: «Где же, кажется, приличнее помещать такие краткие записки, как не в периодических сочинениях?»[21] Но он ратовал за включение русских анекдотов: «...на разных европейских языках есть анекдоты славных мужей, а у нас их нет. Неужели Россия героев не имела? Ежели кто из наших темных преданиев не знает героических повестей праотцев наших, их слов и действий, то уже, конечно, век Петра и Екатерины много имеет в себе нового и светозарного; это достойно записывать и оставлять по украшению истории нашей к подражанию и увеселению потомков наших»[22].

В этом стремлении Державин был не одинок. А. И. Клушин, друг И. А. Крылова, соиздатель журнала «Зритель» в 1790-е гг., заботливо собирал и печатал ««российские анекдоты», иллюстрирующие храбрость, мужество, «великодушие русских людей»[23]. Издателей и сотрудников журнала объединяло, как многих просвещенных людей того времени, «чувство патриотизма, борьба за самостоятельность русской культуры»[24].

В основе анекдотов лежат «неизвестные факты из какого-либо интересного периода истории или „сокровенные" подробности из жизни примечательного лица»[25]. Существовало много анекдотов о русских императорах и императрицах, как, например, о Петре I, Екатерине II или Павле I. Постепенно историко-биографические анекдоты стали касаться лиц и событий вообще. Таково рода рассказы представляли собой описание каких-то черт характера человека, проявившихся в той или иной мере в необычных историях или удивительных происшест-

---

[17] См.: *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века: Учебник / Вступ. статья А. Зорина. М., 2003. С. 193.

[18] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 2. Литературные сочинения Державина. Л. 176. В «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1892 год» находим описание этой рубрики (С. 170—252): «Мысли Державина по разным предметам. Тетрадь частью писана самим Державиным, частью писцом».

[19] *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. С. 195.

[20] *Грот Я. К.* Труды. СПб., 1901. Т. III. С. 129.

[21] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 2. Л. 136—136 об. Афтограф, черновой набросок. Напечатано также Гротом под заголовком «Письмо об исторических анекдотах и записках»: Сочинения Державина... Т. 7. С. 504—505. В публикации Я. К. Грота указан 1780 г. В сноске же он сообщает, что это прежде не печатавшееся письмо написано между 1779 и 1780 гг.

[22] [illegible] же.

[23] [illegible]ман *В. А., Западов А. В.* Крылов. С. 243.

[24] [illegible]анов *Н.* Крылов. М., 1963. С. 81. Серия «Жизнь замечательных людей».

[25] [illegible]лович *Я.* Анекдот // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 1. С. 34.

виях. Обращение к субъективному, личному, а, следовательно, и к биографическому материалу было отличительным признаком литературы второй половины XVIII в.

Немало анекдотов было известно и про литераторов. Например, про Кострова, непохожего на тип литератора-дворянина своего времени, рассказывались различные анекдотические истории. «О нем ходило немало анекдотов; трудно сказать, что в них правда, что — фантазия. Но всё же анекдоты эти рисуют трогательный и не лишенный обаяния образ поэта, простодушного добряка, „гуляки праздного", наивного и озаренного светом подлинного и высокого творческого вдохновения, чудака, может быть, „юродивого", но чистого и доброго»[26].

Вот и друзья Хемницера решили опубликовать некоторые истории из его биографии вместо того, чтобы долго и скучно «распространяться о нем повестию»[27]. Ведь «что возбуждает более души, как не нечто редкое и блистательное? Одно слово иногда изобразует характер героя. Одно слово иногда лучше самых длинных нравоучений»[28]. За несколько лет до статьи «Жизнь сочинителя» Державин писал к издателям журнала «Санкт-Петербургский вестник» о полезности и приятности анекдотов, «рассыпанных» в литературных произведениях: анекдот «приятен, потому что избранное и коротко описанное повествование не делает никакому читателю скуки, но, так сказать, мимоходом, его утешает. Полезен для того, что он оживляет историю, украшает ее и содержит и делает своими заметками удобопродолжительнейшею в памяти. Лучшие древние писатели нарочно собирали сие сокровище. Они умели его рассыпать по своим сочинениям и учиняли себя бессмертными. Многие из новейших мужей со славою им последуют. Потому, может быть, и сухи кажутся летописи те, в коих не блистает сей драгоценный бисер»[29].

Вероятно, точка зрения, выраженная в письме 1780-х гг., получила свое претворение почти десять лет спустя в совместном издании басен Хемницера.

В биографических анекдотах на первом плане стоит не столько комизм ситуации, сколько характеристика отдельного человека в неожиданной ситуации, которая обнажает какую-либо черту его поведения или внутреннего мира и позволяет, таким образом, увидеть эту личность заново[30]. В «Жизни сочинителя» главным являются не сами комические ситуации, в которых описан Хемницер, а бытовой колорит, психологическая достоверность характера друга. Если рассмотреть второй анекдот о происшествии во время обеда, когда Хемницер после небольшой оплошности «бежал вон»[31], то эта реакция вполне объяснима. Хемницер сам признавался, что чувствует себя уютно только в кругу друзей, людей, с которыми не надо притворяться и можно быть самим собой: «Друг мой, ты знаешь, что я только *я* с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут сам знаешь, шутить неловко»[32].

Попытавшись пошутить в обществе благодетеля, «к которому Хемницер имел великое уважение» (в полезности мастерски употребленной шутки в высшем обществе его убеждал Львов[33]), и поняв нелепость повторного рассказа, сконфуженный Хемницер бежал. Однако, придя в себя и осознав всю комичность своего поведения, он возвратился и помог «приятелям своим смеяться над собою»[34].

Для кого-то использование таких анекдотов в предисловии к посмертному изданию произведений друга может показаться странным. Но ведь понимание анекдотов зависит от знания того круга, в котором вращались эти люди. Имеются в виду, и издатели, и сам «издаваемый». Хемницер и его друзья принадлежали одному литературному кружку, именно царив-

[26] *Гуковский Г. А.* Костров // История русской литературы: В 10 т. Т. 4. Ч. 2. С. 463.
[27] Сочинения и письма Хемницера. С. 39.
[28] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 2. Л. 136—136 об. Автограф, черновой набросок.
[29] Там же.
[30] *Курганов Е.* Литературный анекдот пушкинской эпохи. С. 24.
[31] Сочинения и письма Хемницера. С. 39.
[32] Там же. С. 77.
[33] О таких советах сам Хемницер писал Львову: «Ты говоришь, для чего я иногда в письмах моим к сим господам [illegible] пристойно не подшучу?» (Там же).
[34] Там же. С. 39.

шая в нем обстановка[35] и повлияла на акцентирование этих анекдотов, и на выбор материала для «Жизни». Об атмосфере, в которой шутка и розыгрыш были обычным явлением, свидетельствуют письма друзей. Не вдаваясь в подробное их описание, заметим лишь, что семантика намеков, пародийные элементы, каламбуры, шутки передают естественность и непринужденность в общении и отношениях друзей. О постоянных розыгрышах и положительной реакции на них Хемницера вспоминала много лет спустя и Елизавета Львова, дочь лучшего друга баснописца: «...был самый близкий знакомый и приятель всему кругу моих родителей; его все любили, почитали как добрейшего человека; кротости был необыкновенной, <...> часто друзья <...> много подобных делали над ним шуток; он все с великим терпением выносил и кроткою улыбкой наказывал тех, которые поднимали его на смех...»[36]

Главное кредо полных юмора отношений в данном кружке, выражено, вероятно, наиболее точно в «Записной книжке» старейшего из друзей Г. Р. Державина. Этой цитатой и хотелось бы закончить данную статью: «Я думаю, та только шутка хороша, которая происходит от простоты сердца между равного состояния людей и приносит за собою взаимное удовлетворение»[37].

[35] Ср.: *Марасинова Е. Н.* И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. Сборник 24. СПб., 2006. С. 249—250.
[36] Рассказы, заметки и анекдоты из Записок Елисаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. Т. 28. № 6. С. 342.
[37] ОР РНБ. Ф. 247. Т. 2. Л. 137. Мысли из записной книжки Державина.

Е. В. Ефремова

Родственное окружение Львова

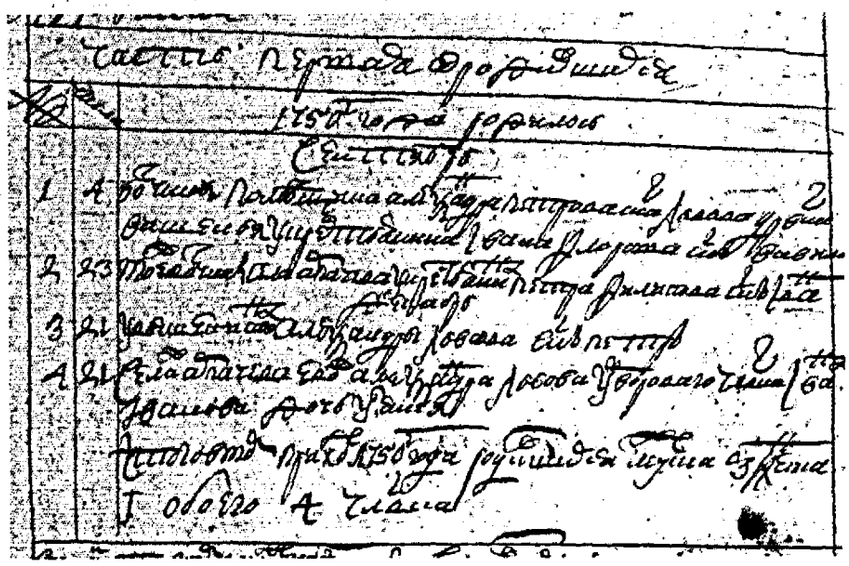
Предметом данного исследования являются некоторые представители «арпачевской» ветви рода Львовых.

1. Петр Александрович Львов

В «Родословном сборнике...» В. В. Голубцова и В. В. Руммеля[1] среди детей Александра Петровича Львова называется только сын Николай. То же мы видим и в «Генеалогии господ дворян...» М. П. Чернявского[2]. В книге «Род Львовых», в основу которой, согласно информации об источниках, вошли также сведения из «Генеалогии Львовых» Ж. Феррана, приведены четверо детей в семье Львовых: дочери Надежда (25.11.1747—14.08.1822), Мария (род. ок. 1750), Евдокия (или Елизавета, род. ок. 1751) и сын Николай (4.05.1753—21.12.1803)[3].

Однако в метрической книге церкви Николая Чудотворца села Арпачева за 1750 г. в части первой «О родившихся» содержится запись: «Декабрь 21. У выше писанного Александра Львова сын Петр»[4]. Содержание предшествующих записей в разделе указывает на «помещика Александра Петрова сына Львова, и «вотчины его село Арпачево». Таким образом, жена Прасковья Федоровна дарила Александру Петровичу не только дочерей, и в семье Львовых было, по крайней мере, пятеро детей. Вероятно, Петр умер в младенчестве, так как в исповедной ведомости церкви Николая Чудотворца села Арпачева за декабрь 1753 г. среди перечисленных Львовых Петра нет[5].

Запись о рождении Петра Александровича, с одной стороны, дополняет родословную Львовых, с другой стороны, ставит под сомнение предположительную дату рождения дочери Марии в 1750 г.



Запись о рождении П. А. Львова в Метрической книге церкви Св. Николая, с. Арпачево

[1] *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. Электронное издание.

[2] Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложением / Сост. М. Чернявским. Тверь, [Б. г.].

[3] *Львова А. П., Бочкарева И. А.* Новоторжский родословец. Вып. 1: Род Львовых. Торжок, 2003. С. 20—28. Далее: Род Львовых.

[4] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 21889. Л. 119.

[5] Там же. Ед. хр. 18032. Л. 237. См: *Дмитриева Г. М.* Документы Государственного архива Тверской области о Н. А. Львове // Гений вкуса. Тверь, 2001. С. 9.

2. Елизавета Александровна Львова, в замужестве Свечина, и ее потомки

Неясным является также вопрос о дате рождения дочери Елизаветы. Авторы книги «Род Львовых» высказывали вполне обоснованное предположение о рождении Елизаветы после 1753 г.[6], а не в 1751 г., так как, согласно исповедной ведомости 1753 г., среди дочерей Львовых значится Евдокия двух лет[7]. Местом рождения Елизаветы вряд ли было родовое имение: хранящиеся в ГАТО метрические книги церкви Николая Чудотворца села Арпачева за 1751, 1754, 1755, 1758, 1760 гг. не содержат записей о ее рождении[8].

Косвенно предположение авторов «Рода Львовых» подтверждается сведениями о рождении детей у Елизаветы Александровны, в замужестве Свечиной. По воспоминаниям ее внучки Надежды Ивановны Мердер, урожденной Свечиной, известной писательницы-романистки, у Елизаветы Александровны было трое сыновей: Василий, Егор, Иван. Второй сын Егор родился в 1796 г., соответственно, вероятная дата рождения Василия — 1795 г. Если Елизавета Александровна (она же Евдокия) родилась в 1751 г., то старший сын (Василий) появился у нее, «молодой барыни», в 44-летнем возрасте.

В своих воспоминаниях Надежда Ивановна создает малопривлекательный образ мужа Е. А. Свечиной — Василия Карповича Свечина, богатого тверского помещика, растратившего свое состояние и тоже довольно рано умершего. Возможно, это обусловлено стремлением автора противопоставить духовный склад семей Львовых и Свечиных. «Дедушка Василий Карпович Свечин был человек нехозяйственный и нерасчетливый, большой хлебосол, затейник дорогих развлечений во вкусе тогдашнего времени и далеко не примерный муж. Бабушка была с ним несчастна. Старики и старухи, которых мы застали в живых в родовом нашем имении Смердове (некогда богатом селе в несколько тысяч душ крестьян и так быстро растаявшем в руках деда, что от него остался только клочок земли с флигелем да запущенный уголок некогда роскошного парка), старики эти нам рассказывали про горькую жизнь молодой барыни Елизаветы Александровны, как она забивалась на полати в детской, чтобы не встречаться с веселым обществом мужа»[9]. Умерла Е. А. Свечина, вероятно, не позднее 1802 г., когда Егору, по воспоминаниям Н. И. Мердер, было шесть лет, а младшему — Ивану — пять.

Сведения об разоренных детях Свечиных имеют документальное подтверждение: в 1811 г. (в 6-ю ревизию) у малолетних Павла (Василия), Ивана, Егора в сельце Смердове было 68 душ[10], тогда как в 1795 г. за их отцом числилось 392 души[11]. Как родовое имение Смердово перестало существовать еще в XIX в.[12]

Осиротевшие дети были призрены Львовыми и Державиными. Биографические сведения об одном из них — Егоре Васильевиче Свечине (1796——7.06.1831), подпоручике корпуса топографов, содержатся, со ссылкой на документы ГАРФ[13], на сайте «Русская национальная философия в трудах ее создателей». Е. В. Свечин происходил из дворян Тверской губернии, отец —— гвардии прапорщик Василий Карпович Свечин, мать —— Елизавета Александровна NN. Е. В. Свечин воспитывался во 2 кадетском корпусе, выпущен прапорщиком в 21 артиллерийскую бригаду (25.08.1817), подпоручик (12.06.1822), переведен в свиту по квартирмейстерской части с зачислением в корпус топографов (14.06.1822). Проходил по делу декабристов: арестован ночью 14 декабря 1825 г. на Дворцовой площади, куда ходил отыскивать братьев Львовых по просьбе их родственников. Следствием было установлено, что никакого отношения к движению декабристов не имел. По высочайшему повелению освобожден с оправдательным аттестатом (7.01.1826). Переведен в Несвижский полк поручиком (29.11.1826), участвовал в подавлении польского восстания в 1831 г., был штабс-капитаном и адъютантом резервного корпуса войск под начальством цесаревича Константина Павловича. Убит в бою 7 июня 1831 г.

---

[6] Но не позднее 1770 г., так как ее отец Александр Петрович умер 4 ноября 1769 г.

[7] Род Львовых. С. 28.

[8] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 21890, 21891, 21892, 21893, 21894.

[9] *Мердер Н. И.* Из далекого прошлого (Тетушка Вера Николаевна Воейкова) // Исторический вестник. 1906. № 11. С. 403.

[10] ГАТО. Ф. 312. Оп. 4. Ед. хр. 14506. Л. 396.

[11] Род Львовых. С. 28.

[12] См.: *Мердер Н. И.* Из далекого прошлого.

[13] ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 163.

На военной службе состоял и Иван Васильевич Свечин: польское восстание 1830—1831 гг. застало его, по воспоминаниям дочери Н. И. Мердер, при штабе великого князя. О поездке в Польшу говорит и другой документ. В 1825 г. Иван Васильевич отдыхал на курорте Андреапольские минеральные воды. Книга посетителей содержит запись о прибытии его 5 июля и отъезде спустя полтора месяца в Варшаву[14]. Данная запись интересна тем, что сообщает чин И. В. Свечина — подполковник, кавалер, и подтверждает службу в «резервном корпусе войск, состоящих под начальством его высочества».

Интересно, что время пребывания Ивана Васильевича на курорте совпадает с пребыванием здесь же его двоюродного брата — Александра Николаевича Львова, сына архитектора Н. А. Львова. Он прибыл вместе с супругой Натальей Николаевной, урожденной Мордвиновой, спустя два месяца после заключения брака — запись об этом также содержится в книге посетителей[15]. Даты отъезда Львовых и Свечина с Андреапольских минеральных вод совпадают.

Близкое общение Львовых и Свечиных на протяжении многих лет можно проследить по переписке[16], подтверждается оно и воспоминаниями Н. И. Мердер: «Других родных, кроме Львовых, наш отец не знал, и растили нас в чувствах любви и благодарности к Львовым, в особенности детям Николая Александровича»[17].

Многие представители рода Львовых, факты их жизни и судьбы представляют несомненный интерес для исследователей. Богатые культурные, духовные и семейные традиции рода, его взаимодействие с другими интересными родами требуют пристального рассмотрения, и, по возможности, восполнения пробелов в истории рода, подарившего нам «гения вкуса» и целую плеяду одаренных соотечественников.

[14] ГАТО. Ф. 802. Оп. 1. Ед. хр. 1403. Л. 20.
[15] Там же.
[16] См.: Письма Александра Николаевича Львова... // Род Львовых. С. 189.
[17] *Мердер Н. И.* Из далекого прошлого. С. 404.

Из тверских пушкинских мест

С. С. Кузин

К тверскому окружению Пушкина

Интерес к пушкинскому окружению в Тверском крае привел нас в Государственный архив Тверской области. По словам М. А. Ильина, «здесь под огромным давлением спрессована ушедшая жизнь»[1]. Давно теплилась искра надежды — среди миллионов документов отыскать нечто забытое о судьбах людей, знавших А. С. Пушкина на старицкой земле.

Среди дел, наиболее близких к периоду пребывания поэта в поместьях Вульфов, меня интересовали клировые ведомости 1828 г. и исповедные ведомости Старицы и Старицкого уезда 1830 г. Исповедные ведомости Старицы и Старицкого уезда 1830 г. представляют собой огромный фолиант высотой чуть меньше метра, весом более 15 кг. В нем сшито около двух тысяч рукописных листов, обложка обтянута кожей.

Священники села Бернова Иоанн Михайлов Тобольский и Стефан Андреев Смирнов в клировой ведомости 1828 г. пишут: «В селе церковь во имя Успения Божия Матери, построенная в 1687 году, с двумя вновь строящимися приделами во имя Живоначальныя Троицы и Святителя Николая Чудотворца, в ее приходе состоит 473 двора, в них прихожан мужского пола 1846 и женского 1991 душа»[2].

В исповедной ведомости 1830 г. перед взором проходят имена дворян и дворовых людей, многодетные обитатели крестьянских дворов, бобыли и вдовы с сиротами, отставные солдаты и солдатки. Вот и приход села Бернова. Итоговые записи о прихожанах священнослужители и причетники подписывали и скрепляли их присягой: «А сверх вышеписанного в том нашем приходе села Бернова прописанных никого не имеется и в означенных дворах, кроме тутошних жителей, пришлых никакого чина и возраста людей под укрывательством не обретается и противящихся Святой церкви раскольников нет, и которые в сей ведомости исповедовавшимися и причастившимися показаны, те все подлинно исповедовались и Святых Таин причастились. Буде же из оного нашего показания утайка или прикрытие, за то повинны мы все не только извержением чинов своих, но и жестокому в гражданском суде истязанию»[3].

Спешу найти сельцо Павловское, в котором Александра Сергеевича принимали как родного. Читаю: «В сельце Подлизаево (Павловское) жительство имеет подпоручик Павел Иванов сын Вульф, 56 лет — на исповеди и у святого причастия был, с женою его Фридерикой Ивановой, 36 лет — на исповеди не была, веры католической»[4]. Эти записи произвел священник Стефан Андреев Смирнов, 62 лет — дядя Екатерины Евграфовны Смирновой (в замужестве Синицыной), рассказавшей В. И. Колосову о своих встречах с Пушкиным. Согласно клировых и исповедных росписей села Бернова, Смирнова в селе постоянно не жительствовала, а лишь приезжала в гости к своему дяде-священнику, бывала и в доме Павла Ивановича Вульфа[5].

Переписываю имена павловских дворовых людей, а в голове воспоминания о Дуне Прокофьевой, чистый и звучный голос которой полюбился Пушкину, когда она исполняла для него простые русские народные песни. Прельстившись красотой и голосом Дуни, помещик Миллер просил у Павла Ивановича уступить ему крепостную, на что Вульф ответил: «Что вы, дорогой мой, как это можно. Ведь ее любил слушать Пушкин»[6]. И вот первое маленькое открытие. Документально подтверждается, что Дуня проживала в сельце Павловском: «[двор] солдатка Анна Данилова — 51 год. Дети ее в крестьянстве рожденные: Тимофей — 28 лет, Николай — 24 года — Фадеевы. Тимофеева жена Авдотья Прокопиева — 30 лет»[7]. Детей у Дуни до 1834 г. не было. Ее свекровь Анна Данилова в исповедных ведомостях 1834 г. не записана: видимо, умерла. Как сложилась будущая жизнь Дуни, могут показать дальнейшие исследования. Отметим, что в соседстве с Дуней Прокофьевой в Павловском жительствовала «тверская мещанка вдова Анна

---

[1] Государственный архив Тверской области. Путеводитель. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1998. Ч. I. С. 4.

[2] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 16211. Л. 83.

[3] Там же. Ед. хр. 17284. Л. 289 об.

[4] Там же. Л. 295.

[5] В исповедных ведомостях не отмечено, что Смирнова (Синицына) была воспитанницей Павла Ивановича Вульфа. Сравн. запись о воспитаннице в семье Вельяшевых.

[6] *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край. Калинин: Московский рабочий, 1985. С. 71.

[7] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 295—295 об.

Иванова — 35 лет, дети ее: Александр — 12 лет, Николай — 6 лет и Евдокия — 11 лет, Николаевы», а также проживал «старицкий мещанин Александр Захаров Ледьянский, холост — 27 лет»[8]. Несомненно, эти лица могли видеть Пушкина и даже с ним общаться.

Вторая удача — удалось узнать, что наряду с известными деревнями Глазуновой, Гремихой и Тереховой, у Павла Ивановича Вульфа в 1828 г. была во владении деревня Веригина Гора, или Верягин Городок[9]. Располагалась она в четырех верстах от Старицы, на берегу Волги, северо-восточнее современной деревни Липино[10]. В ней были крестьянские дворы Ивана Лифантиева и Макара Павлова. Входила деревенька в приход села Семенова Городка. После 1829 г. она не упоминается, так как произошло объединение ее с близлежащей деревней Липиной или перенос дворов. Но хотя указанные дворы были причислены к деревне Липиной, они продолжали оставаться в вотчине Павла Ивановича Вульфа и в составе прежнего прихода[11]. Другие же липинские дворы относились к приходу села Перхурова. Местность деревень Веригиной Горы и Липино гористая, в народе эти места прозваны Старицкой Швейцарией. По пути из Старицы Пушкин мог любоваться этими дивными картинами природы. Кто знает, быть может, именно здесь в 1829 г. родились его знаменитые строки:

По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки...[12]

Далее следует сказать о Курове-Покровском. По воспоминаниям А. Н. Панафидиной, имение ее бабушки и дедушки «имело счастье неоднократно видеть в своих стенах гениального поэта... Он работал над седьмой главой „Евгения Онегина" в цветной комнате, выходящей в сад»[13]. В 1830 г. священник Иоанн (Тобольский) пишет: «Сельцо Покровское, в нем жительствует капитан-лейтенант и кавалер Павел Иванов Понафидин — 45 лет, жена его Анна Иванова — 45 лет, дети их: Иван — 13 лет, Михаил — 12 лет, Николай —10 лет, Анна — 8 лет, Наталия — 5 лет. На исповеди и у святого причастия были». Далее отец Иоанн перечисляет имена крестьян «вотчины капитан-лейтенантши Анны Ивановой Понафидиной в деревне Кожевникове»: в 16 дворах 66 мужских душ и 71 женских; «той же вотчины в деревне Подол крестьяне»: в 15 дворах 45 мужских душ и 52 женских. Дворовые люди сельца Павловского Анны Панафидиной и другие 17 дворов ее деревни Подол с 63 крестьянами мужского пола и 78 женского состояли в приходе второго священника села Бернова Стефана Смирнова.

Кстати, в 1828 г. в вотчине Павла Ивановича Панафидина были крестьяне в деревне Июдихе: 8 дворов, 28 мужского пола и 27 женских душ[14]. Он же в селе Михайловском имел дворовых: 1 двор, 1 душа мужского пола и 2 женского; а в версте от села, в сельце Козлове за ним крестьян: 6 дворов, 35 мужеского пола и 32 женского[15].

Брат Павла Ивановича Панафидина морской капитан Захар Иванович совершил два морских перехода в Русскую Америку: будучи лейтенантом, на корабле «Суворов» в мае 1817 — апреле 1818 г., и на корабле «Бородино» в августе 1820 — марте 1821 г. Он открыл два острова в Океании, которые назвал именем Суворова, позже переименованные в остров Панафидина и остров Бородино[16]. Под его началом в экипаже судна «Бородино» был будущий адмирал флота Петр Егорович Чистяков — брат его жены Александры Егоровны. Свадьба З. И. Панафидина состоялась после похода в Америку в октябре 1821 г. В родовой вотчине Панафидиных, в селе Нестерове Старицкого уезда Захар Иванович в 1828 г. имел «дворовых людей: 1 двор, 3 мужского пола душ и 5 женского; крестьян: 17 дворов, 44 мужского пола душ и 48 женского». Похоронив в Кронштадте переаттестованного в подполковника[17] Захара Ивановича, его жена с детьми в

---

[8] Там же. Л. 333 об.

[9] Там же. Ед. хр. 16211. Л. 152 об.

[10] Согласно Алфавиту межевых дач Старицкого уезда 1804 г. д. Веригина Гора состояла в межевой даче № 75 (ГАТО. Ф. 852. Оп. 1. Ед. хр. 11919. Л. 12 об.). На карте Старицкого уезда Межевого атласа Тверской губернии (Менде) 1853 г. в даче № 75 она не указана по вышесказанным причинам.

[11] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 507.

[12] *Пушкин А. С.* Сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1955. Т. 3. С. 575.

[13] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. С. 100.

[14] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 16211. Л. 163. Приход села Васильевского.

[15] Там же. Л. 128 об. Приход села Михайловского.

[16] *Першин А. А.* Под Андреевским флагом в Южных морях. М.: Academia, 2002. С. 275, 277.

[17] Удар по самолюбию отважного морехода, его попросту унизили.

последующие годы переехала в усадьбу мужа. Об этом свидетельствуют записи в исповедных ведомостях Старицы и Старицкого уезда за 7 августа 1834 г.: «В селе Нестерове вдова подполковница Александра Егорова жена Панафидина — 46 лет, дети ее: Анна — 11 лет, Георгий (Егор) — 8 лет, Петр — 5 лет. Дворовые их люди: 10 мужского пола души 11 женского. Означенной помещицы Панафидиной в оном же селе крестьяне: 13 дворов, 54 мужеского пола душ и 48 женского»[18]. Сыновья пошли по стопам отца и тоже стали морскими офицерами. В ГАТО сохранилось дело о дворянстве лейтенанта Петра Захаровича Панафидина, по которому можно проследить дальнейшую судьбу его, жены и детей[19]. В 1875 г. лейтенант Петр Панафидин проживал на станции Воейховской Шленско-Сызранской железной дороги Пензенской губернии. Мичман Егор Захарович прослужил на флоте 12 лет, умер в возрасте 25 лет. Свой последний приют он нашел у стен церкви во имя Успения Божьей Матери села Нестерова[20].

В 1828 г. в селе Михайловском жительствовал еще один брат — флота капитан 2 ранга Всеволод Иванович Панафидин, который с братом Захаром на корабле «Бородино» участвовал в морском переходе 1820—1821 гг.[21]

Из сельца Курова-Покровского дорога ведет в сельцо Васильки прихода села Васильевского[22]. Архивные дела говорят о том, что здесь проживало семейство старицкого исправника Вельяшева. Священник Иоанн (Иванов) в 1830 г. сообщает, что на исповеди и у святого причастия были сельца Васильки «помещица вдова Екатерина Петрова Вельяшева — 73 года, сын ее штаб-ротмистр Василий Иванов Вельяшев — 48 лет, жена его Наталья Иванова — 48 лет, дети их: Екатерина — 17 лет, Иван — 14 лет, Александр — 12 лет, Николай — 8 лет. Воспитанница их девица Александра Алексеева — 20 лет. Учительница их девица Александра Алексеева — 26 лет»[23]. Вотчина господ Вельяшевых была незначительна. Так, в 1828 г. в сельце Васильки дворовых людей: 27 мужского пола душ и 30 женского; в деревне Коробьине крестьян: 26 дворов, 100 мужского пола душ и 81 женского[24]; в деревне Патроково крестьян: 19 дворов, 81 мужского пола душа и 82 женского[25].

Из Васильков семья Вельяшевых в крещенские праздники 1829 г. приехала на бал в Старицу. Не исключено, что на бал с ними приезжали и обе Александры — учительница и воспитанница. Хотя на балу Пушкин-Мефистофель флиртовал с Екатериной ради того, чтобы побесить ротмистра Ивана Петровича Вульфа[26], но запала она в душу поэта еще во время первой встречи в 1828 г. В «Романе в письмах» с ней связывают образ Машеньки: «...стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе, она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворовыми собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует вареньем. У нее я нашла целый шкап, наполненный старинными романами». О своем знакомстве с Катенькой Вельяшевой Пушкин писал своей жене Наталье Николаевне в письме от 21 августа 1833 г.: «Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве[27]. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу». Портретные черты Василия Ивановича Вельяшева отразились, возможно, в образе исправника из повести «Дубровский»: «...высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах»[28].

Исследовав опись церкви села Бернова, я нашел любопытные факты дарения исправником Вельяшевым храму в 1828 г. серебряной малой лампады сканной работы, а в 1829 г. двух венцов медных луженых, на которых четыре образа: Креста Спасителя, Божией Матери, Ио-

---

[18] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17285. Л. 1353 об. — 1355.
[19] ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3267.
[20] *Крылов И. П.* Достопримечательности в уезде. Старица, 1915. С. 93.
[21] О жизни В. И. Панафидина в Михайловском см.: ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 16211. Л. 128 об. Об участии в морском переходе см.: *Модзалевский Б. Л.* Понафидинский летописец // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. Запись № 81.
[22] В настоящее время это деревня Васильево Торжокского района.
[23] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 488 об.
[24] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 16211. Л. 163. Клировая ведомость села Васильевского Старицкого уезда 1828 г.
[25] Там же. Л. 86. Клировая ведомость села Бернова Старицкого уезда 1828 г.
[26] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827—1842 годов. Тверь: Вся Тверь, 1999. С. 71.
[27] Вельяшевы жили в сельце Васильки, а не Мариничи, которое в годы приезда Пушкина, как показывают клировые и исповедные ведомости Старицы и Старицкого уезда за 1828, 1829, 1830, 1834 гг., не существовало (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 16211, 17284, 17285, 20657, 32715).
[28] *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 5. С. 159.

анна Предтечи и Равноапостольных царей Константина и Елены[29]. Дочь Екатерина была на выданье, и отец заранее побеспокоился о венцах. Но венцы понадобились лишь в апреле 1834 г. при браке Екатерины Вельяшевой с Александром Жандром. Хотя Вельяшевы и состояли в приходе села Васильевского, но благоволили к берновской церкви. В 1840 г. штаб-ротмистр Вельяшев опять сделал дорогие приношения:

1. Св. потир серебряный с позолотою с четырьмя резными образами: Креста, Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи с вырезанною надписью: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите». При нем: Св. дискос серебряный с позолотою с резными изображениями: вверху сияния с надписью: «Бог Дух Св.», в середине агнца, а по сторонам двух ангелов с надписью: «Се Агнец Божий вземляй грехи мира». «Звездица серебряная» с позолотою с резными изображениями: вверху Всевидящее Око, а по сторонам Святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и Николай Чудотворец. Ложка серебряная с позолотою. Два блюдца серебряные с позолотою с резными изображениями: на одном крест с надписью: «Кресту твоему покланяемся, Владыко»; а на другом Знамение Божией Матери с надписью: «Достойно есть яко воистинну». Губка греческая. Ковшичек серебряный с позолотою для теплоты.

2. Дароносица серебряная, позолоченная с наружной стороны с чернью, с таковым же крестом вверху, с изображениями на ней: Распятия Господня, Божией Матери и Иоанна Богослова, а вверху Господа Саваофа. В ней устроено место: вверху для Св. даров и внизу для потира и ложки[30].

В поисках других знакомцев Пушкина изучаем сельцо Покровское, что в пяти верстах от села Рясны. Приходской священник в клировой ведомости 1828 г. указывает: «В нем жительствует титулярная советница Авдотья Сергеева Борисова. У нее в семействе: 1 двор, 1 мужеского пола и 2 женского. При ней дворовых людей: 6 мужского пола и 9 женского». Помимо сельца Покровского, Авдотья Борисова имела в том же приходе крестьянские вотчины: в деревне Мининой 11 дворов, 24 души мужского пола, 26 женского; в деревне Буяковой 4 двора, 9 душ мужеского пола и 12 женского[31]. Этот же священник в 1830 г. пишет, что на исповеди и у святого причастия были: «Сельцо Покровское, в нем жительствует помещица Авдотья Сергеева Борисова — 57 лет и дочь ее Марья Васильева — 22 года»[32]. Многие пушкинисты считают, что эта Мария Васильевна Борисова и есть «цветок в пустыне, соловей в дичи лесной», о которой Пушкин писал из сельца Малинников в письме к Алексею Вульфу 27 октября 1828 г.[33] Считается, что, будучи сиротой (отец ее умер в 1822 г.), Мария воспитывалась в сельце Соколове у статского советника Петра Ивановича Вульфа[34]. Церковные же документы 1828—1830 и 1834 гг. это не подтверждают. Во время пребывания Пушкина в вульфовских вотчинах она проживала с матерью. С. Ржеутский, ссылаясь на архив священника Василия Миролюбова, называет другую Марию Борисову, но его доводы кажутся надуманными[35]. Вызывает сомнения и публикация об альбоме Машеньки Борисовой[36]. Бесспорно то, что в черновых набросках «Капитанской дочки» Пушкин героиню повести Машу Миронову назвал первоначально Марьей Горисовой. Уместно привести слова Т. Г. Цявловской: «Была у Пушкина такая манера — вводить имя девушки, ему понравившейся, в литературное произведение»[37]. А Машенька ему явно нравилась, ведь не случайно он далее в письме писал: «...намерен на днях в нее влюбиться».

Нужно сказать, что с усадьбой Покровское и деревней Минино связана история бунта в 1827 г. крепостных поручика Ивана Ивановича Вульфа в селе Берново и деревне Ворапуни[38]. Дело в том, что следствие в качестве подстрекателя крепостных к возмущению назвало беглого крестьянина помещицы А. С. Борисовой Гурия Акинфиева. Приговором от 25 июня 1827 г.

---

[29] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 31147. Л. 13, 22.
[30] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 31147. Л. 17 об. — 18, 19 об.
[31] Там же. 1. Ед. хр. 16211. Л. 172 об.
[32] Там же. Ед. хр. 17285. Л. 1529 об.
[33] Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 183.
[34] *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край. С. 21.
[35] *Ржеутский С.* А. С. Пушкин в усадьбе Соколово // Тверская старина. 1999. № 19.
[36] *Пикеев И.* Альбом Машеньки Борисовой // Я ехал к вам...: Сборник статей о пребывании А. С. Пушкина на Старицкой земле. Старица: Старицкая типография, 2006. С. 272, 273.
[37] *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1987. С. 216.
[38] *Ильин М. А.* Бунт крепостных в с. Бернове в 1827 году / Я ехал к вам... С. 137—148.

комиссия военного суда, учрежденная в селе Бернове, предписала: «Когда Акинфиев отыскан и представлен будет, то предать его строжайшему суждению как первого и главного начинщика возмущения, сужденного уже за ложное прошение на свою помещицу»[39]. Приговор утвердил тверской гражданский губернатор Борисов. Но Гурий Акинфиев, несмотря на грозные распоряжения и старания берновских, страшевских и рясненских десятских, так и не был найден. Это подтверждает запись рясненского священника Николая (Иванова) в 1830 г.: «Деревни Минино госпожи Авдотьи Сергеевой Борисовой крестьяне: Гурий Акинфиев, вдов — 58 лет. У него дети: Иермий — 16 лет, Матвей — 12 лет, Тихон — 8 лет. На исповеди и у святого причастия не были, в бегах». Народная молва передавала, что Акинфиев скрывался в лесах около деревни Минино, но, скорее всего, он затерялся среди многочисленных старицких промысловиков в Питере или Москве. В сельце Покровском показан проживающим дворовый человек Стефан Гурьянов — 23 лет с женой Евдокией Федоровой — 21 года. Возможно, это старший сын и невестка Гурия Акинфиева[40].

Вслед за этим захотелось выяснить судьбы других восставших против угнетения крестьян. Это удалось благодаря сохранившимся исповедным ведомостям 1830 г. и следственному делу военного суда в Бернове 1827 г. В июне 1827 г. по решению комиссии военного суда, утвержденному гражданским губернатором Борисовым, наиболее активных во время бунта отослали в Сибирь и подвергли жестокому телесному наказанию.

Филиппа Федорова, 27 лет, за «ложное прошение на имя господина губернского предводителя на помещика и по сие время в упорстве неповиновения пребывающего с ожесточением до такой степени, что пред судом объявил: „Куда хочешь меня день!“», наказали 500 шпицрутенами, прогнав сквозь строй, и сослали в Сибирь[41]. Его жену Неонилу с детьми в селе Бернове приютил брат. По записи 1830 г. на его дворе проживали: «Макар Федоров — 41 год, жена его Катерина Антонова — 39 лет, дети их: Елизавета — 17 лет, Варвара — 15 лет, Петр — 13 лет, Иван 7 лет, Матрена — 3 года. Сноха их Неонила Лукина — 37 лет, дети ее: Пелагия — 7 лет, Матвей — 5 лет, Стефан — 3 года»[42].

Григорья Меркулова, 29 лет, как активного участника бунта и «объявившего с дерзкой отважностию решительно, что слушать не хочет» несправедливый приговор суда, наказали 500 шпицрутенами, прогнав сквозь строй, и отправили в Сибирь[43]. Не выдержав истязаний, он вскоре умер, поскольку его жена в 1830 г. записана вдовой. Семью страдальца взял под свою крышу наказанный розгами брат Степан, а также совместно с ним проживающие другие братья и сестры, об этом гласит исповедная ведомость 1830 г.: «В селе Бернове крестьяне: Авдотья — 28 лет, Стефан — 25 лет. Феодосий — 25 лет, Устиния — 17 лет, Агрипена — 10 лет — Меркуловы. У Стефана жена Васса Хрисанфова — 27 лет, дети их: Димитрий 4 года, Пелагия — 1 год. Сноха их вдова Мавра Самсонова — 31 год, дети ее: Михайла — 6 лет, Илья — 3 года — Григорьевы»[44].

Степана Ларионова наказали 500 шпицрутенами, прогнав сквозь строй, и оставили в вотчине помещика.[45] В 1830 г. его семья была в следующем составе: «Стефан (Степан) Ларионов — 42 года, жена его Катерина Савельева — 51 год, дети их: Руф — 26 лет, Марья — 17 лет, Степанида — 13 лет. Руфова жена — Дарья Александрова — 23 года, дочь их Анастасия — 1 год»[46].

Федор Гаврилов, наказанный 250 шпицрутенами сквозь строй, тоже был оставлен в вотчине помещика. В 1830 г. 44-хлетний Федор Гаврилов жительствовал в селе Бернове с женой Матреной Евдокимовой — 48 лет и приемным сыном Ильей — 19 лет[47].

Прогнав сквозь строй, 500 шпицрутенами наказали Ивана Евстигнеева и оставили в вотчине Вульфа. В 1830 г. он с семьей жил в Берново: «[Двор] Иван Евстигнеев — 36 лет, жена

---

[39] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 265.
[40] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 1539 об.
[41] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 264 об.
[42] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 285 об.
[43] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 264—264 об.
[44] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 284.
[45] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 264 об.
[46] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 283.
[47] Там же. Л. 282.

его Матрона Григорьева — 36 лет, дети их: Федосья — 17 лет, Екатерина — 14 лет, Марья — 10 лет, Андрей — 3 года»[48].

Активный участник бунта крестьян Прокопий Иванов «за неповиновение по молодости» был наказан розгами[49]. В 1830 г. он с женой проживал в Берново у матери: «[Двор] Вдова Параскева Алексеева — 53 года, дети ее: Екатерина — 27 лет, Прокопий — 25 лет, Параскева — 21 год — Ивановы. Прокопиева жена Ксения Силина — 25 лет»[50].

Нила Афанасьева «за причинение бесчиния смехом в храме Божии при чтении высочайшего манифеста о повиновении крестьян своим помещикам <1826 г.> для соблазну в том неповинующимся своим товарищам <...> неповиновения его помещику и ложному на него прошению, наказать на месте, в пример прочим, чрез ката плетьми и отослать в Сибирь на поселение». Но тверская уголовная палата изменила приговор, и Афанасьева наказали только 30 ударами плетьми и оставили в вотчине помещика[51]. Видимо, И. И. Вульф и власти его куда-то убрали как наиболее активного составителя прошения от имени крестьян на имя великого князя Михаила Павловича. В просмотренных нами делах его фамилия не встречается.

Как известно, жалобу на имя великого князя Нилу Афанасьеву помогал составлять старицкий коллежский регистратор Смирнов. В уездном суде он был допрошен. На вопросы следствия отвечал, что уволен от службы по болезни, и чтобы прокормить семейство, подрабатывает случайными заработками — составлением прошений и писем на своей частной квартире в доме Клушенцева. Он не отрицал своей помощи, выражая сочувствие просителям, и в прошении написал: «О недаче помещиком господином Вульф хлеба с употреблением их ежедневно на господскую работу, о чем они приносили словесную жалобу земскому суду и утруждали просьбе даже губернского предводителя, но разрешения не получили, и в неимении у себя пропитания претерпевают они, крестьяне, себе изнурение»[52]. В исповедной ведомости Борисоглебского соборного храма Старицы за 1830 г. имеется запись протоиерея Алексея Трифиллиева о семье Смирнова: «Коллежский регистратор Матвей Алексеев Смирнов — 35 лет, жена его Марфа Михайлова — 36 лет, дети их: Капитолина — 12 лет, Иван — 6 лет, Алексей — 4 года. На исповеди и у святого причастия не были по нерачению»[53].

К слову сказать, за успешное подавление бунта последовали награды. В числе награжденных отмечен и берновский священник Иоанн (Тобольский). Вот как он сам записал об этом в клировой ведомости села Бернова 1829 г.: «827 года за содействие к усмирению крестьян, возмутившихся против помещика Вульфа, по именному его императорского величества указу, объявленному Святейшему Синоду г<осподином> обер-прокурором князем Петром Сергеевичем Мещерским, награжден бархатною фиолетовою скуфьею. На что имеется от консистории за казенною печатью свидетельство»[54].

В то время как крестьяне берновской вотчины нищенствовали и терпели нужду, Иван Иванович Вульф предавался развлечениям, поручив управление имением белорусскому дворянину Осипу Андреевичу Маевскому[55]. Об этом красноречиво пишет В. В. Вересаев, Вульф «порядком растряс свое состояние, вышел в отставку поручиком и поселился в деревне. Завел гарем из крепостных девушек, прижил с ними дюжину детей, а попечение о законных детях всецело предоставил жене Надежде Гавриловне. Весь ушедши в чувственность, он стал совершенно неспособным ни к чему другому»[56]. В письме к Алексею Вульфу 16 октября 1829 г. Пушкина высказывается о нем весьма иронично: «Иван Иванович на строгом диете (<.....> своих одалисок раз в неделю)»[57]. Как в 1828, так и в 1830 г. в берновской усадьбе проживали: «Поручик Иван Иванович Вульф — 55 лет, жена его Надежда Гаврилова — 51 год, дети их: Анна — 27 лет, Николай — 14 лет»[58]. В исповедной ведомости 1834 г., наряду с указанными ли-

---

[48] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 263 об.
[49] Там же. Л. 264 об.
[50] Там же. Л. 315.
[51] Там же. Л. 263 об.
[52] Там же. Л. 63 об. — 64.
[53] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 3.
[54] Там же. Ед. хр. 32715. Л. 185—185 об.
[55] И. И. Вульф указывает О. А. Маевского в прошении в Старицкий земский суд для усмирения крестьян (ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 1).
[56] *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. 392 портрета. М.: Захаров, 2001. С. 298.
[57] Переписка А. С. Пушкина. Т. 2. С. 185.
[58] ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Ед. хр. 17284. Л. 281 об.

цами, отмечено проживание в имении их зятя подполковника Гладкова — 33 лет, с женой Екатериной Ивановой — 28 лет и детьми: Павлом — 7 лет, Софьей — 4 лет[59].

По данным 1828 г. в вотчине И. И. Вульфа селе Вернове дворовых людей: 5 мужского пола и 43 женского; крестьян: 38 дворов, 141 душа мужского пола и 144 женского. В деревне Варапуни крестьян: 25 дворов, 99 мужского пола и 88 женского[60]. В исповедных записях 1830 г. в числе его владений значится также деревня Воротища, в ней крестьян 3 двора, 13 душ мужского пола и 14 женского[61]. В Списке населенных мест Тверской губернии 1859 г. деревня Воротища уже не упоминается.

Имеются воспоминания о пребывании Пушкина в Бернове, о его встречах с Надеждой Гавриловной и ее детьми Анной и Николаем. Для нас важно другое: в ходе общения с обитателями имения поэт, безусловно, узнал о волнениях крестьян с 30 марта по июль 1827 г.[62] Можно предположить, что впечатления от этих событий повлияли на создание Пушкиным знаменитой «Истории села Горюхина» и повести «Дубровский».

Таковы наши наблюдения над пушкинским окружением в Старицком уезде, которые должны быть непременно продолжены.

Приложение

Выписки из дела
«О неповиновении
своему помещику крестьян поручика Ивана Вульф»[63]

1
1 апреля 1827 года

В Старицкой Земской суд

Старицкого помещика поручика Ивана Иванова сына Вульфа

Объяснение

Мною месяца 30 числа, то есть в среду, управляющий мой Белоруской дворянин Осип Андреев Маевский объявил мне, что крестьяне мои селений села Бернова с деревнями по приказанию моему на предмет вывозки леса для господской надобности к реке Тьме для сгонки по оной в нынешнее весеннее время в облегчение им в означенное село Берново водою в перевозке оного на означенное место, в самом лесу посланному отпиливать лес моему крепостному приказчику дворовому человеку Алексею Алексееву делали разные ослушания, не повинуясь приказанию моему; а за сим некоторые из них по наряду и вовсе на означенную вывозку не прибыли и не вывозили тот лес к предназначенному месту, уехали самовольно все без изъятия обратно домой, где так же нарочую господскую работу исправлять отказались, на которую уже и не ходят, и наконец собрались скопищем, пришли без всякого моего на сие приказания к моему дому, где так же лично от работы господской отклонились; чрез каковое их ослушание и неповиновение делали грубости не слушав моих приказаний, и делали свои между собою распоряжения, чтобы никакой господской работы не производить, даже воспрещать крестьянину Антону Самойлову для моего дома возку воды, который, между прочим, по своему усердию продолжать оную работу не оставлял...

(Л. 1)

Старицкому Земскому суду

Во время осмотра моего большой почтовой по Новоторжскому тракту дороги остановлены мною вотчины старицкого помещика Ивана Ивановича Вульфа отлучившиеся от него крестьяне Степан Ларионов и Тимофей Иванов, у коих оказались два прошения: одно написано на

[59] Там же. Ед. хр. 17285. Л. 255 об.
[60] Там же. Ед. хр. 16211. Л. 85 об.
[61] Там же. Ед. хр. 17284. Л. 286—286 об.
[62] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601. Л. 1, 265.
[63] ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Ед. хр. 2601.

высочайшее имя, а другое черновой к господину тверскому губернскому предводителю с жалобой на своего помещика, каковых крестьян с теми прошениями в оной земской суд при сем препровождаю.

Мая 7 дня 1827 года.

Исправник Вельяшев

(Л. 10)

Всеавгустейший монарх!
Всемилостивый государь!

Милость, высочайше являемая тобою не по лицеприятию, а истинною уподобляется возвышенности, и потому да удостойте, ваше императорское величество, внять дерзновенной тебе, отцу! приносимой жалобы.

Мы, крестьяне старицкого уезда помещика села Бернова Ивана Иванова Вульфа, им разно угнетенные, принесли жалобу дворянскому Тверской губернии предводителю...

Великий монарх! Когда ты благосостояние каждого подданного наблюдаешь, то не отринь и нас, в дерзновении тебе обращенному <!>, мы Вульфовы повелении исполняли и всегда готовы исполнять так, чтобы была и размерность.

Но повели предприятия его остановить.

Всемилостивейший монарх! Вашего императорского величества верноподданнейшие крестьяне помещика Вульфа

Филипп Федоров
Нил Афанасьев.

(Л. 11)

1827 мая 25 дня

Вопросные пункты,
учиненные в Старицком уездном суде для ответствования по оным коллежскому регистратору Матвею Алексееву сыну Смирнову.

Вопрос: Как вас зовут, сколько от роду лет, какой веры и ежели христианской, то на исповеди и у Святого причастия бывали ль ежегодно?

Ответ: Зовут меня Матвей Алексеев сын Смирнов, от роду мне 32 года, христианской веры, на исповеди и у святого причастия бываю.

Вопрос: В службу его императорского величества когда, куда именно поступили и когда уволены от должности, имеете ль на чин коллежского регистратора патент и в службе аттестат, знаете ль государственные узакония и поступаете ль в противных оным, не бывал ли за что под судом и в каких либо штрафах?

Ответ: В службу его императорского величества вступил в старицкой уездный суд 1812 года, где оную и продолжал до 1822 года, а по случившейся со мной болезни по просьбе моей уволен я тверским губернским правлением, с присылкою мне пашпорта на прожитие в российских городах с обозначением моего чина с моим семейством, состоящим из 5 душ, на каковой по отставке патента не имею, а пашпорт, данный мне из оного правления, хранится и с аттестатом, данным мне правящим должность старицкого уездного стряпчего, прикомандированного в сей город корчевского стряпчего Петрова, в оном же суде при деле производимом в ложном оговоре беглою девкою якобы в даче ей отпускной, по коему и оправдан. Государственные узакония знаю, в штрафах не был.

Вопрос: Старицкого уезда поручика Ивана Иванова Вульфа крестьянин Нил Афанасьев, которой с прочими крестьянами того ж господина за неповиновение помещику находится под судом, показывает, что от имени его, Нила Афанасьева, и прочих крестьян прошения, подаваемые ими на своего помещика на высочайшее имя великому князю Михаилу Павловичу, писали в городе Старице за рядами подле полиции; и потому должны объяснить, точно ль вы писали от них прошения на высочайшее имя государю императору или его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, и в чем таковые просьбы заключаются. В каком именно доме вы писали и сколько получили за труды? Против вышеозначенного должны показать самую истинную правду.

Ответ: Действительно, я по убедительнейшей просьбе старицкого уезда поручика Ивана Вульфа крестьянина со всеми мирскими людьми, бывшими в городе Старице, Нила Афанасьева за повиновение помещиком Вульфом на пропитание их имеется хлеба, и с выгона их ежедневно на господскую работу без неимения оного писал со слов его на имя великого князя Михаила Павловича, в коем было написано о не даче помещиком господином Вульфом хлеба с употреблением их ежедневно на господскую работу, о чем они приносили словесную жалобу земскому суду и утруждали просьбе даже и губернского предводителя, но разрешения не получили и в неимении у себя пропитания претерпевают оные крестьяне себе изнурение, но на имя государя императора я им просьбы не писал и кто им писал оную, я полагаю, подаватель оной должен быть известен. Взято мною за переписку денег 2 руб. для прокормления малолетних моих детей и жену по случаю нахождения моего в отставке на немалое время, кроме переписки правильных иногда и сочинения иных, я никакового ремесла не имея, перепискою одною ж, оное в доме мещанина Клушенцова, по случаю в квартире моей жены моей болезни. Которой мещанин и сам не знает, что я писал о чем и что.

Смирнов против вышеписанного показывая самую истинную правду приложил:
[подпись] Матвей Алексеев Смирнов.

Присутствовали: Судья Муромцев Федор.
Дворянский заседатель Вл. Зилов.
Старицкий секретарь Иван Гордеев.
Старицкий уездный стряпчий [подпись неразборчива].
Секретарь Куракин.
(Л. 63—64)

1827 года июня 25 дня по указу его императорского величества комиссия военного суда, учрежденная Старицкого уезда в селе Бернове помещика Ивана Вульфа над неповинующимися крестьянами по указу тверского губернского правления на основании указа 1826 года августа 10 дня рассматривала дело, сочиненную выписку и приличные законы, которые, находя по обстоятельству дела сего сходственными: уложения 2 главы 12 и 13 пункты Генерального Регламента, 54 главу воинские артикулы 21, 27, 35, 50, 52, 68, 133, 135, 137, 148, Морского устава 5 книги 9, 10, 41, 42, 54, 90 и 92 артикулы, устава управы благочиния 272 статьи 1, 6, 7 пункты, указы 1761 ноября 20, 1762 октября 8, 1763 июля 4, 1767 августа 22, 1775 апреля 28, 1797 генваря 29, высочайший манифест 1826 года маия 12, указы 1826 апреля 30 и августа 10 числ, Наказа императрицы Екатерины Второй 88 пункт, Воинских процессов 2 части 5 главы 8 и 9 пункты, указы 1763 февраля 10, 1793 декабря 9 и 1801 годов августа 8 числ, Опыта начертания всероссийского уголовного права, изданного 1815 года февраля 27 1 части параграф 199.

А по справке оказалось: что из числа сих крестьян Нил Афанасьев, по особенно поданному от помещика его прошению за причинение бесчиния смехом в храме Божии при чтении высочайшего манифеста о повиновении крестьян своим помещикам, как заключает он для соблазну в том неповинующимся своим товарищам, по выведенной справке неповиновения его помещику и ложному на него прошению, уездным судом присуждать наказать на месте в пример прочим чрез ката плетьми и отослать в Сибирь на поселение и, не приводя решения во исполнение, представлено в Тверскую уголовную палату на ревизию, которая по уведомлению комиссии г<осподином> вице-губернатором сего июня 22 числа, то решением своим заключила наказать его, Афанасьева, 30 ударами плетьми и отдать в вотчину; определена: хотя по важности дела сего и долженствовало бы на основании строгости вышесказанных существующих на сей предмет узакониев, учинить соответственно жестокое наказание; не соображаясь с законами снисхождения милосердных монархов к человечеству, здесь изображенным, вникая в сущность сокровения оного дела, находя преступление их происходящее от глупости, легковерия и крестьянской закоснелости, что доказывает грубо упорные без смысла ответы их: за повиновение будут наказаны, о чем слышал от миру, не зная от кого именно; о послушании: «как мир, так и я, присягали стоять один за другого, в чем не знает»; «приходили в земский суд на выручку своих товарищей, объявляя: не пойдем без удовлетворения, а постоявши, воротились домой», и прочее тому подобное, означающее глупость; и как видно подощрение беглого крестьянина Акинфиева, бродящего несколько лет между развратных злоумышленников, которые внушают непросвещению крестьянскому о вольности и непослушании для пьянства и

корысти собственной, которые не могши внять истины, сговорясь о неведомом, желают невозможного, не понимая сами чего, и осверепев, ответствуют подобно беснующим сим ума в иступлении; притом они во время неповиновения своего вреда и ущерба интересного не причинили более никому, как собственно себе и помещику, который их прощает, окроме Филиппа Федорова, и потому крестьянина Филиппа Федорова за ложное прошение г<осподину> губернскому предводителю на помещика, и по сие время в упорстве неповиновения пребывающего с ожесточением до такой степени, что пред судом объявил: «Куда хочешь меня день», и Григория Меркулова, также объявившего с дерзкою отважностию решительно, что слушать не хочет, то наказать Федора, имеющего от роду 27 лет, и Меркулова – 29 <лет> шпицрутенами, погнав сквозь тысячу один раз, отослать в Сибирь на поселение. Степана Ларионова – 37 лет, хотя и принесшего раскаяние, открыв о наущении Акинфиева значущих крестьян к возмущению, но и сам обличил себя участником в том, Петра Селиверстова 33 лет, Федора Гаврилова 34 лет и Ивана Евстигнеева 31 года, запирающегося по доказательству на них в том, но по открытию следствием пребывания их в то время с Акинфиевым у Василья Антонова в избе, и упорству в повиновении в последнем допросе оказанное, заслуживает в участии с ним в виде справедливости, то Степана Ларионова сквозь тысячу прогнать один раз, а Петра Селиверстова, Федора Гаврилова и Ивана Евстигнеева сквозь пять сот по одному разу и отдать в вотчину по-прежнему; Прокофья же Иванова, имеющего 21 год, и Степана Меркулова, 18 лет, за неповиновение первого по молодости лет, а последнего по тому же и замеченной глупости, наказать розгами, прочих крестьян содержащих под стражей и принесших истинно усердное раскаяние по прошении помещика, выпущены для внушения того чувства их товарищам в особенное совершенство, как видно привело их тюремное содержание и по освобождении над прочими остальными товарищами возымело полезный успех желаемого действия, которых с прочими всеми принесшими без усильного принуждения чистое раскаяние с твердым обещанием впредь так не поступать, а повиноваться помещику и властям, над ними поставленными, по-прежнему, как долг истинных христиан и российских его императорскому величеству верноподданных требует. в чем и дали подписку, то, вменяя им первым тюремное содержание, а последним воинской команды постой, на основании указа 1826 года апреля 30 дня на собственном их содержании находящихся, от суждения освободить, а когда Акинфиев отыскан и представлен будет, то предать его строжайшему суждению, как первого и главного начинщика возмущения, сужденного уже за ложное прошение на помещицу. Писавшего крестьянам просьбу отставного коллежского регистратора Матвея Алексеева Смирнова от дела особо передать для сделания решительного постановления уездному суду; и о не бывших крестьянах на исповеди и у Святого причастия передать рассмотрению духовной власти, но не приводя сего решения к исполнению подлинное дело с экстрактом и выпискою, со мнением и протоколом, при учиненной описи представить на рассмотрение и утверждение на основании указа 10 августа 1826 года его превосходительству господину тверскому гражданскому губернатору при рапорте с донесением, что подсудимые крестьяне находятся в старицкой градской тюрьме под стражею о непочитании коих на отчете сей комиссии старицкому г<осподину> городничему отнестись.

За презуса[64] уездный судья Федор Муромцев
За асессора дворянский заседатель Гордеев
За асессора дворянский заседатель Зилов
За асессора подпоручик Егоров
За асессора прапорщик Некрасов
За асессора прапорщик Трифанов.
За аудитора 10 класса Сергей Волков.

Приговор сей утверждаю, с тем что бы крестьян Филиппа Федорова, Григорья Меркулова, Степана Ларионова, Петра Селиверстова, Федора Гаврилова и Ивана Евстигнеева наказать шпицрутенами, прогнав первых троих сквозь 500, а последних троих сквозь 250 каждого один раз. Гражданский губернатор В. Борисов. 26 июня 1827 года[65].

(Л. 263—265 об.)

[64] Презус – сокращение: председатель земского уездного суда.
[65] Резолюция гражданского губернатора написана по листам 263—265.

И. В. Кощиенко

Языковские послания А. Н. Вульфу: по материалам переписки и мемуаров

Дружеское послание было широко распространено в русской поэзии первой трети XIX в. В творчестве Языкова этот жанр составляет приблизительно треть всех его лирических произведений. Послания Языкова — это эхо его размышлений, стремлений и чаяний, общих с духовно близкими людьми. Он раскрепостил язык и стих жанра послания. По словам В. И. Коровина, послание «подчиняясь единому лирическому переживанию» выражало «то психологическое состояние восторга, которое в стихотворениях Языкова было доминирующим»[1]. Интимный, доверительный тон искренней беседы — вот что позволяло ему вести поэтическое повествование в раскованной форме. Самый популярный адресат — Алексей Николаевич Вульф, один из ближайших друзей поэта по Дерптскому университету, познакомивший его с Пушкиным, 11 посланий к которому написаны в период наивысшего творческого подъема Языкова с 1825 по 1833 г.

Эти стихотворения удобней рассматривать не хронологически, а условно разделив их на группы: 1) послания о любовных переживаниях, написанные в период совместного пребывания в университете (2 послания, 1825); 2) произведения, обращенные к Вульфу-гусару, Вульфу-герою, с обязательным патриотическим компонентом (4 послания: 1826 (2), 1828, 1829); 3) стихотворения, отражающие происходящие в жизни поэта события с некоторыми итогами и с непременным элементом воспоминания о некогда прекрасном совместно проведенном времени (5 посланий: 1827 (2), 1828 (2), 1833). Важное место в нашем анализе будут составлять воспоминания Вульфа и материалы из переписки Языкова с братьями и самим Вульфом.

Первая группа, состоящая из двух посланий 1825 г.: «К А. Н. Вульфу» («Скажу ль тебе, кого люблю я...») и «А. Н. Вульфу» («Мой брат по вольности и хмелю!..»), написанных 8 ноября и 16 декабря соответственно, — отличается тем, что собственно о Вульфе в них речь не идет. Из них мы узнаем о сердечных привязанностях поэта и его друга:

Мой брат по вольности и хмелю!
С тобой согласен я: година
В усладу пламенному Лелю
Твоя Мария Дирина.
Порой горят ее ланиты.
Порой цветут ее уста.
И грудь роскошна и чиста,
И томен взор полузакрытый!
. . . . . .
Всё хорошо, мой друг, но то ли
Моя красавица? Она —
Завоевательница воли
И для поэтов создана!
Она меня обворожила:
Какая сладость на устах,
Какая царственная сила
В ее блистательных очах! (С. 195—196)[2].

Юный поэт «влюблен / В звезду любви и вдохновений» — в Александру Андреевну Воейкову — племянницу В. А. Жуковского, жену писателя и журналиста А. Ф. Воейкова. Она часто приезжала в Дерпт, где жили ее сестра и мать. Языков был столь несмел в ее присутствии, что Вульф так обрисовал его в своих записках: «...бывало, недели в две раз придет к нам дикарь Языков, заберется в угол, промолчит весь вечер, полюбуется Воейковой, выпьет стакан чаю, а

[1] *Коровин В. И.* Поэты пушкинской поры. М., 1980. С. 76—77.
[2] Все цитаты из стихотворений Языкова даны по изд.: *Языков Н. М.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964.

потом в стихах и изливает пламенную страсть свою красавице, с которой и слова-то бывало не промолвит»[3].

Марией Дириной, которой противопоставляется образ Воейковой, Языков увлечен не был, но бывал в доме ее матери и писал в ее альбом комплиментарные стихи, иногда с целью привлечь к ним внимание Воейковой. В письме к брату Петру от 27 августа 1825 г. он с «полным правом» называет Александру Андреевну «пробудительницею, звездой моего таланта поэтического»[4]. О Дириной же, больше привлекавшей Вульфа, поэт пишет: «...в то время, когда здесь нет Воейковой, я охотно посещаю Д<ирину>, пишу даже ей стихи и вообще чувствую что-то ни на что не похожее; но Воейкова приезжает сюда всякий раз для меня торжественно; при ней все прежнее исчезает во мне, как снег перед лицом Солнца»[5] (из письма к П. М. Языкову от 19 февраля 1824 г.).

Как в переписке, так и в творчестве Дирина уступает Воейковой — идеальной возлюбленной-вдохновительнице поэта, о которой идет речь и в первом послании Вульфу:

Скажу ль тебе, кого люблю я,
Куда летят мои мечты,
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;
Но при очах ее денница —
Обыкновенная звезда.
<. . . . . .>
Ее жестоко осуждают:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста, —
Чего ж они не заменяют? (С. 193).

Вульф, вспоминая 21 декабря 1829 г. пребывание в Малинниках и Старице, цитировал строки из этого послания: «Я вижу и грустную Лизу <...> и умную Сашу, соперницу холодной Катиньки, которая проста, пуста,

Но эти перси и уста, —
Чего они не заменяют! — (Языков)

и старицких красавиц, меня соблазнявших»[6].

Вульф, характеризуя своих красавиц, шутливо отвечает на вопрос, поставленный Языковым: он переносит ситуацию, описанную поэтом, на себя, ловко отмечая, однако, внушительное количество искушавших его девиц. Если для Языкова нет и не может быть другой, то для Вульфа «перси и уста» барышень, живущих в Малинниках, оказываются куда более соблазнительны прелестей Старицких красавиц.

Вторую группу открывает послание «Мой друг, учи меня рубиться...» (27 февраля 1826), обращенное к Вульфу, славившемуся мастерством в фехтовании:

Мой друг, учи меня рубиться:
Быть может, некогда и мне,
Во славу Руси, пригодится
Рука, привычная к войне (С. 204).

---

[3] Русский архив. 1867. № 5—6. С. 720. Сохранилось и свидетельство А. Н. Татаринова, дерптского товарища Языкова: «Что же касается нежных элегий и посланий, то это большей частью сочинено. Языков всегда был застенчив, и даже дик, в особенности в дамском обществе» (Языковский архив. Вып. 1: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829) / Под ред. и с объяснительными примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. С. 396).

[4] Языковский архив. С. 201.

[5] Там же. С. 116.

[6] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. Дневник 1827—1842 годов. Тверь, 1999. С. 62. *Лиза* — Полторацкая Елизавета Петровна, в замуж. Решко, сестра А. П. Керн, двоюродная сестра Вульфа; *Саша* — Осипова Александра Ивановна, в замуж. Беклешова — с 1833, сводная сестра Вульфа, падчерица П. А. Осиповой; *Катинька* — Вельяшева Екатерина Васильевна, в замуж. Жандр — с 1834, двоюродная сестра Вульфа, дочь В. И. и Н. И. Вельяшевых. Об отношениях «умной Саши» с Вульфом и Пушкиным см.: *Березкина С. В.* «Алина, сжальтесь надо мною...» (Из комментария к «Признанию» А. С. Пушкина) // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1991. Вып. 24. С. 131—140; *Никифоров В. Г.* [illegible] которые моменты к биографии Александры Ивановны Беклешовой (Осиповой) // Михайловская пушкиниана. М., 19[illegible] Вып. 3. С. 98—106.

Языков, «питомец скромных наслаждений», утомленный одними «безделками бытия», жаждет служить «иному чувству» и требует:

Учи ж меня, товарищ мой,
Головоломному искусству!

В письме из Дерпта к брату А. М. Языкову от 28 февраля 1826 г. Языков отсылает текст этого послания и замечает: «Точно, я начинаю учиться этому искусству: надобен моцион нашему брату, трудящемуся на поле наук православных»[7].

В 1826 г. Языков начал подготовку к университетскому экзамену, в частности — по истории. Мыслями о важности учения во имя будущего великой родины наполнено послание «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву» (27 августа 1826), университетским друзьям поэта[8]. В первой части стихотворения ярко выражены характерные элементы языковской тематики — культ дружбы, искренности и естественности, мотив свободного следования зову «натуры»:

Нам было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья,
И целый мир позабывали! (С. 216).
Настроение меняют слова:
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаем жизни бремя;
Теперь не праздничаем мы, —
Богаты важными трудами,
Не долго спим порою тьмы,
Встаем поутру с петухами...
<. . . . . .>
Нам поле светлое открыто
Для дум и подвигов благих:
Желаний полны мы живых;
В стране мы дышим знаменитой,
Мы ей гордимся...
<. . . . . .>
У нас надежды золотые
Сердца насытить молодые
Делами чести и добра! (С. 217, 218).

Поэт всегда восхищался упорством друга, его стремлением быть полезным Отечеству: «Желаю тебе всевозможного счастья на поле чести и славы», — пишет он Вульфу 4 августа 1828 г.[9], уже блестяще защитившему экзамен в конце 1826 г. и покинувшего Дерпт[10]. 10 августа 1828 г. Вульф отмечает в дневнике, к которому не обращался почти год: «Вчера я получил письмо от Языкова, в котором он мне желает чести, славы на поприще воинском, оно меня расстроило на весь день, я снова страдал от необходимости отречься от желания славы. Как трудно оставлять мечты, в которых мы находим наше счастье!»[11] Очевидно, Вульф пишет ответ, где убеждает поэта, что не собирается на военную службу. Однако 25 сентября 1828 г. Языков вновь пишет Вульфу: «Здесь снова ходит слух, что ты отправляешься под знамена войны и славы... у меня есть твое собственное уверение в противоположном, но может быть,

---

[7] Языковский архив. С. 242.

[8] С Языковым учились братья Алексей и Андрей Тютчевы. Более близкий к Языкову Андрей Николаевич писал стихи и, после Языкова, был один из наиболее видных поэтов в русской студенческой среде в Дерпте. Уехал из Дерпта в 1829 г. Шепелев Петр Николаевич — товарищ Языкова по университету, как и Вульф, изучал в Дерпте военные науки (1824—1827). Вульф называл своего «академического приятеля» Шепелева «вместе с Языковым <...> из соотечественников моих единственным задушевным моим приятелем» (запись от 10 декабря 1836 г.; Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 230).

[9] Русская старина. 1903. № 3. С. 486–487.

[10] Историю обучения Вульфа в Дерптском университете см.: *Бурченкова Р. В.* Комментарии к фрагментам личного дела Алексея Вульфа, дерптского студента 1822—1825 гг. // Михайловская пушкиниана: Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 6. М., 2000. С. 72—86; ср. также статью этого автора в настоящем сборнике.

[11] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 30.

ты снова передумал передуманное, снова воспылал жаждой чести воинской, снова летишь за Дунай? Так вот же тебе на всякий случай послание...»[12]

Это послание «на всякий случай» написано, когда Языков после поездки в июне 1828 г. в Псковско-Печерский монастырь находился в состоянии душевного подъема, в нем всколыхнулись патриотические чувства. Его мысли возвращаются от прежних побед русских воинов к современным. Так появляется пламенное обращение к Вульфу, который собрался на войну с турками, многовековыми угнетателями греков — «сынов Геллады» (т. е. Эллады):

Прощай! неси на поле чести
Отваги юношеской жар,
Сердечный глас вражды и мести
И неизбежный твой удар!
За Русь, товарищ, за свободу
Геллады пламенных сынов,
На гром бойниц, в огонь и в воду
Пойдешь ты силен и суров! (С. 260).

10 октября в дневнике будущего воина записано: «Поутру пришел ко мне Аладьин[13] и принес письмо от Языкова — удовольствие неожиданное и удвоенное новым посланием ко мне, которое он написал по случаю намерения моего ехать на войны. Если бы такое желание и не таилось во мне, то одного подобного вдохновенного привета довольно бы было, чтобы воспламенить меня»[14].

Вульф отправился в действующую армию только через полгода, весной 1829 г. Языков из Дерпта сообщает брату А. М. Языкову 6 февраля 1829 г., что «Вульф едет не в Турцию Европейскую, а под знамена графа Ериванского; сюда прибыл его маленький брат — идти по полю, старшим столь достославно пройденному»[15]. Вскоре сам «свободно-бездипломный» поэт, как он сам себя называет, покидает стены Дерптского университета. По этому поводу он пишет стихотворение «Отъезд» (начало 1829 г.):

Недолго мне под этим небом,
По здешним долам и горам
Скитаться брошенному Фебом,
Тоске и скуке и друзьям! (С. 268).

В стихотворении подводятся некие итоги практически семилетнего пребывания Языкова в Дерпте, а также жизненного пути трех его товарищей, П. Н. Шепелева, А. Н. Тютчева и Вульфа. В качестве отдельного стихотворения строки, посвященные Вульфу (стихи 73—80) были напечатаны в «Подснежнике на 1829 год» (на с. 160) под названием «А. Н. В-у на отъезд его в армию». Эти 8 строк 9 февраля 1829 г. Вульфу прислал Языков и, по-видимому, сам Вульф передал их в альманах[16]:

И ты!.. Тебя благословляю,
Мой добрый друг, воспетый мной,
Лихой гусар, родному краю
Слуга мечом и головой.
Христолюбивого поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай! (С. 270).

Таким образом, и этому уже действительно состоявшемуся отбытию Вульфа в действующую армию Языков посвятил несколько стихов, которые входят, однако, в состав стихотворения «Отъезд».

---

[12] Русский архив. 1867. № 5—6. С. 742—743. Из письма к П. М. Языкову от 26 сентября 1828 г. из Дерпта: «Вульф отправляется за Дунай; здесь прилагаются мои стихи к нему на этот подвиг» (Языковский архив. С. 372).

[13] Егор Аладьин — писатель, издатель «Невского альманаха».

[14] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 41.

[15] Языковский архив. С. 381.

[16] Основной текст стихотворения «Отъезд» был издан в том же выпуске альманаха под названием «Эпилог» (с. 241) с пропуском ст. 73—80, замененных строками отточий. В «Подснежнике» к этим отточиям было сделано примечание: «Пропущенные здесь восемь стихов доставлены были прежде, отдельно, издателям «Подснежника», и помещены на 160 стр.».

Третью группу стихотворений к Вульфу по содержанию мы бы отнесли более к самому Языкову, чем к Вульфу, поскольку они воссоздают картину жизни поэта после отъезда Вульфа из Дерпта. Это дружеские приветы, иногда заменяющие собой ответные письма поэта к Вульфу.

Послания «К Вульфу» («Теперь я в Камби, милый мой!..») и «К Вульфу» («Поверь, товарищ, сладко мне...») первоначально — в письме к Вульфу от 19 апреля 1827 г. — представляли собой одно большое послание. Тем не менее, его вторая часть «Поверь, товарищ, сладко мне...» была напечатана как самостоятельное произведение в 1833 г. в первом сборнике стихотворений Языкова, и с тех пор они печатаются отдельно.

В ответ на приглашение Вульфа приехать снова в Тригорское, где Языков провел лето 1826 г. и познакомился с Пушкиным, поэт пишет: «Третьего дня получил я письмо твое, мой почтеннейший и любезнейший Аякс, и отвечаю на него вот так...»[17]

Поверь, товарищ, сладко мне
О мирной думать стороне,
Где я, разгульный и свободный,
Заветным преданный мечтам,
Бродил реки глубоководной
По величавым берегам...
Мне всё пленительно в Тригорском,
Всё свято: Пушкин, ты да я —
Там не в одном вине заморском
Мы пили негу бытия!.. (С. 237).

О своем «бытии» Языков пишет:

Теперь я в Камби, милый мой![18]
Для поэтических занятий,
Для жизни дельной и простой
Покинул я хмельных собратий
И цепь неволи городской.
Брожу задумчивости полный, —
И лес шумит над головой,
И светлые играют волны
И жатвы блещут предо мной! (С. 236).

Поэт не зря упоминает «хмельных собратий», от которых он сбежал. По мнению многих современников, он — «буйства молодого Певец роскошный и лихой» (Е. А. Боратынский), «певец вина и нежной страсти <...> друг ночных пиров» (Н. А. Арбузов)[19]. И это не случайно: следующее послание «К А. Н. Вульфу» («Помнишь ли, мой друг застольный...»), написанное в честь годовщины основания Дерптского университета (21 апреля), представляет нам яркую картину студенческой пирушки:

Помнишь ли, мой друг застольный,
Как в лесу, порою тьмы,
Праздник молодости вольной—
Вместе праздновали мы?
Мы лежали, хмеля полны;
Возле нас горел костер;
Выли огненные волны
И кипели; братский хор
Песни пел; мы любовались
На товарищей, — они
Веселые разбегались
И скакали чрез огни!
<. . . . . .>

[17] Русский архив. С. 728.

[18] Камбии (Камбья) — деревня генерала Кноринга под Дерптом; здесь в 1827 г., по приглашению хозяина, поселился на лето и Языков.

[19] Мотивы вина, любви, поэтической праздности восходят у Языкова к батюшковской эпикурейской традиции. См.: *Карпов А. А.* Н. М. Языков. Проблемы творческой эволюции. СПб., 1998. С. 8.

Помнишь ли, как, нежно-пылки,
В честь Воейковой потом
Пили, били мы бутылки
У пруда, перед костром? (С. 253—254).

Вульф не один раз упоминает об этом дне в своих воспоминаниях. 21 апреля 1829 г., находясь в военном походе в Бесарабии, Алексей Николаевич писал: «Сегодня, 21 апреля, день основания Дерптского университета, воспетый Языковым. Сколько раз я его шумно праздновал! теперь иное время! — Но всё еще те же чувства в груди моей; на другом, обширнейшем, опаснейшем поле ищу я теперь добра и чести: удостоюсь ли я ее? Так ли окончу здесь, как я кончил студенческую мою жизнь? — на последнюю я не могу жаловаться: кажется, я заслужил любовь и уважение моих товарищей, а начальники сознались, что я лучше, чем ложная и неблагосклонная молва твердила. — Чтобы достойно праздновать сегодняшний день, я хочу писать к Языкову»[20].

Обычно автор в стихотворных посланиях стремится не столько рассказать о себе, сколько воссоздать образ адресата, его неповторимость, индивидуальность. Важным же жанровым качеством языковских посланий, проявляющимся в этой группе, является тенденция к своеобразной «подмене» адресата автором: автор Языков стремится передать адресату свои собственные черты, заразить его своим избыточным жизнелюбием. Послания наполнены неразрывным «мы»: пьем, любим, жалеем, вспоминаем и т. п.

Тон стихотворения меняется, когда поэт пишет о своей теперешней жизни «в тоске да лени». Отсылая это послание брату Александру в письме от 27 апреля 1828 г. из Дерпта, Языков замечает: «Я поживаю благополучно <...> Дух мой ободряется и крепнет и начинает действовать, как ты заметишь даже из стихов к В<ульфу>, хотя там и описывается много неприятного, но это не что иное, как поэтическая шутка, аллегория, штука!»[21]

В дерптские годы Языкову была свойственна творческая активность, быстрота поэтической реакции на события внешней и внутренней жизни. Очередным посланием к Вульфу «Не называй меня поэтом!..» Языков «ознаменовал» критическую заметку Н. А. Полевого, задевшего его за живое. Полевой в рецензии на «Северные цветы на 1828 год» буквально нападает на Языкова, ставя его в один ряд с третьестепенными поэтами П. А. Плетневым, П. Г. Ободовским, Ф. О. Туманским: «Прозаические напоминания о немецких профессорах, восклицания о вине, табаке, пунше, студенческих беседах. Старание выискать новый оборот для старой мысли г-на Языкова <...> Всё это, положим, высказанное в самых гладких стихах, но вечно одно и то же, приговорится и прислушается»[22].

4 марта 1828 г. Языков, всегда строго относящийся к своим сочинениям[23], просит брата списать и прислать ему слова Полевого, которые ему так хочется прочесть, поскольку в Дерпте «никто не получает "Телеграфа" на текущий год»[24]. Ознакомившись только через три месяца с отзывом, который для Языкова был если не оглушительным, то непоследовательным и весьма странным[25], поэт 6 июня 1828 г. пишет А. М. Языкову: «Благодарю тебя за письмо из Москвы и за "Телеграф". Выходка Полевого произвела на меня свое действие: надобно же ознаменовать ее, первую против моей Музы, чем-нибудь стиховным — и вот послание к Вульфу»[26]. На следующий день (7 июня) отправляет письмо и Вульфу: «Здесь прилагается к тебе послание. На сих днях привел меня Бог увидеть, как ничтожил издатель "Телеграфа" еще в начале текуще-

---

[20] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 88.

[21] Языковский архив. С. 355.

[22] Московский телеграф. 1828. № 1. С. 127.

[23] Чувство самокритичности и беспристрастность оценки своих сочинений в Языкове развивали его братья. А. М. и П. М. Языковы были для него самыми строгими критиками. Посылая стихи, он сопровождал их приписками: «Поздравляю тебя <Александра> с новым случаем критиковать стихи мои; напиши, что подумаешь» (Языковский архив. С. 66); или: «Еще не зная, какие мои стихи вы осудили на опалу, уже раскаиваюсь в их напечатании, потому что совершенно и от чистого сердца верю твоему критическому правописанию» (Там же. С. 68).

[24] Там же. С. 352.

[25] Выступления Полевого на этом не закончились: в 1829 г. он публикует в «Московском телеграфе» (в приложении «Новый живописец») пародии на стихи Языкова под псевдонимами Буршев и Бессмыслин. Пушкин отозвался на это следующим образом: «...удивимся, что издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла» (*Пушкин* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 117).

[26] Языковский архив. С. 362.

го года мою Музочку. Поэты раздражительны вообще, а мне надобно же хоть чем-нибудь ознаменовать первую грозную выходку на мои стихи студентские. Молва гласит, что Полевой ополчился на меня Дмитриева старца ради, за апологи[27]. Да будет это послание только излиянием души моей по части полемики, не пускай его по рукам, — всё это будь сказано между нами!»[28]

Поэт почти дословно повторяет в послании все претензии к нему «прежнего доброхота» (Полевого), разбранившего его «во весь народ» «середь Москвы перводержавной»: «муза юности», повторяющая «свое» и «чужое», скучна и «разнообразна лишь в словах». Кажется, что он навсегда забросит свое призвание, покинет «мир стихов»:

Не называй меня поэтом!
Что было — было, милый мой,
Теперь спасительным обетом
Хочу проститься я с молвой,
С моей каменой молодой,
С бутылкой, чаркой, «Телеграфом»,
С Р. А., канастером, вакштафом
И просвещенной суетой;
Хочу в моем Киммерионе,
В святой семейственной глуши,
Найти счастливый мир души
Родного дружества на лоне!
Не веришь? Знай же: твой певец
Теперь совсем преобразован,
Простыл, смирен, разочарован,
Всему конец, всему конец! (С. 256).

Однако в письмах чувствуется воинственная настроенность Языкова, готовность отразить этот «первый щелчок, нанесенный бойкою рукой авторскому самолюбию нашего поэта»[29]. Это так называемое «послание к журналистам»[30], по словам М. И. Семевского, «вышло игриво, забавно, но не особенно сильно и далеко не зло»[31]. Мы бы сказали даже, что оно переросло в пародию[32]: последняя часть стихотворения перекликается с начальными строфами «Освобождения Москвы» И. И. Дмитриева. Языков, только что получивший упрек в однообразии и заимствовании, воспроизводит почти слово в слово три дмитриевские строки:

Да с Норда, Юга и Востока[33],
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут (С. 258).

В этой части послания вообще ощущается стремление поэта всё сделать наоборот, вопреки герою стихотворения Дмитриева: Языков, «парнасский демагог», отрекся от творчества и удаляется в пустыню; Дмитриев, «питомец муз», настроен создавать под тенью древних дуб-

---

[п] Летом 1826 г. Языков написал «Нравоучительные четверостишия», пародирующие «Апологи» И. И. Дмитриева (1826). Публикация первых девяти из двенадцати четверостиший в «Невском альманахе на 1827 год» вызвала, по словам Языкова, недовольство Полевого, публиковавшего ранее в своем журнале хвалебный отзыв о книге Дмитриева.

[р] Русский архив. С. 741.

[с] Там же.

[т] М. И. Семевский отмечал: «Послание к журналистам <...> независимо от автобиографического интереса, любопытно еще и потому, что в нем поэт не без остроумия характеризует тогдашние журналы» (*Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское // Вульф А. Н. Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи) / Под ред. и со вступ. статьей П. Е. Щеголева. М., 1929. С. 98).

[у] Русский архив. С. 741.

[ф] Послание «К А. Н. Вульфу» («Не называй меня поэтом!»), которое Языков летом 1828 г. не хотел даже пускать по рукам, ровно через два года появляется среди «удалых эпиграмм» (по отзыву Н. Полевого) в альманахе «Эхо на 1830 год» также без подписи автора: «Все участвовавшие в альманахе скрыли свои имена. Посему мы осмеливаемся подозревать, что большая часть стихотворений едва ли не пародии» (Московский телеграф. 1830. Т. 33. № 12 (июнь). С. 493).

[х] У Дмитриева:
От Норда, Юга и Востока,
Отвсюду, быстротой потока,
К тебе сокровища текут...
(*Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. С. 83. Библиотека поэта. Большая серия).

рав. Языков сознается в «проказах жизни удалой», которые воспевал и за это поплатился славой; Дмитриев хочет «не шумны петь забавы, Не сладости цитерских уз», а «красну, гордую Москву, Седящу на холмах высоких». Языков отвечает, обращаясь к «русской Камене»:

Да *сядешь* ты с величьем мирным
На свой *могущественный* трон —
И будет *красен* твой виссон
Разнообразием всемирным!!! (С. 258, курсив наш. — *И. К.*).

Пародийное использование примет стиля Дмитриева, возвращение к его напыщенно-витиеватому языку неслучайно. Прощаясь с музой и желая ей здравствовать, Языков приемом заимствования у Дмитриева лексики, намекает, что есть два полюса русской поэзии, что если его муза не по душе, он просто удалится, а остальные пусть остаются и продолжают наслаждаться «высокомерным», а не «здравомыслящим» стихом. Это можно назвать завершающим эпизодом полемики Языкова с Дмитриевым. Современное же «освобождение Москвы» от мнений и советов редактора «Московского телеграфа», от высокопарности в русской поэзии представляется Языкову вопросом времени, которое всех рассудит.

Последняя строка послания «Не называй меня поэтом» явно полемична фразе об однообразности «гладких стихов» (Полевой) Языкова. Поэт не просто полемизирует с мнением Полевого, а бросает ему вызов: так можно понять его просьбу в последней части того же письма от 7 июня к Вульфу отдать послание «Помнишь ли мой друг застольный...» о студенческом празднике 21 апреля Аладьину, в чьем альманахе он решает его опубликовать: «К тебе (Вульфу) явится Аладьин от моего имени: отдай ему мое послание о празднике 21 апреля, он напечатает его в "Невском альманахе" без прозвания сочинителя»[34]. В стихотворении об основании Дерптского университета звучат критикуемые в «Московском телеграфе» мотивы и написано было оно в апреле, когда Языков еще не знал, как отозвался о его «студентских» стихах Полевой. Это послание «А. Н. В<ульф>у» напечатано в «Невском альманахе на 1829 год».

К концу 1820-х гг. многие стали обращать внимание на тематическую монотонность поэзии Языкова, ограниченность в выборе жанров. Так, Пушкин писал в отзыве на «Невский альманах на 1830 год»: «Стихотворную часть украшает Языков. С самого появления своего удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что доныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода»[35]. Сам Вульф спустя несколько месяцев после получения письма запишет в дневнике 9 ноября 1828 г. об этих двух стихотворениях: «Последние его послания ко мне (об празднике студентов и о журналистах) <...> не соответствовали тоже моим ожиданиям; в них есть хорошие стихи, сильные слова, но нет новых мыслей, обороты их даже те же». Отметим, однако, что запись была сделана после встречи Вульфа с бароном А. А. Дельвигом, без влияния которого, по нашему мнению, эти строки не могли быть написаны. Вульф и барон обсуждали последние произведения Языкова, пригодные, по словам Дельвига, «только <...> для эпиграфов к романам»[36].

Тем не менее, впечатлительный и весьма самокритичный Языков стал писать и публиковаться меньше. Вот как сам он характеризует этот период в письме к Вульфу из Москвы от 30 марта 1832 г.: «С той самой поры как ты, венчанный и превознесенный, оставил меня сонного и бездейственного в Дерпте, я продолжать жить там по-прежнему: кое-как <...> спустя рукава — этак прошел год; я уехал восвояси, там снова продолжал то же — этак прошел еще год; оттуда я переселился сюда в Москву, и вот точно так же прошло уже два года! <...> У меня было намерение издать собрание своих стихотворений. Цензура не пропустила; но рука времени так пригладила кудри моей музы, что она больше походит на рекрута, нежели на студенческую прелестницу! И я решился подождать других обстоятельств»[37].

По этому письму можно понять, что и в написании посланий, в которых Языков всегда «отчитывался» о своем житье-бытье, был перерыв. Через год Языков все-таки издает свой первый сборник и, посылая экземпляр Вульфу, сопровождает его посвященным другу стихотворением «Прошли младые наши годы...».

---

[34] Русский архив. С. 741.
[35] *Пушкин.* Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 117.
[36] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 50.
[37] *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское. С. 113—114.

Удивительный факт: послание написано почти в один день со следующей записью в дневнике Вульфа от 16 (28 мая) 1833 г., хотя тот еще не знал о существовании этого послания: «Жаль, что Николай Михайлович, мой вселюбезнейший <...> певец, не берется ни за что дельное, а вот лет десять уже всё обещает только: публика ожидала многого от него, но, кажется, всё обманываясь в своих надеждах, охладела к нему приметно. Журналисты давно перестали его ласкать и частенько бранят его студенческую музу. Пора, пора! Не то — так пройдет молодость, а с нею и вдохновение»[38].

Послание к Вульфу сочинено 15 мая, в тот самый день, когда Вульф получил письмо от Языкова из деревни Языково от 14 апреля 1833 г. с обещанием выслать ему экземпляр своих стихотворений, только что вышедших из печати: «Прочти же их с улыбкой задушевной, ради блаженной памяти жизни студентской твоей и моей <...> Я всё еще живу непостоянно, не имею оседлости, быту уединенно-поэтического и иного прочего, — а это необходимо музе, да вовсе предается она, моя милая, своей старости, да принесет плоды многие и да прославится славно»[39].

Вульф с тревогой и неким упреком тут же замечает: «Он всё еще не имеет оседлости и будто бы от того ничего значительного не предпринимает» (15 мая)[40].

В послании «Прошли младые наши годы...» Языков, вернувшийся в 1832 г. из Москвы в Симбирскую губернию, уверяет друга:

Довольно чувств и вдохновений
Я прогулял, и мне пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйных, трезвых наслаждений!
Мой друг! Поздравь же ты меня
С восходом счастливого дня,
С давно желанной мирной долей,
С веселым сердцем, вольной волей,
С живым трудом наедине!
Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здесь дома я, здесь лучше мне!..
Вот так-то мы остепенились! (С. 334).

В стихотворении поэт прощается с самым ярким, шумным, полновесным этапом в своей жизни. Теперь он вышел «на православную дорогу», всю свою «судьбину» отдавая родной стране.

К сожалению, Вульф смог познакомиться с прекрасными строками этого послания почти через девять месяцев после их написания. Произошло это в Петербурге 3 февраля 1834 г., в день праведницы Анны Пророчицы. 18 февраля отставной штабс-ротмистр уже в Малинниках записал:

«Я руки в боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
"Здесь дома я, здесь лучше мне!..
Вот так-то мы остепенимся!"

Вот эпиграф к настоящему моему быту из последнего послания ко мне возлюбленного Николая Михайловича.

На пути из Псковской губернии в сию (Тверскую. — *И. К.*) заезжал я на несколько дней в Петроград, чтобы в день именин Анны Петровны навестить ее, и нашел у А. Пушкина, что ныне камер-юнкер, послание ко мне, про существование коего мне и не снилось. Эти четыре стиха я выписал из оного»[41]. Получается, что и первый сборник стихотворений Языкова Вульф по каким-то причинам в мае-июне 1833 г. не получил, иначе бы эти события обязательно нашли отражение на страницах его дневника.

---

[38] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 214.
[39] *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское. С. 114.
[40] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 214.
[41] Любовные похождения и военные походы А. Н. Вульфа. С. 222—223.

Позже Языков уже не пишет стихотворных посланий к Вульфу, который был связующей нитью с той, уже такой далекой жизнью. Не случайно Языков высылает Вульфу сборник стихов «в память нашей студенческой жизни»[42]. В последнее десятилетие жизни Языкова его отношения с Вульфом приняли эпизодический характер: друзья лишь изредка переписывались. Вульф не раз упрекал себя в своей лени, «но это сознание всё остается бесплодным. Вот одно доказательство отвычки от всякого умственного занятия: два года тому назад я получил от Языкова, быть может, единственного человека, которого я люблю (других немногих уже не стало), из-за границы письмо и не нашел времени к нему написать. Теперь привез мне Николай Игнатьевич Шениг <...> возвратившись недавно оттуда же, от него подарок — сигарочницу, и сколько я ни дорожу этим воспоминанием обо мне, все не благодарил его за оное» (6 февраля 1842 г.)[43].

Совместив тексты посланий, условия их написания, заметки Вульфа и отзывы Языкова, мы получили обновленный взгляд на историю их дружбы от ее начала и до последних дружеских знаков внимания. Вульф в представлении поэта вместил в себя некий идеальный образ человека, в жизни которого всё прошло удачно и вовремя, где было место и любви и подвигу. Совместно прожитые радости университетской жизни навсегда остались в душе и творчестве Языкова. Только молодому Вульфу он посвящал стихотворения, Вульф зрелый не был знаком Языкову. С начала 1830-х гг. меняется и Вульф, и особенно Языков, превращаясь в деревенского затворника и пленника собственных болезней.

Послания к Вульфу — особенная страничка в творческой биографии Языкова, которая писалась 9 лет. Это своего рода оригинальный стихотворный монолог, в котором всё обусловлено фактами биографии поэта: от первых любовных переживаний до размышлений о собственной судьбе в контексте исторического жребия России.

---

[42] Там же. С. 214.

[43] Там же. С. 233. Вульф и прежде не отличался обязательностью в переписке с Языковым, иногда не по-дружески затягивая с ответами: «Услужливая лень породила во мне престранную мысль не писать к Языкову, пока не получу отставки. Но я ее с негодованием отвергаю как недостойную чувств моих к любезному Николаю Михайловичу и тотчас же сажусь отвечать, если можно назвать ответом письмо, полгода позже, чем следует отправляемое» (24 февраля 1833 г.; там же. С. 207—208. См. также: С. 198, 200, 204, 208).

Т. П. Кочнева

Новые материалы об усадьбе Вульфов Малинники

Прошло 176 лет с той поры, когда А. С. Пушкин впервые гостил в Малинниках[1]. Усадьба эта, несмотря на усердные изыскания многих ученых, краеведов, работников музея, архивистов, хранила себя бережно и поныне полна нераскрытых тайн. До сих пор не найдено ни одного плана усадьбы, неизвестно, как выглядела она не только в пушкинское, но и в более позднее время. По отдельным фотографиям построек на усадьбе невозможно составить о ней полного представления. Неизвестна дата постройки здания, где жил Пушкин, и даже место, где оно стояло, не определено. Слово *Малинники* не раз оставила рука поэта в коротких росчерках под рукописями, в письмах его к друзьям. Как дорога нам пушкинская фраза из письма к Наталье Николаевне: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал...»[2]

Остается только догадываться, о чем рассказывал Пушкин своей супруге. Наталья же Николаевна, отвечая после смерти мужа на вопросы П. В. Анненкова, первого биографа поэта, обронила, что в 1828 г. Пушкин по возвращении из Арзрума только проехал по Никитской и умчался к Вульфам в Малинники. Так П. В. Анненков впервые обозначил Малинники на биографической карте поэта: «Окончив "Полтаву", Пушкин тотчас же уехал из Петербурга, и притом в ясном состоянии духа, а 27 октября был уже в Тверской губернии, в деревне Малинники, принадлежавшей соседям Пушкина по Михайловскому владетелям Тригорского»[3].

Полвека спустя после смерти поэта тверское краеведение проявило интерес к пушкинским местам в Старицком уезде и в первую очередь к Малинникам. Член Тверской ученой архивной комиссии В. И. Колосов, побывав 18 мая 1888 г. в усадьбе, указал на существование в Малинниках дома, где жил Пушкин: «Ознакомившись с подробностями пребывания А. С. Пушкина в Тверской губернии, мы решились посетить самые места, где в не особенно давние времена бывал наш великий поэт. Побывали мы при этом в Малинниках, Павловском и Бернове. Но немного нашли мы здесь следов великого человека — так быстро изглаживает их наша жизнь. В Малинниках цел еще дом, в котором гостил некогда Александр Сергеевич. Теперь это поместье за смертью А. Н. Вульфа принадлежит сыну Евпраксии Николаевны — барону Вревскому. Осмотрели мы этот дом, в одной половине которого живет управляющий Вревского; нам не показали при этом комнаты, которую занимал некогда Пушкин»[4]. Новая волна интереса к Малинникам всколыхнулась в связи со столетием со дня рождения поэта. Н. Н. Овсяников, побывав в Малинниках, писал, что в пушкинском доме всё еще проживает управляющий барона Вревского, но дом он называет развалиной.

Первым из очевидцев подробно описал дом пушкинской поры в Малинниках председатель Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванов: «Теперь Малинники очень скучное место, и думается, что оно всегда таким и было. Там нет ни парка, ни сада. Старый помещичий одноэтажный дом времени Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. Посредине широкое открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен. Комнаты низкие, глубокие и мрачные; кое-где еще остались потолки с матицами; окна небольшие и их мало (не очень давно подъемные рамы заменены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, красного дерева, кресла жесткие, неудобные, с закругленными цельными деревянными спинками, на стенах висят 2—3 зеркала в старинных красивых рамах красного дерева да единственный портрет прежнего владельца Малинников Алексея Николаевича Вульфа»[5].

---

[1] Имение Н. И. Вульфа Малинники, которое после его смерти (1814) унаследовала его вдова, во втором браке П. А. Осипова; находится в 8 верстах от Бернова. По приглашению хозяйки Пушкин гостил здесь осенью 1828 г.; заезжал в марте 1830 г.; был проездом в августе 1833 г.

[2] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 10. С. 437.

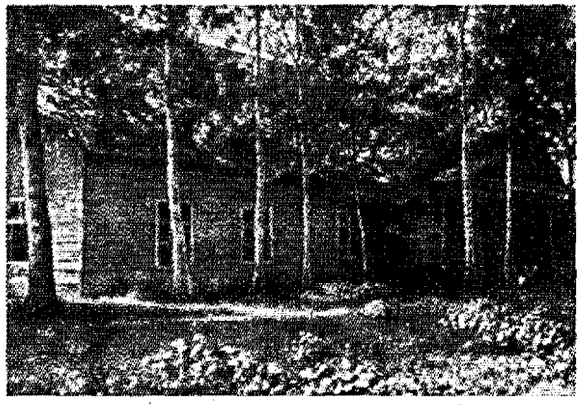
[3] *Анненков П. В.* Материалы для биографии Пушкина. М.: Современник, 1984. С. 203.

[4] *Колосов В. И.* Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 // Тверской венок Пушкину / Сост. А. Е. Смирнов. М., 1989. С. 65.

[5] *Иванов И. А.* О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии // Тверской венок Пушкину. С. 73.

Таковы словесные описания. Первые фотографии малинниковского дома, в котором жил Пушкин, выполнил, скорее всего, М. Л. Гофман, побывавший здесь дважды летом 1913 г. По его словам, пушкинские места в Тверской губернии «достаточно хорошо известны всему русскому обществу, несмотря на то, что Малинники, Берново, Покровское и проч. мало посещаются даже пушкинистами и пушкинцами. Эти места были излюблены художником Левитаном, жившим в Затишье (рядом с Покровским)[6], и часто вдохновлявшимся природой Тверской губернии»[7].

В июле 1913 г. М. Л. Гофман в письме к Б. Л. Модзалевскому пишет: «...шлю привет свой, малинниковскими впечатлениями насыщенный. Изъездил порядочно Тверской губернии и собрал жатву, правда, скромную: несколько автографов (писем Пушкина к П. А. Осиповой), альбом[8] и кое-какая мелочь[9]. Доволен этим да и тем, что побывал в любопытных местах, из которых больше всего мне понравились Малинники...»[10]



Малинники. Дом Вульфов, где жил Пушкин. Фотография. 1900-е гг. М. Л. Гофман(?)

«Как следует из воспоминаний Гофмана, он оказался в пушкинских местах Тверской губернии по приглашению своей ученицы»[11] Валентины Михайловны Сергеевой (1902—1990), урожденной петербурженки. Вместе с сестрой она обучалась в частной гимназии Э. П. Шаффе, где русский язык и литературу преподавал М. Л. Гофман, уроки которого были очень интересны. В этой же гимназии преподавал и Слонимский. Бабушка В. М. Сергеевой Юлия Павловна Шрейбер была замужем за немцем, генералом русской армии, и тоже преподавала: у нее учились французскому языку Понафидины и Лика Мизинова. Мать Валентины Михайловны — одногодка Лики Мизиновой — Мария Федоровна Шрейбер (в замужестве Сергеева), очень дружила с Ржевскими, близкими родственниками Понафидиных[12]. Отсюда пошли дружба и приглашения погостить в Малинниках, Курово-Покровском, Затишье в 1910—1917 гг.

В ту пору хозяевами Малинников и Курово-Покровского были Понафидины Михаил Николаевич и Инна (Евпраксия) Степановна (урожденная Вревская), внучка Зизи (Евпрак-

---

[6] Курово-Покровское — приданое имение Анны И. Вульф (1784—1873) при выходе замуж за П. И. Понафидина (1784—1869). Пушкин останавливался здесь в 1828—1829 гг.

[7] *Гофман М. Л.* Из пушкинских мест // Пушкин и его современники: Материалы исследования. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 100.

[8] Письма Пушкина к П. А. Осиповой от 1 августа 1825 г., 4 и 15 сентября 1826 г. и альбом Анны Н. Вульф с двумя записями Пушкина — дар Е. С. Понафидиной. Ныне: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. Ед. хр. 458, 471, 472, 211.

[9] В разряд «мелочей» попало и письмо А. А. Дельвига к П. А. Осиповой от 15 сентября 1826 г.: РО ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 17. Ед. хр. 73. Дар Е. С. Понафидиной.

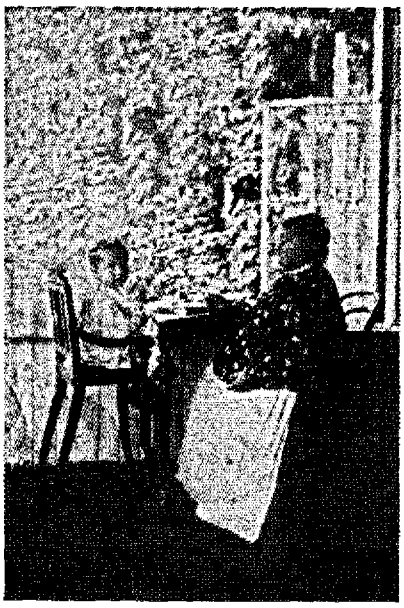
[10] *Краснобородько Т. И.* Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб., 2004. С. 213.

[11] Там же. С. 215. См. также: *Кочнева Т. П.* Б. Л. Модзалевский и Тверской край // Русская литература. 2003. № 2. С. 163.

[12] Анна Павловна Понафидина (р. 1820), дочь П. И. и А. И. Понафидиных, была замужем за Федором Константиновичем Ржевским, их сыну Алексею принадлежало Затишье. Позднее за Константина Александровича Ржевского вышла замуж дочь Понафидиных Николая Павловича (1819—1895) и Серафимы Александровны (урожд. Юргенева, 1836—1916) Анна (Ася).

сии Вульф)[13]. Они принимали М. Л. Гофмана, переписывались с Б. Л. Модзалевским и передали в Пушкинский Дом вещи и документы, имеющие отношение к Пушкину, фамильные бумаги[14].

Семья расположилась, скорее всего, на крыльце вновь построенного по проекту хозяина двухэтажного дома. В. М. Сергеева помнила этот дом высоким, светлым и уютным. Стоял он лицом на дорогу. Широкая, открытая веранда выходила на запад, на сельцо Малинники. На



Курово-Покровское. Ася Ржевская и няня Стеша. 1890—1892. Музей А. С. Пушкина в Бернове. Дар Понафидиных.

Семейство Понафидиных на крыльце дома в Малинниках.
В первом ряду третий слева М. Н. Понафидин,
далее сын Сима (?), Е. С. Понафидина, дочь Мария.
Во втором ряду дочери Татьяна и Ольга. Ок. 1910. Дар Понафидиных

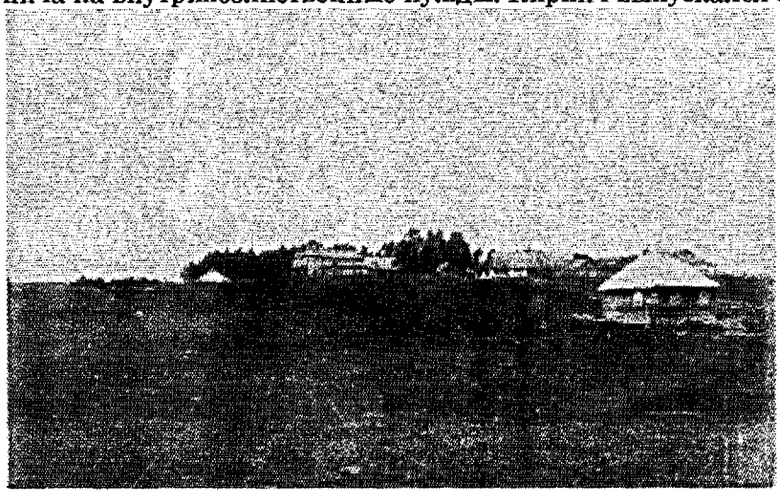
[13] М. Н. Понафидин (не ранее 1858—1815), владелец Курово-Покровского, сын Н. П. и С. А. Понафидиных, окончил юридический факультет Московского университета. С 1891 г. женат на Е. С. Вревской, наследницы Малинников.

[14] В Пушкинском Доме в фонде Б. Л. Модзалевского хранится комплекс материалов Понафидиных, переданных М. Л. Гофману и Б. Л. Модзалевскому в 1913—1916 гг. и Б. И. Коплану в 1920—1926 гг. (часть архива Вревских).

первом этаже расположились гостиная, гостевая комната, столовая, спальни. Через коридор, в восточной части дома, — кладовки, кухни.

На другой фотографии (4) в левом верхнем — двухэтажный дом Понафидиных. Справа вплотную к дому примыкает флигель (пушкинский домик) — одноэтажное здание, за ним — людская и хозяйственные постройки. Внизу, в правом углу — баня.

В 1913 г. Михаил Николаевич построил в Курово-Покровском кирпичный завод для производства кирпича на внутрихозяйственные нужды. Кирпич выпускался с клеймом «МП».



Усадьба Малинники. Вид с юго-запада, от реки Тьмы. Ок. 1913. Дар В. М. Сергеевой

Скорее всего, именно этим кирпичом и был обложен дом пушкинской поры (его звали флигелем), который простоял в усадьбе до 1923 г.[15] Его видели В. М. Сергеева и М. Л. Гофман, оказавшиеся в усадьбе летом 1913 г.

Наше знакомство с В. М. Сергеевой состоялось весной 1976 г. в Бернове, куда она приехала на экскурсию. Завязалась переписка; мы получили от нее описание усадьбы Малинники в 1910—1917 гг. и план усадьбы этого времени. Так в наших руках оказался первый и пока единственный план усадьбы, выполненный очевидцем.

Летом 1990 г. мы пригласили В. М. Сергееву в Берново и побывали с нею в Малинниках. Вместе с научными сотрудниками музея А. С. Пушкина наша гостья «читала» усадьбу, многое вспоминала, уточняла план, теперь уже на месте. Она привезла и подарила музею много фотографий. Рассматривая имевшиеся в архиве музея фотоснимки семейства Понафидиных-Вревских, называла знакомые ей лица.

Вот что мы от нее узнали. «Малинники в том виде, в каком они достались М. Н. и И. С. Понафидиным, были мало похожи на старинное имение с парками, аллеями, прудами и лебедями. Там ничего этого не было. Не было ни ограды, ни старинных въездных ворот. Всё было открыто всем. Правда, был один забор от скота из жердей внизу, за флигелем. Но не помню рассказов о каких-либо нападениях; хоть и жили без запоров.

Пушкинский флигель был очень маленький. Во флигеле постоянно жила "домоправительница" Аннушка. Из какой она была деревни, не знаю, и фамилии ее не помню. Но мы, дети, очень ее боялись, и в дом она нас не пускала, а сама сидела часто на крылечке. Во флигеле я была только один раз. Видела одну комнату, уставленную по стенам старинными шкафами, полными книг. Коричневые кожаные глубокие кресла и диван, и, как будто, стоял письменный стол. Сколько было комнат, не знаю, но флигель был маленький, одноэтажный. Крыльцо выходило напротив большого дома. Домик утопал в кустах сирени. Думаю, что и окна выходили в сторону дома».

[15] Кирпичи с клеймом *МП* были обнаружены во время архитектурно-археологического изучения усадьбы Малинников в 1997 г.: Тверские старина. 1998. № 16—17. С. 19.

Таким образом, Понафидины жили и принимали гостей в новом двухэтажном доме. А пушкинский домик, так называемый флигель, занимал Ипполит Степанович Вревский. Толстый, маленький, лысый — таким запомнила его В. М. Сергеева.

Можно ли назвать жизнь этого семейства счастливой? Из шестерых детей выжило только трое, и все девочки: Ольга, Татьяна и глухонемая Муля (Мария). Родители потеряли двоих сыновей, со смертью которых прекратился старинный род по линии Павла Ивановича Понафидина. А сам Михаил Николаевич умер летом 1915 г. До заката усадьбы, столь любимой Пушкиным, остается совсем немного.

Революция застала В. М. Сергееву в Малинниках. Приехавшая за нею мать увезла девочку в Москву. Господа были в растерянности. Гости покидали усадьбу. Тем, кто остался, предстояли нелегкие дни. В Курово-Покровском остались сестры Михаила Николаевича: Анна и Вера Николаевны. Первой покинула родовое гнездо Вера Николаевна, а в 1923 г. была выселена и Анна Николаевна. Е. С. Понафидиной, теперь уже бывшей владелице усадьбы Малинники, Академия Наук выдала охранную грамоту: Пушкинский Дом поручил ей охранять до вывоза в Петроград библиотеку, архив и личные вещи. Однако охрана не могла спасти старый дом.

В декабре 1922 г. инструкторы УЗУ провели акт обследования и оценки пушкинского дома в Малинниках, указав при этом размеры дома: «Дом деревянный, 12 на 20 аршин (9 м на 15 м. — *Т. К.*) крыт дранью, причем половина дома снаружи облицована кирпичом, крыша совершенно худая и местами обносивши, рам, дверей, пола и потолка почти совершенно нет, так как эти предметы выполнены и растасканы. Имеется 1 печь.

Оценка дома — 20 пудов ржи. При этом упоминаем, что этот домик как домик Пушкина, весной сего года как будто по распоряжению УЗУ не должен быть бы продаваем как памятник старины, но в настоящее время мы находим, что этот домик необходимо продать с торгов, так как весь он постепенно расхищается местным, вероятно, населением. И если его не продать, то все равно он весь погибнет»[16]. Так оно и случилось.

В 1923 г. в усадьбе Малинники побывал вместе со студентами профессор Тверского пединститута А. Н. Вершинский. Он увидел дом с обрушившейся крышей, перегородками, потолками, в нем не было рам и дверей. В этом же году дом рухнул, и только двухэтажное здание, построенное М. Н. Понафидиным, еще оставалось целым. Его хозяйку Е. С. Понафидину пытались лишить права пользования землей, ссылаясь на дворянское происхождение ее самой и родственников. В 1926 г. ее выселили из усадьбы. Она уехала с глухонемой Марией в Ленинград к дочери Татьяне, увозя с собой оставшиеся документы и мелкие вещи из родительского гнезда, что еще напоминало о прежней жизни.

Она помогала воспитывать внуков, зарабатывала вышиванием белья и умерла во время блокады Ленинграда. Прошли годы, и ее дочь и внуки, часто бывавшие в Курово-Покровском, Бернове, Малинниках передадут в музей А. С. Пушкина в Бернове те самые, ценные вещи: ломберный столик, дуэльный пистолет А. Н. Вульфа, шкатулку для бумаг Е. Н. Вревской, столовое серебро, предметы для рукоделия из Малинников, серию редких фотографий, некоторые из которых и опубликованы в этой статье. Семья трепетно относилась к прошлому. Расставаясь с вещами, они определили им долгую жизнь на родине предков.

[16] ГАТО. Ф. Р-1320. Оп. 2. Ед. хр. 176. Л. 32.

Т. Е. Рыжикова

Из истории «старого дома»[1]

Задолго до рождения музея А. С. Пушкина в Торжке А. А. Суслов предпринял попытку собрать и обобщить материалы по истории «старого дома» (под таким именем вошел в историю дом на бывшей Ямской улице). Сегодня некоторые исследователи утверждают, что Александр Александрович допустил ошибку, повторив за М. П. Гортынской, что А. С. Пушкин был гостем в доме на Ямской у Олениных. Ошибка, конечно, была, но только благодаря А. А. Суслову мы теперь так тщательно, по крупицам собираем сведения о доме, анализируем. Его энергии по изучению истории «старого дома» можно позавидовать: достаточно взять в руки обширную интереснейшую переписку с М. П. Гортынской[2], с Михаилом Алексеевичем[3] и Елизаветой Степановной Балавенскими[4] — потомками Олениных.

На протяжении более чем десятилетия А. А. Суслов вел беседу с навсегда покинувшими свой родной дом потомками. Возможно, именно А. А. Суслов «подтолкнул» М. П. Гортынскую к написанию воспоминаний. Мария Петровна очень интересовалась всем, что связано с Торжком, благодарила А. А. Суслова за книги о городе, которые он ей посылал. Она рассказала ему, что в 1964 г. передала свои воспоминания о детстве и юности литературоведу И. Л. Андроников, получив ответ с одобрительными отзывами и уверениями, что он делал попытки отдать их в печать, но по причине «слишком семейственного характера» сейчас это не представляется возможным. В одном из писем к Суслову Гортынская уверяет его в правдивости своих рассказов, замечая: «...украшать или писать не то, что было — не хочется». А. А. Суслов доверился Гортынской, и свою работу «Старый дом», рукопись которой в 1972 г. он подарил в музей А. С. Пушкина, он написал по результатам переписки, приложив несколько фотографий, полученных от родственников Олениных[5].

В разное время дом называли то домом Олениных, то Балавенских, то Львовых. В публикациях, особенно в начале 1970-х гг., многие авторы создавали красивые легенды о посещении дома Пушкиным, утверждая, что хозяином дома был Петр Алексеевич Оленин. Только серьезные исследования пушкиниста и историка, директора музея Олениных в Приютине Л. В. Тимофеева немного отрезвили наши головы. Мы перестали упоминать во время экскурсий, что в этом доме, проездом через Торжок в 1828—1835 гг., бывал А. С. Пушкин. Со здания музея была снята мемориальная доска, ведь факт пребывания Пушкиным был опровергнут. Но музей А. С. Пушкина продолжал жить своей жизнью. Его экспозиция по-прежнему, вот уже 35 лет, рассказывает о Пушкине, путешествующем по тракту между Петербургом и Москвой. И только дом продолжает хранить тайны своей истории.

Из архивной справки, подготовленной сотрудником ГАТО Л. А. Быковой сведения по истории здания современного музея А. С. Пушкина содержатся в документах многих фондов: Тверской губернской земской управы (Ф. 800), Тверской губернской строительной и дорожной комиссии (Ф. 97), Тверской губернской палаты гражданского суда (Ф. 310), новоторжского магистрата (Ф. 172) и многих других.

Здание современного музея, по существовавшему в XIX в. полицейскому и городскому территориальному делению города, значилось в 3-й части города Торжка, в 1-ом полицейском квартале по улице Ямской, в 85-м городском квартале по плану Торжка (1881)[6], в 83-м квартале по Оценочному описанию городских недвижимостей 1900—1901 гг. в г. Торжке[7].

---

[1] Благодарю Н. А. Лопатину и Т. А. Михайлову за предоставленные материалы и помощь в подготовке данной работы.

[2] М. П. Гортынская (1883—1970) — правнучка Олениных, жившая в Торжке в «старом доме» в конце XIX — начале XX в., автор неопубликованных воспоминаний о своей бабушке баронессе Энгельгардт и ее матери, то есть прабабушке, М. С. Олениной, вдове Петра Оленина.

[3] М. Н. Балавенский (1897—1980) — внебрачный сын Николая Александровича Балавенского, который был усыновлен Алексеем Александровичем и с младенчества жил в «старом доме» до взрослого возраста при бабушке Т. П. Балавенской, урожденной Олениной.

[4] Е. П. Балавенская, жена М. Н. Балавенского; в «старом доме» жила до 1927 г.

[5] Архив музея А. С. Пушкина. Рукопись А. А. Суслова «Старый дом». № 1960.

[6] ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 2383.

[7] Там же. Оп. 1. Ед. хр. 7087.

В фонде Тверской губернской строительной и дорожной комиссии, в деле «По отношению Тверской палаты государственных имуществ о приведении в надлежащее устройство Ямской слободы в г. Торжке» за 1852—1859 гг. имеется «именной список домовладельцам новоторжской Большой Ямской улицы, которые имеют свои дома, прилегающие к шоссейному тракту», составленный в 1858 г. Перечень домов составлен в порядке, начиная от Санкт-Петербургской заставы. Под № 19 в списке значится дом господина Львова. Приведем ближайшее окружение этого дома:

д. № 14 — ямщика Шишкина,
д. № 15 — Грязнова,
д. № 16 — Мальханова,
д. № 17 — Лазунского,
д. № 18 — Лазунского,
д. № 19 — г-на Львова,
д. № 20 — ямщика Лебедева[8].

По «оценочному описанию» 1900 года в 83-м квартале (по плану 1881—1885 гг.) 1-го полицейского квартала 3-ей части города значится:

№ дома полицейский	№ дворового места	Владелец
д. 224	21	ветхий деревянный 1-эт. дом, Андрей Шишкин
д. 223	20	деревянный 2-эт. дом, Ефрем Грязнов
д. 222-221	19	деревянный 1-эт. дом, Екатерина Мальханова
д. 220	18	деревянный 2-х. эт., строения, наследники крестьянина Ивана Лазунского
д. 219	17	деревянный 2-х эт., строения крестьян. Петра Семеновича Лазунского
д. 218	16	деревянный 1-эт. дом, амбар, 2 флигеля и др. строения, жена статского советника Татьяна Петровна Балавенская
д. 217	15	деревянный 1-эт. дом, наследников крестьянина Василия Лебедева

Как видим, эти дома по Ямской улице в «оценочном описании» 1900 г., записаны в 83-ем квартале в обратном порядке по направлению к Санкт-Петербургской заставе. Сравнение текстов этих двух документов показывает, что дом № 218, находившийся между домами Лазунского и Лебедева, в 1885 г. принадлежал Львовым (по списку домовладельцев д. № 19), а в 1900 г. находился во владении жены статского советника Татьяны Петровны Балавенской (по «оценочному описанию» 1900 г. № 16).

На плане Торжка 1881 г. д. № 19 от начала Ямской и дом № 16 по Ямской от конца 85-го квартала — это дом № 1, в 85 квартале по плану. Таким образом, на основании вышеперечисленных данных, можно утверждать, что здание музея во второй половине XIX и начале XX в. принадлежало Балавенским.

Счастливый случай подарил мне интересную находку в ГАТО: «Дело о разделе имения г-на Львова». Оно было начато в августе 1859 г.[9] На рассмотрение новоторжской дворянской опеки был представлен проект раздела, составленный наследниками имения, оставшегося после смерти коллежского советника Сергея Дмитриевича Львова, владельца Митино. В проекте раздела сказано, что «опека находит его уравнительным для каждого наследника, безобидным для малолетних». Кроме того, в документе оговорено, что дочери С. Д. Львова баронесса Елизавета Сергеевна Дальгейм, Мария Сергеевна Оленина и Аграфена Сергеевна Романова объявляют о своем неучастии в разделе и наследства и имения, о чем каждая из них дает письменное заверение.

Так, М. С. Львова свидетельствует: «Я, нижеподписавшаяся, за часть, которая бы мне следовала из имения покойного родителя моего, коллежского советника С. Д. Львова, получила вознаграждение при жизни родителей, по выходе моем в замужество, в чем и дала в то

[8] Там же. Ф. 97. Оп. 1. Ед. хр. 2669.
[9] ГАТО. Ф. 310. Оп. 1. Ед. хр. 41485.

время подписку и поэтому ныне в разделении права участвовать не имею. Жена генерал-майора М. Сергеева, дочь Оленина, Новоторжского уезда, с. Митино. 18 апреля 1859 год».

В подобной отказной Е. С. Дальгейм записано: при «замужестве своем награждена была лично <...> в завещании мне и сестре моей Марии Сергеевне Олениной, урожд. Львовой, покойной бабкой нашей недвижимостью и деньгами».

В документе подробно описывается всё оставшееся недвижимое имущество: земли, мужского пола души, деревни, имения, заложенные в московском опекунском совете, в тверском приказе общественного призрения. И — главное для нас: в Торжке деревянный дом 3-й части города 1-го квартала под № 218. Это — «старый дом».

В раздельном акте перечислено конкретно, что каждый наследник получает лично: «На часть малолетних детей брата нашего Ивана поступает деревянный дом в городе Торжке, со всеми при нем каменными и деревянными постройками и земли, сколько таковой по плану значится. Но так как дом этот пришел в ветхость и требует значительных поправок, то я, Евгения Андреевна Львова (вдова Ивана Сергеевича Львова. — *Т. Р.*), как нахожу более выгодным на часть малолетних моих детей получить — вместо означенного дома 1200 рублей серебром, ту сумму, в которую он оценен новоторжским городническим правлением, и самый дом с принадлежащими к нему землей и постройками предоставить на часть девицы Татьяны Сергеевны Львовой с тем, что бы она в течение года по получении от крепостных денег раздельной записи помянутые деньги внесла».

Л. В. Тимофеев неоднократно писал, что правнучка Олениных С. С. Попова[10] в беседах с ним говорила: «У нас все считали, что дом принадлежал С. Д. Львову, а он подарил дочери Татьяне. Мария Сергеевна (в замужестве Оленина — жена Петра Алексеевича) поселилась в нем у сестры после смерти мужа в отведенных ей комнатах. Дом Татьяна Сергеевна подарила своей племяннице Татьяне Петровне Балавенской, которую очень любила»[11].

Мы сегодня имеем более точные данные о владельцах дома середины XIX в. на основе документальных свидетельств, из которых следует, что С. Д. Львов не передавал дом своей дочери Т. С. Львовой при жизни. А Мария Сергеевна, судя по воспоминаниям М. П. Гортынской, С. С. Поповой и других потомков, жила в доме на Ямской. Об этом говорит один из документов ГАТО — «Дело о краже вещей из квартиры генерал-майорши Марии Сергеевны Олениной 1865 г. от декабря 17 дня». При дознании обнаружено, что первые две подозреваемые «в ночь кражи, находились в уезде, а не в Торжке»[12]. Значит, кража совершена в городе. Что это за квартира, где живет Мария Сергеевна? Речь идет о времени, когда Петр Оленин еще жив, возможно, в этот период они живут в доме на Ямской.

В письме М. А. Балавенского к А. А. Суслову читаем: «Относительно возраста „старого дома" ничего сказать не могу точно, об этом не знала даже бабушка. Я несколько раз слышал, что бабушка ничего не знает, когда построен дом. Она считала, что ему не менее 100 лет. Она не знала фамилии старых хозяев, у которых ее отец, Петр Алексеевич Оленин, купил дом»[13]. Как утверждает М. А. Балавенский, после смерти Петра Оленина дом принадлежал его жене Марии Сергеевне, а в 1898 г., после ее смерти, по духовному завещанию перешел во владение их дочери, Т. П. Балавенской.

То, что последней владелицей дома, вплоть до революции, была Татьяна Петровна Балавенская, подтвердили архивные документы 1900 г., когда дом назывался домом Балавенских. Правда, еще не найдены документы о передаче дома от одних владельцев к другим, и мы восстанавливаем историю дома только на основе известных свидетельств.

Наиболее документирована история дома середины XIX в. Мы считаем, что именно о нашем доме идет речь при открытии в новоторжском благотворительном танцевальном собрании мужского собрания. В 1845 г., а потом в 1852 и 1853 гг. «квартирующего в Торжке Уланского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка открыто дворянское собрание для танцев (с сентября по март) в доме новоторжского помещика Львова»[14]. Естественно, что, будучи предводителем уездного дворянства, С. Д. Львов использовал

---

[10] С. С. Попова (1894—1986, урожд. Балавенская) — правнучка Олениных, жившая в 1900 гг. в Торжке в доме своей бабушки Т. П. Балавенской, урожденной Олениной.

[11] Архив музея А. С. Пушкина г. Торжка. Из письма Л. В. Тимофеева от 13 марта 1998 года

[12] ГАТО. Ф. 670. Оп. 1. Д. 8822.

[13] ВИЭМ. КОФ 2640/119.

[14] ГАТО. Ф.56. Оп. 1. Д. 1905.

дом в городе для общественных целей. А из мемуарной литературы известно, что в 1839 г. «29 дня гвардейских полков роты, следующих из Петербурга в Москву, по высочайшему изволению в Торжке встречены были чиновниками города и угощаемы были нижние чины по хорошим квартирам, а начальники гвардейских рот и губернатора Балаговского и прочих дворян был сделан обеденный стол в Торжке в доме Сергея Дмитриевича Львова на счет новоторжского общества, который стоил 3200 рублей на ассигнации»[15].

Одной из главных задач наших поисков — установить владельцев дома в пушкинское время, а именно, в 1820—1830 гг. Круг поиска постепенно сужается. Уже сегодня нам известны документы, которые подтверждают, что основателями дома были Бакунины: Михаил Васильевич и Любовь Петровна (урожд. книж. Мышецкая, 1812—1866). В 1855—1856 гг. их внучка Варвара Александровна Бакунина (в замужестве Дьякова) запишет в своем дневнике о М. В. Бакунине: «Он кончил жизнь апоплексическим ударом в Торжке — в своем доме, который был продан, после чего и теперь принадлежит Сергею Дмитриевичу Львову. Бабушка после него поселилась в Прямухине и не покидала траур во всё продолжение 10 лет своей жизни после него до самой кончины»[16]. Итак, в 1855—1856 гг. дом принадлежал уже С. Д. Львову, а мы знаем по документам, что и в 1858 г. дом принадлежал ему же.

Правда, Варвара Александровна не сказала, сама ли Любовь Петровна продала дом сразу после смерти мужа, или он продан был много позже кем-то из детей. Однажды, правда, в тех же дневниках о жизни М. В. Бакунина скажет: «Жили попеременно то в Торжке, то в Прямухине до женитьбы батюшки». Речь идет о том, что Александр Михайлович, отец Варвары Александровны, женился в 1810 г. Может быть, после 1810 г. сменился хозяин дома? Эту информацию следует проверить, выявив соответствующие документы. То, что Бакунины имели дом в Торжке, косвенно подтверждается письмом Александра Ивановича Ермолаева, который путешествовал вместе с А. Н. Олениным в 1802 г.: «Побывали у Бакунина в Торжке».

Из обнаруженных Т. А. Михайловой в ГАТО документов известно, что в 1783 г. М. В. Бакунину в Ямской слободе в 80 отделении было отведено место для построения дома и выдан билет. До октября 1785 г. ему было дано прибавочное место за счет праздного переулка возле данного места. Место застроено «каменным флигелем и прочим строением». В октябре 1785 г. новоторжский магистрат слушал «дело о даче господину Бакунину данной на это место, вместо ранее выданного билета»[17].

Позднее Михаил Васильевич Бакунин подарил жене Любови Петровне это дворовое место со всем строением. В дарственной, датированной 11 июня 1788 г., читаем: «Дарю я жене своей Любови Петровне Бакуниной по отце княжне Мышецкой в вечное потомственное владение отданное мне Ямской слободе место в 1783 г. и с прибавочным в 1785 г. ко оному, состоявшим возле того места праздным переулком», и «строением, исправленным и произведенным ею, женою моею из получаемых с ее деревень доходов. Во всём же том месте и с переулком, как и в данном 1785 г. от новоторжского городничего титулярного советника Игнатья Ивановича Жеглинского, городового магистрата, значится поперечнику в обоих концах по 41 сажени, длиннику от Ямской до Набережной улицы с обеих сторон по 26 саженей и 2-м аршинам». Любовь Петровна дает распоряжение своему дворовому человеку Ефиму Моисееву явиться для получения дарственной в новоторжский городовой магистрат и «оную потом, получа, обратно ко мне привесть». В новоторжском уездном суде 11 октября 1788 г. Е. Моисеев получил копию этой дарственной[18].

Записки В. А. Бакуниной пестрили упоминаниями о Торжке[19].

1822 г., июнь. «Были в Торжке, возвращались из Торжка в чудную ночь».

1827 г., декабрь. «Я с Любашею в Торжке, в маскараде».

1830 г., февраль. «Всю масленицу у Львовых (Митино) и вместе с ними ездили в собрание. Дружба с Львовыми».

1837 г., февраль. «Танюша и Сашенька на бале в Торжке».

1838 г., февраль. «Танюша и Сашенька на бале в Торжке».

---

[15] Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М.: Российская политическая энциклопедия: памятники исторической мысли, 2007. С. 470.

[16] *Сысоев В.* Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002. С. 38. ТГОМ. КВФ. 1056/1-3. Воспоминания, дневники, письма В. А. Бакуниной (в замужестве Дьяковой).

[17] ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 466а.

[18] ГАТО. Ф. 172. Оп. 2. Ед. хр. 226.

[19] Рукопись Т. А. Михайловой «Бакунины и Торжок».

1841 г., 1 ноября. «Все переехали на зиму в Торжок».

Согласно «Памятным запискам Варвары Александровны Бакуниной», зимы 1834—1839 г. Бакунины жили в Твери.

Из «Памятных записок Варвары Александровны Бакуниной» (урожд. Муравьевой)[20], из «Летописи семьи Бакуниных (1822—1876 гг.), из писем Бакуниных, опубликованных в книгах А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» и «Годы странствий», известно, что Бакунины зимой часто жили в Торжке. Правда, остается неясным; был ли у них свой дом в Торжке и был ли это дом на Ямской. Если Бакунины не продали дом сразу после смерти Михаила Васильевича, то можно предположить, что всё это время домом владели они и продали его Львовым не в самом начале XIX в., а позже.

В воспоминаниях М. П. Гортынской и письмах Михаила и Елизаветы Балавенских дается замечательное описание усадьбы (дома, сада, хозяйских построек и флигелей), а также внутреннего убранства дома. «Старый дом находился на Ямской, между водокачкой и семинарией, и выходил фасадом на шоссе (за палисадником). С левой стороны был флигель, называемый канцелярией (Александр Петрович Балавенский, после освобождения крестьян от крепостной зависимости был мировым посредником, и флигель был его кабинетом-канцелярией). В глубине — длинное полуразрушенное здание, в передней части которого помещалась конюшня и каретный сарай, а в более разрушенной — бывший домашний театр»[21].

Елизавета Балавенская запомнила много деталей, особенно ярко описывает она интерьер дома: «Мебель в кабинете была в стиле „жакоб" конца XVIII в. Из красного дерева, обитая черной сафьяновой кожей. Большой диван, кресла мягкие, стулья — их было 12 штук. Письменный стол очень хороший, большой, в общем, полный гарнитур. На всей мебели наложен медный желтый кант. В гостиной на полу был ковер во всю комнату, в стене вделан шкаф дубовый, целый набит книгами на иностранном языке. По стене кругом шла черного дерева панель в виде полки. На ней стояли английские часы с музыкой и множеством статуэток.

На окнах гостиной — тюлевые занавески (в стиле того времени — рисует!). Выл аквариум. Стены и потолок беленые в больших комнатах, а в маленьких, где жила бабушка Татьяна Петровна, были оклеены обоями, занавески раздвижные суровые.

В столовой — круглый стол, раздвижной, над ним висячая лампа, были и настольные лампы.

Был очень хороший рояль, картины на стенах. На панели из черного дерева стояли канделябры, часы английские под стеклянным колпаком.

В буфете много сервизов обеденных и чайных, заказанных по особому заказу. Было много фотографий, где сняты комнаты со всем убранством внутри. Все было богато и красиво. Я очень любила разглядывать многочисленные портреты всех Олениных. Оленин был эстет, любил всё красивое, хорошее, дорогое»[22].

Музей А. С. Пушкина хранит фотографии, о которых рассказывают Балавенские. На них — предметы, которые сейчас экспонируются в музее, многочисленные портреты. О них рассказывает и М. П. Гортынская: это портреты А. Н. Оленина и Е. М. Олениной, юного Петра Оленина, раненного в битве при Бородино, и спасшего его барона Дамаса.

Получив от А. А. Суслова фотографии в подарок, Балавенские благодарили его «в особенности за вид на старый сад». Елизавета помнила всё до деталей: «Около дома справа был большой кедр, слева около дома высокая лиственница. Были березы, под ними росли сыроежки. В нашем саду была простая земляная лестница... ступеньки которой были укреплены деревянными досками. На горе с северной стороны была беседка, а в южной стороне под соснами устроены скамейки. Беседка сделана из тонких узких дощечек, видно, предполагалось обсадить ее вьющимися растениями, но этого так и не сделали. Внутри беседки был устроен круглый стол, на вкопанном столбике, а вокруг него на таких же столбиках стояли скамейки. К беседке нужно было спускаться по двум горкам. В саду не было плодовых деревьев, росли могучие сибирские лиственницы, вязы, очень много сирени и спирея»[23].

Интересное описание сада на схематическом чертеже по просьбе сотрудников музея сделал в 1986 г. житель Ямской улицы Петр Михайлович Иошин. Его семья в начале XX в. про-

---

[20] Архив музея А. С. Пушкина. Копия «Памятных записок Варвары Александровны Бакуниной (урожд. Муравьевой)».
[21] Письма М. П. Гортынской к А. А. Суслову. ВИЭМ. Ф. 3.0.1. Ед. хр. 194.
[22] ВИЭМ. Письма М. А. Балавенского и Е. С. Балавенской к А. А. Суслову. КОФ. 2640/119.
[23] Там же.

живала по соседству с Балавенскими, а точнее занимала и сейчас занимает бывший северный флигель дома. Петр Михайлович вспомнил расположение всех построек на территории, ныне не сохранившихся: и кирпичный сарай, и театр Балавенских, каменный погреб в земле, беседку и смотровую площадку, спуск к Тверце, причал. На его глазах театр Балавенских ломали и использовали камень для мощения под асфальт главной улицы левобережья — Ямской[24].

Кроме фотографий и любительского чертежа П. М. Иошина, «старый дом» изображен на рисунке Владимира Филипповича Ярополова, совмещавшего после революции должность инспектора по охране памятников искусства и старины по Новоторжскому уезду и научного сотрудника музея в Торжке. Он создал 25 графических работ, которые экспонировались на I-й Московской выставке картин самодеятельных художников. Среди них — небольшой рисунок в альбомный лист с надписью: «9/IX 1924 г. г. Торжок, Ямская улица, б. дом Балавенских — его последние владельцы, кирпичный под каменными сводами (обвалились), построенный для театра. При Екатерине II в этом доме был театр — первый в Торжке. Владелец того времени и строитель неизвестен. В 40-х годах XIX века неизвестно у кого куплен помещиком Львовым (владельцем Митино и Василево). В 50-ые годы XIX века в нем был еще театр»[25]. Изображен здесь, конечно, не сам дом, а тот кирпичный сарай, который стоял на территории усадьбы Балавенских и, возможно, был театром при более ранних хозяевах.

Интересная история дома и судьба жителей его стали темой романа писательницы А. П. Балавенской «Старый дом». Об этом романе известно из переписки Балавенских с А. А. Сусловым. Елизавета Степановна писала А. А. Суслову: «У нас была книга о „старом доме". Ее взял Петр Александрович, вот бы она вам пригодилась. Писала ее сестра Александра Петровича Балавенского». Один экземпляр этого издания хранится в фонде редких книг Научной библиотеки Тверского государственного университета. Роман был напечатан в нескольких номерах журнала «Русская речь» за 1879 г. Они сброшюрованы в 2 книги с хорошим переплетом. На титульном листе заглавие: «Русская речь — журнал литературы, политики и науки. Сентябрь-ноябрь 1879 г. С. Петербург». Подписан роман инициалами «А. П.». Здесь же штемпель владельцев библиотеки: «Библиотека Квашниных-Самариных».

Роман Анфисы Петровны Балавенской, как, впрочем, и другие ее романы и повести, посвящен тема разоренного реформой 1861 г. «дворянского гнезда». Их определяющее настроение «сумерки», «ненастье», «разорение». Автор пытается развить тургеневскую интонацию, точно изобразить детали дворянского быта. Но нельзя не заметить в нем и традиции светских романов. А родственники, близкое окружение из семьи Олениных-Балавенских, вероятно, видели в романе нечто биографическое. Некоторые портреты героев романа напоминают портреты обитателей «старого дома»: «Генерал шестидесяти пяти лет, белые курчавые волосы, высок, плотен». Узнаю Петра Алексеевича Оленина с портрета А. К. Лашина, находящегося в современной экспозиции музея А. С. Пушкина. В воспоминаниях М. П. Гортынской о портрете Петра Оленина сказано: «...изображен уже в пожилом возрасте, с седыми вьющимися волосами, на военной службе дослужился до чина генерал-майора».

Героиня романа «наутро увидела бюст дедушки». А в воспоминаниях М. П. Гортынской читаем: «В гостиной стоял гипсовый бюст Алексея Николаевича Оленина. Между прочим, этот бюст был выкрашен белой эмалевой краской, конечно, больше из хозяйственных соображений, чем из культа». Мы увидим глазами героев и сам «старый дом»: «Когда она опустила окно в возке, то увидела что-то высокое и темное. Лошади шли в гору, наконец, в самом верху горы замелькали огни в доме... Старый большой деревянный дом, с которого давно сошла охра». Утром открывается другая картина: «Прекрасный вид открылся. Было видно за 30 верст кругом. Вдали горели на солнце купола церквей». С тоской Балавенские будут вспоминать «эту панораму Торжка и „старый дом"». А мы будем беречь этот дом, в котором переносимся туда, где нас ожидает встреча с далеким прошлым.

«История домов подчас интереснее человеческой жизни. Дома долговечнее людей и делаются свидетелями нескольких людских поколений», — сказал К. Паустовский. «Старый дом» жил, наполняясь чувствами, голосами Бакуниных, Львовых, Олениных, Балавенских. Здесь проходили главные события семейной жизни: рождения детей, праздники, приезды родственников; спорили о военной и гражданской карьере, читали Пушкина.

---

[24] Архив музея А. С. Пушкина в Торжке. Чертеж усадебного парка Балавенских в начале XX в. 1986.

[25] Торжок в путевых заметках и мемуарах / Составитель И. А. Бочкарева. Торжок: ВИЭМ, 2002. С. 140—144.

С. В. Кутейников

Пушкин в Погорелом Городище[1]

О посещении посада Погорелое Городище свидетельствует сам А. С. Пушкин. В письме к Н. Раевскому-младшему от 30 января (или июня) 1829 года поэт пишет о Гавриле Григорьевиче Пушкине, как персонаже своей трагедии «Борис Годунов», наделенного чертами реальной исторической личности: «Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и, в особенности, как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, заседавших в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента...»

Из приведенного отрывка пушкинского письма можно понять, что поэт в Погорелом Городище нашел некий исторический документ (грамоту), в котором рассказывается о том, что Гаврила Григорьевич Пушкин сжег это самое Погорелое Городище. Этот факт, зафиксированный Пушкиным, поставил в тупик первых публикаторов данного письма. Ни у П. В. Анненкова, ни у П. А. Ефремова не хватило времени или желания разобраться в вопросе: что это за Погорелое Городище? И как туда попал Пушкин?

П. В. Анненков ограничился вольным пересказом письма, в котором грамоту назвал «Погорельской». П. А. Ефремов, видимо в полном замешательстве, публикуя письмо в полном собрании сочинений Пушкина 1882 г. (Т. 7), поставил слова *Погорелое Городище* в кавычках.

Знакомство с первыми далеко не совершенными переводами пушкинского письма навело М. В. Строганова на мысль, что, написав «нашел в Погорелом Городище», Пушкин имел в виду нечто иное и на самом деле поэт якобы не был в посаде[2]. Однако последний академический перевод не оставляет никаких сомнений. «Нашел в Погорелом Городище» — значит, был именно там. Давайте, наконец, поверим Пушкину.

Триада «Пушкин — грамота — Погорелое Городище» породила много домыслов.

В 1901 г. жалованная грамота царя Михаила Федоровича (та самая грамота, упомянутая Пушкиным) была доставлена из Погорелого Городища в Тверь. Ее поступление обсуждалось на 85 заседании Тверской ученой архивной комиссии 27 ноября, о чем подробно рассказано в печатном Журнале ТУАК. Обсуждался на заседании не только текст грамоты, но и пушкинский след. Была высказана версия, что Пушкин собирал материалы о ржевском купце-авантюристе Долгополове для «Истории Пугачевского бунта». Поэтому поэт якобы был в Ржеве и Погорелом.

В последствии эта версия была развита писателем А. С. Пьяновым, который даже предлагал переписать творческую биографию Пушкина в связи с тем, что поэт стал заниматься «Историей Пугачева» на три года раньше, чем это принято считать[3]. Художественный слог и безапелляционные утверждения Пьянова убедили партийных работников, усилиями которых на здании поселкового Дома культуры в Погорелом Городище появилась мемориальная доска. Однако версия А. Пьянова подтверждений не получила.

Наиболее серьезно к вопросу о посещении Пушкиным Погорелого Городища отнесся Л. А. Черейский, который предлагал связывать эту поездку с пребыванием поэта в Старицком уезде в декабре 1828 или в январе 1829 г.

Из двух вариантов А. Пьянов выбрал январь 1829 г. И хотя он не раскрывает причин своего выбора, они читаются между строк. По логике А. Пьянова, в декабре 1828 г. Пушкин много работал, и ему некогда было ездить в какую-то глушь типа Погорелого. А вот в январе

---

[1] Настоящая публикация продолжает ряд работ автора по этой же теме; см.: *Кутейников С. Е.* Где был Пушкин? // Русская провинция. 2002. № 1. С. 124—125; *Кутейников С. Е.* Неизвестные знаменитости. Старица, 2008; *Кутейников С. Е.* Пушкин и Озеров на Зубцовской земле. Старица, 2005.

[2] *Строганов М. В.* Две старицкие осени Пушкина: Литературоведческие очерки. Тверь, 1999.

[3] *Пьянов А. С.* Мои осенние досуги: Пушкин в Тверском крае. М., 1983.

1829 г. поэт кутил, праздновал. Не всё же ему волочиться за барышнями, мог два-три дня уделить рабочей поездке в то же Погорелое. Такова логика А. Пьянова, но не Пушкина.

В отличие от А. Пьянова, Л. А. Черейский выдвинул свою оригинальную версию причин появления Пушкина в Погорелом Городище. Л. А. Черейский полагал, что Пушкин посетил посад в ходе визита к местному помещику Федору Ильичу Ладыженскому, заехать к которому поэту рекомендовал его сосед по Псковской губернии Евграф Семенович Ладыженский. Однако в более поздней работе Л. А. Черейский отказывается от этой версии, публикуя письмо, написанное Евграфом Семеновичем в 1833 г., в котором он просит Вульфов познакомить его с Пушкиным. То есть ни 1828, ни 1829 г. Евграф Ладыженский не был знаком с Пушкиным и, естественно, не мог ничего советовать[4].

Другая версия, ставшая очень популярной, появилась после опубликования книги Л. Ф. Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина». Она рассмотрела письмо Пушкина к А. Н. Вульфу от 16 октября 1829 г., в котором поэт пишет: «Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок». Всем известно, что на Старицу с петербургского тракта надо сворачивать влево. «Пушкин не ошибся, написав «своротил вправо», в том случае, если от Москвы он поехал через Волоколамск до Зубцова и оттуда свернул на Старицу», — пишет Л. Керцелли. Она объясняет выбор этой дороги меньшей загруженностью ее и меньшей платой за корма[5]. Это важно, но главное выходит, что из Старицкого уезда можно ехать в Москву не через Тверь, а через Волоколамск. А это значит, что, двигаясь Зубцовским трактом, Пушкин мог побывать в Погорелом Городище проездом.

Известно, что Пушкин выехал из Малинников 4 или 5 декабря, а 7 декабря прибыл в Москву и поселился в гостинице «Север»[6]. По времени получается, что он мог бы сделать остановку в Погорелом Городище. Только одно «но»: во времена Пушкина Зубцовский почтовый тракт не проходил через Погорелое Городище. Топографические карты показывают, что почтовый тракт находился примерно в 10 верстах севернее Погорелого. Поэтому поэт никак не мог побывать в посаде проездом.

Почтовые тракты на юго-запад от Москвы в 1999 г. изучила Т. Яйцова. Она показала, что от Москвы до Волоколамска шел Волоколамский тракт, а далее шли малые тракты — Можайский, Зубцовский, Старицкий. Зубцовский тракт шел от Волоколамска через Ярополец, Урусово, Раменье, Несытово, Ульяново, Аболешево. От Зубцовского тракта в деревне Юркино (недалеко от Яропольца) отворачивал Старицкий тракт, который шел через Лотошино и Степурино[7]. Получается, что из Старицы, в Москву проще и быстрее было добраться Старицким трактом через Лотошино.

Приехать в Погорелое Городище Пушкин мог только целенаправленно. Когда? И, главное, зачем?

В 1990 г. краевед В. Вдовыкин-Чуриков обратил внимание, что при поездке в декабре 1826 г. в Москву Пушкин на путь от Торжка потратил трое суток, вместо одних, как обычно. В. Вдовыкин-Чуриков предположил, что поэт ехал от Торжка не Петербургским трактом, а другой дорогой, через Старицкий, Ржевский и Зубцовский уезды и был в Погорелом Городище утром 19 декабря. А уже вечером того же дня Пушкин был в Москве на квартире С. А. Соболевского. О причинах выбора такого сложного маршрута В. Вдовыкин-Чуриков не высказывается[8]. Однако можно предположить, что эта поездка Пушкина может быть связана с работой над трагедией «Борис Годунов».

Пушкин работал над трагедией «Борис Годунов» в ссылке в Михайловском. Он закончил трагедию 7 ноября 1825 г. «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух один и бил в ладоши и кричал, — ай да Пушкин, ай да сукин сын!» — делился поэт с П. А. Вяземским. Лишь только через год он сможет прочитать «Бориса Годунова» друзьям.

4 сентября 1826 г. в сопровождении жандармского офицера Пушкин выезжает из Михайловского и 8 сентября он прибывает в Москву. Здесь на аудиенции у Николая I от самого

---

[4] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 227; *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край. Калинин, 1985. С. 13—14.

[5] *Керцелли Л. Ф.* Тверской край в рисунках Пушкина. М., 1976. С. 199.

[6] Хронологическая канва биографии А. С. Пушкина / Сост. М. А. Цявловский // Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997. С. 13.

[7] *Яйцова Т.* Ехал Пушкин мимо нас: О поездках поэта по Шаховской земле // Вслед за Пушкинским возком: О поездках Пушкина между Москвой и Старицким уездом. Зубцов; Шаховская, 1999.

[8] *Вдовыкин-Чуриков В.* Тверские маршруты поэта // Тверская жизнь. 1990. 15 августа.

царя Пушкин узнает об освобождении из ссылки и о том, что Николай «сам будет его цензором». Уже 10 сентября на квартире у Соболевского поэт читает «Бориса Годунова». Это было первое чтение трагедии, но не последнее. В течение месяца чтений было пять. Последнее — 12 октября на квартире у Веневитиновых. Естественно, что на чтениях происходило обсуждение поэмы. Замечаний было много, оценки порой — нелицеприятны. Но Пушкин всегда ценил дружеские советы и, вероятно, продолжал шлифовать текст.

1 или 2 ноября поэт уезжает из Москвы снова в Михайловское. Стояла осенняя распутица. Дороги развезло, и путешествие было не из приятных. В декабре Пушкин возвращается в Москву. Уже морозно. Тонкий снег покрыл землю. По полям можно ехать, как по столбовой дороге. Поэтому поэт решает осмотреть местность старой русско-литовской границы, через которую бежал Григорий Отрепьев. Можно говорить о том, что мы именем пример творческого метода Пушкина. Когда он работал над «Историей Пугачева», то выехал на место событий в Оренбургский край. В данном случае путешествие ограничивалось лишь местностью бывшей литовской границы.

Следы этого путешествия нам удалось найти в трагедии «Борис Годунов». Название главы «Корчма у литовской границы» калькирует топоним Корчмитово — название деревни, расположенной к западу от Погорелого Городища. В описании дороги в Литву зафиксированы все основные черты ландшафта, а так же встречаются топонимы из окрестностей Погорелого Городища: «Вот отсюда свороти влево да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луёвых гор», — говорит хозяйка корчмы Григорию.

На юго-востоке от Корчмитова находится сосновый лес (бор), из которого вытекает ручей Ивка. Однако в самом лесу есть урочище, которые местные жители называют Чеканка или Чекалкино. Берега Ивки заболочены, более того местность имеет плоские водоразделы, на которых находятся небольшие верховые болотца. А на месте, где раньше была деревня Холопье (очень близко по звучанию к пушкинскому Хлопино), есть урочище Кошкины горки. «Словно кошка лапкой нарыла», — иронизируют по поводу этого топонима старожилы. Недалеко от Кошкиных гор Игумнова гора, да и сам посад Погорелое Городище, по мысли местных жителей находится на горах, о чем говорит название речки Горянка, то есть текущая под горой. На восток от Погорелого гор не меньше — Старые Горки, Княжьи горы, Жилые горы. Пушкинские Луёвые горы, скорее всего, собирательный образ всех этих гор и их ироничная характеристика. С. Коткин предложил заменить первую букву, и тогда станет ясно эмоциональное отношение поэта к местным горам. Эта идея озвучивалась автором в ряде публикаций. Местные топонимы упоминаются в «Борисе Годунове» обратном порядке, то есть в последовательности продвижения путешествующего не в Литву, как следует в трагедии, а в Москву, как, видимо, ехал сам Пушкин. Погорелое Городище лишь случайная остановка, и место неожиданной находки — царской грамоты.

Грамота удивила Пушкина. В ней рассказывалось о Гавриле Григорьевиче Пушкине, который, кстати, не был прямым предком поэта, о чем поэт не знал. Сильные эмоции, глубоко врезавшиеся в память, напомнили о себе спустя два года. Пушкин вспомнил о грамоте и месте, в котором ее нашел. Аргументов достаточно, чтобы утверждать, что А. С. Пушкин посетил Погорелое Городище, вероятно, 18 или 19 декабря 1826 г., в ходе спланированной ознакомительной поездки по местам действия своей трагедии «Борис Годунов».

Человек и место

В. В. Линкевич

Курорт Андреапольские минеральные воды в начале XIX века

20 июня 1810 г. в сельце Андреаполь (оно же Андреанополь) Осташковского уезда Тверской губернии произошло знаменательное событие. Торжественно, при большом стечении гостей и окрестного люда открылся курорт Андреапольские минеральные воды, который отныне на несколько десятилетий стал привлекательнейшим местом отдыха и лечения для многих богатых и состоятельных (впрочем, и для просто страждущих телесными немощами) соотечественников. Его слава около двадцати лет осеняла окрестные места, заслуживая высокой похвалы современников: «Кроме Кавказских целительных вод, Андреапольские, вошедшие в употребление тому около двенадцати лет, без сомнения заслуживают преимущество между премногими в России известными, и достойны не меньшей славы, как Пирмонтские, Карлсбадские и многие другие»[1].

Основателем и владельцем курорта являлся генерал-майор Сергей Андреевич Кушелев, помещик сельца Андреяна Поля – Андреаполя. Будучи весьма предприимчивым человеком, он обладал двумя крайне редкими у деловых людей даже в наше время качествами: желанием возвысить и благоустроить край (безусловно, не без поисков и использования ресурсов для личного обогащения) и любовью, как мы бы сейчас выразились, к малой родине. Указанные свойства, характерные для осташковской ветви Кушелевых вообще, проявились в этом представителе древнего дворянского рода как ни в ком другом. Как можно судить, несколько десятилетий бурлящей курортной жизни в Андреаполе не сопоставимы по значимости ни с какой другой исторической вехой нашего края.

Как ни странно, мы располагаем совсем небольшим количеством документальных источников о курорте. Главная из причин тому вполне традиционна для России. После смерти С. А. Кушелева, его детище быстро пришло в упадок, не найдя продолжения ни в делах сыновей, ни в хозяйственниках и предприимчивых людях, могущих позаботиться о дальнейшем освоении и содержании заведения. Так, путешественник Иосиф Белов, посетивший эти места в 1848 г., в своей книге, увидевшей свет несколькими годами позднее, пишет о своих впечатлениях от увиденного: «Сельцо Адринополь пользовалось прежде большою известностию не только в Тверской, но и в смежных с ней губерниях. Но слава его, блеснула и померкла! <...> С смертию г. N..., прежнего владельца этого имения, пала и слава сельца Адринополя, он основал здесь заведение минеральных вод, содержал при них искусных докторов, старался доставить разного рода удовольствия для посетителей; теперь же никто об этом не заботится, нынешний его владелец не живет в своем имении. <...> Теперь потолки этого здания рушатся, лепные его украшения отчасти лежат в грудах мусора, пол выломан, бассеин засыпается и подернут плесенью, но источник всё журчит, кажись, будто жалуется, на непостоянство и превратности судеб!»[2]

К началу XX в. о былом величии Андреапольского курорта рассказывали лишь легенды. Краеведы второй половины XX в. Э. Э. Шимкевич и В. О. Клявзур, снова заострили внимание на данной теме. К концу XX в. появилось несколько публикаций, в основном в местной периодической печати. В большинстве случаев они лишь передавали в той или иной форме сведения, почерпнутые из двух известных нам книг: «Описание вновь открытых Андреяпольских минеральных вод» К. Фридебурга (СПб., 1811), и «Краткий ответ на многие изустные и письменные вопросы касательно Андреапольских минеральных вод» Г. Еллизена (СПб., 1822).

Более всего не хотелось бы повторять путь краеведов, трогательно переписывавших из указанных изданий описания ярких картин курортной жизни. Тем не менее, чтобы хотя немного ввести читателей в предмет повествования, мне придется процитировать ряд строк.

«До сих пор жили приезжавшие к водам гости без всякой платы в господском двухэтажном доме, имеющем 18 сажен в длину и 8 сажен в ширину, во флигелях и в других вокруг лежащих строениях; но как сих квартир со временем будет недостаточно, то и предположено выстроить по обеим сторонам проспекта 60 домов, из коих в каждом с удобностию помещаться

---

[1] *Еллизен Г.* Краткий ответ на многие изустные и письменные вопросы касательно Андреапольских минеральных вод. СПб., 1822. С. 2. Иллюстрации к статье взяты из этой книги.

[2] *Белов И.* Путевые заметки и впечатления по Московской и Тверской губерниям. М., 1852. С. 55—58.

будут два семейства. <...> Гостиница, называемая здесь общественный дом, в недальнем расстоянии от господского дома выстроенная, принадлежит также к учреждениям, доставляющим всё нужное для удобства и удовольствия больных. В ней находится прекрасная и весьма выгодно расположенная кухня, большая общая столовая зала, пространная танцевальная зала, газетная комната и еще восемь других комнат для посетителей.

Учрежденная здесь привилегированная аптека, принадлежащая собственно к Андреяпольским минеральным водам, расположена наилучшим образом»[3].

«С одной стороны новый сад с английскими дорожками, аллеями, храмом Дианы и другими привлекательными, приятными для глаз украшениями.

В стороне, над обложенным прудом, гроты и водопады, над коими чрезвычайно приятный и великолепно убранный буфет для плодов, чаю и других прохладительных. <...> На сей же прогулке встречаются в разных местах красивые мосты, водометы и водопады; здесь же и серный источник. От общего дому идет красивая алея к насаженной березовой роще, в которой качели, скамейки, и возвышенное место близ Осташковской дороги. <...> Близ сей рощи есть оранжерея, доставляющая много персиков и абрикосов.

С другой стороны общего дома идут две аллеи: одна для пеших, а другая для едущих – длиною с малую версту, ведущие к большому источнику. Сие строение длиною в шестьдесят футов с тремя своими куполами представляет очень красивый вид. Внутреннее устроение оного превосходит всё виденное мною при иностранных теплицах. Входя в оное, видишь себя в большой круглой зале с сводом (rotonde); в глубине журчат ключи, из которых черпается вода насосами, сделанными в виде пальмов. По обеим сторонам в два ряда симметрические колоннады, приводящие опять к ротонде. Вверху над колоннадою хоры для музыки. По обеим сторонам главного источника коридоры, ведущие к купальням, коих по двадцати на каждой стороне. При каждой купальне передняя со столом и диваном; в комнате для купанья жестяная окрашенная ванна с двумя кранами, одним для теплой, а другим для холодной воды. <...> Прибор для поливанья в виде дождя и струею устроен очень хорошо»[4].

Уже упоминавшийся И. Белов, в годы расцвета курорта, несомненно, его посещавший, писал: «В Мачихине (первоначальное название сельца – *В. Л.*) также находились: трактир, кофейня и дом для публичного собрания, сюда приезжали во время лета не только желающие пользоваться минеральными водами, но равно и для препровождения времени: богатые помещики, артисты и музыканты; в саду по вечерам гремел оркестр; светские люди иные в зале собрания танцевали, другие прогуливались по аллеям и в роще, словом, весь Адринополь тогда был в движении и полон жизни; на это время квартиры и содержание были здесь весьма дороги».

Несколько слов собственно о посетителях курорта. В Государственном архиве Тверской области хранится очень важный для нас документ – «Книга посетителей Андреяпольских минеральных вод». Тщательный и детальный анализ ее пока еще никто не производил, хотя попытки изучения всё же были. Вот некоторые из записей, которые даже мне, неискушенному исследователю, бросились в глаза:

«1823-го года. Июня, 30. Из Царского Села генерал-маиор и разных орденов кавалер Александр Владимирович барон Розен»[5].

«1823 года. Июля 8-го. Тверской гражданской губернатор Николай Сергеевич Всеволоцкой. Супруга его Елисавета Карловна. Дочь их Минеродора Николаевна»[6].

«1824-го года. Июля, 9. Из Москвы статской советник Петр Дмитриевич Хвощинской. Двора его императорского величества камер-юнкер и кавалер Аврам Петрович Хвощинской. Супруга его Софья Михайловна».

«1824-го года. Августа, 16. Из Дерпского университета студенты Ермолай Иванович Гесс, Григорий Петрович фон Гельмерзен.

Августа, 31. Из Пскова лютеранской пастор Шербер Кистер. Его г-н Беш»[7].

«1830 года. Маия, 21. Из С.-Петербурга архитектор его императорского величества коллежский советник и кавалер Карл Иванович Росси. Супруга его Лионтина Андреевна Росси.

---

[3] *Фридебург К.* Описание вновь открытых Андреяпольских минеральных вод. СПб., 1811. С. 20—21.

[4] *Еллизен Г.* Краткий ответ на многие изустные и письменные вопросы касательно Андреапольских минеральных вод. С. 56—58.

[5] ГАТО. Ф. 802. Оп. 1. Ед. хр. 1403. Л. 17.

[6] Там же. Л. 17 об.

[7] Там же. Л. 19.

Дочь их малолетная Мария Карловна. Свояченица его Екатерина Андреевна девица Борман. Отставной губернский секретарь Виктор Францович Берарт»[8].

Хотя, конечно, большая часть посетителей – это уездные помещики, как в ближайшем соседстве с имением С. А. Кушелева, так и более отдаленные. Произвольный набор известных фамилий, на мой взгляд, говорит не только о популярности курорта, но и о личном круге знакомств и общения самого С. А. Кушелева. Думаю, что в немалой степени на развитие Андреапольских минеральных вод оказала помощь брата владельца, сенатора Егора Андреевича Кушелева (1763—1826), генерал-лейтенанта, занимавшего некоторое время пост военного губернатора Москвы.

Несколько слов об исследованиях природных богатств края в этот период. Изучение лечебных свойств близлежащих источников не прекращалось во всё время существования курорта. В разное время андреапольские ключи осматривали академик императорской Академии Наук В. М. Севергин, оставивший подробнейшее описание[9], В. Любарский, который оставил следующее интереснейшее свидетельство: «По желанию С. А. Кушелева, я обратил внимание мое на здешние пески, в коих не без основания подозревалось им содержание золота. Первую мысль о сем внушил С. А. Кушелеву Севергин, нашедший, по своим наблюдениям, сходство здешних песков с уральскими. С. А. Кушелев, сравнивая по наружности свои пески с оными, убедился в сем сходстве, почему в прошлом 1826 году решился послать в С.-Петербург на пробу несколько пуд андреапольского, более сходствующего с уральским, песка, который был испытан в лаборатории Горного кадетского корпуса. В полученном шлихе из сего пробного песка, по химическим исследованиям, оказалось присутствие золота в малом количестве»[10]. В. Любарский подтвердил догадки В. М. Севергина: «Реактивы совершенно убедили меня в золотосодержании здешних песков. <...> В следствие сих опытов получили мы наконец корольки высокопробнаго золота»[11]. Как мы можем догадаться, какие-то причины не позволили организовать владельцу курорта крупномасштабную добычу золота. Возможно, причина этого кроется как раз в малом содержании металла в наших песках. Однажды, около 10 лет назад, я показал статью В. Любарского геологу М. Н. Дэви. Он подтвердил, что только в одном случае, из нескольких приведенных в статье, речь может идти о промышленной добыче.

Один из лечащих врачей курорта Федор Вульф сообщает о курсе лечения в 1836 г. на так называемом серном ключе: «Сей источник, который есть или дополнительное, или главное во многих болезнях средство, был прежде упущен из виду и потому свойства его мало известны публике и врачам. При суждении о целебных силах Андреяпольских минеральных вод вообще сей источник заслуживает надлежащее внимание. Находящийся в близи реки Двины, образует он бассеин не более полусажени в длину и такой же меры в глубину. Вода в нем чиста как хрусталь, запахом сернопеченкового газа или гнилых яиц, температурою не выше пяти градусов по Реомюревому термометру. <...> В 1819 году сей источник был исследован г-м Рейссом»[12]. Кстати, практически любой материал, написанный о водах, содержит то или иное медицинское наставление; рассматривает случаи как положительного воздействия их на организм, так и отрицательное.

Заканчивая свое небольшое повествование, хочется выразить уверенность в том, что курорт Андреапольские минеральные воды, жемчужина Тверского края первой половины XIX в., еще обретет своих исследователей. Не поднятым историческим пластом лежат документы Кушелевых в Российском Государственном архиве древних актов и Петербургском филиале ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Не подвергались цельному многостороннему исследованию документы Государственного архива Тверской области по данной тематике.

«Только должно оставить все домашние заботы и скучные должностные занятия, все тягости и печали, кратко: отложить все житейские попечения, быть бодрым и веселым, и вооружась полным кошельком, питье Андреапольских вод и купанье в оных такие же сотворит чудеса, как Пирмонт, Спаа и Карлсбад»[13].

---

[8] Там же. Л. 27 об. — 28.

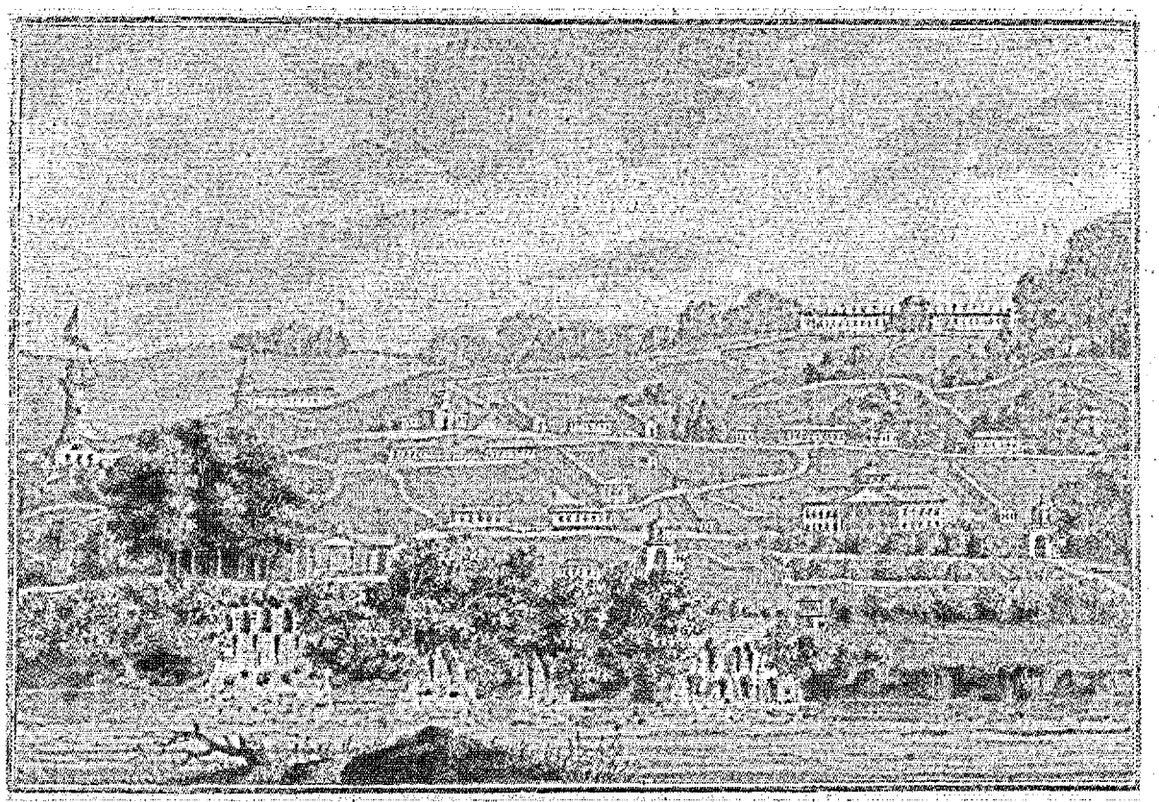
[9] *Севергин В. М.* Описание Андреапольских минеральных вод в Осташковском уезде Тверской губернии // Труды императорской Академии Наук. СПб., 1821. Ч. 1.

[10] *Любарский В.* Поездка в Андреаполь // Горный журнал. 1828. № 4. С. 127—128.

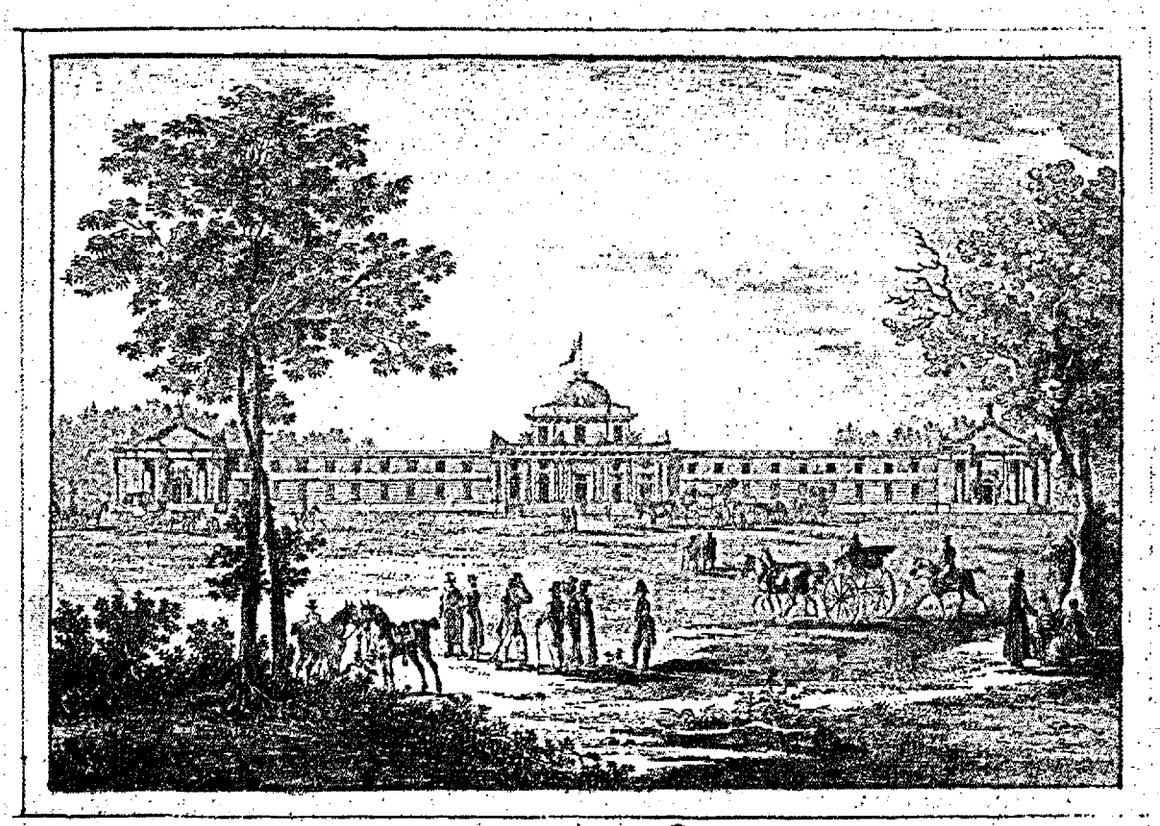
[11] Там же. С. 129.

[12] ГАТО. Ф. 802. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 7 об. — 8.

[13] *Еллизен Г.* Краткий ответ на многие изустные и письменные вопросы касательно Андреапольских минеральных вод. С. 6.



Вид на реку Западная Двина, сельцо Андреаполь и курорт Андреапольские минеральные воды



Вид на лечебные корпуса курорта

С. В. Денисенко

Три пьесы Я. Н. Толстого

Театральную репутацию Якова Николаевича Толстого, наследника усадьбы Новые Ельцы Осташковского уезда (1791—1867)[1], подтверждать или опровергать не требуется. Он был председателем литературно-театрального общества «Зеленая лампа», завсегдатаем петербургских театров, близким знакомцем самого в те времена знаменитого драматурга А. А. Шаховского, позднее автором «Писем из Парижа» (опубликованных в «Сыне отечества» в 1823 г.), добрая половина которых посвящена парижской сцене и т. п. К этой репутации «прилагается» еще и авторство трех водевилей (впрочем, «переделок с французского»). Вот о них-то и пойдет речь в наших заметках.

Всего три пьесы для театрала тех времен — незначительный факт литературной биографии.

Те, кто подвизался писать для театра, обычно «выдавали» пьесы в большом количестве, особенно если учитывать сложившую бенефисную практику на императорской сцене: любая пьеса, пусть даже неудачная была обязана выдержать два положенных бенефисных представления (первое — в пользу бенефицианта, второе — в пользу Дирекции). Поток новых пьес, в том числе и переводов, и «переделок» был быстрым и неиссякаемым. Водевили же (в это время большей частью переводные) пользовались особым предпочтением в 1820—1840-е гг. на русской сцене. Впрочем, как замечал А. Вольф, «настоящий русский водевиль с легко очерченными современными типами, с острыми куплетами, также с легкими намеками на современную злобу дня появился уже в тридцатых годах»[2].

Итак, первая пьеса — «Витикиндова башня, или Капитуляция жидов» (в Москве представлялась под названием «Витикиндова башня, или Жидовская капитуляция»)[3].

Вторая пьеса — опера-водевиль в одном действии «Мнимые разбойники, или Суматоха в трактире»[4].

Третья — комедия в одном действии «Нетерпеливый»[5], «переделанная с французского Яковом Толстым. Представлена была в первый раз российскими придворными актерами на Императорском театре, в Санкт-Петербурге, в пользу актера и актрисы господ Сосницких, июля 25 дня 1821 года».

Биограф Я. Толстого Б. Л. Модзалевский, основываясь на неточных сведениях «Летописи русского театра» П. Н. Арапова[6], пишет только о двух пьесах: «Нетерпеливом» и «Мнимых разбойниках», но высказывает предположение, что и перевод «Витикиндовой башни» принадлежит ему же: «Арапов в своей „Летописи“ упоминает еще (стр. 280) комедию „Витикиндова башня, или Капитуляция жидов“, переведенную с французского языка каким-то А. Н. Толстым и игранную в 1819 г. Не принадлежит ли и она перу Я. Н. Толстого?»[7] Кроме того, исследователь, опять же опираясь на мнение П. Н. Арапова, полагает, что пьесы Толстого успеха на

---

[1] Единственная на сегодняшний день биография Я. Н. Толстого написана Б. Л. Модзалевским: *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой (Биографический очерк). СПб., 1899. В кратком изложении см.: Русский биографический словарь. Т. «Тобизен—Тотлебен». С. 98—101. Подпись: Б. М-ий.

[2] *Вольф А.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Ч. 1—2. СПб., 1877. С. 5.

[3] Переделка водевиля А. Дюпена и А. Дартуа «La tour de Witikind, ou la capitulation». Пьеса не издана, цензорский экземпляр хранится в Отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке: 1.15.3.79. Спектакли в Санкт-Петербурге: 22 и 26 сентября 1819 г., 17 ноября 1820 г.; в Москве: 7 и 11 октября 1820 г.

[4] Переделка комедии Э. Скриба и Ш. Г. Делестра-Пуарсона «L'auberge, ou Les brigands sans le savoir». Цензурное разрешение от 14 ноября 1819 г. Пьеса не издана, цензорский экземпляр хранится в Отделе рукописей и редкой книги Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке: 1.3.2.854. Спектакли в Санкт-Петербурге: 8 (в бенефис А. М. Колосовой) и 12 декабря 1819 г., 8 января и 31 декабря 1820 г.; в Москве: 11 и 15 ноября 1820 г., 4 февраля 1821 г., 6 сентября 1822 г., 23 февраля 1823 г., 24 января 1829 г., 11 декабря 1831 г. Здесь и далее даты спектаклей приведены по репертуарной сводке в изд.: История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 2.

[5] Переделка комедии Э.-Ф. Лантье «L'impatient». Пьеса издана: СПб.: Типография Императорских театров, 1822. Спектакли в Санкт-Петербурге: 25 июля и 5 декабря 1821 г., 15 июня и 3 октября 1822 г., 2 марта и 16 октября 1823 г.; в Москве: 2 ноября 1822 г., 9 января и 26 февраля 1823 г.

[6] *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861.

[7] *Модзалевский Б. Л.* Яков Николаевич Толстой. С. 21.

сцене не имели, поскольку шли не более одного раза[8]. Но репертуарная сводка «Истории русского драматического театра» (см. примечание 4) опровергает это мнение.

О пьесе «Нетерпеливый» Б. Л. Модзалевский приводит следующие сведения: «Канвой для этой пьесы послужила комедия в 5-ти действиях весьма плодовитого французского писателя Буасси, игранная в первый раз на французском театре в январе 1724 г. Впрочем, Толстой воспользовался ею только в главных чертах, значительно сократив ее и упростив интригу, но несомненно, что тип Вспышкина снят с Clitandre'a Буасси; некоторые подробности также взяты из его комедии. Хотя Толстой и сделал сокращения сравнительно с пиесой Буасси, его комедия вышла все-таки растянутой, вялой и, несмотря на отдельно гладкие стихи, представляет мало интереса. Петербургской публике она, вероятно, не понравилась, потому что не пошла более одного раза. Таким образов, опыт Толстого на поприще драматического писателя оказался неудачным, и он более не появлялся на сцене»[9].

О «Витикиндовой башне» мы говорить не будем, поскольку это только перевод. Остановимся на двух переделках Я. Толстого.

«Мнимые разбойники», быть может, и была переделкой с французского, но явно была адаптирована для петербургской литературно-театральной «злобы дня» тех времен и направлена на сочинителей трагедий и сочинительниц романов, о чем мы скажем несколько позднее. Сюжет комедии незатейлив и, в общем-то, традиционен. Действие происходит в трактире: молодой гусарский офицер оказывается в положении будущего гоголевского Хлестакова — денег не платит и хочет вкусно обедать и ужинать, что нервирует глуповатого трактирщика по фамилии Бирсуп. Тут же присутствует влюбленная парочка — дочка трактирщика и его слуга, собирающиеся в этот вечер пожениться. Перипетии этого водевиля пересказывать неинтересно, они традиционны — но тут-то и появляются «мнимые разбойники». Это Рогдаевы, дядя и тетка гусара: он — автор трагедий, а она — сочинительница слезливых романов. И здесь разворачивается в полную силу комедия положений. Дело в том, что Рогдаевы запираются в трактирной комнате, для того чтобы обсудить переделку из романа «Артабан» сестры, которую брат «перевел» стихами в трагедию. Комизм ситуации, как и положено, усугубляется тем, что их подслушивает глуповатый и трусливый трактирщик Бирсуп.

Рогдаева. Воля твоя, братец! Тут нужно трогательное, сжимающее сердце, исторгающее реки слез!

Рогдаев. Эх! не то, сестра: чем больше убийства, тем больше трагедия производит действия; в ней надо на каждом шагу колоть и резать! В моей пьесе, например, везде присутствует смерть, следственно и ужас; вот таинственная сила трагического искусства: — первое действие начинается смертью, кончается смертью; второе — смертью; третье — смертью; четвертое и пятое тоже смертью, а развязка — всеобщею смертью...

Рогдаева. Всей трагедии?

Рогдаев. Нет, действующих лиц! К тому же примешиваются частые громы, молния, гробницы, тени — и тому подобное... Но приступим к делу: прочтем с тобою последнее явление; оно еще не кончено. <...>

Рогдаев. Теперь надо решить: каким образом мы его убьем. Не заколоть ли его?

Рогдаева. Нет, лучше отравить ядом.

Рогдаев. Конечно, яд пристойнее; он произведет лучшее действие — трагический оборот.

Рогдаева. Решено! Пусть умрет он от яда.

Рогдаев. От яда; точно так.

Бирсуп. О, если б я мог знать, до кого они добираются! Неужели это до меня? Нет, меня зовут не Артабаном, а Бирсупом; буду слушать со вниманием.

Рогдаева (*декламирует*)
О мудрый Ироксерс! Усердием твоим
Я ныне спасена; под именем чужим
В одежде воина ты видел Артабана.

---

[8] Там же. С. 20—21.

[9] Там же. С. 20—21. На С. 20 Б. Л. Модзалевский в сноске отмечает: «В „Архиве дирекции импер. Театров" (вып. 1, отд. 3. СПб., 1892. С. 196) указан имеющийся там печатный экземпляр комедии в 1 д., соч. Lantier, того же названия (L'Impatient), исполнявшейся в переводе на петербургских театрах в 1795—1800 гг. Но мы не смогли сличить ее с пиесой Толстого за неимением ее в Императорской публичной библиотеке».

Бирсуп. Под чужим именем, в одежде воина!

Рогдаев
Так, видел сам его... и в нем познал тирана!
Во цвете юных лет, величественный взгляд!

Бирсуп. Молодой человек! Это верно Гремский.

Рогдаев
Простого воина я зрел на нем наряд.

Бирсуп. Военный человек! О, это он!

Рогдаева
Изменник! Он забыл, чья кровь им ныне тлеет:
Но умереть ему от рук твоих довлеет!

Рогдаев
Здесь к деве юной он любовию горя...

Бирсуп. Он любит дочь мою!

Рогдаев
Забыл, что он рожден от сильного царя...

Бирсуп. От царя! Ну, кто бы мог подумать?

Рогдаев
Пускай же он умрет, пускай погибнет ныне!

Рогдаева
Участие в моей приемлешь ты судьбине!

Рогдаев
О, Гаркамброда! Нам измену должно стерть,
И за тебя готов вкусить я люту смерть!

Рогдаева. Прекрасно!

Рогдаев. Бесподобно! Нельзя лучше!

Рогдаева. Я чрезвычайно довольна! Одно меня тревожит: мы убьем принца, куда ж мы отправим любовницу?

Рогдаев. Ну, что за беда? Можно ее увезти.

Бирсуп. Увезти мою дочь!

Рогдаева. У нее есть отец... что мы с ним сделаем?

Бирсуп. Ай, ай! Вот и моя очередь приходит: они хотят погубить всё семейство!

Рогдаев (*с мрачным видом*). Постой! Сейчас: в полночь — потаенный фонарь — три удара кинжалом — и поминай, как звали.

Рогдаева. Прекрасно! О, это восхитительно!

Бирсуп (*дрожащим голосом*). Да, восхитительно! Кабы тебе так! У меня вся кровь застыла в жилах!

Рогдаева. Бесподобно!

Разумеется, в быстром одноактном водевильном финале для персонажей и для зрителей всё счастливо и скоро разрешается. Трактирщик принимает гусара за принца Артабана, тот понимает, что его дядя и тетка репетировали трагедию, и путем нехитрых ухищрений (он шантажирует их, что сожжет трагедию) вымогает у них деньги (которыми, заодно, щедро одаривает новобрачных) и расплачивается с трактирщиком («Ироксер и Гаркамброда заплатят тебе»).

Комедия «Нетерпеливый» более скучна и, мы бы сказали, более «водевильно пуста». Ее, скорее, по жанру можно отнести к комедии характеров. Главный герой — богатый дворянин Вспышкин, который ни минуты на месте не сидит и, в соответствии со словами князя Вяземского, «и жить торопится, и чувствовать спешит». Он обручен с молодой вдовой, отец которой имеет некую тяжбу с соседкой-помещицей. Вспышкин, который хочет без проволочек жениться, пытается уладить эту тяжбу. Вот и вся драматургия. Помимо любопытных для истории русской литературы сцен Вспышкина со слугой, в этой комедии ничего интересного нет. Диалоги скучны и некомичны, сам главный персонаж не привлекает зрительских и читательских симпатий — он слишком «нетерпеливый».

Ельской
Чего ж? еще вчера гулять мы с ним пошли;
Как сумасшедший он по улицам в пыли
Затеял рысью дуть. Я шел, напротив, шагом,
Приятным воздухом дышать считая благом;
Что ж? Слышу шепчет он: «Возможно ль так ходить:
Прямой медведь!» И вдруг вовсю пустился прыть
Бежит, — и одного в саду меня оставил.

Княгиня
Он скор, нетерпелив, зато честнейших правил.

Ельской
Всё это хорошо; да он мне нагрубил:
В глаза мне говорит, чтоб я свой лес срубил.

Княгиня
Он истинный ваш друг.

Ельской
Какой он друг? нимало!
Признаться, полюбил я сам его сначала,
Желал от всей души с тобой соединить;
Пороки сколько мог старался извинить.
Теперь всё кончено: с него упала маска!

Впрочем, главному персонажу удается уладить дело своего зятя (а стимулом ему служит скорейшая женитьба на своей возлюбленной). В результате финал, как и положено, счастливый:

Ельской
Вот нетерпения и пылкости образчик! —
Но я теперь счастлив: дочь замуж отдаю,
Именье сохранил, соперницу мою
Избавил от хлопот, пронырств и беззаконий.

Вспышкин
Зачем жениться нам нельзя без церемоний!

Почему же только три пьесы написал Яков Толстой? Скорее всего, он решил попробовать себя на поприще водевилиста, ему это, как мы увидим, удалось, но он к этому быстро охладел. Видимо, репутация театрального автора ему не особенно импонировала — ему это наскучило. Это было в духе его характера (что подтверждает и вся его биография) — испытывать себя на разных поприщах, но — понемногу.

К библиографии А. А. Башилова

Вступительная заметка и публикация
Е. А. Чистяковой

Александр Александрович Башилов родился 24 сентября1807 г. в семье председателя Строительной комиссии в Москве сенатора А. А. Башилова, помещика Тверской губернии. Биографические сведения о Башилове скудны. В восемь лет он остался на попечении матери Варвары Яковлевны Башиловой, находившейся с отцом в фактическом разводе. Служил в канцелярии нижегородского генерал-губернатора А. Н. Бахметьева, затем в Конно-егерской дивизии генерала Лопухина. В середине 1820-х гг. Башилов жил в Петербурге, печатался в петербургских альманахах «Альбом северных муз на 1828», «Невский альманах» (1826, 1830), «Памятник отечественных муз», установил дружеские связи с некоторыми молодыми петербургскими литераторами. С конца 1820-х гг. Башилов был постоянным участником московских изданий: «Московский телеграф» (1828, 1831), «Московский вестник» (1828), «Атеней» (1829), «Галатея» (1829—1830), где помещал сатирические куплеты, альбомные стихи, послания, опыты философской лирики.

Башилов посещает литературные и светские салоны (в том числе семью Ушаковых, где бывает и А. С. Пушкин); его стихи в альбомах Е. Н. Ушаковой и П. А Бартеневой опубликованы вместе с пушкинскими в «Галатее». А. С. Пушкин и П. А. Вяземский были литературными образцами для Башилова. Булгаринская «Северная пчела» в начале 1830 г. писала: «Между московским стихотворцами есть некто, подписывающийся А. Башилов, который в течение года наводнил журналы и альманахи своими произведениями, передразнивая князя Вяземского и А. С. Пушкина самым жалким образом». Башилов познакомился с Пушкиным еще в начале января 1828 г., когда присутствовал у С. Д. Киселева на авторском чтении еще неопубликованной поэмы «Полтава». Тогда же, очевидно, поведение молодого человека с дамами вызвало смех Пушкина и его окружения: «Наш смех над Башиловым, который увивается возле дам. Пушкин его передразнивает»[1].

В это же время, однако, Пушкин наставлял молодого поэта на литературном поприще, о чем свидетельствует письмо Башилова, посланное 7 июля 1833 г. из Торжка, где вынужденно служил Башилов:

«Я уверен, что вы не совсем забыли того, который первым вам обязан развитию малых своих способностей; вы поощряли меня на поприще словесности, и мои слабые начинания были освящены здравой и отчетливой вашей критикой. Я никогда не забуду времени, проведенного мною с вами в Москве; те дни памятны моему сердцу, и в теперешнем моем положении, гонимый и преследуемый роком, осталась мне одна только отрада - Воспоминание. Прошу вас принять с снисхождением, свойственным вашему гению, сей слабый труд моего мгновенного досуга; и если вы его найд<ете> достойным вашего воззрения, то я вполне буду вознагражден за все неприятности, с которыми сопряжено звание поэта-ремесленника XIX столетия. Служа в военной службе, то есть: пресмыкаясь, а не существуя, я не имел случая сам наблюдать за изданием...»[2] Речь идет об отправленной вместе с письмом книге Башилова «Поселянка, повесть в стихах. Сочинение А. Б.» с дарственной надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного почтения от Александра Башилова. 1833 г., июля 3-го, г. Торжок». «Поселянка» — романтическая поэма байронического типа с «вершинной композицией», мотивами тайны, преступления, написанная на материале русского крестьянского быта. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина.

Мы не знаем отношения Пушкина к «Поселянке». Но мы, во всяком случае, можем судить о том, какие именно стихи Башилова были известны Пушкину в период их общения в Москве: они были опубликованы в альманахе «Радуга» на 1830 г., и в них упоминался сам Пушкин. Башилов гордился этим знакомством и печатно называл Пушкина своим «кумиром»: в альманахе «Радуга» (1830) Башилов поместил посвященное ему стихотворение «Поэт».

---

[1] *Черейский Л.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. М., 1985. С. 84—85.
[2] *Пушкин.* Полное собрание сочинений: В 16 т. [Л.], 1948. Т. XV. С. 66.

В дни французской революции 1830 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф потребовал от московских властей наблюдения за поведением и разговорами в присутственных местах. Башилов, тогда юнкер Гусарского эрцгерцога Фердинанда полка, видимо, вел себя неосторожно и поплатился за это. В сентябре 1830 г. за критические высказывания о верховной власти и сочувствие Июльской революции Башилов по личному распоряжению Николая I был переведен в 46-й Егерский полк и сослан рядовым на Аландские острова под строгий надзор. В его стихах начала 1830-х гг. «К морю» (1831, с пометой «остров Эккер Э.»), «Воспоминанье» (с посвящением «финляндским друзьям»; оба: Молва. 1833. № 40, 61) проходит мотив изгнанничества на севере. В 1832 г., должно быть благодаря заступничеству влиятельного отца, Башилов был переведен в Московскую губернию.

В 1840-х гг. Башилов разорился и поступил на службу, позднее был сотрудником В. А. Кокорева по откупам. Н. П. Макаров, видимо, пристрастный к Башилову, характеризует его в этот период как человека острого и оригинального, но «насмехающегося над всем и над всеми» ума, весьма сомнительной нравственности, характера «неукротимо буйного, дерзкого и раздражительного». «Личность эта была одна из самых непривлекательных для всякого, в ком только было развито нравственное и эстетическое чувство»[3]. Дальнейшая судьба Башилова неизвестна. Умер он 5 января 1854 года.

К сожалению, творчество А. А. Башилова до сих пор не изучено. Мы публикуем материалы к библиографии А. А. Башилова, хорошо понимая, что это пока еще не полностью собранный материал. Мы только стремимся обратить внимание исследователей на творчество этого поэта и показать его значение в истории русской литературы. Понятно, что многие произведения Башилова остались не напечатанными, нам известно, по крайней мере, одно не опубликованное стихотворение — «Отрывок из послания (К А.П. Ка...ву)» в сборнике стихотворений А. С. Пушкина, Д. В. Давыдова, Левшина и других авторов на бумаге с водяным знаком 1822 г. (РО ПД).

Звездочкой отмечены тексты, которые известны по ссылкам и библиографиям, но еще не были проверены составителем библиографии.

В приложении мы публикуем несколько стихотворений Башилова, те, которые написаны, согласно пометам автора, в Торжке или Новторжском уезде.

Сочинения

1. С рук сойдет // Невский альманах на 1826 г. СПб., 1825. С. 244—245.
2. Элегия (К друзьям) // Альбом северных муз на 1828 г. СПб., 1828. С. 191.
3*. Всё не впрок // Альбом северных муз на 1828 г. СПб., 1828. С. 253—254.
4*. К барону А. // Альбом северных муз на 1828 г. СПб., 1828. С. 334—335.
5*. Признание (отрывок из повести «Гусар») // Памятник Отечественных муз на 1828 г. СПб., 1828. С. 209—215.
6. Послание к князю Ал. Ив. Долгорукому (по случаю его новоселья) // Московский телеграф. 1828. № 16. С. 520—521. Подпись: А. Башилов.
7. Гроб горбатого исправит // Московский вестник. 1828. № 17. Подпись: А. Башилов.
8. И вот каков стал ныне свет! // Атеней. 1829. Ч. I. Март. Подпись: А. Башилов.
9. Новый год (Я с каждым годом песню ту же) // Галатея. 1829. Ч. 1. № 1. С. 149. Подпись: А. Башилов.
10. В альбом (Е. Н. У...вой) // Галатея. 1829. № 5. С. 266—267. Подпись: А. Башилов.
11. Эпиграмма (Шутилов остряком давно ли?) // Галатея. 1829. № 6. С. 334. Подпись: А. Башилов.
12. Куплеты из водевиля // Галатея. 1829. № 35, 42, 48, 51. С. 92—93, 100, 267. Подпись: А. Башилов.
13*. Весна // Галатея. 1829. Ч. 6. С. 36.
14*. Ни тпру, ни ну! // Радуга: Альманах на 1830 г. М., 1829. С. 307-308.
15*. Не зная в святцах ни бельмеса (отрывки из романа в стихах) // Невский альманах на 1830 г. СПб., 1829. С. 252-257. Подпись: А. Башилов.
17. Деревенский колдун (Народное поверье) // Галатея. 1830. № 2. С. 105-106. Подпись: А. Башилов.

[3] *Макаров Н. П.* Задушевная исповедь. СПб., 1859. С. 35.

18. Стансы // Галатея. 1830. № 5.
19. Жребий человека // Галатея. 1830. № 5. С. 285.
20*. Три звездочки // Галатея. 1830. Ч. 16. С. 324
21. К радости // Галатея. 1830. № 38.
22. К С. И. А. (По страсти пылкой к эпиграммам) // Санкт-Петербургский вестник. 1831. Т. 1. С. 328. Подпись: А. Башилов.
23. Завещание казака (Украинская дума) // Московский телеграф. 1831. № 4. С. 457-458. Подпись: А. Башилов.
24. Прокаженный. Дума // Телескоп. 1831. Ч. II. № 6. С. 233-235. Подпись: А. Б-в.
25. Тоска по родине (к Н. М. Х.....ву) // Телескоп. 1831. № 12. С. 444-446.
26*. Обед (Отрывок из сатиры. Подражание Буало) // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1832. № 23. 19 марта. С. 183—184. Перевод отрывка III сатиры. Подпись: А. Башилов.
27. П. А. Бар.....ой // Телескоп. 1832. № 22. С. 168. Подпись: А. Б.
28. Две картины с природы // Молва. 1833. № 3. 7 января. Подпись: А. Б.
29. Да и нет // Молва. 1833. № 6. 14 января. Подпись: А. Б.
30. Питомец // Молва. 1833. № 35. Подпись: А. Б.
31. К морю (Поэтическая фантазия) // Молва. 1833. № 40. Подпись: А. Б.
32. Послание к юному другу // Молва. 1833. № 41. Подпись: А. Б.
33. Поселянка // Молва. 1833. № 43, 46, 47. С. 169, 180, 185. Подпись: А. Б.
34. Поселянка. Повесть в стихах. Ч. 1. М., 1833. Подпись: А. Б.
35. Воспоминанье // Молва. 1833. № 61. 23 мая. С. 241—243. Подпись: А. Б.
36. Видение // Молва. 1833. № 88. 25 июля. Подпись: А. Б.
37. К себе. Элегия (Я воздержу порыв страстей) // Молва. 1833. 1 августа. № 91. Подпись: А. Б.
38. К ней. Элегия (Найду ль сочувствие прямое) // Молва. 1833. 5 августа. № 93. Подпись: А. Б.
39. Орел и поэт // Молва. 1835. № 12. Подпись: А. Б.
40. К портрету лорда Байрона // Молва. 1835. № 12. Подпись: А. Б-в.
41. Элегия // Молва. 1835. № 13. С. 241-243. Подпись: А. Б-в.
42. К ней // Московский наблюдатель. 1835. Март. Подпись: А. Б....в.
43. Моя молитва // Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2 Подпись: А. Б.
44. Встреча старых знакомых. Сказка // Московский наблюдатель. 1835. Апрель. Кн. 2. С. 729-738. Подпись: А. Б...в.
45. Ничего (В альбом) // Телескоп. 1835. № 10. С. 184-187. Подпись: А. Башилов.
46. Украйна // Телескоп. 1836. № 2. С. 265—266. Подпись: А. Б-в.
47. Любовь поэта (В. Т. К-ой) // Телескоп. 1836. № 6. С. 168—170. Подпись: А. Башилов.
48. Толпа // Московский наблюдатель. 1836. Март. Кн. 1. С. 129-130. Подпись: А. Башилов.
49. Поэт и Дух жизни // Московский наблюдатель. 1836. Апрель. С. 267—271. Подпись: А. Башилов.
50. Княжое озеро // Московский наблюдатель. 1836. Июнь. Кн. 1. С. 369-373. Подпись: А. Башилов.
51. Ночное мечтание // Московский наблюдатель. 1837. Март. Кн. 1. С. 17—18. Подпись: А. Башилов.
52. Ямбы // Московский наблюдатель. 1837. Март. Кн. 1. С. 99—104. Подпись: А. Башилов.
53. В альбом (К. И. Рабусу) // Московский наблюдатель. 1837. Июнь. Кн. 2. С. 535-537. Подпись: А. Башилов.
54*. Пророк // Сын отечества и Северный архив. 1837. № 13.
55. Зима // Пантеон русского и европейского театра. 1840. Ч. 3. Кн. 6.
56. Пустыня (Послание друзьям из деревни) // Поэты пушкинской поры / Сост. Ю. Н. Верховский. М., 1919. С. 310-312.
57. Письмо к А. С. Пушкину от 7 июля 1833 г. Торжок // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 15: Переписка. 1832—1834. С. 66.

58. Ответ сентиментальному журналисту // Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1988. С. 323. Библиотека поэта. Большая серия.

59. Портрет // Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1988. С. 323. Библиотека поэта. Большая серия.

60. Поэту сентиментального журналиста // Русская эпиграмма (XVIII — начало XX в.) / Сост. и примеч. М. И. Гиллельсона, К. А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1988. С. 323. Библиотека поэта. Большая серия.

61. Ек. Н. Ушаковой (Из старинного альбома Ушаковых) // Никольский И. Ф. Пушкин и Ушаковы. Тверь, 1999. С. 34. Подпись: А. Башилов.

62. Послание к Крюкову // Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / Сост. М. В. Строганов. Тверь: Тверское обл. кн.-жур. изд-во, 1999. С. 75—76.

63. Поэт // Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / сост. М. В. Строганов. Тверь: Тверское обл. кн.-жур. изд-во, 1999. С. 75—76.

Литература о Башилове

1. Московский телеграф. 1828. № 2. С. 243.

2. Северная пчела. 1830. 4 января.

3. Московский вестник. 1830 г. № 4. С. 431-434.

4. Московский телеграф. 1830. № 10. С. 330-331.

5. *Макаров Н. П.* Задушевная исповедь. СПб., 1859. С. 35—37.

6. *Колюпанов Н. П.* Биография А. Кошелева. М., 1892. Т. 2. Прил. 1.

7. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л.: Academia, 1935—1937. С. 501-502.

8. *Орлик О. В.* Россия и французская революция 1830 г. М., 1968. С. 41.

9. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 39, 54.

10. *Черейский Л. А.* Пушкин и Тверской край: Документальные очерки. М., 1985. С. 84—85.

11. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988.

12. *Вацуро В. Э.* Башилов А. А. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. Т. 1: А—Г. С. 186—187.

13. Тверские поэты, современники Пушкина: Избранные стихотворения / Сост. М. В. Строганов. Тверь: Тверское обл. кн.-жур. изд-во, 1999. С. 74.

14. Святая Русь. Большая энциклопедия Русского народа. Русская литература. М.: Институт русской цивилизации, 2004.

А. А. Башилов

Деревенский колдун
Народное поверье

Православных он морочит;
Он гадает на воде,
Всё узнает, что захочет;
Он повсюду, и нигде!
Стар годами, с виду молод,
Будто — немочь, стужа, холод,
Для него всё трын-трава!
Знает в жизни он не малость,
Всё что будет, что прошло!
Приворачивает радость,
Заговаривает зло! —
Для него ничто не ново,
От рекру́тства, сиротства́,
Есть спасительное слово
И заветная трава;
У него на всё есть зелья,
Ими лечит немощных —
От бесов и домовых!
Кажет суженых в Крещенье,
Сны разгадывает он,
И дает мужьям коренья
От неверности их жен, —
Женихов сулит девицам,
Женихам невест с казной,
А вдовам и молодицам
Соблазнительный постой!
Не боится тьмы кромешной,
Не бывает на духу —
И причастен он, конечно,
Чернокнижному греху!

Пустыня
Послание друзьям из деревни

В уединенной сени,
Вдали мирских сует,
Питомец муз и лени,
Спокойный домосед,
Как будто средь изгнанья,
Любезные друзья,
С мечтой воспоминанья —
Сдружаюсь часто я.
Оставив иго света
Заставе городской —
Я маску этикета
Сменяю простотой.
Молва не долетает
В мой скромный уголок,
А сплетни не пускает
Злой цербер и замок.

Фортуны переметной
В приют мой следу нет,
И славы быстрометной
Не нужен мне привет.
Без льстивых ожиданий
Богатства и чинов,
Среди златых мечтаний,
Средь умственных трудов —
Мелькают дни за днями,
И молодость моя
Течет, как меж цветами
Ленивая струя.
Приказчик деревенской
Толкует мне подчас
О днях, о пользе сельской,
Как хлеб растет у нас.
Жена ж его Маланья
Когда придет с бельем,
Бормочет мне преданья
О духе домовом.
Предсказывает время,
Угадывает сны,
И целое беремя
Приносит новизны.
Когда ж туман перловый
Покроет злак полей,
И цербер, страж суровый,
Притихнет у дверей...
В приют уединенный,
В объятия любви
Спеши, друг несравненный!
Развлечь мои мечты мои.
Мальчишка легкокрылой
Вожатый будет твой,
И к хижинке — для милой
Укажет путь прямой.

Тоска по родине
К Н. М. Х.....ву

Они сбылись, товарищ!.. предсказанья
Души озлобленной твоей!..
Я осужден на дальнее скитанье
По злобной прихоти бессмысленных людей!
Теперь без цели, без желаний,
В себе все чувства затая,
Иду стезею испытаний
По скудной жатве бытия.
Мне долго не видать моих свободных братий,
Ликующих за чашей круговой;
Душой не отдыхать средь пламенных объятий
Моей Вакханки кочевой...
Померкнет нежный взор сей исступленной жрицы,
Изгнанника ей будет жаль...
И песнь унылая восторженной певицы
Вам передаст мою печаль!

И вас увижу ль я, родительские нивы?
Где солнце юности под ризой туч взошло,
Где опыт охладил священные порывы,
И думы черные наморщили чело!
Где созревали в смелой гру́ди
Отважной юности отважные мечты —
И окружили злые люди,
Меня сетями клеветы!
Как рано я узнал, сколь ненасытна злоба,
Как рано оценил всю скудость бытия!
И мне не страшны двери гроба,
Когда судьбой отвергнут я!
Теперь на острове пустынном, полудиком,
Смирив душевную борьбу,
Я стану вопрошать о дивном, о великом,
Веков грядущую судьбу!
Среди гранитных скал, под финским хладным небом,
Я буду нежить слух плесканьем волн морских,
И снова вдохновенный Фебом
Грустить о днях былых!
А ты, товарищ мой, пей радость полной чашей
И блага жизни развивай:
Пирующим друзьям, во славу дружбы нашей,
Изгнанника напоминай!
Когда ж опять, в годину счастья,
Судьба нас соберет,
Напеним кубки мы — и жрица сладострастья
Нам *волю вольную*[4] опять споет!
Тогда и я тоску души забуду
И силу пылких чувств свободно разовью —
И смелой лирой славить буду
Мной избранных друзей отрадную семью!
Тогда, друзья мои, для наших звучных песен,
Подобных своеволью вод,
Нам целый мир казаться будет тесен —
Направим в небо мы отважный свой полет!

К себе
Элегия

Я воздержу порыв страстей,
Рассудку дам над сердцем волю,
Любовь, безумье юных дней
Отдам я опыту в неволю!
Пусть ум мой будет низкий раб,
Душа презренная рабыня:
Я силен чувством, сердцем слаб,
Мне люди страшны, свет — пустыня.
Свободы мысли я не дам:
Она летит как в небе птица
К тем безграничным рубежам,
Где вечность с таинством граница!
О страсти! Для чего в тиши
Во мне так рано вы созрели,

[4] Известная цыганская песня, оканчивающаяся припевом «*вольная воля воля дороже всего*». *Прим. соч.*

И взволновав покой души,
Меня влекли от этой цели!
Любовь! Всесильная любовь
Почто волнуешь и тревожишь
Мою взволнованную кровь,
Почто ты муки сердца множишь?
Во мне нет силы перемочь
Страстей душевных отголосок;
Порывы чувств не гонит прочь
Рассудка слабый недоносок!

21 июля 1833
Торжок

К ней
Элегия

Найду ль сочувствие прямое,
Влеченье чувств найду ли в ней?
Страстей стремленье роковое,
И рай, и ад души моей!

И это пламя, это чувство,
И резвость девственных затей,
Во взорах томность без искусства,
В речах наитие страстей.

Ужель в сей жизни я не встречу
Такой души, чтоб было б в ней,
Всё то, чем в памяти отмечу
Я книгу участи моей!

Ужель в сей жатве многоплодной,
В изящных формах девы сей,
Таится жертвенник холодный,
Достойный старцев и детей.

Иль душу ей так рано гложет
Червь сребролюбья и честей?
Ужель она понять не может
И оценить души моей?

Быть может, с самой колыбели,
В нее впился лукавства змей!
И принял деву из купели
И обдал яростью своей!

Иль всё изящное природы
Не может быть в юдоли сей
Утаено от непогоды,
От бури, света и людей!

Я не молю у Провиденья
Даров ничтожных жизни сей,
Да ниспошлет одно мгновенье
Свою мне душу встретить в ней!

Торжок
20 июля 1833

Отрывок из малоросийского предания
«Княжое озеро»

Посвящается Ив. Алекс. Башилову

Из первой картины

Как по озеру по широкому,
По сердитому, по глубокому,
И волна с волной, и струя с струей
Расплескалися, разыгралися,
И одна с другой, чуя бури вой, -
Обнималися, воздымалися!

Как над озером из-за черных туч
Прорывается молний яркий луч!
Небо гневное раздвигается;
Огневым дождем, каленóй стрелой
Молнья падает!.. рассыпается,
Обессилена, над седой волной!

Как близ озера есть дубовый лес,
Веки рос тот лес, не дорос до небес!
В волны смотрится, в небо просится,
Громом, бурями повивается;
По кудрям ветвей ветер носится,
С лесом шепчется, откликается!

Как по озеру по волнистому,
И как по лесу по ветвистому,
То вдруг ветр гудёт, как метлой метет,
Брызги волн крутых, а Русалка в них
С визгом песнь поет, жениха зовет;
И приходит тих к ней мертвец жених!

Из второй картины

I
Жил-был казак с старухою казачкой;
Казачества, отваги гайдамацкой,
Былых времен казак обломок был;
Имел он сына, дочь; женил он сына
И выдал дочь, и с ними вместе жил;
Светла была семейная картина
Их быта мирного. — Так жил и был,
Грыцько Комар, Украйны старожил.

II
Имел он степь свою, волов три пары,
Табун овец; с соседями век свары
Не заводил; имел на черный день
Мошню карбóванцев[5], пчельник с бахчою[6],

[5] Крестьяне в Малороссии называют наш целковый карбованцем.
[6] В южных губерниях *бахчою* называется большое пространство в степи, где растут арбузы, дыни и прочие огородные овощи.

Фруктовый сад, где мог он нежить лень
И бражничать в день праздничный с семьею.
От Бога сыт и от людей почтён,
Чист совестью, вполне был счастлив он!

III
Во всём ему спори́лось; благодатью
Господь взыскал за то, что нищих братью
Не оставлял и с ними кус делил.
С евреем-шинкарем он хлеба-соли
Не важивал; с умом горелку пил;
Не заедал у коммисара[7] доли,
Повинности вносил с излишком в срок;
Хоть малоросс, но в суд был не ходок.

IV
Стада Грыцька плодились и тучнели;
Поля весной, как бархат, зеленели,
А осенью, в отливе золотом,
Как море, степь шепталась, оживала;
И житницы ломилися зерном,
Скирда скирду в гумне перерастала;
В саду его всё зрело и цвело,
Не вон из рук, а в руки всё текло.

V
Бела, как снег, была его чуприна,
Заложена за ухо; не кручина,
А время, жизнь, под чернетью сребром,
И чуб и ус его посеребрили;
А пара глаз, под бронзовым челом,
Как огоньки блудящие светили.
Орлиный нос, презренье на устах,
И на лице покорность, а не страх!

VI
Широк в плечах, полусогбен от плуга,
Но бодр и свеж, без примеси недуга;
В движеньях тих и с негою ленив,
Двусмысленно-отрывист в разговорах;
Суров, угрюм и важно молчалив,
Горяч до бешенства и стоек в спорах,
Отважен, горд, не хил, хотя и стар,
Вот он, весь он, как был, Грыцько Комар!

VII
А хутор у него в степи красиво
Был выстроен; самим панам на диво!
При въезде в слободу, ландшафтом он —
С скирдами, мельницей, при речке Псёле[8],
Виднелся издали. Со всех сторон —
В густом саду. Ну, словом, хутор в холе.

---

[7] Коммисарами называют в том краю исправников.

[8] Если это только заслуживает замечания, то речка Псёл замечательна тем, что при ней лежит *село Обуховка*, где доживал дни свои известный поэт В. В. Капнист, современник и родственник Державина. (Примечание для почтенных ветеранов нашей словесности).

От Хороля верстах он в двадцати,
В Крым чумакам за солью на пути[9].

VIII
Таков он был давнишнею порою,
Когда Комар, как патриарх с семьею,
В нем жил. Тогда, бывало, день за днем
Проходит мирно, как струя на Псёле;
Тогда была жилицей радость в нем,
С трудом любовь и счастье были в доле.
Жизнь тешила, а горе и нужда
Под кровлей той не смели вить гнезда.

IX
Всем было хорошо, всё было ладно.
«На Грыцеву[10] семью глядеть отрадно,
Ведь даст же Бог такую благодать!
Союз, любовь; ни ссоры, ни печали,
С невесткой дочь в миру, а с сыном зять!» —
Так добрые соседи толковали;
А злые же гадали наобум,
Что Грыцу старому сам бес был кум.

X
Не за горой, а за плечами горе!
Грядущего волнуемое море
Кто переплыть успеет без беды?
Кто дух и плоть от язв греха схоронит?
Кто избежит от ястреба вражды?
Кто в жизни слез горючих не проронит?
Пришла беда и на семью Грыцька!
Подкралась к ним она издалека!

8 июня
с. Осташево

Видение

Я видел дивный сон! Потоплена в лучах,
В одежде голубой, стройна и светлоока,
Явилась дева мне, с предвиденьем в очах,
И нареклась посланницею рока!
В одной руке был жезл, в другой подъятый меч,
У ног ее закрытый свиток,
А на устах блуждала речь,
Глагола вечности избыток!
Вокруг нее играли дети.
Она ласкала их, иным грозя перстом,
А старцы дряхлые, ровесники столетий,
Стояли перед ней с покинувшим челом!
Обворожен, душой ликуя,
Я вопрошал ее о участи своей,

[9] Промышленные крестьяне Полтавской губернии, называемые там чумаками, т. е. торговцами, по этой дороге через Хороль и Кременчуг ездят в Крым за солью.
[10] Грыц — уменьшительное имя, употребляемое в простонародье вместо Грыцька.

И дева жребия, на юг мне указуя,
Сокрылась от меня, как тень во тьме ночей.
С тех пор душа моя на юг[11], как птица, рвется
Из хищных рук ловца, из пагубных сетей!
О юг! О теплый юг! прими и отогрей
Мою любовницу, которая зовется
Свободной мыслию моей!
О дайте крылья мне, свободу возвратя,
Как оперившийся орленок,
Под крылья ветер подхватя,
В Тавриду полечу. Там воздух чист и тонок,
Там ясен неба свод, там нежится Салгир,
И плещет в скалы Аю-Дага,
Там девы знойные! Там, там, при звуке лир,
В бокалах зашипит целительная влага,
Воскресну сердцем я, а ты, о теплый юг!
Хлад северный с души моей отвеешь,
Как дева нежная, или как верный друг,
Меня приветишь и согреешь!

г. Торжок
13 июля

Встреча старых знакомых
Сказка

«Здравствуй, старый мой знакомец,
Черный ворон однодомец;
Вспомни: жили мы с тобой
Встарь под крышею одной. —
Нету в свете этой крыши,
И надежнее и выше;
И отрадно, и прохладно,
И тепло, и ненаглядно,
И раздольно, и привольно,
И всего под ней довольно,
Горы серебра и злата,
Всякой всячиной богата;
До нее лишь высоко,
И добраться нелегко!

Мы с тобою дружно жили,
Вместе хлеб и соль водили,
И делили наравне,
Что добыть случалось мне!
А в осенню мрачну ночь
Гнал я песней совесть прочь,
Эту вещую колдунью,
И ворчунью, и болтунью,
Плаксу, бабу и дитя
Убаюкивал шутя!
Ты же, сидя на сосне,
Заунывно вторил мне. —
А в лесу ветр завывал,
Словно нас он отпевал.

[11] Автор имеет желание посетить Тавриду. Вот основная мысль всего стихотворения. *Соч.*

Помню низкую землянку,
В ней Полкана и цыганку,
И размашистый кистень,
И булат как стекло, как день;
А Полканка пес был верный
И слуга нелицемерный, -
Я вскормил его щенком,
Он стерег меня потом,
И, как помнится, тогда
Он издох, как из жида
Сердце вышел, поперхнулся,
И на месте растянулся!
Жидовина чертов кус,
Жаль Полканку, был не трус.

А цыганка, царь-девица,
Крупногруда, смуглолица,
Как два яхонта глаза,
И до самых пят коса,
Шелковиста и волниста,
Словно иташка голосиста,
Как, бывало, запоет,
Маслом по сердцу пойдет!
То рассыпчатою трелью,
То пастушеской свирелью,
Вдруг присвистнет соловьем.
А, бывало, как запляшет,
Платом шелковым замашет,
Все суставчики дрожат —
Что-то вымолвить хотят.

Много по свету скитался,
С той поры, как я расстался
С этим лесом и с тобой,
Сотоварищ верный мой;
За горами, за морями,
За безлюдными степями,
Где морозен неба свод,
Где суров и дик народ.
Где метель то зверем воет,
То страдалицей заноет;
Где граничит с ночью день,
Где коня сменил олень,
И природа этих стран,
Будто спящий великан
В ледяной своей броне —
Дышит хладом в вечном сне.

В той стране есть мир иной,
Мрачный, смрадный, под землей;
Ни отрадный Божий свет,
Ни слезинка, ни привет,
Не проникнет в этот ад, -
Только слышно, млат о млат
Ударяется, и вдруг —
Скорбный стон сменяет стук!

В той стране и вся земля,
Как стальная чешуя —
Шевелится, дребезжит,
Общей цепию гремит.
В этот край царя земли
Преступленья завели.
И, навеки осужден,
Под землей томится он.

Что же, старый мой знакомец,
Черный ворон однодомец,
Где девалося мое
И хозяйство, и жилье?
Завалилася землянка,
Скрылась смуглая цыганка,
И кистень мой, и булат,
Видно, черти наподхват
Растащили, разнесли,
В преисподнюю земли!
И куда ни погляжу
Запустенье нахожу.
Полно каркать! Не люблю,
Отвечай: иль застрелю!»

Ворон каркнул, ворон взвился,
В чащу леса полетел,
Где мертвец еще дымился,
И на труп кровавый сел.
Изо всей вороньей мочи,
Мозг сосет, теребит очи,
Кудри черные он рвет,
Мясо щиплет, и жует,
То вопьется, то отскочит,
Черным клёвом кости точит,
И, наевшись, полетел —
На вершину со́сны сел,
И в ответ так каркнул снова,
Что аукнулась дуброва.

«Здравствуй, старый мой знакомец,
Рыжий Гришка однодомец,
Помню: я с тобой живал,
Мясо ел и кровь пивал;
Человеческой утробой
Насыщалась наша злоба!
И поминки мертвецам
Мы справляли по ночам;
Я, как помнится, тогда
Сыт бывал — ты ж никогда!
Нас с тобою разлучили,
В кандалы тебя забили,
И сожгли твое жилье,
Вместе с ним гнездо мое.
И остался я один,
Бесприютный властелин
Этих дебрей, этих мест,
Где стенания окрест

Не дают спокойно мне
Приютиться на сосне,
И, услышав твой возврат,
Разве леший будет рад!

Вот ответ тебе: землянку
Завалили, - а цыганку
Долго мучил сатана;
В корчах, в судоргах она
Билась, мучилась, стонала,
Что ни час, то умирала!
Черной кровью истекла
И с проклятьем умерла.
Час до смерти черны очи,
Белу грудь, что было мочи,
Всё клевал и расклевал,
Все суставы и все кости
Полны желчи, полны злости —
И добрался до косы
Умирающей красы.
И щипал, и теребил,
Из косы гнездо я свил.
Ветр пахнул, гнездо разнес
Из цыганкиных волос,
И, услышав твой возврат,
Разве леший будет рад!

День приходит, ночь приходит,
Леший с ведьмой лес обходит,
То послышится ку-ку,
То вдруг мерное: ау!
То в ладони приударят,
И такой содом заварят,
Что и мертвых из гробов
Вызывает этот зов.
Им сова и ворон вторят, -
Манят в воды жениха,
Защекотят, ха-ха-ха!
Звонко с эхом вдаль несется,
Леший с ведьмою смеется,
Меж собою говорят:
«В пору нам его возврат!
Мы его упрячем к месту
И сосватаем невесту;
На поминках же его
Крови выпьем из него. —
На невесте, на осине,
Пусть как лист дрожит отныне,
В муках корчась и дыша,
Человечая душа!»

Полночь. Месяц тускло светит
Ветер ветру не ответит,
Исподлобья небеса,
Смотрят, хмурясь, на леса.
Страшно, дико, мрак кругом —
Чудо чудится во всём:

На осине страшный вид,
Человек на ней висит,
Руки плетью опустились,
Очи под лоб закатились,
И прозрачной синевой -
Он сквозит как костяной;
Смертью сжат багровый лик,
Полувыдавлен язык,
Вкруг осины шум, тревога,
Адский хохот, пляска, свист,
И как совесть шепчет лист
Кару грешным, благость Бога.
Шумно празднует весь ад
Окаянного возврат;
С вечной мукой, с новосельем,
Душу грешника с весельем
Поздравляет, и спешит
По заслугам угостить!

Утро брезжит. Петушиный
В деревнях раздался крик,
Над лесами, над долиной
Солнце выкатило лик. —
И от солнечного взгляда
Разбежалась сволочь ада.
Черный ворон лишь один,
Этих дебрей властелин,
На вершине, на осине,
Где удавленник висел,
Сотоварища кончине
Песнь прокаркал — улетел.
И поверье есть в народе,
И гласит о том молва,
Что при месячном восходе
Вкруг осины голова
Скачет, прядает и бьется,
И как будто ищет плечь,
И порою раздается
Там отрывистая речь!

5 мая
с. Осташево

О. М. Кузьмина

Художественная деятельность Д. А. Агренева-Славянского

В одной из своих статей П. И. Чайковский написал: «Деятельность г. Славянского не лишена знаменательного смысла и значения»[1]. Речь идет о Дмитрии Александровиче Агреневе-Славянском (1833—1908), очень популярном в конце XIX в. исполнителе народных песен, организаторе и владельце Славянской хоровой капеллы. К сожалению, имя хормейстера сегодня известно лишь в самых узких профессиональных кругах музыкантов и искусствоведов и почти забыто на родине, хотя в последнее время возрастает интерес к этой самобытной личности, появляются новые публикации с ранее неизвестными биографическими сведениями.

Наша работа с архивными источниками показала, что в художественной культуре своего времени Д. А. Агренев-Славянский занимал весьма заметное место. Его многогранная музыкально-общественная деятельность вызывала неподдельный интерес в разных социальных слоях России второй половины XIX — начала XX в. По своему историческому значению она явилась особой формой широкого культурного диалога в межэтническом общении народов нашей страны с народами зарубежья.

Д. А. Агренев родился 7 (19) декабря 1833 г. в Москве в дворянской семье[2]. Свои детские годы он провел в родовом имении деда по матери — сельце Дунаево, что было расположено на смоленско-псковско-тверском пограничье. С ранних пор Дмитрий Александрович любил пение и музыку и еще ребенком проявлял недюжинные природные дарования, чему способствовала домашняя обстановка и внешние художественные впечатления: крестьянское пение, игра музыкантов-балалаечников, семейное музицирование. М. И. Глинка, который являлся тоже уроженцем Смоленской земли и недальним соседом Д. А. Агренева, писал: «И может быть эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиною того, что впоследствии я стал преимущественно разрабатывать народную русскую музыку»[3]. Думается, что эти же слова мы можем применить и к Дмитрию Александровичу.

Свое первоначальное образование Агренев получил во 2-й Московской гимназии. Еще будучи учеником младших классов, он уже он «попал в известные по всей Москве солисты» и выделялся музыкальным талантом и изумительным альтом в учебном хоре[4]. В 1853 г. юноша поступает в Московский университет, где увлекается лекциями Т. Н. Грановского, идеями славянофилов К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, братьев И. В. и П. В. Киреевских, этнографа И. И. Срезневского, историка М. П. Погодина. И впоследствии до конца жизни он будет симпатизировать всем тем, кто так или иначе работал и творил в интересах славянства.

В 1855 г. по примеру многих других молодых дворян того времени он вступает в ряды действующей армии и отправляется добровольцем в Крым, где участвует в обороне Севастополя. Служит сначала юнкером во Владимирском уланском полку великого князя Михаила Николаевича, затем в Митавском гусарском полку. После ранения Дмитрий Александрович был произведен в офицеры и получил отставку.

Агренева влечет другое поприще — искусство и русская песня. Имея красивый тенор, Агренев стал выступать в именитых домах и салонах, куда его часто приглашали. Здесь он встречался со многими представителями московского литературного и музыкального мира, которые «в высшей степени благотворно влияли на юношу и оказались ему весьма полезными на первых шагах его артистической деятельности». Крестная мать Агренева графиня

---

[1] *Чайковский П. И.* Музыкально-критические статьи. М.: ГМИ, 1953. С. 138.

[2] Источники дают противоречивые сведения о дате рождения. На 1833 г. указано в: *Зверева С. Г.* Агреневы-Славянские // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 267; Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 194; Генеалогическая таблица, составленная Н. М. Соллогуб // РГАЛИ. Ф. 435. Оп. 1. Ед. хр. 136. На 1834 г. указано в: Новая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 2. С. 125; Музыкальная энциклопедия. М., 1973. С. 50; *Пружанский А. М.* Отечественные певцы. 1755—1917. М., 1991. С. 15. На 1835 г. указано в: *Чайковский П. И.* Музыкально-критические статьи. С. 432. На 1836 г. указано в: Эстрада России. М., 2000. С. 16. Мы придерживаемся первой версии.

[3] *Асафьев Б. В.* Глинка. М.: Музгиз, 1947. С. 34—35.

[4] *Хитрово А. П.* Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862—1887. Тверь: Типо-Литография Ф. С. Муравьева, 1887. С. 18.

Е. П. Ростопчина одна из первых почувствовала и высоко оценила его необыкновенные художественные способности, а также «сильно повлияла на всё направление будущего нашего народного певца». По ее рекомендательным письмам Дмитрий Александрович был введен в художественные круги Петербурга и Москвы, познакомился с известными музыкантами Европы[5]. Ей же принадлежит идея артистического псевдонима певца — Агренев-Славянский, который музыкант стал использовать с 1868 г., когда была организована хоровая капелла.

На одном из вечеров Агренев знакомится с композитором А. Н. Верстовским, предсказавшим молодому человеку блестящее будущее музыканта. По его совету с 1857 г. Дмитрий Александрович серьезно занимается вокальным образованием: сначала берет уроки пения в Москве у хормейстеров Большого театра, затем едет в Петербург, где учится у Ф. Риччи.

Летом 1858 г. со своим сводным братом Ф. В. Коротковым певец предпринимает гастрольную поездку по югу России, выступая в Саратове, Воронеже, Курске, Николаеве, Одессе и других городах. Собрав значительные материальные средства от концертов и продажи имения в Дунаеве, музыкант решает вложить их в лучшее классическое исполнительское и артистическое образование.

В 1858 г. он уезжает в Европу для обучения пению в Милане, Флоренции и Париже, где берет уроки у П. Романи, Г. Пановки, Дж. Алари и К. Банольди, знакомится со знаменитыми артистами Марио и Гризи. Агренева приглашают петь при дворе Неаполитанского короля[6]. Он с успехом концертирует в Берлине в «Российской гостинице», участвует в популярной тогда опере Мейербера «Африканка».

В 1862 г. Агренев возвращается в Россию уже состоявшимся исполнителем. Около 5 лет он выступает в разных городах страны, гастролирует в балканских государствах. В 1865 г. он женится на выпускнице Смольного института О. Х. Пономаревой (1847—1920), которая стала его опорой во всех жизненных испытаниях[7]. Блестящий оратор, лектор, музыкальный исполнитель, фольклорист, этнограф, член Императорского Русского географического общества и Общества авторов и композиторов в Париже, член Тверской ученой архивной комиссии, кавалер орденов иностранных музыкальных академий, Ольга Христофоровна принимала самое активное участие в организации работы «Славянской капеллы». Вместе с мужем она собирала и обрабатывала народные песни, была автором нескольких литературных и музыкальных изданий.

В 1860-е гг. Дмитрий Александрович примыкает к движению панславизма, становится членом московского славянского комитета[8], сближается с И. С. Аксаковым[9], дружба и сотрудничество с которым продолжались более четверти века. Он принимает самое активное участие в подготовке, организации и проведении этнографической выставки и московского Славянского съезда (1867). Вместе с его участниками и делегатами из Балканских стран[10], которые возвращались на родину, Агренев выехал в Софию, потом в Белград, Загреб, Вену, Прагу, где выступал как солист — исполнитель и пропагандист народной русской песни, а также собиратель славянского фольклора. В этом обнаружилось знаменательное воздействие духа времени. По словам С. Мартыновой, «начало карьеры Д.А. Агренева как народного певца совпало с по-

---

[5] Там же. С. 18, 20.

[6] В Италии ему было пожаловано звание артиста короля Неаполитанского и орден Св. Фердинанда.

[7] В семье выросло 8 детей: Надежда (3.01.1868 — после 1908), Дмитрий (9.02.1869—1890), Елена (19.01.1870 — после 1920), Ольга (26.09.1871 — после 1920), Юрий/Георгий (8.02.1876—1918), Инна (1878 — после 1920), Маргарита (11.12.1880—1964), Кирилл (13.04.1885—1943). Художественно одаренными были все дети. Младшие получили консерваторское образование: Маргарита в Берлине, Юрий в Париже, Кирилл в Женеве. Дочери обладали хорошими природными голосами и выступали солистками капеллы. Надежда, Елена, Ольга учились у Матильды Маркези де Кастроне (1821—1913), немецкой певицы, преподававшей в консерваториях Вены, Кельна и основавшей собственную школу музыки в Париже. Инна обучалась вокалу у певицы В. М. Зарудной, жены М. М. Ипполитова-Иванова. Впоследствии Надежда и Маргарита работали со своими хоровыми коллективами. Дмитрий имел только домашнее музыкальное образование, виртуозно владел скрипкой (отец купил ему инструмент XVIII в.), уже с раннего возраста он дирижировал струнным составом капеллы. Юрий руководил капеллой отца в 1908—1918 гг. Кирилл занимался композицией, основал «Русскую оперу в Париже» и работал с ней до 1940-х гг., гастролируя во многих странах мира.

[8] Славянские комитеты — общественно-политические и благотворительные организации в России середины XIX — начала XX в. Возникли после Крымской войны для оказания помощи славянским народам, находившимся под турецким и австро-венгерским игом.

[9] Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886), русский публицист и общественный деятель, один из идеологов славянофильства. Редактор газет «День», «Москва», «Русь»; журнала «Русская беседа» и др.

[10] П. И. Чайковский называет имена делегатов: Сливчак, Главацкий, Палацкий, Ригер. (*Чайковский П. И.* Музыкально-критические статьи. С. 286).

вышенным интересом в русском обществе к проблеме национального самоопределения балканских народов, в частности, освобождения Болгарии из-под турецкого ига»[11].

В 1867 г. Дмитрий Александрович создает мужской вокальный октет Общество славянских певцов, который в 1868 г. преобразуется в Славянскую хоровую капеллу, состоявшую из 25 мужчин и женщин. В дальнейшем основной состав пополняется и насчитывает уже 60 человек[12]. В отдельные гастрольные периоды (1872—1897) численность хора достигала до 100—150 певцов и музыкантов.

С момента организации и рождения коллектива его уникальной особенностью являлось то, что он существовал как *частное* предприятие. Капелла содержалась и активно функционировала около полувека[13] только благодаря личным материальным средствам ее владельца Д. А. Агренева-Славянского и его семьи. И тогда, и для нашего времени это явление в силу его социально-культурной и общественной предназначенности можно считать уникальным[14]. Из воспоминаний В. С. Агреневой-Славянской[15]: «За все пятьдесят лет своей творческой деятельности капелла не получила ни одной копейки дотации ни от государства, ни от общественных организаций. Это обстоятельство вынуждало Дмитрия Александровича считаться с вещами, весьма далекими от собственно хорового искусства. Надо было заботиться о рекламе, добиваться успеха у слушателей, думать о разнообразии программы, об оформлении сцены, о костюмах и т. д.»[16].

В 1869 г. Славянская хоровая капелла была приглашена на гастроли в Америку, где дала 175 концертов. Она стала одним из первых российских коллективов, кому была оказана честь представлять Россию за океаном. Во всех штатах, где она выступала, ей сопутствовали признание и радушие. Из рассказа Дмитрия Александровича: «Успех мой в Америке превзошел все мои ожидания. Переезжая из города в город со своею капеллою, я в каждом должен был дать по несколько концертов. Больше всего американцам понравились наши духовные концерты, а для исполнения их нам предоставляли церкви»[17].

С 1872 г. хормейстер предпринимает большое турне по России, Кавказу, Сибири, ближнему зарубежью. Для гастролей в волжских городах от Рыбинска до Астрахани он покупает даже пароход. Участники капеллы вспоминают: «Надолго запомнилась поездка капеллы по Волге на пароходе «Певец Славянский». Кроме выступлений в приволжских городах и на крупных пристанях, иногда концерты возникали стихийно: артисты пели с борта парохода, а зрители располагались амфитеатром на гористом берегу. Репетиция на борту волжского судна часто перерастала в концертное выступление. Это случалось, когда косари с лугов бежали к берегу, и при скоплении народа на переправах»[18]. Концертные программы капеллы были уникальны: в них звучали былины, народный эпос, песни западных и южных славян, частушки и шуточные песни фабричных окраин, военные марши, гимны и др. Чуть позже в выступлениях принимает участие оркестр балалаечников. Кроме того, хор исполнял сложные духовные произведения и сочинения Д. С. Бортнянского, М. С. Березовского; музыку русских композиторов, романсы.

Особый творческий расцвет коллектива пришелся на 1870—1890-е гг. Концерты капеллы проходят и в привилегированных столичных залах дворянских собраний, и на открытых сценах садов и парков. Ее приглашают в Ливадийский императорский дворец (Крым), она участвует в престижных вокзальных концертах г. Павловска. Ее выступления собирают массу публики в московских и петербургских манежах, на фабриках и заводах, в учебных заведени-

---

[11] *Агренев-Славянский К.* Воспоминания о Кольцово // Труды ГЦММК им. М. И. Глинки: Альманах. Вып. 1. М.: ГЦММК им. М. И. Глинки, 1999. С. 18—19.

[12] Основной состав включал в себя 20 мужских голосов, 20 женских и 20 детских.

[13] Под руководством и покровительством Д. А. Агренева-Славянского капелла работала до 1908 г. С 1908 по 1918 гг. ее содержали дети хормейстера: одну часть — Юрий Дмитриевич; другую — Маргарита Дмитриевна Агреневы-Славянские.

[14] Впрочем, история знает несколько примеров частного предпринимательства в области искусства и художественного творчества: театр С. И. Мамонтова, собрание картин П. М. Третьякова, хор князя Ю. Н. Голицына и др.

[15] Вера Степановна Агренева-Славянская (1890—1980), певица, педагог по вокалу. Жена Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Александровича. С 1907 по 1918 г. работала в Славянской хоровой капелле, с 1918 по 1935 г. концертирующая певица. С 1935 г. жила и работала в Нижнем Новгороде: в Государственном ансамбле песни и пляски РФ, в филармонии, во Дворце культуры Сормова и др. Долгое время преподавала в детской хоровой капелле мальчиков (ныне Нижегородский хоровой колледж им. Л. Сивухина).

[16] *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания. С. 13.

[17] Цит. по: *Хитрово А. П.* Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862—1887. С. 28.

[18] *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания. С. 32.

ях и больницах. Рецензенты популярных газет и журналов отмечали в исполнительском мастерстве капеллы глубокое понимание и проникновение в суть и внутренний смысл народной песни, что отличает ее «от всякой другой музыки и от всякой другой национальности» и «что можно сделать из русской песни»[19]. Приведем выдержки из статей столичной печати тех лет. «Музыкальный свет»: «Признаемся, мы впервые из его пения узнали всю прелесть, силу и значение великорусской народной песни». «Всеобщая газета»: «Славянский *первый* со своим хором сорвал девственный покров с русской песни, *первый* познакомил с ней русское общество и *первый* сумел постичь ее характер и внутренний смысл»[20].

Фигуру капельмейстера и его художественно-творческую деятельность современники ставят в ряд первых подвижников народной вокально-хоровой культуры. Рецензия газеты «Харьковские ведомости»: «Д. А. Славянский со своею капеллою является в настоящее время почти единственным и лучшим представителем исполнения народных славянских песен... Слушая пение Д. А. Славянского и его капеллы, чувствуешь себя как бы среди громадной родной семьи. Эта семья — русский народ, эта семья — все славяне! Что-то родное слышится в этих знакомых звуках, в этих нечужих песнях... Одни ощущения меняются другими, и все они искренни и глубоки: слушаешь пение, слушаешь и слова, и упиваешься родным словом и родным звуком». Музыкальными критиками подмечали художественное исполнение Дмитрием Александровичем народной песни. Оно выражалось в уникальности вокального интонирования, что уже потом и значительно позже назовут народной манерой пения. По этому поводу «Современные известия» пишут: «Он в совершенстве передает особенное выражение, каждой песне свойственное, и, кроме того, в совершенстве постиг то *общее выражение*, которое свойственно русскому народному пению»[21]. Возросшая на то время популярность Агренева-Славянского и его капеллы в самых широких слоях публики демонстрировала выдвижение и утверждение не только новой специфической формы певческой культуры, но и принципиально нового *сценического жанра* — эстрадного музыкально-фольклорного исполнительства[22].

В 1882 г. капелла приобретает новый сценический облик: костюмированные артисты стали выступать в богато украшенных стилизованных боярских костюмах XVI—XVII вв., выполненных по рисункам и эскизам Н. Н. Каразина и М. О. Микешина и по советам историков И. Е. Забелина и П. А. Чаева. К середине 1880-х гг. в атрибутике коллектива появляется инсценированное оформление концертов и декорации, что стало придавать таким выступлениям яркую зрелищность и самобытный колорит.

Кроме постоянных гастролей по России, в 1884 г. Славянская капелла показывает свое искусство в странах Балканского полуострова. В 1885—1886 гг. коллектив выступает в Англии (26 концертов), во Франции (22), в Германии (300), в Швейцарии; в 1887 г. — в Румынии; в 1895—1896 гг. — в Испании и Португалии (44), в 1897 г. — на севере Африки (в Египте), юге Европы... и везде — с одинаково громким успехом. Всего за 40 лет капелла дала на 4 континентах планеты (Азия, Америка, Африка, Европа) около 10 тысяч концертов[23]. Певческое искусство капеллы производит сильное впечатление на публику. «Московские Ведомости» пишут: «Никто до появления Славянского не слыхивал такого исполнения русских песен как solo, так и хорового». «Берлинский курьер», описывая «роскошную обстановку концертов Славянского — этого единственного дирижера образцового хора», добавляет: «Хор, состоящий из 50 человек исполнителей, пропел разные номера программы с ансамблем по истине изумительным. Преимущественно в pianissimo можно восхищаться необычайною нежностью звуков, доведенных до совершенства. Директор этой капеллы обладает очень симпатичным тенором; его метода, равно и управление хором, одинаково безупречны»[24].

Одной из своих главных творческих задач Агренев-Славянский считал собирание фольклора и работал в этом направлении всю жизнь. Неустанная исследовательская деятельность и большой практический концертный опыт приводят его к идее публикации музыкаль-

[19] Современные известия. 1870.

[20] Цит. по: *Хитрово А. П.* Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862—1887. С. 60—61.

[21] Там же. С. 61.

[22] Переход Агренева-Славянского в сферу популярного эстрадного исполнительства явственно выразил в своих музыкально-критических статьях еще в 1870-х гг. П. И. Чайковский, отметив в его концертах отступление от академических норм «серьезного искусства» (*Чайковский П. И.* Музыкально-критические статьи. С. 138).

[23] *Никифоров М. В.* Агреневы-Славянские // Большая Российская энциклопедия. Т. 1. С. 194.

[24] Цит. по: *Хитрово А. П.* Дмитрий Александрович Славянский и его деятельность. 1862—1887. С. 63.

ного собрания произведений народно-песенного творчества. В 1879 г. он выпускает[25] сборник «Русские песни и песни южных и западных славян». Его основу составил вокально-хоровой репертуар капеллы. Он и последовавшие за ним пять «Вечеров пения» выходили большими тиражами и пользовались популярностью в самых разных кругах, имели широкое и массовое распространение. Они отличались доступностью и облегченностью музыкального изложения и, прежде всего, были рассчитаны на исполнительские возможности музыканта-любителя, знакомого с простейшими элементами музицирования. Эти сборники повлекли за собой очень многие публикации такого плана[26] и сыграли ключевую роль в издании целого ряда подобных музыкальных сводов, составленных из популярных и «нашумевших» песен-шлягеров из репертуара концертирующих по России эстрадных исполнителей конца XIX — начала XX в. (В. Панина, А. Вяльцева, Н. Плевицкая, Н. Тамара и многие другие).

В 1887 г. появляется новый издательский проект: выпуск книги «Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями в 3-х частях», составленной О. Х. Агреневой-Славянской. В первых двух томах с достаточной полнотой и с множеством напевов показан свадебный обряд. Его основной материал был записан от известной олонецкой песенницы Арины Андреевны Федосовой[27]. Третий том составляют былины, исторические песни, духовные стихи, похоронные причитания, лирические песни, баллады, пословицы и поговорки. В 1896 г. выходит в свет еще одно издание из репертуара капеллы: «Сборник песен, исполняемых в концертах Д. А. Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских странах О. Х. Агреневой-Славянскою». По своему содержанию оно во многом схоже с публикацией конца 1870-х — начала 1880-х гг. и составлено в основном из песен, исполнявшихся самим Дмитрием Александровичем и его хором. Хотя книга была восторженно принята массовой публикой, но критика резко отреагировала на этот сборник[28]. По нашему мнению, выпуск всех перечисленных песенных сводов послужил рекламой и новым источником в дальнейшей известности коллектива, разрастанию его популярности в широких массах, а, в целом, обретал черты и свойства новой концертной политики яркого и зрелищного большого эстрадного ансамбля.

1896 г. стал для Агренева-Славянского драматичным и переломным. Отказавшись от гастролей по Южной Америке, хормейстер направил все силы на организацию концертов на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Однако множество различных неурядиц в значительной степени осложнили выступление капеллы. Музыкант теряет не только основную часть личных средств[29], но и серьезно подрывает здоровье. С 1897 г. концерты хора проходят, в основном, в России. В 1900 г. Дмитрий Александрович заканчивает сольные выступления, оставаясь дирижером и художественным руководителем Славянской капеллы. Он покупает дом в Ялте, а в 1904—1908 гг. постоянно живет на даче «Славянский двор», где организует школу музыки и пения.

В 1903 г. в Петербурге в зале Дворянского собрания чествуют 45-летний юбилей артистической и художественно-творческой деятельности Д. А. Агренева-Славянского. В 1904 г. указом Николая II для материального поддержания русского артиста из государственной казны и специальной царской казны ему назначается пенсия.

С 1905 по 1907 гг. гастрольная деятельность капеллы вновь активизировалась. В хоровых концертах принимают участие Инна, Елена, Маргарита, Кирилл и Юрий — целая музыкальная династия Агреневых-Славянских. Пресса отмечает успешные выступления коллектива в Твери, в центральных городах России, в Крыму.

1908 г. становится последним в биографии Дмитрия Александровича. В июне он решается на большое гастрольное турне капеллы по славянским землям и отправляется с хором концертировать по Болгарии, Венгрии, Сербии. 10 (23) июля музыкант скоропостижно скончался

---

[25] Мы считаем, что в издании сборников бо́льшую роль сыграла О. Х. Агренева-Славянская, поэтому не даем детальную характеристику их.

[26] Именно эти песенные собрания стояли у истоков множества песенников, широко бытующих и в наше время. Эту традицию продолжают массовые своды известных и любимых народных песен и романсов, а также популярных песен современных авторов.

[27] Арина (Ирина) Андреевна Федосова (1831--1899), русская сказительница. С 1886 по 1888 г. жила в доме Агреневых, где были сделаны записи для этого сборника.

[28] Например, С. И. Танеев отмечал профессиональную некорректность обработок народных песен (*Юркевич М. В.* Д. А. Агренев-Славянский в его четверть-вековой художественной и политической деятельности. М., 1889. С. 183—184).

[29] Он продает тверское имение Кольцово, основную репетиционную базу капеллы.

в городе Рущук (Болгария). В тот же день из Петербурга от Николая II русскому консулу было дано распоряжение о выдаче материальной помощи, в том числе на возвращение состава капеллы в Россию. 14 (27) июля в Ялте состоялись гражданская панихида в соборе Иоанна Златоуста и погребение капельмейстера на Поликуровском холме крымского некрополя.

Кратко резюмируя творческую деятельность Агренева-Славянского, можно говорить о том, что он своей гастрольной деятельностью вел культурный диалог народов, приобщая людей разных стран к русской хоровой музыке и народной песне. Приведем выдержку из рецензии журнала «Сцена и музыка»: «Несомненная заслуга Славянского — это стремление укрепить в обществе любовь к национальной песне и разработка народных напевов. Многие из русских народных песен вошли в обиход образованного общества, благодаря пропаганде их в концертах капеллы Славянского»[30].

Более полувека он концертировал на эстраде как солист-тенор, которому рукоплескали многие страны, выражая признательность его вокальному мастерству. «Рижский вестник» пишет: «Больше всего поражает и восхищает то глубокое понимание духа русской песни, самой сути ее, часто вполне недоступной иностранцу, которое присуще г. Славянскому и вселено им также в певцов. Д. А. воссоздает перед нами в звуках те моменты народной жизни, которые легли в основание народного творчества, вследствие чего исполнение его полно замечательной художественной реальности»[31].

Дмитрий Александрович был одним из первых предпринимателей в области культуры. Он единолично создал и материально поддерживал Славянскую хоровую капеллу. На протяжении более полувека он занимался общественной, образовательной и просветительной работой по изучению и освоению художественной культуры. Его частная капелла, по сути, была вокально-хоровой студией, где была выстроена целая система обучения гуманитарным и искусствоведческим наукам, музыкальным знаниям и певческому искусству. Каждый новый певец, которого принимали в коллектив, становился членом единой хоровой семьи, а «мальчики капеллы к совершеннолетию приобретали какую-то специальность и устраивались на определенное место. Для их подготовки держали штат педагогов»[32]. Известно, что когда кто-то из артистов терял певческий голос, его содержали в капелле на общих материальных основаниях до тех пор, пока благополучно не определялась его жизненная судьба.

Из воспоминаний О. Х. Агреневой-Славянской: «Сколько вышло из его капеллы в люди! Сколько регентов, даже артистов императорских театров, как Южин-Песетко, пришедший к нам с мельницы; священников (Вельтищев, Неклюдов в Петербурге), протодиаконов (Богословский в Петербурге), учителей и пр. Вышло немало и скрипачей: у Д. А. жили учителя разных инструментов, и мальчики составляли оркестр. Есть даже военные. Все эти лица выдвинулись вперед благодаря отеческому, настойчивому, хотя и мягкому влиянию Д. А. Всюду, куда бы мы ни приезжали, мы встречали наших бывших учеников. Всех не перечислить»[33].

Агренев-Славянский — один из авторов идеи создания центра славянской культуры с русско-славянской консерваторией — школы народных певцов и регентов[34]. По замыслу Дмитрия Александровича народная консерватория включала в себя открытие интерната-пансиона для музыкально одаренных детей с полным 4-годичным курсом обучения разным дисциплинам. В его содержание входили: освоение элементарной теории музыки, уроки игры на скрипке, специальное обучение основам народного и храмового пения, «преподавание в бо-

---

[30] *Иванов М.* Д. А. Агренев-Славянский // Сцена и музыка (Одесса). 1903. № 12. 31 марта. С. 2.

[31] Рижский вестник. 1881. № 282.

[32] *Агренева-Славянская В. С.* Воспоминания. С. 17—18.

[33] РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 57.

[34] Открытие народной консерватории планировалось в Киеве в конце 1880-х — начале 1890-х гг. Программа школы была разработана супругами Агреневыми и получила одобрение попечителя киевского учебного округа и министра народного просвещения графа Делянова. Император Александр III на официальном прошении написал «Согласен». К сожалению, документы по невыясненным причинам оказались утеряны чиновниками. Подобное заведение было открыто в Москве в 1906—1918 гг. Программа, созданная Е. Э. Линёвой, предполагала 2-годичное обучение. В 1-й год, согласно учебному плану, «должно играть главную роль хоровое пение, как всем доступное и дающее возможность изучать одновременно теорию музыки в наглядных примерах, как связывающее с самого начала теорию и практику музыки». На 2-м году обучения преподавались теория, гармония; проводились сольные и ансамблевые занятия, репетиции сцен из опер. Мы согласны с мнением И. И. Шевченко, что эти программы «не только не устарели, но и во многом определяют работу будущего» (Из истории Московской народной консерватории (1906—1918) / Публикации и комментарии И. И. Шевченко // Традиционный фольклор и современные народные хоры и ансамбли: Сборник научных трудов. Серия «Фольклор и фольклоризм». Вып. II. Л.: ЛГИТМИЛ. 1989).

лее полном объеме русской и славянской музыки, а также истории и географии, других естественных наук». Кроме того, в планах Агренева-Славянского стояло: создание при консерватории обширной библиотеки с собранием музыкальных и литературных источников; постоянно проводимый среди воспитанников конкурс учебных работ по музыкальной этнографии, сценографии и режиссуре; ведение концертно-филармонической деятельности силами учащихся; организация доступного архива для всех желающих, где собраны записи народной художественной культуры. И, самое главное, музыкант выдвигал мысль о целевом распределении выпускников, что было одним из условий успешности обучения в народной консерватории, с непременным возвращением их на родину. По воспоминаниям О. Х. Агреневой-Славянской, «каждый бесплатный воспитанник обязан был за обучение поступить на место в свое село или свой приход не менее как на два года... По отношению к Д. А. — только одно нравственное обязательство: записывать в своей округе народные мелодии и присылать их в школу»[35].

На протяжении всей своей деятельности Дмитрий Александрович как владелец хоровой капеллы вел благотворительную и миссионерскую работа. По воспоминаниям О. Х. Агреневой-Славянской, «Дмитрий Александрович, имея не менее 45—50 человек в капелле, в своих концертных поездках по России не ограничивался только одними большими городами: он заезжал в маленькие уездные города, даже в села, где его желали слушать и т. п. Он знал, конечно, что расходы по подобным поездкам не могут окупиться ни в каком случае и, тем не менее, ехал туда без колебания, так как его деятельность была главным образом идейная. О бесплатных концертах и говорить нечего: он давал их постоянно, если дело шло о пользе и просвещении народных масс. Наша капелла пела бесплатно на фабриках, в мастерских, на доках, в тюрьмах (где мы пели обедни), в домах сумасшедших, не говоря уже о выступлении нашем в учреждениях попечительства о народной трезвости»[36].

Долгое время Агренев-Славянский числился членом Тверского благотворительного общества «Доброхотная копейка», где не единожды приходил на помощь нуждающимся, отдавая иной раз половину денежных сборов от концертных выступлений[37]. В 1890-х гг. состоял членом Русского драматического общества, одной из задач которого была попечительская деятельность по обустройству престарелых артистов[38]. С. Г. Зверева отмечает: «Известно, что Дмитрий Александрович в течение ряда лет перечислял митрополиту Белградскому Михаилу часть выручки от концертов на нужды пострадавших старообрядцев»[39].

Таковы предварительные итоги нашего изучения музыкально-художественной деятельности Д. А. Агренева-Славянского.

[35] РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Ед. хр. 57.
[36] Там же.
[37] Супруги Славянские состояли в обществе с 1882 по 1887 г. См.: Тверские губернские ведомости. 1885. 23 февраля. Часть неофициальная; 1887. 22 апреля. Часть неофициальная.
[38] РГАЛИ. Ф. 641 (РТО). Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 11 об.
[39] *Зверева С. Г.* Агреневы-Славянские. С. 267.

В. В. Кузнецов

К вопросу о месте битвы под Торжком в 1609 году

В ряду военных операций М. В. Скопина-Шуйского, проведенных им в 1609 г. и имевших целью избавление Москвы от блокады войсками Лжедмитрия II, ключевое значение имеют битвы под Торопцем, Тверью, Калязиным монастырем и Торжком. Места, где происходили эти сражения, в большинстве случаев хорошо известны. В Твери битва происходила на территории современного города, сражение под Торопцем – около села Каменка, сражения под Калязиным монастырем – в устье Жабни и у села Пирогово[1]. В отношении же места битвы под Торжком такой определенности нет. Поскольку место битвы у села Каменка находится на значительным удалении от Торопца, а место битвы у села Пирогово – на значительным удалении от Калязина, можно предположить, что и битва под Торжком также имела место на некотором удалении от города. Очевидно, именно такой логикой руководствуются некоторые исследователи, в своих поисках места этого сражения. Так участники экспедиционного проекта «Под княжеским стягом», пришли к заключению, что битва происходила приблизительно в 10–12 км к востоку-юго-востоку от Торжка недалеко от поселка Мирный. Основанием для такой локализации места сражения послужила находка на полях в районе поселка Мирный двух круглых предметов, напоминающих пушечные ядра[2]. В 2009 г. участники проекта, отмечая 400-летие битвы под Торжком, приняли решение увековечить место, где, по их мнению, эта битва произошла, установкой памятного знака.

Оставляя в стороне вопрос о целесообразности такой акции (в принципе, несомненно, полезной и нужной), попытаемся всё же уточнить место памятной битвы. Для этого следует обратить внимание на источник, который до сих пор не привлекался для решения этого вопроса. Речь идет о Новом летописце – произведении официальной историографии, составленном в окружении патриарха Филарета Романова и входящем в состав Троицкой редакции Никоновской летописи. Троицкой редакции была создана около 1637 г.[3] и отразила события между 1584 и 1630 гг. Для нашей темы важно отметить, что между окончанием Смутного времени и появлением этого памятника прошло не так уж много времени и, наверняка, в его создании принимали участие современники интересующих нас событий. Итак, битва под Торжком в 1609 г. в Новом летописце описываются следующим образом:

«Посла князь Михайло Васильевичъ из Нова города въ Торжекъ воеводу Корнила Чоглокова съ ратными людьми. Корнило жъ, пришедъ въ Торжокъ, и приведе ко кресту и сяде въ Торжку и осаду укрепи.

Писалъ ис Торжку воевода Корнило Чоглоковъ ко князь Михаилу Васильевичю, что идутъ изо Твери подъ Торжокъ Литовские люди многие, и посла князь Михайло Васильевичъ на прибавку въ Торжокъ Семена Головина съ ратными людьми. И Семенъ подъ Торжкомъ сшолся с Велгоромъ, и приидоша вместе в Торжокъ, а Литовские люди въ ту же пору пришли подъ Торжокъ. Немцы жъ пешие поидоша напередъ, отыковся копьемъ, а иные сташа позади ихъ. Литовские жъ люди наступиша на нихъ тремя ротами, и Немецкие люди две роты побиша Литовскихъ людей, а третьяя рота проеха сквозь полковъ, и конныхъ людей Немецкихъ и Рускихъ Литовские люди потапташа до города; едва изъ города вышедъ, отняша. Немцы жъ и Русские люди, паки исправяся, Литовскихъ людей отъ города отбили и пешихъ людей отняша. Литовские же люди ис-подъ Торжку пойдоша ко Твери. Семенъ же съ Немцы стал дожидатца князь Михаила Васильевича въ Торжку»[4].

Как мы видим, М. В. Скопин-Шуйский посылает из Новгорода войско под командованием Корнилия Чоглокова. Войдя в Торжок, Чоголков приводит жителей к присяге царю Василию Шуйскому («приведе ко кресту») и готовится к осаде («осаду укрепи»), то есть, вероятно, укрепляет оборонительные сооружения Торжка — кремль. Необходимость всех этих действий

[1] История Тверского края: Учебное пособие / Под ред. В. М. Воробьёва. Тверь, 2005. С. 85–86.
[2] В настоящее время эти находки хранятся в краеведческом музее Мирновской школы.
[3] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 147–148.
[4] ПСРЛ. М., 2000. Т. XIV. С. 90.

была обусловлена тем, что, в январе 1609 г. город был взят и разорен польскими отрядами[5], а жители, скорее всего, были принуждены присягнуть (целовать крест) Лжедмитрию II. Узнав о приближении к городу войска Лжедмитрия («литовских людей») Чоголков просит Скопина прислать помощь. Тот посылает к Торжку отряд под командованием Семена Головина. Под Торжком Головин соединяется с наемниками («немцами»[6]) под командованием Эбергарда фон Горна, названного в летописи Велгором. В это же время к Торжку подходит войско Лжедмитрия. У города происходит битва, в результате которой войско самозванца отступает от Торжка к Твери.

Решение вопроса о том, *где* конкретно происходило сражение, кроется в описании того, *как* оно происходило: «Немцы жъ пешие поидоша напередъ, отыковся копьемъ, а иные сташа позади ихъ. Литовские жъ люди наступиша на нихъ тремя ротами, и Немецкие люди две роты побиша Литовскихъ людей, а третьяя рота проеха сквозь полковъ, и конныхъ людей Немецкихъ и Рускихъ Литовские люди потапташа до города; едва изъ города вышедъ, отняша. Немцы жъ и Русские люди, паки исправяся, Литовскихъ людей отъ города отбили и пешихъ людей отняша». Иными словами, три конные роты «литовских людей» наступают на наемников и русских. Те уничтожают две роты, но третья с боем прорывается к городу: «И конныхъ людей Немецкихъ и Рускихъ Литовские люди потапташа до города». Слова «потапташа до города» красноречиво свидетельствуют, о том, что расположение русско-немецких полков было таково, что их последние ряды стояли вплотную к «городу», то есть к оборонительным сооружениям Торжка – Новоторжскому кремлю, поскольку именно он и назывался городом. Затем, сидящие в «городе», то есть в кремле, совершают вылазку, в результате которой противник отбрасывается от городских укреплений. Весьма показательно, что те, кто участвовал в вылазке, вступили в бой «едва изъ города вышедъ». Такое могло произойти только в том случае, если этот бой происходил у самых городских ворот. Да и увидеть, что сражающиеся русские и наемники нуждаются в помощи, сидящие в городе «ратные люди» могли только в том случае, если сражение происходило вблизи от городских стен.

Итак, можно с полным правом утверждать, что та битва 1609 г., которую принято называть «битвой *под* Торжком» происходила в непосредственной близости от Новоторжского кремля, то есть в пределах современного города[7].

Основываясь на данных топографии Торжка можно попытаться установить место битвы более точно. Очевидно, что сражение должно было происходить недалеко городских ворот: через них нападавшие «литовские люди» старались прорваться в кремль («город»), и из них же совершили вылазку русские «ратные люди», причем так, что сразу оказались в гуще схватки. По данным писцовых книг Торжка XVII в.[8], Новоторжский кремль имел четыре башни с воротами. Две из них – Спасская и Тайничная – стояли на берегу Тверцы и поэтому могут быть исключены из рассмотрения. Таким образом, следует допустить, что битва происходила или напротив Михайловской проезжей башни, или напротив Спасской. Михайловская башня находилась на Верхнем городище у крепостного вала напортив Михайловской (Благовещенской) церкви, откуда ее название. Спасская башня располагалась на Нижнем городище у моста через ручей Здоровец, через нее проходила дорога, которая вела от Спасо-Преображенского собора на Торговую площадь и далее в посады, поэтому она именовалась еще Большой торговой мостовой башней.

Рельеф местности, примыкающей к Михайловской башне, довольно сложен. Михайловская гора, ручьи Здоровец и Красный вряд ли позволили бы противоборствующим сторонам

---

[5] 25 января 1609 г. в Введенской церкви Борисоглебского монастыря интервенты заживо сожгли архимандрита Константина со всей братией и укрывшимися в храме жителями Торжка (Тверской патерик. Краткие сведения о тверских местно чтимых святых. Казань, 1907. С. 165).

[6] *Немцы* – в России собирательное название всех иностранцев; в войске фон Горна, кроме выходцев из Германии, были еще и французы (Смута в московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / Сост. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк. М., 1989. С. 369).

[7] Примерно так же происходила битва *под* Тверью. Очистив от противника укрепленные посады, располагавшиеся на территории современного города, Скопин загнал его в кремль, который также называется городом: «На другую же нощь пойде со всеми людьми ко Твери и, пришедь, Тверской острог взяша; Литовских людей побили на голову, а достальные седоша в городе» (ПСРЛ. Т. XIV. С. 91).

[8] Первая писцовая книга Торжка была составлена в 1625 г. Нам приходится сделать допущение, что принципиальная схема оборонительных сооружений кремля с 1609 по 1625 г. оставалась неизменной. Описание кремля, его изображения и схему расположения башен см.: Материалы по истории Новоторжского кремля из фондов РГАДА // Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов. Ред. В. В. Воробьёв, М. В. Строганов. Торжок, 2009. С. 37–45.

развернуть там боевые порядки, не говоря уже о возможности вести бой с участием конницы. По данным русских и иностранных источников, с обеих сторон в сражении участвовало около 5 000 человек[9]. Такое количество воинов никоим образом не может поместиться на указанной территории.

Иная ситуация наблюдается на территории, примыкавшей к Спасской башне. Это Подол – низинная часть города, простирающаяся на значительное расстояние от современной площади Пушкина по правому берегу Тверцы до окраин Торжка, включая современные улицы Белинского, Подольную, Луначарского, Кирова, Торговые ряды, пл. 9 Января и Кировский сквер. Ее естественными границами служит надпойменная терраса Тверцы, на которой расположен современный городской Дом культуры и Покровская церковь (Никитская гора). Единственным препятствием для развертывания здесь войск могла быть жилая застройка посадов, примыкавших к Торговой площади и находившиеся на ней торговые лавки и склады. Однако, после погрома города зимой 1609 г. от этих строений, по всей видимости, мало что осталось. Ручей Навнага, протекавший от Никитской горы через Торговую площадь и впадавший в Здоровец, вряд ли мог быть серьезным препятствием для сражения. Таким образом, наиболее подходящим местом для битвы представляется территория правобережного Подола.

Косвенным подтверждением того, что удар «литовских людей» был нацелен именно на Спасскую башню, может служить следующий факт. Согласно Сметному списку Торжка 1684 г., в этой башне хранилось 217 ядер, в то время как в Михайловской – 30, в Петровской – 25, в Наугольной, что к Борисоглебскому монастырю, и в Глухой, что против казенного погреба, – по 2 ядра[10]. Столь значительная концентрация боеприпасов в Спасской башне свидетельствует о том, что даже спустя 75 лет после рассматриваемых событий именно она воспринималась как главный объект нападения потенциального неприятеля, и, следовательно, была главным элементом обороны кремля. Об этом же свидетельствуют и ее размеры, отличавшие ее от остальных аналогичных сооружений кремля – неслучайно, эта башня называлась Большой.

Другим косвенным подтверждением локализации битвы у Спасской башни являются братские захоронения защитников новоторжской крепости, обнаруженные в конце XVII в. у церкви Рождества Богородицы в ходе строительства торговых лавок[11]. Названная церковь находилась на Нижнем городище у ручья Здоровца там, где в XIX в. стояли рыбные ряды[12], то есть в непосредственной близости от предполагаемого места битвы (сейчас – несколько зданий на ул. Торговые ряды и пл. 9 Января). Весьма возможно, что в братских могилах были погребены и погибшие во время этой битвы. Во всяком случае, их захоронение вблизи от места сражения представляется вполне закономерным. Подтверждением того, что павшие во время битвы 1609 г. могли быть захоронены именно около церкви Рождества Богородицы, может служить следующий фрагмент из Нового летописца. После того, как «литовские люди» отступили от Торжка М. В. Скопин-Шуйский «пойде на очищенье Московского государства и прииде изъ Нова города въ Торжокъ; и поопочив въ Торжку и отпевъ молебная Пречистые Богородицы и Ефрему, Новоторжскому чюдотворцу, пойде со всеми людьми ко Твери»[13]. Из этого отрывка следует, что Скопин-Шуйский останавливался в Торжке на ночлег и служил молебны. Очевидно, что молебен Св. прп. Ефрему был отслужен в Ефремовском приделе Борисоглебского собора в монастыре. Наиболее же подходящим местом для молебна Пречистой Богородице был храм с богородичным посвящением, каковым и является церковь Рождества Богородицы. Если молебен Св. Ефрему, вероятно, был отслужен в благодарность небесному покровителю и защитнику Торжка, то молебен Богородице был заупокойной службой по погибшим защитникам города, погребенным у церкви в честь Ее Рождества.

---

[9] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. М., 1994. С. 470.

[10] Материалы по истории Новоторжского кремля из фондов РГАДА. С. 40—41.

[11] Новгородский митрополит Корнилий по ходатайству архимандрита Борисоглебского монастыря Тарасия указом от 1694 г. запретил земляные и строительные работы на месте братских могил (Журнал 74-го заседания ТУАК. Тверь, 1900. С. 27—28).

[12] *Иллиодор, иеромонах.* Историческо-статистическое описание города Торжка. Тверь, 1860. С. 94.

[13] ПСРЛ. Т. XIV. С. 91.

И. В. Миронова

Село Мигалово — реальность и мифы

Мигалово заинтересовало меня по вполне объяснимой причине: дело в том, что моя семья живет здесь с 1951 г. Несколько лет назад, работая в Государственном архиве Тверской области с личным архивом священника Владиславлева, я наткнулась на один очень любопытный, с моей точки зрения, документ — его рукопись «Село Мигалово». С этого и начался мой исторический интерес. Сразу хочу сказать, что это не первая моя публикация на данную тему — летом 2009 г. я вывесила статью об истории Мигалова в Интернете. И конечно, мне было интересно и важно получить читательские отклики. Но я даже предположить не могла, что статья получит такой резонанс. Мне звонили и писали жители Мигалова и окрестных деревень, чтобы подсказать, дополнить, обратить мое внимание на какой-нибудь факт. Обсуждалась статья даже на сайте «Одноклассники», где в группе «Мигалово» я получила свыше 40 откликов. Некоторые из них мне хотелось бы привести в статье с указанием имен и сохранением стиля и некоторых особенностей написания авторов.

Основываясь на данных археологических разведок, с уверенностью можно сказать, что люди поселились в этих местах еще в эпоху мезолита. В районе села Мигалово археологи обнаружили стоянку, где были найдены кремневые вкладыши и отщепы, отнесенные именно к этому времени[1]. К сожалению, археологический памятник был уничтожен при строительстве шоссе.

Первое официальное упоминание о селе можно обнаружить в писцовых материалах Тверского уезда за 1580 г.: «В волости в Суземье село Мигайлово на берегу на Волге, а в селе церковь Рождество Христово деревяна... а крестьянских дворов в селе и в деревнях живущих пятдесят один двор с полудвором, а людей в них шестьдесят девять человек, да пустых шестьнатцать дворов с полудвором, а хором на них изб и сбенников, и клетей, и всяких пятдесят одна хоромина»[2]. К этому времени к селу были приписаны 15 деревень, правда, 9 из них в 1580 г. оказались пусты из-за некоего «морового поветрья», которое, по-видимому, и унесло большую часть жителей. Таким образом, становится понятно, что к концу XVI в. Мигалово было уже довольно большим селом, а значит, образовано оно намного раньше. Из того же документа явствует, что оно было великокняжеским и принадлежало Симеону Бекбулатовичу. Этого касимовского хана осенью 1575 г. Иван Грозный посадил «великим князем всея Руси». Хотя через непродолжительное время царь отстранил Симеона Бекбулатовича от «великого княжения», он пожаловал его «великим князем тверским», выделив владения в Твери и Торжке. Среди прочих сел в состав надела вошло и село Мигалово.

Священник Василий Федорович Владиславлев, бывший на протяжении долгого времени редактором «Тверских епархиальных ведомостей», в одном из своих черновых набросков, сохранившихся в ГАТО, пишет, что Мигалово появилось в «темное время» и было окружено дремучим сосновым лесом. Дорога на Старицу тогда пролегала по берегу Волги, и была она настолько опасной и кишащей лихими людьми, что местные жители честно предупреждали путников, намеревающихся пойти по ней — «попытай, да смотри не мигай». В. Ф. Владиславлев, со слов жителей села середины XIX в., предполагает, что название села и произошло от этой специфической, характерной только для мигаловцев, поговорки[3]. Один из участников группы «Мигалово» в социальной сети «Одноклассники» Андрей Красюков вспомнил: «Кто-то из старых учителей нам рассказывал, что в давние времена разбойнички ошивались на берегу в районе Мигалово и когда купчишки плыли по Волге, то смотрели — мигают огни костров на берегу, значит надо захорониться».

Но в документах XVI в. село называлось Мигаилово или Мигайлово. Некоторые современные историки, в частности И. А. Попов, предполагают, что такое название созвучно с именем *Михаил* (видимо, звук *х* перешел во фрикативный *г*). Наверняка зная, что село было великокняжеским в период образования централизованного государства, можно предположить,

---

[1] Археологическая карта России. Тверская область / Ред. А. В. Кашкина. Ч. 1. М., 2005. С. 54.
[2] Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / Сост. А. В. Антонов. М., 2005. С. 327.
[3] ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Личные фонды В. Ф. Владиславлева. Ед. хр. 1186—1258.

что во времена Тверского княжества оно тоже принадлежало тверским князьям, среди которых, как известно, было немало Михаилов.

Дальше историю села можно проследить по писцовым книгам, в которых есть сведения о деревянной мигаловской церкви во имя Рождества Христова. Служил там в 1686 г. «поп Иван и три его сына — Ивашка-дьячок, Васька-пономарь да Афонька маленький»[4]. До сих пор в Мигалово бытует достаточно традиционный миф, что под церковью был прорыт подземный ход на другой берег Волги, дававший местным жителям возможность спасаться от врагов. Сохранилась и легенда о спрятанных там сокровищах. Еще один участник группы «Мигалово» Евгений Степанов вспоминает об этом несколько по-другому: «Церквушка и правда была. А затем отдали под жилье, в этом доме жил мой одноклассник мы часто у него там играли. А бабушка его в школе нашей учителем работала. В детстве говорили, что с них в подвале зарыт клад, но мы туда боялись лазить».

В 2009 г. отмечался юбилей: 400 лет с начала похода Василия Михайловича Скопина-Шуйского на Лжедмитрия. На стороне Скопина-Шуйского в то время воевали и иностранные наемники. Летом 1609 г. десятитысячное войско, вышедшее из Торжка и двигавшееся к Москве, попыталось освободить от польско-литовских войск и Тверь. Необходимо было подойти к городу максимально незаметно, поэтому они воспользовались переправой через Волгу, до сих пор существующей недалеко от Мигалова. Путь объединенных войск Скопина-Шуйского пролегал если не по самому Мигалову, то по деревням, которые были приписаны к селу.

В XVIII в. в селе и окрестных деревнях появляются дворяне-землевладельцы. Одним из первых был титулярный советник Николай Иванович Башилов. Его вдова Надежда Ивановна долгое время жила в селе, по крайней мере, о ней упоминается еще в клировых ведомостях за 1801 г.[5] По-видимому, она была похоронена на мигаловском кладбище у церкви.

В самом начале XIX в. церковь Рождества Христова в Мигалове перестроили. В 1800 г. она была уже каменной с колокольней и тремя приделами: холодный — в честь Рождества Христова, правый теплый — в честь иконы Казанской Божией Матери и Преподобного Сергия, левый теплый — в честь пророка Илии и Покрова Пресвятой Богородицы. Последний «выстроен усердием генеральши Екатерины Семеновны Коняевой»[6]. Ее муж Михаил Тимофеевич Коняев — достаточно известный в истории русской армии человек. Он родился в 1727 г. и после окончания Морской академии ходил на разных судах в Балтийском море, был командиром пакетботов «Меркурий», «Лебедь», «Сокол», пинка «Новая Двина» в составе отряда контр-адмирала А. И. Нагиева, фрегатов «Россия» и «Св. Дмитрий Ростовский», корабля «Граф Орлов». Михаил Тимофеевич был награжден орденом св. Георгия 4 класса «За отличие», орденом св. Георгия 3 класса «За храбрые и мужественные военные подвиги, оказанные в последнюю турецкую войну, будучи командиром эскадры при сожжении Дулциниотского флота». В 1779 г. М. Т. Коняев ушел в отставку капитаном генерал-майорского ранга или, по-флотски, капитаном 1 ранга. Умер 23 августа 1789 г. и был похоронен в Тверском Успенском Желтиковом монастыре[7].

Крупными землевладельцами являлись подпоручица Мария Алексеевна Языкова, владевшая деревнями Апарино (в настоящее время Опарино), Мотавино и Прудище и подпоручик Акинфий Матфеевич Бестужев, имевший деревни Рябеево и Дешевкино[8]. Его род внесен в генеалогию Тверского уезда с 1776 г. Среди дворян, имевших усадьбы в Мигалове, числился также поручик Алексей Григорьевич Тепляков[9]. Это брат поэта пушкинской поры Виктора Григорьевича Теплякова, который, как известно, владел усадьбой Дорошиха, находящейся не так далеко от Мигалова, если ехать напрямик, через Волгу. Позже имение перешло его сыну Павлу Алексеевичу Теплякову. Его земля обрабатывалась наемными рабочими по девятипольной системе. У Теплякова были большие фруктовые и ягодные сады, пчельник, скотный двор, где разводилась помесь коров холмогорской и местной породы. Часть пустующих земель он разбил и сдавал под дачи. Так, на даче № 67 в 1864 г. появился медо-пивоваренный завод,

[4] Там же. Ед. хр. 1200.

[5] Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год. Клировые ведомости / Сост. С. С. Кузин. Тверь, 2008. С. 70—71.

[6] Там же. С. 70.

[7] *Пятин В. П.* Господа офицеры Тверской земли: Именные списки 1627—1917. Вып. 1. Тверь, 2006. С. 67.

[8] Духовенство и приходы города Твери и Тверского уезда. 1801 год. С. 71.

[9] Об А. Г. Теплякова см.: *Тепляков В. Г.* Книга странника: Стихотворения. Проза. Переписка / Предисловие, подготовка текста, комментарии Е. В. Петренко, М. В. Строганова. Тверь, 2004.

на котором работали местные жители. По статистическим сведениям за 1891 г., на нем действовала одна паровая машина в четырнадцать лошадиных сил при одном паровом котле. Работало на предприятии шестьдесят мужчин, которые изготавливали в год 112 696 ведер пива на сумму 90 156 руб.[10]

В конце XIX в. в Мигалове было две улицы, четыре колодца, пять каменных домов, кузница, чайная и молочные лавки, госпиталь, старое кладбище вокруг церкви и начальная земская школа. Село разрослось, поэтому его часть была вытеснена на большую Старицкую дорогу, позже, при строительстве аэродрома ее перенесли несколько дальше. Почва в селе неплодородная: в основном песчаная или болотистая, требующая значительного количества удобрений, поэтому местное население кроме сельского хозяйства традиционно занималось ямщицким и печным делом.

Вдоль реки тянулась липовая аллея до особняка, построенного в 1881 г. Морозовыми. Фрагментарно она сохранилась, и дом в стиле модерн, стоящий на мысу, образованном глубоким оврагом с ручьем и высоким правым берегом Волги, впечатляет до сих пор. Известный мигаловский миф повествует о том, что дом был построен Саввой Тимофеевичем Морозовым для своей любовницы. На самом деле «Бумагопрядильная, ткацкая, красильно-отбельная и ситценабивная фабрик Товарищества Тверской мануфактуры» (неофициальное название — Тверская мануфактура) с 1872 г. перешла во владение к Абраму Абрамовичу Морозову, племяннику Саввы Тимофеевича[11]. Его женой была Варвара Алексеевна Хлудова, о деятельности которой в последнее время много говорится. Совместно они прожили около двенадцати лет. После свадьбы А. А. Морозов с удвоенной силой развернул дело, но психическое заболевание, особенно обострившееся в последние годы жизни, мешало ему в полной мере руководить производством. В течение пяти последних лет его жизни Варвара Алексеевна ухаживала за мужем, отказавшись определить его в специальную клинику. Абрам Абрамович умер в 1882 г., а дом в Мигалове построен в 1881 г. Логично предположить, что руководила строительством сама Варвара Алексеевна.

В народе этот дом называется Чапаевским. С этим именованием связан еще один миф о том, что именно здесь был снят один из эпизодов легендарного фильма 1934 г. «Чапаев» режиссеров Георгия и Сергея Васильевых. Считается, что главный герой отстреливается от белых из пулемета из окна именно этого дома. На самом деле герой актера Бабочкина стрелял из окна Рождественской церкви, к сожалению, разрушенной в 1970-е гг. Финальный эпизод фильма, где Чапаев переплывает реку Урал, также снимался в Мигалове на Красной (или Чапаевской) горке, расположенной практически напротив Морозовского дома. Вот что рассказывают местные жители. Катя Лаврова: «Родители рассказывали, что да, были киносъемки „Чапаева". Были построены фанерные декорации, Волга была как бы река Урал. И первый киносеанс состоялся именно в чапаевском домике». Наталья Исакова: «Мне рассказывали, что кино снимали в этом домике, поэтому он так называется, и именно с этого обрыва он кидался в воду, уж не знаю, правда, или нет». Более пространно рассказывает об усадьбе и съемках участник группы «Мигалово» Владимир Илюшик: «Усадьба фабриканта Морозова („Чапаевский домик") кроме каменного строения включала в себя бревенчатые домики. На большой территории был парк. От парка остались кедры (они не растут в тверских лесах), липы, сирень. До конца 60-годов была целая аллея роз. До 60-х в зданиях был гарнизонный лазарет, затем семейное общежитие. В начале 60-х передали городу — чтобы не восстанавливать за счет средств Минобороны. Название „Чапаевский" пошло от того, что там проживала съемочная группа режиссеров Васильевых. А основные съемки проходили выше по Волге (км примерно 20—30), там есть „чапаевская горка". Кстати, дорога вдоль Волги из брусчатки (когда строили обкомовские дачи, наложили сверху асфальт). Фабрикант строил на века». Наталья S. дополняет: «Действительно, сама „чапаевская горка" находится примерно в 30 км от города, в направлении Старицы, около дер. Беседы. Оч. красивое место!» О том, что съемки проходили не в самом Мигалове, а недалеко от Моркина Городища, выше по Волге, мне рассказывал и один из читателей — Николай. К сожалению, я не знаю его фамилию.

На Неделе тверской книги, ежегодно проходящей в Тверской областной библиотеки, в 2009 г. был представлен очень интересный документальный фильм «100 лет тверскому кино», снятый студией «Акценты». Его авторы считают, что многие моменты фильма снимались все-

[10] Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Тверь, 1892. Т. 8. Вып. 2. С. 326.

[11] *Кулик В. Н.* Да не оскудеет рука дающей. Благотворительная деятельность В. А. Морозовой. Тверь, 2005. С. 4.

таки в Мигалове, а в эпизодах снимались многие бойцы нашего гарнизона. Актриса Варвара Мясникова, сыгравшая Анку-пулеметчицу, училась стрелять в Мигалове. По свидетельству авторов фильма, офицер, командовавший в те годы мигаловским гарнизоном, считал, что именно его бойцы научили актрису стрелять так хорошо, что она может дать фору многим солдатам; и, что ее знаменитая фраза «учи, дьявол, пулемету» тоже произнесена в Мигалове.

XX век привнес колоссальные изменения в жизнь Мигалова. По сути дела, сейчас уже ничто не напоминает о селе. В 1930-е гг. руководство страны приняло решение построить аэродром под Калининым. Удобное местоположение и малая заселенность Мигалова сыграла свою роль в выборе именно этого места. Была проведена масштабная работа: вырубили значительную часть леса, Старицкое шоссе сдвинули в сторону, а бывший отрезок дорожного полотна приспособили под взлетно-посадочную полосу. Мигаловский аэродром был построен в 1934 г., но до Великой Отечественной войны отечественные самолеты там постоянно не базировались. Во времена сотрудничества руководителей страны с Германией аэродром секретно был сдан в аренду немцам. Так, в 1930-е гг. на Мигаловском аэродроме обучали немецких летчиков. На деньги, заплаченные за аренду аэродрома, в 1936 г. была построена баня для военнослужащих и несколько домов из красного кирпича. А немцы получили незаменимый опыт полетов над центральной Россией и увезли с собой карты расположения объектов, которые во время Великой Отечественной войны метко бомбили.

В 1941 г. защищала село 5-я стрелковая дивизия. Решением Генштаба 4 октября она была направлена на оборону Москвы. Однако в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на Калининском направлении, дивизия получила задачу оборонять Калинин. В тот же день она заняла оборону на рубеже Мигалово-Борихино-Никулино и вступила в бой с немецко-фашистскими войсками, пытавшимися ворваться в Калинин по Старицкому шоссе. К дивизии были приписаны курсанты Школы младших лейтенантов и отряды народного ополчения, но вскоре нашим частям пришлось отступить[12]. При отступлении немцев в декабре произошло трагическое событие. Наши войска пытались воспользоваться той же переправой, по которой прошел летом 1609 г. де ла Гарди, и из-за Волги перебраться на правый берег, но немцы расстреляли их и не пустили к Мигалову.

В послевоенные годы Мигалово активно восстанавливалось и расширялось. С 1951 г. 56-й бомбардировочной авиационной дивизией, расположенной в мигаловском гарнизоне, командовал Герой Советского Союза летчик-истребитель Сергей Федорович Долгушин. Он был близким другом 24-летнего генерала Василия Иосифовича Сталина, который в то время возглавлял ВВС Московского военного округа. Василий Сталин часто прилетал в Мигалово как по служебным делам, так и на отдых.

В 1973 г. полностью снесли обветшавшую церковь, закрытую еще в 1935 г., до конца разровняли старое разросшееся кладбище, на месте которого построили новые дома и разбили огороды. Вот что вспоминает житель Мигалова Владимир Илюшин: «В церкви был овощной склад. В начале 60-х годов вышло постановление ЦК КПСС о восстановлении исторических зданий, при этом восстановление возлагалось на руководителей, на чьей территории оно находилось. Мигалово — закрытый гарнизон. Командование приняло решение. Аккуратно подорвали — кирпич „особо одаренные“ утащили на гаражи». Его рассказ дополняет Irina Thuler: «Я помню эту церковь и лазила на нее и была внутри нее. Помню, как сразила меня наповал роспись под ее куполом. До сих пор не могу забыть ее. Идентичную роспись я видела еще в большом храме, который стоит возле дороги, когда едешь на Оршу. Не знаю, стоит она сейчас или нет. Рука одного и того же художника. Головы бы поотрывать тем, кто подвзорвал ее. Да простит их Господь! Видимо, они уже произвели свой отчет перед ним». Горький курьез: буквально через два месяца после разрушения храма в область пришли документы, признающие церковь Рождества Христова памятником архитектуры, охраняемым государством. А бывшую кладбищенскую часовню, возведенную еще в 1783 г., превратили в жилой дом. В 1993 г. здание было отдано Церкви, расширено и перестроено в церковь. А в 2000 г. в храме Рождества Христова была отслужена первая Литургия.

[12] Пятая стрелковая дивизия // Тверская область: Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 211—212.

А. А. Петров

Торопецкая жизнь в воспоминаниях Л. И. Никитиной

Для краеведения важна история края в целом. События, происходящие в данной местности, так или иначе отражаются в семейно-бытовом укладе жителей этой территории. Поэтому для краеведческих поисков важна история каждой семьи в отдельности, так как нередко за рядовыми событиями жизни человека и его родных можно увидеть бытовые, экономические, культурные и т. д. особенности данной местности. Важным материалом в таких изысканиях являются воспоминания (как устные, так и письменные) жителей этих мест.

Примером таких воспоминаний могут служить записи[1] коренной жительницы Торопца, пенсионерки Л. И. Никитиной (Родиной), 1922 года рождения[2], изложенные в двух тетрадях под заголовками «История моего горького детства, несчастной юности и всей моей печальной жизни, а также моей матушки. Лидия Ивановна. „Дела давно минувших дней — Преданья старины далекой"» (1 тетрадь); «История моей жизни и моих мамы и др.<угих> родных» (2 тетрадь). Историю своего рода Лидия Ивановна изложила письменно примерно в 2007 г. для того, чтобы ее потомки помнили историю семьи. Публикуемые воспоминания охватывают период с конца XIX в. до середины XX в.

В начале записей приведена топонимическая легенда, в которой дается описание создания д. Лахари, названной так по имени ее основателя — Лахарёнка. Причем история создания этой деревни связана с «заколдованными» кладами. Сам же факт того, что записи начинаются с описания создания деревни, отсылает к древнерусской литературной традиции (летописанию) и мировой практике в целом (название места произведено от имени ее основателя; например, именование Киева, Рима).

Сведения такого рода позволяют уточнить топонимику района, не всегда полно отраженную в справочной и научной литературе. Например, в записях Л. И. Никитиной встречается деревня Черная Грязь, которая не зафиксирована в книге «Географические названия Торопецкого района» В. М. Воробьева[3]. В книге же М. И. Семевского «Торопец. Уездный город Псковской губернии. 1016—1864 гг.» часть песен записана в «дер.<евне> Черная Грязь», «подгор.<одней> дерев.<не> Черная Грязь»[4]. Таким образом, воспоминания жителей могут способствовать восстановлению топонимической карты края.

В воспоминаниях Лидии Ивановны упоминаются *супрятки* — рабочие зимние вечера — место знакомства парней и девушек. «В зимние вечера отдыхали. Девчата ходили по супряткам (пряли и т. п.) у себя и в семьях даже др.<угих> деревенск.<их>: Черная Грязь, Голубино, Шатры, Гольцово. К девчатам на супрятки приходили парни не только этих деревень, но даже и городские ребята. Уж там, особенно где семьи побогаче, девчата пряли, пели задушевные песни, <ужинали> там же и даже танцы бывали!»

М. И. Семевский среди «игрищ и потех»[5] торопчан описывает субботки (собрания девушек и парней с первого дня Рождества Христова до Крещенья) и посиделки (ежедневные собрания парней и девушек от Крещенья до конца Великого поста, с работой, в отличие от суббо-

---

[1] Записи сделаны в двух тетрадях по 12 листов. В первой тетради они занимают 18 страниц, во второй — 14. Оригиналы находятся у Л. И. Никитиной, копии — в архиве А. А. Петрова. Для истории торопецкой земли большой интерес представляют воспоминания (биография) Ф. А. Виноградова — уроженца д. Железница Холмского уезда Псковской губ. (ныне территория Торопецкого р-на Тверской обл.). См. *Виноградов Ф. А.* Ну теперь, барышни, пойдемте по гулянью... / Публикация О. Р. Николаева // Живая старина. 2000. № 4 (28). С. 4—8.

[2] См. о ней также: *Петров А. А.* Л. И. Никитина как поэт-краевед // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Выпуск 2 / Составитель В. В. Кузнецов. Редакторы В. В. Воробьев, М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Изд-во М. Батасовой, 2009. В этой статье приведена песня «Здравствуй, Настенька моя...» (С. 99), которую пела Л. И. Никитина вместе со своей сестрой в детстве. Откуда знает эту песню, она не помнит. Между тем известна хороводная песня «Как из улицы в конец / Шел удалый молодец...», припев и тема которой «Ай, хорошая моя! / Ай, пригожая моя!» схожи с вариантом Л. И. Никитиной (*Александров А.* Деревенское веселье в Вологодском уезде // Современник. 1864. № 7. С. 197). Скорее всего, вариант, приводимый Л. И. Никитиной, тоже является хороводной песней, некогда бытовавшей в Торопецком крае.

[3] *Воробьев В. М.* Географические названия Торопецкого района: Справочник. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999.

[4] *Семевский М.* Торопец. Уездный город Псковской губернии. 1016—1864 гг.: Очерк. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное издательство, 1999. С. 86, № 88. См. также № 89, 165.

[5] Там же. С. 42—49.

ток). Сравнивая эти данные с воспоминаниями Л. И. Никитиной, мы видим, что в первой четверти (возможно, уже и в конце XIX в.) собрания молодежи стали называться супрятками, причем с соединением работы и потех (танцы). А указание, что на супрятки в деревни приходили парни из города, свидетельствует о том, что деревня Черная Грязь была недалеко от города, о чем также свидетельствует замечание М. И. Семевского: «подгородняя».

Есть в записях Л. И. Никитиной и упоминания о священнослужителях Торопца. Во-первых, это настоятель Ильинского храма — отец Василий, у которого в прислугах жила мать Лидии Ивановны (примерно в 1890—1910-е гг.). Во-вторых, это настоятель храма Жен Мироносиц отец Леонид Просовецкий, получивший прозвище Красный поп — «поп был жестокий по натуре», служивший, по воспоминаниям Л. И. Никитиной, в 1940-е гг. вместе с дьяконом отцом Анатолием Богдановым, о котором говорится, что «он был больной человек, живший с матерью в городе на Советской ул.<ице>». Такие данные, на наш взгляд, важны для краеведения, так как, во-первых, в них не просто фиксируются те, кто служил, но и дается оценка их поведения населением (в данном случае отраженная в прозвище). Таким образом, такие данные помогают воссоздать порядок служения священников Торопца[6].

Интересны для краеведческих изысканий и замечания о событиях, связанных с храмами Торопца. В воспоминаниях указывается, что «маму, как и др.<угих> соседей, увели в церковь Богоявления, где полицаи опознавали; кого знали — отпускали, кого нет — в тюрьму до выяснения!» Второй эпизод связан с храмом Жен Мироносиц, где немцы топили печки «иконами из храма».

В записях Лидии Ивановны обращает на себя внимание именование родственников (термины родства)[7]. Так основное наименование матери в воспоминаниях Л. И. Никитиной — *мама*, а ровесниц и сослуживиц — *девчата*. В воспоминаниях же современников Лидии Ивановны наряду с нейтральными *мать, отец* также есть и именования *мамочка, бабушка*; встречается обращение матери к дочери — *девушка* (А. А. Алексеева (Сивякова, 1922 г. р.)[8]); *мама, бабушка, малышка* (В. А. Голикова, <1927 г. р.>)[9]; *сестричка; девчата-повара* (А. Ф. Федоров, <1925 г. р.>)[10]. Наличие бóльшего однородного материала (воспоминаний людей одного возраста и социальной среды), на наш взгляд, позволит выявить закономерности и особенности в обозначении семейно-родственных именований этого периода.

В заглавии своих воспоминаний Л. И. Никитина акцентирует внимание на том, что детство ее было «горькое», юность «несчастная». В связи с этим интересны замечания сверстников Лидии Ивановны, например, М. И. Мартыновой (1922 г. р.), которая свое детство также называет «горьким»[11]. Если же пойти чуть дальше в этих изысканиях, то мы заметим, что в некоторых воспоминаниях современников Л. И. Никитиной жизнь во время войны, то есть времени их юности, была настоящим *адом*; см. воспоминания М. Н. Медведевой, 1927 г. р.[12]; В. А. Голиковой, <1927 г. р.>[13] Такая характеристика жизни заслуживает также дальнейшего изучения.

Основные события, описанные Л. И. Никитиной, связаны с Великой Отечественной войной (тыл, оккупация, фронт).

Обращает внимание на себя тот факт, что перед Великой Отечественной войной в народе ходили слухи о начале военных действий. Так в записях Л. И. Никитиной говорится о том, что в 1939 г. приехала ее сестра, которая «хотела оставить ребенка маме и мне с братом». Стар-

---

[6] О священнослужителях Торопецкого края см. *Попов Ю. Г.* Торопецкие подвижники благочестия. Краеведческое исследование / Отв. ред В. М. Воробьев. Тверь: Седьмая буква, 2009; *Попов Ю. Г.* Торопец патриарха Тихона. 2-е изд. Тверь: Славянский мир, 2008. Воспоминания Л. И. Никитиной о настоятеле храма Жен Мироносиц отце Всеволоде Меньшикове см.: *Попов Ю. Г.* Плоскошь, Бончарово, Княжьи Села... / Путешествия краеведа по населенным пунктам Плоскошского сельского административного округа Тверской области. Тверь: ООО «СПб СРП „Павел" ВОГ», 2008. С. 101.

[7] *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 24—38. Ср. замечание К. И. Чуковского: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: *дети*. Теперь это слово повсюду вытеснено словом *ребята*» (*Чуковский К. И.* Живой как жизнь: Разговор о русском языке. М., Молодая гвардия, 1962. С. 11).

[8] Мы из поколения двадцатых / Составитель Л. Е. Ефимова. Торопец, 2009. С. 5—21.

[9] Наши души обожгла война... Воспоминания детей войны 1941—1945 гг. / Составитель Л. Е. Ефимова. Торопец, 2008. С. 14—20.

[10] Там же. С. 36—52.

[11] Мы из поколения двадцатых. С. 55.

[12] Там же. С. 73.

[13] Наши души обожгла война... С. 15.

Старший брат Л. И. Никитиной Саша «запретил матушке брать ребенка... „Она тебя оставила с нами когда-то, а ты возьми ее сынка — она тебе оставит его, да к тому же есть предположение, что вспыхнет война“». В воспоминаниях М. И. Мартыновой есть сходное замечание: «Живем, работаем, но уже ходят слухи, что будет война. И вот она началась»[14].

Перед тем, как фашистские войска вступили в конце августа 1941 г. на Торопецкие земли, Лидия Ивановна описывает встречу с К. Е. Ворошиловым в сторожке храма Жен Мироносиц. «Так где-то, кажется (перед тем как немцы оккупировали Торопец), это был сентябрь м<есяц>ц[15], на кладбище заехали 2 машины: легковая и грузовая, а в них 6 челов.<век> наших, родных, зашли и попросились до утра остановиться; стали перекусывать, нас угостили — один <...> обратился ко мне попросить иголочки что-то зашить и я предложила: „Тов.<арищ> комиссар, разрешите, я зашью“. Он переглянулся со своими офицерами и сказал: „Доченька, солдат сам должен делать всё“. С удивлением глянул на меня и на портрет Ворошилова, что был у меня на стене, и засмеялся: „Вот, ребята, и тут объявился“. Это был Он — К. Е. Ворошилов — одно лицо, что на портрете, то и него!!!» Однако в краеведческой литературе нет упоминаний о том, что в Торопце бывал К. Е. Ворошилов, так что это утверждение нуждается в проверке.

Одним из эпизодов оккупационной жизни в Торопце является мародерство: «На следующий день мы с мамой побрели к „дому“, который уже был разбит. На кладбище куча убитых немцев — наши жители уже шарят и в церкви, и в сторожке <...>. В кладовке немецкая овчарка рычит; в сторожке гранаты и др.<угое> оружие. Вот так мы остались без жилья! Куда идти? В сторожку зашла баба Дарья и давай со стенок рамочки наши снимать, иконки. Какая наглость и жадность! „Т. Даша, это же наши вещички“, — говорю, сама плачу. Мама тоже стоит вся бледная!» Это не единственный пример подобного поведения мирного населения. О типичности такого поведения говорят воспоминания В. А. Андреевой, жившей перед войной в Торопце: «Когда мы уже двинулись в путь, то в темноте увидели каких-то людей, что метались с мешками и коробками. Мы думали, что они ищут укрытия, но как потом оказалось, они грабили магазины и склады...»[16] И далее: «2 февраля мы стояли около своего дома, но узнать его не могли. Всё разграблено, разорено, но не немцами — там для них ничего привлекательного не было; мы увидели проделки мародеров»[17].

Таким образом, семейные воспоминания (тем более записанные) любого человека важны не только для его семьи, но и для краеведения. Из них можно почерпнуть, например, сведения не только о диалекте, топонимике края, но и болезнях, бытовавших в тот или иной период (так Лидия Ивановна указывает на черную оспу, холеру), о природных явлениях (в данном случае — смерч, унесший жизнь родственника Л. И. Никитиной[18]).

Тетрадь № 1[19].

Детство родителей.

В окрестностях Торопецкого р<айо>на в какие годы (трудно сказать), но примерно в 1800... — появилась маленькая деревенька в 4 дома, окруженная топучими болотами с 4 сто-

---

[14] Мы из поколения двадцатых. С. 61.

[15] Немцы оккупировали Торопец 29 августа 1941 г. Такие неточности в тексте воспоминаний обусловлены тем, что записи проводились уже в 2000-е гг.

[16] Наши души обожгла война... С. 10.

[17] Там же. С. 12.

[18] Ср. рассказ о буре (зап. А. А. Петров от Т. Д. Шаршаковой, 79 лет, д. Быки Удомельского р-на, 2 июля 2005 г.):
«— Ионино. А почему так называется?
— Ионино. Ну вот ей построили и сделали такой — Ионино.
— А почему новую построили?
— А сгорела, туча зашла такая! Было Хонеево на берегу, а такая туча зашла, что от грозы сгорела вся деревня и построили новую. Еще меня живой не было, я это не видела.
— То есть была деревня, как она называлась?
— Хонеево.
— И во время дождя?..
— Да, молния, гроза была и сгорела, и такой вихорь был, что и скотину даже через озеро переносило.
— Ну, это какая-нибудь буря?
— Буря была. Вот прежде какие бури были. Вот теперь такого нету, да и не дай Бог».

[19] При подготовке текста к печати сохранены особенности речи Л. И. Никитиной. Для облегчения восприятия исправлена орфография и пунктуация.

рон, и дорожка к ней была через болото, от города, как мостик с перильцами, и уложенная плитками. Называлась деревенька Лахари — по имени или фамилии владельца ее (Лахарёнок). То ли граф Монте-Кристо, то ли еще кто, но человек загадочный и очень богатый. Привез он с собой несколько молодцев: Андрея Афанасьича с сестрой Евфросинией, Николая и еще двоих — имена я не помню (это всё по рассказам моей матушки, которая на свет появилась не скоро, когда Андрей-молодец из Андреаполя привез красавицу Ольгу себе в жены)...

Все молодцы – красавцы, удальцы - в деревеньке построили хаты, в которые, по разрешению своего хозяина Лахарёнка, привезли (как и Андрей) невест и зажили в новых домах, в новой деревеньке. Каждый имел участок земли, корову и др.<угое> х<озяйст>во... Все зажили хорошо, исправно с женами и появившимися вскоре детьми... Ездили в заработки по Торопецкому р<айо>ну, слушались своего хозяина. И всё бы было хорошо; делали для дома хозяина всё, который, как ни странно, женат не был... Куда-то ненадолго уезжал, затем снова появлялся. Ходили слухи, что недалеко от деревеньки были зарыты заколдованные клады, но где и кем — никто не знал. Пошел слух, когда однажды Лахарёнок, приехав из отъезда, стал уговаривать Андрея-молодца, любимого им, и по фамилии Родин[20], поехать куда-то с ним надолго. Но Андрей категорически отказался — не захотел оставлять красавицу жену с народившимся сыном Дмитрием. Получился скандал между Лахарёнком-хозяином и Андреем. Хозяин уехал один — и не появлялся больше в своем доме. Все были в недоумении и печали, куда пропал их хозяин, и больше всех печалился Андрей, что не согласился с просьбой хозяина. До самой своей смерти Андрей не мог простить себе, что не поехал с Лахарёнком, так как тот пропал бесследно.

Ну, что ж — четыре семьи зажили своими заботами и хлопотами, но бедновато — некому было их поддержать!.. Дети росли, подрастали.

Я буду писать об одной семье Андрея Родина. Подрастали дети: Дмитрий, Василий, Александра, Наталья (1883 года рожд.<ения>) и Алеша, который умер младенцем... Осталось детей 4. Сыны ходили в город в школу, девочкам учиться было не за что, где брать денег?[21] Хозяин давно пропал! Помочь некому. Сестра Андрея нянчила всех детей. Наконец сыны: Дмитрий и Василий женились, взяв жен из ближних деревень: Черная Грязь, Спасское.

А самому Андрею-отцу мстила со Спасского, как могла, девка (колдовством и т. п.) за то, что он привез себе жену издалека (Ольгу), а ее, влюбленную, не взял...

Ну, жили, как могли из хозяйства, затем ходили по р<айо>ну плотничать, лепить печки и т. п. Отслужились в армии, вернулись домой. Александра дочь — вышла замуж в д. Бубново Скворцовского с/с (муж Георгий раб.<отал> на жел.<езной> дороге). Наташа — долго жила в прислугах в городе у священника Ильинского храма о. Василия, и ее сверстница Дарья <Б.> тоже жила в прислугах в городе. Затем Наташа уехала в Петроград в детский приют — нянечкой, где отработала несколько лет; имела подругу Леночку и жениха Александра, который служил кавалеристом в царском полку, Измайловском.

Из дома получала редкие письма от родителей и братьев. Но считала себя счастливой, работа нравилась, а город тем более. Любила Ал<ексан>дра, дружила с Леной. Братья Наташи были женаты (два). И вдруг! — из дома телеграмма — выезжай — брат Дмитрий и отец <тяжело> больны... Надо ехать!.. Провожали: Саша и Лена — на сердце было какое-то страшное предчувствие чего-то плохого... И началось такое плохое в жизни красавицы-Наташи — не дай Бог никому такого...

Приехала домой, вслед за ней приехала подруга Лена.

У отца черная оспа — умер — похоронили...

Брат Дмитрий тоже — чуть живой — мать в истерике — что делать — надо и на работу возвращаться! Взяли с Леной-подругой билеты (та уговорила, что нельзя, Наташа, тебе оставаться — болезнь заразная). Пришли на станцию, глядь в окно — девочка Дмитрия, дочь, бежит. «Т. Наташа, папа умер — вернись!» Вернулась — Лена подруга уехала с обещанием Наташи, что после похорон она вернется в Петроград...

Но увы! Жизнь Наташи продолж<илась> в одних несчастьях... Что это — судьба? Или еще что, и почему одни живут счастливо, другие в бедах, горе, несчастьях? За что ж так горько

[20] В статье о творчестве Л. И. Никитиной допущена опечатка: вместо фамилии Родина напечатано Рудина. См.: *Петров А. А.* Л. И. Никитина как поэт-краевед. С. 94.

[21] Об учебе см.: *Петров А. А.* Л. И. Никитина как поэт-краевед. С. 100.

карается один? А другой живет счастливо? Почему судьба такая злая к одним, и счастливая к другим?!! За что?!!

Дальше и писать не хочется, но надо!!!

Бедно, ну, что делать, жили — работали на усадьбах. Как и остальные семьи этой деревеньки, но семья Андрея почему-то больше всех остальных терпела всякие горести, беды. Вдова Дмитрия — Елизавета воспитывала 5 детей, надо было и её помогать!

Побогаче жили семьи приехавших молодцев с хозяином Лахарёнком: Николай <Бенецкий> и др. Летом все жившие в деревеньке работали на огородах. Мужчины ездили в[22] заработки по печному и плотницкому делу. В зимние вечера отдыхали. Девчата ходили по супрятkам (пряли и т. п.) у себя и в семьях даже др.<угих> деревенск.<их>: Черная Грязь, Голубино, Шатры, Гольцово. К девчатам на супрятки приходили парни не только этих деревень, но даже и городские ребята. Уж там, особенно где семьи побогаче, девчата пряли, пели задушевные песни, <ужинали> там же и даже танцы бывали! Ходила и Наташа на супрятки, смотрела с грустью на веселившихся девчат и парней, вспоминала любимого Сашу, грустила о нем... Писал Ал<ексан>др полные любви письма, звал в Петроград. А она отвечала редко, потому что сама писать не могла (не училась). А теперь надо помогать матери. Старшая сестра вышла замуж и уехала; братья: Дмитрий умер, Василий женился, хотя жил здесь же в деревне.

На краю города Торопца было и сейчас есть кладбище и церковь Ж.<ен> Мироносиц.

Вот в сторожке этого кладбища жили: сторож Николай (инвалид) с женой Марией Ивановной — Роди<ны>, а с ними трое взрослых сыновей: Дмитр., Петр и Иван — все Родины. Сыны обрабатывали огород, который принадлежал сторожке — большой, с яблонями, хмелем, колодцем, покосом. А также ездили по городу Торопцу и району по плотницкому и печному делу. Так что семья жила неплохо, только вот сторожка маловата на 5 человек. Но ничего, жили дружно. И задумали сыновья построить дом вблизи на полянке — ведь придет время, и жениться захочется. Строили добротно, хорошо, с хоз.<яйственными> постройками. Не разом, но построили почти, как первый задумал жениться старший сын Дмитрий — тоже на супрятках присмотрел невесту из д. Лахар<и> — Дарью. Сыграли свадебку и зажили в новом доме. Потом дети пошли: 1-й — дочка Марья (но от рожденья глухая) жила с бабушкой Марией Ивановной в сторожке, а потом и сын появился (заболел вскоре, и остался рябым). Позднее еще дочка Зина появилась, подросла, тоже оспой заболела (тоже рябая). А всё недогляд матери Дарьи — ведь не работала — дома хозяйничала. Мария училась на портниху, а заодно понимать, что говорят, по губам. Очень любила цветы; подросла — палисадник был у дома с прекрасными цветами, а в доме тоже чудесные цветы.

Где-то в 1912 году средний сын Марии Ив.<авновны> — Петр тоже женился — невесту взял из д.<еревни> Лахари — Наташу Родину (Наталью Андреевну). Также скромную свадьбу справили, и привел жену в нов.<ый> дом. Дарье, конечно, это не понравилось, но Петр заявил: «Поживем — построим еще один домик рядом». Но, увы, случилось страшное: как-то братья ушли на рынок, где их отец Николай (сторож Ж<ено>-мирон<осицкого> кладбища) наловил рыбки и повез ее на базар, лодку оставил у моста — рыбку продал, выпил малость и стал просить сыновей лодку отогнать на Комсомольскую — местечко близкое к дому, чтобы утром опять ловить рыбку...

Стоял летний ярко-солнечный июньский день — ни облачка на небе! Сели ребята в лодку, поплыли к дому. Дошлыли до Городища, и вдруг откуда налетел страшный смерч — солнце померкло, ветер и т. п. Лодку-челн кидало во все стороны, водой заливало ее; не управиться вычерпывать ее; доплыли до мостика — женщина полоскала белье и видела, как боролись ребята со штормом — кричала: плывите сюда к мостику, а они не понимали, выпрыгнули из челна — берег же близко, но скрылись с головами — оба в одежде, сапогах, она закричала — прибежали люди, кто был недалеко. Где там! Братья ушли под воду, а берег, правда, был близок, но там глей. У одного видела женщина весло в руке старшего, а младший и не вынырнул больше. Нырял друг их и другие, кто могли, вытащили с веслом в руке Дмитрия, откачали — повели домой. А Петра не могли найти. Только утром рано поплыл отец на лодке этой, но уже не рыбу ловить, а увидел в воде сидевшего Петра. О, ужас!

Похоронили Петра. *Построил домик, как обещал.* Осталась жена молоденькая с сыночком грудным — Сашей!.. Страшно писать эту повесть, а не только <пережить> ее. Недолго Наталья Андреевна пожила в доме мужа... после его похорон! Пришлось собираться да уходить к

[22] Диалектная особенность. До сих пор у местного населения можно услышать выражение *поехать в грибы*.

матери в д. Лахари. Но приехала за Н.<атальей> А.<ндреевной> сестра Александра, что жила в Бубново (Скворцовского с/с) с мужем и детьми.

Не получила никакой <крашки> из дома мужа, как положено, части.

А ведь дом строили 3 брата: Дмитрий, Петр и Иван. Петр утонул, Иван потом ушел на войну и не вернулся, а Дуся, уходя на войну <после ухода мужа на войну>, остались в доме его жена и двое детей, и тоже ничего не получили.

А Дмитрий со своей Дарьей прожили долго, до гл.<убокой> старости в богатом доме с хозяйством и огромным огородом: земля, покос, сад, хмель, банька и т. п. А огород-то раньше принадлежал сторожке кладбища. Увы, потом от этого огорода нов.<ый> кладбищенский сторож не получал ни грядки... А теперь и сторожки нет — разбита в В<еликую> О<течественную> в<ойну>. Печальный сказ, печальное преданье...

А что ж, Наталья Андреевна прожила в д. Бубново 8 лет и захотелось поехать в Торопец — Лахари до матери, а потом сходить навестить свекровь, которая жила еще в сторожке — муж умер (отец сыновей). А недалеко от крыльца Марии Ив.<ановны> могила мужа, и могила среднего сына Петра, а в сторожке дети Дмитрия: Мария да Петр.

Навестила Наташа свекровь (которая очень была добрая женщина), погостили с сынком и решили теперь идти в деревню Лахари — к бабушке Ольг<е> (матери Натальи). Бабушка Ольга жила с мл.<адшим> сынком Василием и его женой Марией.

Когда уходила Н.<аталья> А.<ндреевна> с кладбища, увидела на скамеечке у ворот сидит мужчина, поздоровалась и направилась к воротам, но он ее окликнул и пригласил посидеть... Спросил, кто она и к кому приходила на кладбище. Она ответила: «К мужу на могилку, да к свекрови, что живет в сторожке». Представился. <...> а он пришел к могиле жены, похороненной с 2-мя детьми, умершими от болезни холера (страшная была болезнь). «А вот и дочка моя, с которой я остался». Девочке было лет 12—13. И что он сапожник, а живет вдовцом вот уже сколько лет (Иван Владимирович), и помнит этот случай, когда за городищем утонул Петр Родин. Вот где состоялось знакомство моего отца с моей матушкой-красавицей Наташей. Горько писать всё это, но ведь всё было так.

А девочка, дочка отца моего будущего Аня, во время разговора старших подошла к моей будущей маме и сказала: «Тетя! Пошли к нам жить, нам так плохо с папой вдвоем — нет мамы! А я стала б дружить с вашим сынком». Эти слова больно резанули маму по душе, да еще когда зарыдал от этих слов Иван Владимирович. Он сказал: «Наталья Андреевна, приходите в храм (Корсунский собор) в воскресенье, куда я хожу всегда!» Мама моя обещала. Пришла в воскресенье в собор и увидела его там — как-то сердце снова заныло в груди. После службы пошли: он домой, а она собралась в Лахари к матери, Ольге, где оставлен сынок Саша. Позвал И.<ван> В.<ладимирович> на чай зайти к нему — флигелек (напротив Городища) богатых людей <Хармских>. Зашла, попили чайку, поговорили, и снова: «Тетя, останьтесь у нас навсегда!» Еще несколько воскресений встречались в соборе К.<орсунской> Б.<ожьей> М.<атери>, а затем Наталья Андр.<еевна> получила предложение выйти за И.<вана> В.<ладимирович> замуж! Через какое-то время согласилась, посоветовалась с матерью Ольгой Влас.<овной>. Замужем вроде хорошо. Это был 1920 год — голодный. Всё у него было: продукты в достатке — везде и всюду, он был отличный сапожник. Заказов было в достатке. Работал всегда, кроме воскресений — в этот день они ходили в собор, где и венчались тоже — просто, скромно.

Но судьба-злодейка опять была уже недалеко! Два года хорошей жизни пролетели незаметно. Дети, вернее, Аня проводила больше с подружками на улице, сынок больше был дома, а когда родилась дочка Лида, он даже помогал ее нянчить, а не Аня. Теперь еще страшный удар судьбы моей матушке. В один из вечеров отцу стало плохо, побежали к м<ед>сестре — рядом жила. Прибежала, а отец умирает (раньше скорой не было). Порок сердца — она определила. А об этом она, м<ед>сестра, знала раньше. В больницу не ходил никогда. Вот и всё! Вторая замужняя недолгая жизнь Натальи. Но теперь осталась она с тремя детьми: свои — сын 10 лет и дочь 7 м<еся>цев, да его дочь Аня 15 лет.

И в чужом флигеле, за который платить нечем будет! Куда теперь идти — в д. Лахари?

Какое-то время пожили после похорон Ивана Владимировича, а куда потом?

И подсказал Дмитрий, деверь первого мужа: «Иди, Наталья, в сторожку жить — Мария Ив.<авновна> пойдет к нам, а хочешь,с тобой будет!» Вот и пошла в 1922 — начале 1923 года в сторожку кладбища Ж.<ен> Мироносиц с 3-мя детьми. Но дочка Ивана дома не пожила, не захотела нянчить сестренку. Кто-то уговорил-посоветовал уехать в Ленинград, работать в детский приют. Уехала...

А девочку Лиду нянчил брат Саша или сама мама, когда он стал ходить в школу. Вот жизнь на кладбище: у крыльца, недалеко, могилы свекра и мужа Петра, а за церковью могила мужа Ивана и его жены. За что судьба: у кого-то одно счастье, а у кого-то одно горе, за что? А рядом дом первого мужа с семьей, х<озяйст>во богатое, огород огромный, из которого никогда не дали нам хотя бы грядку под лук. Но были и добрые соседи: Иван Алекс. с женой Ольгой Влад.<имировной> (царствие им небесное — давали и лук, и яблоки, и картошку — чужие совсем люди). Мама ходила к богатым людям делать уборки, стирать белье или брала домой стирку. Тем и жили, а иногда кому-то могилки убирали, а порой мама (женщина) копала могилы для умерших, эта ли для женщины работа; помогал сын, а подросла, и я тоже! Брат учился в школе, едва окончил 1 ступень (так называлось уч.<ебное> заведение до 4 классов), уехал учиться на мастера радиоузла; затем работал в радиоузле и учился заочно на техника-радиста. Впоследствии стал техник Торопецкого радиоузла. Пошла и я в школу, но, увы, очень часто болела: то воспаление легких, то не раз врач ставил диагноз: порок сердца, предсказывал: «Девочка умрет». А я вот дожила до 85 лет трудной, полной несчастий <жизни>: война — фронт — потеря близких: мужа, с которым и прожила-то 2 м<еся>ца, уехал с 54 стрелковой дивизией на восточный фронт (Япония), оставив меня на 2-м м<еся>це беременности, наказав родить ему сына, а сам в октябре 1945 г. <погиб>, и не стало его. Я уехала домой в Торопец к матери, где и родилась дочь, — на жизнь тоже несчастно. Брат с фронта не вернулся!!!

Вернусь к периоду, когда в Торопец приехала моя сестра с 7-летним сыночком из Ленинграда — был 1939 год. Хотела оставить ребенка маме и мне с братом. Саша запретил матушке брать ребенка... «Она тебя оставила с нами когда-то, а ты возьми ее сынка — она тебе оставит его, да к тому же есть предположение, что вспыхнет война». Так и получилось. Анна уехала <...>. А в 1941 г. началась В<еликая> О<течественная> в<ойна> с Германией. 22 июня 1941 год<а> — «ровно в 4 часа»[23]. Я работала в средней школе № 1 (директор <А. И. Свентик>) зав.<едующей> библиотекой. По вечерам ходила в узел связи, где вела передачу «Последние новости города». Началась война! Брата призвали в июне 41 г. на защиту Родины и, кажется, в партиз<анский> отряд. Больше мы о нем никогда ничего не узнали. Было утверждение, что его казнили на Смоленщине в д. Село фашисты на глазах людей из 3-х деревень. Поиск вел генерал Долгов (после войны), но точно утверждение не доказано, хотя свидетели деревень и пар.<тизанского> отряда утверждали, что это он — Родин Александр; материал послан в Москву, этим дело и закончилось.

А в 1941 г. Торопец оккупировали фашисты. 5 м<еся>цев страшной оккупации мы с мамой жили в кладбищ.<ищенской> сторожке. Хорошо, что фашисты, боясь партизан, на кладбище не заходили почти. Когда потом работал храм Жен Мироносиц, так они появлялись изредка, а фашисты это были или наша разведка в немец.<ецком> обмундировании — трудно сказать; подходили к священнику, шептались с ним — служил о. Леонид Просовецкий...

Звали его Красный поп — поп был жестокий по натуре. По городу расхаживал не боясь, в кармане пропуск от фашистов. Поп Просовецкий; с ним служил о. Анатолий Богданов, дьяк. Так жили под пятой фашистов до января 1942 года, боясь куда-то пойти. Мы с мамой в сторожке храма, дрожа от страха, когда на кладбище появлялись немцы...

Тяжелая пора оккупации 5 м<еся>цев, как в заключении. Ночами с фитюлькой на печке... Храм работал — служил Просовецкий, Кр.<асный> поп! Но я и в церковь не ходила, не тянуло!.. А когда освободили Торопец от фашистов, какой-то лейтенант выстрелил в попа Леонида, ранил в руку, так его арестовали. Вот и непонятно... кому служил этот поп?!! Затем вообще его не стало в городе надолго, а позднее вроде появлялся!

Вернусь к оккупации. В 1942 году были сильные морозы и очень глубокий снег! Так где-то (кажется, перед тем, как немцы оккупировали Торопец) это был сентябрь м<еся>ц, на кладбище заехали 2 машины: легковая и грузовая, а в них 6 челов.<ек> наших, родных, зашли и попросились до утра остановиться; стали перекусывать, нас угостили — один из них снял шинель, остался в мундире, на рукаве которого комиссарская эмблема, а на петлицах я плохо тогда разбиралась. Но когда он обратился ко мне попросить иголочки что-то зашить, и я предложила: «Тов.<арищ> комиссар, разрешите, я зашью». Он переглянулся со своими офицерами и сказал: «Доченька, солдат сам должен делать всё». С удивлением глянул на меня и на портрет Ворошилова, что был у меня на стене, и засмеялся: «Вот, ребята, и тут объявился». Это был Он — К. Е. Ворошилов — одно лицо, что на портрете, то и него!!!

[23] Отсылка к песне Б. Ковынева «22 июня ровно в 4 часа...» (муз. Е. Петербургского).

Мама стала плакать, что уже близко немцы, а она с дочкой не смогла никуда уехать! Он приказал: «Собирайтесь, если есть деревня близко, мы вас довезем, где и оставим. Да — немцы будут в Торопце вот-вот. Они уже на вокзале. Мы только проскочили там, а едем на Торопу».

К утру раненько мы с мамой ехали на грузовой машине, чем-то нагруженной, наверху. Они довезли нас до сворота на д. Горбы, распрощались — Ворошилов расцеловал маму и меня, пожелал нам не бояться, беречь себя, что фашистов скоро выгонят!!! Мы пошли в лес по дорожке — они поехали на Речане. Не скоро немцев выгнали — 4 года войны...

В лесу мы услышали голоса людей в сооруж.<еных> самими погребах.

Нас встретили знакомые — даже родня, где мы были до утра!

Утром я и мама пошли по дороге к дому, куда ж теперь еще идти. Набрали грибов в ведерко, дали нам чайник молока, картошки, еще кое-что, и мы пошли домой. Было раннее утро... Идем по Бельскому большаку — сзади две машины догоняют, в которых, о! ужас — немцы. От страха задрожали. Обе машины остановились, в которых полные кузова врагов...

«Хальт! Хальт!» 2-е соскочили и к нам с оружием — страшно вспоминать. Мама стояла вся белая с дрож.<ащими> губами, а я не помню, как не остановилось мое сердце (где его порок?).

Один схватил ведро — высыпал грибы на землю, второй схватил чайник с молоком и в машину. Хохот, гвалт, а мы, как две пташки дрожащие, что будет: застрелят или как!!!

Побежали к машине эти двое, а там хохот и т. п. Уехали — мы чуть живые от страха свернули в кусты и пошли домой... убитые горем, страхом! Молча, только у матушки текли слезы по щекам, а у меня от страха встречи с врагами млело сердце.

Потянулись страшные дни оккупации — 5 месяцев, как пять лет.

Ночами на печке с ночником!

Днями дома в страхе, что вот-вот зайдут на кладбище враги. Но заходили они редко. Только один раз ворвались к нам, всё перевернули, стреляли за печку, откуда выскочила в страхе кошка. Штыками даже постель прокололи — искали партизан. Затем приказали матери: «Одевайся!» И повели, наставив автомат; она, оглядываясь со слезами на меня, пошла, а меня оттолкнули от нее, полицай хохотал: «Не бойсь!» Так им не надо — сильно худущая! Я осталась, а куда ували мать?!

Немцы затопили плиту, их было человек 7.

Тетрадь № 2.

А маму, как и др.<угих> соседей, увели в церковь Богоявления, где полицаи опознавали: кого знали — отпускали, кого нет — в тюрьму до выяснения!

Так жили впроголодь, в страхе и т. п. все 5 м<еся>цев оккупации. Страшно вспомнить всю эту жизнь.

Иногда у нас в сторожке ночевал дьяк Анатолий Богданов; он был больной человек, живший с матерью в городе на Советской ул.<ице>. Домой ночью идти боялся после службы и, когда он ночевал, было повеселее. Ужинал какими-то требухами, еще отходами от животных, убитых немцами. Нас угощал! Спал на печке, где раз кошка стащила кусочек требуха, — даже плакал!..

Иногда я с подругой Валей очень редко, ходили в город, повязав низко на лоб платки. Ходили в дом ее бабушки, где долго лежал раненый наш командир: носили ему хлебца, табачку; в доме у Вали стояли немцы!

Ходи несколько раз закоулками на ул.<ицу> К.<арла> Маркса. Но однажды пришли — раненого нет, его утащили немцы, как сказали соседи, вначале избили по раненой ноге сапогами. Гады. Вот так вся оккупация в голоде, страхе и т. д.

Однажды в сторожку явилось несколько немцев и с полицаями, приказали нам убираться! Будут строить засаду на кладбище — бить русских.

Мебель нашу стали выбрасывать на улицу, и всё, что было. Мы с мамой только смогли взять по узелку и уйти в дер.<евню> Шатры, где жила племянница мамы Анна Б<не>цкая с ребятами. Открыли храм <Жен Мироносиц> — полицай сходил за ключами к старосте, туда поселились, видимо, сразу немцы — много; на ограду ставили пулеметы, копали траншеи в снегу — хозяйничали как дома. Мы в отчаянии уходили в деревню, где <прожили> две недели, ютясь там <тоже> на печке и где было место. Ребята шатровские бегали в город, сообщали

новости: на кладбище, на колокольне, связист, в сторожке немцы, в храме тоже — топят печки, жгут иконы из храма. Вездесущие мальчишки, не боясь, сообщали, что где-то за станцией уже идут бои, в городе пожары!..

Однажды они же сбегали в город и сообщили, что немцев уже гонят, что на станцию уже советские войска вступают. Страх! А потом сообщали, что наш советский снаряд один угодил на колокольню, а другой в сторожку, которая разбита; на кладбище уже куча убитых немцев... Но наших пока в этой части города не видели.

Ночью ребята, охранявшие амбар с зерном, прибежали с криком — со стороны околицы деревни кто-то двигаются на лыжах. Все насторожились — немцы, и вдруг ребята закричали: «Матом ругаются — это не немцы — наши». Побежали встречать. К деревне двигался отряд наших лыжников: «Ура!» Встречали с радостью своих освободителей — заварилась картошка и т. п. Радость!!! К утру отряд двинулся к городу, а с ними мальчишки...

На следующий день мы с мамой побрели к дому, который уже был разбит. На кладбище куча убитых немцев — наши жители уже шарят и в церкви, и в сторожке (всё, что выброшено, что сожжено, что разграблено и то, что мы с мамой, конечно, взять не могли). В кладовке немецкая овчарка рычит; в сторожке гранаты и др.<угое> оружие. Вот так мы остались без жилья! Куда идти? В сторожку зашла баба Дарья и давай со стенок рамочки наши снимать, иконки. Какая наглость и жадность! «Т. Даша, это же наши вещички», — говорю, сама плачу. Мама тоже стоит вся бледная!

«Идите живите в нашу избу пока, а мы с Митькой — у Марии на Высокой <улице>».

Пошли, куда ж еще идти. Прожили недели две, за которые покоя не было. Только ляжем спать — стучаться в дверь, окна. «Открывай! Это мы, советские солдаты!» Одни полежат немного, уходили в город, на следующую ночь другие...

Ну, а затем, когда явились Митька да Дарья, пришлось уходить опять с узелками в город, где нашли частную квартирку-кухню в доме <Татарина>. Откуда меня призвали в военкомат, как и многих девчат из города. «Вы оформляетесь <в> м<ед>-санитарный отряд — на фронт!» Мама оставалась одна, а дочка вслед за сыном — на фронт!!! Отказываться не посмела, хотя мать оставалась одна! Недолго отряд располагался в д. Шатры, а затем фронтовые пути-дороги: под бомбежками, обстрелами врага и т. п. Тяжелая работа зимой и летом — обеспечение наших войск чистым бельем! А такое белье привозили к нам: вши, гной, гной, кровь, грязь — всё это обрабатывали. Жили больше в палатках в лесу, в заброшенных сараях, которые вначале надо было оборудовать для жилья и для работы. Кроме того, нести караул на посту, оберегаясь от бомбежек, обстрела врага. А бомбили очень часто — белье белое хорошо просматривалось и в лесу. Иногда приходилось работать в зданиях школ и др.<угих> зданиях, где еще чаще подвергались бомбежкам, во время которых надо было бежать на крыш<у> сбрасывать «зажигалки». В одну из бомбежек получила ранение в лев.<ую> ногу. Недолг<о> лежал<а> в медсанбате и опять работа. Письма домой маме. Письма другу Грише <Чулкова>, с которым познакомились, живя в избе б. Дарьи. Украинец, хороший парень. Сидели вечерами на кухоньке, на скамеечке, а рядом спала мама; говорили обо всём, только не о любви; интересно, что на эту тему Гриша не говорил, а я тем более. А когда их часть уехала дальше на фронт — направление Зап.<адная> Двина, Смоленщина и т. д., тогда стали приходить мне письма от Гриши, полные любви, мечтаний о будущей Победе! и т. п. Я отвечала, но, увы, в 1943 году Гриша погиб — извещение пришло на отряд... Жаль было парня до слез!..

Затем двигались дальше до Восточной Пруссии. В 1943 году получила первую награду — боевую медаль «За боевые заслуги»... Затем, позднее, другие. Несколько девчат погибло... подорвались на минах, которыми фашисты, отступая, щедро наградили всё, что можно: лес, яблони, постройки и т. д.

Трудная жизнь, тяжела работа, тревоги и т. п. вплоть до дня Победы, которую встречали в Восточной Пруссии, невдалеке от Кенигсберга. Весна, 1945 год, 9 мая — от работы было дано 3 дня отдыха!.. Лучше б не было его, этого отдыха! Он для меня и др.<угих> девчонок явился несчастьем на всю жизнь. <Как же> радость!

Если раньше мы не видели своих солдат почти. А тут в отряд ринулась вся 54-я дивизия стрелковая, не вся, конечно, а которые стремились погулять... Еще какие-то дивизионы соседские, развед.<ывательная> рота, строй-батальон и др.<угие> виды войска нашего — соседи. Прибежали, на конях прискакали на и т. п., с оружием, из которого палили салют Победе, с гармошками — и пошла гулянка на территории отряда — командование наше не возражало. Девчата, что были побоязливее да поскромнее, — подальше с глаз: Шура Иванова (потом

Юрасова и др.). «А где ж комсорг отряда?» — вопрос нашего майора (нач<альни>ка отряда). Притащили Никитину Лидию — девчата: «Давай, комсорг, организуй хор наш!» Собрала, не весь, правда, но много, выступали перед бойцами долго. И раньше ездили в близлежащие в.<оенные> части, до Победы еще, — выступали там, нас уже много видели, знали. А теперь наградили аплодисментами, забросали весенними цветочками, веточками... подснежниками, черемухой и др.

Затем на полянке у березняка танцы открылись. Все были наверху блаженства, радости! Так продолжалось 2—3 дня. Надо и к работе приступать... Это был май <меся>ц, а затем... А в начале июня стали появляться женихи — и всё больше офицерняк. Рядовых, верно, не очень отпускали. Ну, а девчонки, что поумнее были да поосторожнее, притаились — опять же Шура Иванова, моя торопчанка, говорила мне: «Люда, давай держаться, верить кому-то еще рано!.. Давай, Шурочка, держаться!»

Куда там, продержался «умный» комсорг Лида недолго...

Счет открыла Наташа <Литвинова>; явился за ней из дивизии ст.<арший> лейтенант <Пахолков>, жених с предложением. Пошли в штаб, о чем говорили, не знаю, но через 2 дня в отряде состоялась свадьба Наташи, а потом и др.<угих> девчат, в том числе и комсорга — умной Никитиной. Где осторожность, где это? Всё затмил капитан Балашов Иван со своим Вороным. Говорил со мной Иван, потом к н<ачальст>ву поехал! К замполиту <Ванифатьеву>, ком.<андиру> отряда <И. С. Шашкову>, чтоб разрешили Лиде Н.<икитиной> тоже уехать в дивизию, как и Наташе. 3 дня <...> добивались — ну и добились!.. Дура — <за>чем было так спешить; боялась — не хватит женихов. Теперь на 9-м десятке жизни кляну себя за то, что давно прошло!!!

Состоялась и моя свадьба в отряде, но радости почему-то не было! Какое-то затмение в мозгу! Ах, если б тогда не поспешила, всё было б хорошо! Откуда я знала тогда, что будет война с Японией в сентябре! А свадьба справляли в июне 1945 г. 20-го июня меня И.<ван> И.<льич> всё же увез в дивизию, где я прожила в одурманивающем тумане до начала августа 45-го.

И почему ныло сердце, что не надо было спешить, — не радовали его ласки, забота; тоска по отряду, как по дому родному, не давала покоя...

Но вот и оправдалось мое предчувствие. Пришел Иван из штаба дивизии и чуть не в слезах сообщил: дивизию отправляют на восточный фронт — война с Японией <...> на 3 сентября 1945 г. «Ну, что, женушка, поедем теперь бить японцев, мы их мигом разгромим!!!» Разгромили их, да, скоро, но много погибло и наших, в том числе мой муж Иван Ильич.

С дивизией я не согласилась ехать, да я еще и оформлена не была в составе дивизии, я еще числилась в 358 полевом отряде. «Никуда не поеду, напрасные уговоры — вези меня, „мой повелитель", в отряд!» И слезы без конца! И предчувствие чего-то страшного!!! А чего?!

Ну, отвез меня «домой» (в отряд), а все девчонки, которые даже завидовали мне, которые сожалели, а которые торжествовали: «Наша Лида вернулась к нам с замужества!» Ну, а что <...> Прискакал Иван на Воронке и сообщил, что всё! Спешное сообщение — выезжать! Попрощались, опять слезы и т. п. Оставил меня, денег и велел ехать в Москву! Я в Москву не поехала, конечно, а с Катей Седовой стали собираться в Торопец. Нач<альст>во наше меня и ее не задерживало, выдали увольнительное и через 2 дня мы с ней поехали домой — к мамам: я и она тоже. В связи с выходом замуж! Вот и всё. В дороге где-то Иван мне прислал письмо еще на отряд, что всё будет хорошо, что скоро встретимся — сперва в Торопце, а потом к его маме в Москву. Встретились!!! Увы...

Встретились с мамой на Комсомольской. Иду с чемоданом своим, а она идет навстречу к городу, и меня не узнала, пока я <не> бросилась к ней на шею. Обе заплакали, то ли от радости, то ли от чего еще. «Доченька, слава Богу, ты вернулась, а от Саши нет ничего — пропал сынок!» Что теперь вспоминать, началась жизнь в городе с мамой, всё рассказала, как есть, но она почему-то была печальная, хоть говорила мне, что всё хорошо, вернется твой муж, и, конечно, тебя увезет, а я опять останусь горевать одна. Но получилось потом, что горевать пришлось нам вместе, а позднее втроем... Ни одного письма от Ивана И.<льича>, пока не пришло страшное известие из отряда. Вот и всё. Наверное, я повторяюсь. Дали квартиру, работу <в райисполкоме>, с которой по глупости уволилась — даже не получила декретных, дура! Начались житейские хлопоты — ходьба по магазинам, чтобы купить коммерческий хлеб, который был очень дорогой, а так давали карточки по 200 гр.<амм> на человека. Мама часто уходила в

деревни, чтобы достать картошки или еще чего, и так до моих родов, когда на свет появилась дочка вместо сына!..

И вдруг мне стали приходить письма, но нет — не от мужа. Когда-то в сторожке жили у нас из дер.<евни> Никулино 2 парня, которые учились на трактористов, учились м<еся>ца 4—5. Один из них, Петя Антонов, всё заглядывался на меня, но никогда ни слова ни о чем, а парень был влюблен в меня... И так, пока его взяли в армию служить срочную — я ни о чем не догадывалась. В 1940 году его призвали, зашли с отцом Антоном к нам (я работала тогда в школе № 1 в библиотеке) до начала войны 1941 года. Когда зашли прощаться к нам, вот тогда я поняла что-то по Пете. Тем более д.<ядя> Антон сказал: «Ну, что ж, отслужится Петя, придем в сваты. Будешь моей невесткой или нет?!!» Ничего я не могла сказать, засмущалась, когда Петя подошел и поцеловал меня в щеку. «Жди меня, Лида!!!» Писал письма хорошие и часто, но вдруг грянул 1941 год — война с Германией! Письма не приходили больше от Пети — служил он на Украине, которую оккупировали фашисты быстро, а Петя попал в плен... После плена, когда его освободили наши войска, он снова начал писать мне письма — прислал фото после плена (какой). Я отвечала на его письма, но не могла написать ему о себе, что со мной произошло. «Жди, Лида!», — звучало в ушах. Время ушло — родилась Лена...

С. А. Файнбарк

Происхождение названий рек и озер бассейнов Верхней Волги и Верхней Мсты (материалы к словарю)[1]

А

р. Абрамовка — пп Гжати (Вазузское водохранилище), пп Вазузы, пп Волги (Зубцов. р-н, Москов. обл.)

Исток в лесном болоте (осина, береза); по лб уроч. Чащевики (узкое поле), есть брод; по пб р. Шукинский; далее по пб уроч. Гладкое (поле среди леса) и впадают 2 ручья; по лб лес (береза, ольха) и возвышенный открытый луг; далее по пб уроч. Ивняки; есть брод; по пб в низовье уроч. Опокино в Москов. обл.; в низовье образует сеть разливов и протоков.

Названа по имени Абрам (от др.-евр. Авраам); (оз Абрамовское — пб р. Торопы, бас-н Зап. Двины).

р. Ажева — лп Сишки, пп Волги (Ржев. р-н).

Исток возле уроч. Гончуки (две узкие полосы лесной поросли, низкорослого леса); по лб березовый лес; через малое поле; в верховье пересыхает; есть брод; по лб д. Ажева (неж.); по лб участки ольхового леса, уроч. Паново и впадают 2 ручья (пересыхают); по лб в 1 км д. Сухуша, д. Ильченко и д. Погорелки; по пб в 2 км д. Черново; течет чрез поле, кустарник; по лб уроч. Засоново; далее речка вплоть до впадения в р. Сишку пересыхает; по пб уроч. Воробьево (сочетание леса (ольха, береза) и поля); по лб уроч. Гусево; речка течет по высокой местности, местами высокие берега; в низовье по пб уроч. Нелюбино; впадает в р. Сишку в 500 м от устья р. Сишки, рядом д. Есемово. Речка почти на всем протяжении пересыхает; возле устья по пб впадает р. Ситинка.

Происхождение названия спорно. Видимо, состоит из 2 частей: топооснова *аж-* и топоформант *-(е)ва*. Основа *аж-* может быть связана с лит *aiža* — трещина, щель; пропасть, бездна; формант *-(е)ва, -(а)ва*, вероятно, также связан с балтами (р. Даугава, р. Москва, о. Нихава и т. д.); лтш. *avots* — родник, источник, ключ; ср. др.-инд. *ava* — движение, направление вниз в сторону, (др.-инд. *avagrha* — ныряние, погружение, проникновение, купание, др.-инд. *avadara* — пролом, прорыв); сходный смысл: эст. *ava* — отверстие, дыра; эрз., мар. *ава* — самка, женщина, мать, основа, кормилица; то, что дает начало; карел. (тв.) *avando*, фин. *avanto* — прорубь и др.-инд. *avani* — поток, река; основа, земля, почва. Топооснова может иметь и иной

---

[1] Объяснение происхождения гидронимов — интереснейшее и вместе с тем крайне сложное дело. Его трудность определяется тем, что порой практически невозможно установить изначальное название того или иного водоема, поскольку их древние, чаще всего неславянские имена снивелированы в соответствие с правилами словообразования в русском языке. Это, в свою очередь, затрудняет поиск подходящего лингвистического источника его происхождения. Поэтому исследователям часто приходится работать вслепую, подбирая из современных языков народов, чьи предки населяли (или могли населять) территорию тверского Верхневолжья, слова, близкие по звучанию (но далеко не всегда по значению) к тому или иному гидрониму.

Публикуемые фрагменты Словаря происхождения названия рек и озер бассейнов Верхней Волги и Верхней Мсты отражают большую и кропотливую работу, проделанную автором в течение нескольких лет. В Словаре рассмотрены *все* гидронимы указанного региона. Этимологии названия предшествует описание той местности, в которой находится соответствующий водоем, приводятся названия населенных пунктов, которые расположены на его берегах, что в ряде случаев является подтверждением предлагаемой этимологии. Подкупает отсутствие безапелляционности выводов, чем грешат многие исследования по этому вопросу. Автор приводит различные, зачастую взаимоисключающие, варианты интерпретации названия водоема. Именно в этом и состоит несомненное достоинство его работы. Так все рассмотренные в работе гидронимы оказываются маркерами обширного вероятностного поля лексических значений (причем не только названий водоемов), локализованного в границах описываемой территории. Думается, что на данном этапе именно такой подход к изучению гидронимии является наиболее продуктивным, поскольку позволяет не только по-новому взглянуть на имеющиеся данные по древнейшей истории Тверской земли, но и открывает новые возможности в комплексном изучении территории Верхневолжья с привлечением данных истории, археологии, этнографии и топонимики.

Интерпретации происхождения гидронимов, которые предлагает автор, не всегда бесспорны, однако, оригинальность его точки зрения, нестандартность подходов к исследуемому материалу на основе обширной источниковедческой базы (167 наименований источников), делает его фундаментальный труд заслуживающим самого пристального внимания. *В. В. Кузнецов.*

смысл; не исключено, что она как-то связана с названием Гончуки; ср.: др.-инд. *aj* — бежать, гнать, идти, др.-инд. *ajma* — путь, дорога, движение и др.-инд. *gantu* — путь, дорога; ход, бег; рус. *гнать* — торопить к уходу, к бегу, гонять скот; рус. (арх.) *гонить, гонивать* — гнать, торопить; лтш. *gans* — пастух, лтш. *ganîbas* — пасти скот; т.е. основной смысл — нижний путь или дорога, идущая вниз (*аджава — ажава — ажева*). Нельзя исключить и еще один вариант объяснения: морд. *ашо, аша* — белый, чистый; речка течет между р. Белейка и р. Чернейка. Всё же, более вероятным представляется древнее индоевропейское происхождение названия (или раннее балтское). В дополнение к сказанному следует указать на схожее название — уроч. Ажевское (по лб р. Мсты). Это островок поля среди заболоченного леса.

оз. Азаровское — без стока, в 2,5 км к северо-востоку исток р. Печухня, пп Волги (Калязин. р-н).

Озерко округлой формы; на юго-западе образует слегка продолговатый залив с заостренным концом; на юго-западном берегу — д. Азарово; в 500 м к северо-востоку от озера — д. Турово; южный берег открытый; озеро окружает лес с северо-западной, северной и восточной стороны (сосна, береза); на восточной стороне местами болото.

Название, вероятно, балтского происхождения: др.-прус. *azare* — озеро; обращает внимание название д. Турово; не исключено, что есть связь с хант., манс. *тор, тур* — озеро.

р. Андрейка — пп Кесьмы, пп Мологи, лп Волги (Молоков. р-н).

Исток на границе леса (осина, ель) и открытого поля (на холме), где в 500 м д. Яснево; в 1,5 км по лб д. Корнягово и д. Абросимово; по пб в 1 км д. Мякишево, возле речки по пб д. Веснино; через участок леса; по пб впадает ручей; сочетание леса и заболоченного луга; есть брод; по лб в 1,5 км д. Тимошкино и д. Плоское; через заболоченный лес; по пб впадает ручей; в низовье через поле; по лб в 1 км д. Лобнево; возле устья по лб д. Ванево; по пб д. Старое.

Видимо, названо по имени Андрей; но не исключено, что название представляет собой русифицированную форму; ранее основа могла иметь форму *antr—*: ср. лат. *antrum* — пещера, бездна; др.-греч. *antron* — пещера; др.-инд. *antra, antar* — то, что внутри. Нельзя исключать древнее индоевропейское происхождение названия. Обращает внимание название Ванево; вероятна связь с названием Старое; ср. карел. (тв.), фин. *vanha* — старый, эст. *vana* — старый.

р. Антушинка в оз. Горное, в оз. Ильинское, из него р. Поповка, пп Полонухи, лп Мологи, лп Волги (Лесной р-н).

Исток в лесу (осина, ель) на возвышенном месте; в верховье пересыхает; в 1 км по пб д. Рошино (на открытом холме); по лб д. Антоново; по пб д. Стариково; далее по лб д. Антушино; по лб впадает ручей; далее, вплоть до впадения в оз. Горное, течет через узкий лес; берега высокие, обрывистые и река течет по узкой ложбине; по пб в 500 м д. Застровье; по лб возле устья д. Федяевка.

Видимо, названа по д. Антушино; может быть есть связь с именем Антон, Антоша (рядом д. Антоново); однако, нельзя исключать, что названия деревень позднего происхождения и названы от речки, где топооснова могла быть *ant-*: ср. др.-инд. *anta* — край, конец, граница; лит. *añt* — край (*añtkrante* — край берега); в пользу такого объяснения говорят географические данные; возможно также произошло чередование согласных и есть связь с рус. (нвгр.) *анчут, аншут* — нечистая сила, черт.

р. Ардуль — пп Корожечны, лп Волги (Кашин. р-н.).

Исток четко не выражен, несколько протоков на открытом поле; по пб уроч. Соломыслово (вдающееся в лес поле); (по данным Атласа 1:200 000 возле уроч. Соломыслово — д. Красная Долина) по пб участки леса (береза, осина); по лб поле, кустарник; течет по узкому открытому участку; с обеих сторон подступают участки леса; далее по пб д. Шепели, д. Шишкино; по лб д. Слобода; по пб возле устья уроч. Колесниково (открытое поле); течет на всем протяжении через поле.

Происхождение спорно. Принадлежит к числу очень древних названий с формантом -доль (дуль); р. Нудоль (бас-н р. Истра, Москов. обл.), р. Радоль (бас-н пб р. Мсты, Новгор. обл.), видимо, сюда можно отнести Суздаль и т. д., а также названия с формантом *-тель*: р. Издетель (бас-н пб р. Волга, Тверская и Москов. обл.), р. Ракастель (бас-н пб р. Унжа, Костром. обл.), р. Ужитель (бас-н пб р. Кама, Киров. обл.); весьма вероятно, что подобные названия (как

и название с формантом *-дом*: Талдом, Урдом, Урдома, Эдома) имеют общее происхождение с названиями с формантом *-омля, -томля, -темля, -чемля* и т. д. (см. р. Итомля, оз. Удомля). Основной смысл названий с подобными формантами 'верховье', 'исток': ср. ненец. *мал* — исток, верх, конец; венг. *emelos* (основа *emel-*) — повышение, поднятие; венг. *ömlik* (основа *öml-* — течь, литься, струиться; венг. *tömlö* — рукав; сельк. *təmŷ* — рукав реки, приток, маленькая речка (более подробно см. оз. Удомля); т. е., вероятно, название могло иметь вид Ардомль (Издетель — Издетемля). Определить топооснову затруднительно. Может быть: венг. *ár* — поток, удм. *ӧр* — русло; общ.— перм. *ор* — промоина, прорыв; хант. *уры* — старица.

оз. Атальское (в него сток из оз. Орехово и сток из оз. Обретенье); из него сток в оз. Заболотье, из него р. Горсна в озерко, из него р. Устья в оз. Лопастица, в оз. Витьбино, в оз. Пнево, из него р. Кудь, пп Волги: впадает в р. Волга напротив полуострова, отделяющего оз. Вселуг от оз. Пено — разливы р. Волга (Пенов. р-н).

Озеро находится у границы водораздела; в 2 км к западу — исток р. Силин (бас-н р. Пола, в оз. Ильмень), в 3 км к западу — исток р. Пола; озеро продолговатое с запада на восток; берега изрезаны; есть несколько островков; на западном берегу — д. Рябкино, д. Пятыгино; на северном берегу — д. Глазово (неж.); южные берега лесные; болотные участки в нескольких местах подступают к озеру; в 500 м к югу — оз. Обретенье, в 1 км к востоку — оз. Заболотье. С этого озера начинается водный путь на р. Волгу и, наоборот, с него шел волок на р. Полу и далее через оз. Ильмень на Балтику.

Происхождение названия спорно. Вероятно, балтского происхождения: лит. *atlaja* — пространство, заливаемое при половодье; неглубокое место у берега; лит. *atlajus* — небольшой залив; скользкий илистый берег после спавшей воды; место, быстрее других размораживающееся весной; сходное название — оз. Отолов — бас-н Зап. Двины — представляет собой узкий разлив с несколькими стоками в разных направлениях. Однако, учитывая расположение оз. Атальского, следует указать и на еще одно возможное объяснение: ср. венг. *átállás* — переход, переправа, венг. *átáll* — переходить и др.-инд. *atyaa* — переход; венг. и др.-инд. *at(i)* — сквозь, через. Озеро могло также изначально называться Антальское: ср. др.-инд. *anta* — край, конец, граница и лит. *añt* — край (*añtkrante* — край берега).

р. Атемеша — пп Мологи, лп Волги (Максат. р-н).

Исток в глухом лесу (береза, сосна) с болотистыми участками и небольшими холмами; по лб д. Буденовка (в 1,5 км от истока р. Атемеша); в 2 км к северу от истока — д. Шаруново; течет через лес, местами болото; далее по лб д. Афимьяново; по пб впадает ручей и в 1,5 км — оз. Окатьево; по пб д. Пестово (неж.); по лб впадает ручей; далее по лб впадает р. Белый; есть брод; в 1 км по лб уроч. Зады (островок поля среди леса); далее через узкий участок луга и через лес (ольха, береза); далее по пб впадает р. Песочня; через д. Атемежа; по лб уроч. Лисенки (островки поля среди леса); далее по пб впадает р. Лодница; далее речка образует озерные расширения; по пб лес (береза, ель); по лб возле берега узкие участки луга и лес (береза, осина); далее по пб впадает р. Щетинка; напротив, по лб д. Бережки; далее по пб д. Федорцево; по лб уроч. Роща (островок поля среди леса); далее по лб впадает р. Дубровка, возле нее уроч. Казенный (остров заболоченного низкорослого леса); русло расширяется; в низовье лес; по лб в 1,5 км оз. Кибердово. Почти на всем протяжении течет через лес.

Происхождение названия спорно. По статистическим материалам Тверской губернии (от 1874 г.) именовалась Отемеша и д. Темежа. Название, видимо, состоит из основы *(а)(о)тем-* и формента *-ша (жа)*. Один из вариантов объяснения топоосновы — это принадлежность к названиям на *-тьма, -дьма*; ср. сельк. *təmy* — рукав реки, приток, протока; могла именоваться Атьма, Отьма и т. д. Формант *-ша* характерен для Ярославского Поволжья и Волго-клязьминского междуречья и, вероятно, представляет собой: 1) сокращенную форму от *-кша* в значении ветка, ответвление (пр.-фин. *okša* — ветка, мар. укш — *ветка*, мар. *икса* — залив), т. е. в этом случае представляет собой более позднее дополнение к изначальной древней основе; 2) измененную форму от *-ча* (рядом р. Мелеча, р. Могоча — бас-н пб р. Молога; см. р. Мелеча, р. Могоча) со сходным значением, имеющим, однако, более древнее происхождение, нежели гидронимы с формантом *-кша*. Еще одно объяснение топоосновы — связь с эрз. *отьма* — омут, глубокое место в реке; глотка, пасть; тогда значение названия — омут, приток, приток, где много омутов. В этом случае происхождение названия может быть связано с мерянским населением. Следует указать также на возможность того, что название представляло собой

единый термин: ср. др.-инд. *tamasa* — темная, серая и лит. *tamsá* — темнота; но это объяснение представляется маловероятным.

оз. Афруга, из него сток (пересыхает) в оз. Полонец, сток в оз. Селигер, из него р. Селижаровка, лп Волги (Новгор. обл.).

Озеро расположено на границе водораздела, в 500 м к северу — оз. Городиловское со стоком в р. Явонь (бас-н р. Мсты и бас-н р. Полы). Озерко округлой формы, слегка продолговатое к югу, берега лесные, возвышенный лес вокруг озера; к западу и к северу от озера лесные холмы; в 1 км к югу, у оз. Полонец — д. Филипповщина.

Происхождение названия спорно. Видимо, состоит из топоосновы *афр-* и топоформанта *-(у)га*; скорее всего, так именовался проток, соединяющий оз. Афруга и оз. Полонец. Формант *-га* общее финно-угорское обозначение водного потока. Основа, возможно, связана с понятием ограждение, защита, загорода: ср. мар. *авырáш, авыралаш* — окружать, загораживать, перекрывать; застигать, поймать; мар. *авыртыш* — защита, преграда, прикрытие, ограждение (основа *авыр-*), рядом, в 500 м — оз. Городиловское (не исключена связь); нельзя исключать также, что основа подверглась значительной деформации и изначально именовалась *ахт (охт, ухт)*, восходя к манс. *ахт* — протока; проток, соединяющий озера или озеро с рекой; пр.-фин. основа *yht* — слияние, смычка.

оз. Акарновские (два озерка), без стока; у истока р. Купинка, пп Сити, пп Мологи, лп Волги (Ярослав. обл.).

Продолговатые озерки; расположены в обширном Солодихинском болоте среди открытого болота; в 200 м к востоку остров заболоченного леса, к югу — открытое болото; к северу в 200 м участок леса, а за ним открытое болото; камыши, где исток р. Купинка; в 2,5 км к северу — д. Акарново, вокруг в радиусе 3-5 км сочетание низкого соснового заболоченного леса, открытого болота и высокого леса.

Происхождение спорно. Возможно, исходная основа — *кар (кор)* и начальное *а* — позднее дополнение к первоначальной основе. Возможно, восходит к древнейшей финно-угорской форме: ср. хант. *кор* — чистое, топкое болото; манс. *хори* — болото, расположенное между лесом и водоемом; рус. (урал.) *кора* — заболоченный луг с кочками, поросший осокой, заболоченный лес; вепс. *kar, kara* — залив, заводь, глубокое место в реке, озере. Стоит также рассмотреть: др.-инд. *akarna* — глухой, безухий; оба озерка глухие, без стока; а также др.-инд. *karta* — яма, отверстие, дыра, впадина; и лит. *karsa, karsta* — пещера, крутой берег.

Б

р. Бабановка — пп Тверцы, лп Волги (Торжок. р-н).

Исток у д. Быльцыно (на открытом холме); далее по пб д. Дитяткино; далее течет по границе леса и поля; по пб участок леса; по лб поле; местами заболоченный луг; по лб впадает ручей и в 1 км д. Попово; через заболоченный луг; по пб — лес (ель, береза); по лб д. Степурино (на открытом холме); далее через заболоченный лес — уроч. Муханиха; по лб впадает ручей; в низовье через узкий кустарник, который окружает лес; через д. Осуйское; речка течет по низине между холмами.

Возможно, от рус. (нвгр.) *бабан* — злой дух; большой палец; *бабить* — знахарствовать, лечить; но, вероятна, также связь с рус. (нвгр.) *бабница* — место, отведенное под сенокос; рус. (нвгр.) *бабица* — пресноводная рыба.

р. Балдиха (из оз. Колпинец) — в оз. Сестрино, в оз. Волчино, из него р. Волчина, лп Мологи, лп Волги (Удомел. р-н).

Представляет собой проток из оз. Колпинец в оз. Сестрино; по пб бол. Гладкое (открытое непроходимое); по лб заболоченный лес (ель, береза); далее течет через лес; по пб в 1 км д. Осиновик; возле устья по лб д. Колпинец.

Рус. *балда, балдовина* — шишка, нарост, лесная кривулина; рус. (ярсл.) *балдовина* — тинистое, карасевое озеро; однако, учитывая характер местности, стоит указать на возможную связь с лит. *bala* — болото или лит. *baltas*, лтш. *balts* — белый.

р. Баранка — лп Слатенки, пп Тудовки, пп Волги (Оленин. р-н).

Исток на границе возвышенного поля и заболоченного участка леса; в 1 км по пб открытый холм; по лб впадает несколько мелких ручьев, д. Ручьеваха; течет через открытое болото; по лб уроч. Иструбенка; по пб в 500 м д. Рассказово; в низовье берега возвышенные; впадает в р. Слатенку у д. Грива. Речка течет по низине, огибая по пб холмы.

Вероятно, есть связь с рус. (нвгр.) *бара* — болото; дорога; кроме того рус. (нвгр.) *баран* — невысокий, продолговатый холм с мелколесьем; рус. *баран* — овечий самец; рус. *баранчик* — болотная птица из семейства куликов; рус. *баранник* — баранья — трава; рус. *баранец* — растение зеленец, плаун, болотная мозжуха.

р. Баракое — лп Радольского, в оз. Радольское, из него р. Радоль, лп Увери, пп Мсты (Новгор. обл.).

Исток у д. Олехово (по пб), рядом холмы и заболоченные низины; далее течет через лес (ель, береза); пересыхает; по пб уроч. Скоково (островок леса); далее по пб впадает ручей и в 1,5 км д. Клирошанское и д. Ореховно; в низовье — через поле.

Происхождение названия спорно. Одно из возможных объяснений — связь с понятием задний, дальний, конечный. Ср.: фин. *perä* — задняя часть, зад; карел. (тв.) *perä* — задняя часть, дальняя сторона, конец; вепс. *pera* — зад; фин. *perukka* — отдаленный, задний угол; конец и коми *бöр* — зад; удм. *бер* — задняя часть. Топоформант *-ое*, вероятно, связан с пр.-фин. *oja* — ручей, речка; ср. фин. *oja* — ручей; ров; канава; вепс. *oja* — ручей; сухое русло реки; эст. *oja* — ручей, поток; т. е. основной смысл названия — дальний ручей, речка. Речка находится у границы водораздела; в 4-5 км к югу, через заболоченный лес — исток р. Савинский (бас-н р. Мологи). Возможно, название имеет финские корни, несколько измененные под русским влиянием. См. оз. Баркун.

оз. Баркун, без стока, бас-н оз. Селигер, из него р. Селижаровка — лп Волги (Осташков. р-н).

Озерко грушевидной формы; вокруг лес (сосна); в 100 м к северу — оз. Среднее (за ним оз. Селигер); с запада и с востока к озеру подступают заболоченные участки; к югу — возвышенные лесные холмы.

Рус. *баркá* — сплавное, плоскодонное судно; речное грузовое судно; рус. *баркá* — водоем; чан в красильнях, вероятно, есть связь с и-е. *бар* — поперечная коса на дне устья реки; сырое место между холмами (лужа, болото, бессточное озеро, впадина); рус. (нвгр., твр.) *бар* — намывная мель в озере; рус. (твр.) *бар* — болото; рус. (нвгр.) *бара* — болото; дорога; кроме того, не исключена связь с рус. *бор* — сосновый лес.

р. Безузик — лп Поведи, лп Осуги, пп Тверцы, лп Волги (Вышневолоц. р-н).

Исток в заболоченном лесу (ель); в 1 км к востоку по лб уроч. Лушниха (открытое возвышенное поле среди леса); далее по пб д. Богуново (на открытом холме); есть брод; по лб смычка с р. Шороховский и ручьем (без названия); далее есть брод; в низовье лесные возвышенные берега, холмы; есть брод; в 1 км по пб д. Турлаево.

Рус. *узь, узень* — узкое место; в значении без узины, без узкого места; видимо, так называлось какое-либо место у русла речки.

р. Бекловка — лп Тьмы, лп Волги (Стариц. р-н).

Исток в лесу, вокруг несколько островков кустарника среди леса, местами заболоченные участки; далее уроч. Юпачиха (заболоченный луг); по пб д. Беклово; далее течет через поле; по лб в 1 км д. Илейкино, в этом месте речка образует излучину (огибает продолговатый холм); по лб д. Луковниково; за д. Луковниково впадает в р. Тьму.

Вероятно, есть связь с рус. *бакла, бакля, баклея* — мелкая рыба, похожая на плотву; рус. (твр., влдм., кстр.) *бакулить* — говорить, беседовать; *бакулина* — шутка, острое словцо; *баклы* — пустые слова; возможно, также есть связь с рус. *баклушник* — лес (березовый, осиновый), приготовленный на баклуши; *баклуши* — заболонь, слой молодой древесины под корой, из которого изготавливалась деревянная посуда; речка названа, видимо, по д. Беклово, рядом осиновый и березовый лес, что соответствует приведенным объяснениям. Обращает внимание название Илейкино; вероятна связь с лтш. *iẽluoks* — излучина; ср. лтш. *iẽleja* — углубление,

впадина и лит. *įlinkimas* — излучина реки, впадина. Ср. название Юпачиха; вероятна связь с лит. *upė́* — река.

оз. Беленькое, в оз. Чеполшевское, из него р. Глущица, пш Волчины, лп Мологи, лп Волги (Удомел. р-н).

Берега лесные; в 500 м к востоку — оз. Чеполшевское. На юго-западном берегу имеются заболоченные участки.

См. оз Беленец; рус. *белена* — растение зубник, короста; рус. (нвгр.) *белун* — подзолистая почва. Однако обращает внимание уменьшительно-иронический, ласкательный характер названия. Не исключено, что современное русское звучание наложилось на более древнюю основу, например, могло именоваться Веленга, Веленьга (названия с формантом *-нга, -ньга*; см. р. Инга, р. Млинга).

р. Белуха — лп Тверцы, лп Волги (Спиров. р-н).

Течет через лесное болото.

Возможна связь с рус. (нвгр.) *бель, белуга* — пресноводная мелкая рыба; а также др.-рус. *бель*, рус. (нвгр.) *бель* — болото. См. оз. Беленец.

р. Бережа — пп Мологи, лп Волги (Рамешков., Бежец. р-ны).

Течет через заболоченный, низинный лес (преобладает береза, местами ель, осина); в верховье открытые холмы у берегов реки; в низовье д. Бол. и Мал. Бережа.

Вероятна связь с лит. *beržas* (лтш. *bērzs*) — береза; рус. *бережа* — охрана; бережливость; рус. (арх.) *бережье* — оберег, охрана знахарем от порчи, сглаза; рус. *берег* — край, предел, грань воды и земли (в верховье речка течет по границе заболоченного леса и открытых холмов). Обращает внимание название д. Смочеля (Смочели); вероятно, ранее именовалась (С)мочемля (могла называться также Самчемля, Мочемля и т. д.); деревня расположена на открытом холме по правому берегу р. Бережа, в верховье. Не исключено, что это более древнее название р. Бережа. Принадлежит к числу названий с формантом *-чемля* (*-темля, -томля. — домля* и т. д.; более подробно см. р. Итомля, оз. Удомля). Топооснова могла быть сам- и. вероятно, связана с понятием 'глаз', 'верх'; ср.: венг. *szem* — глаз; вост.-хант. *sam, sem* — глаз; зерно, семя; манс. *sam* — глаз; угол; сторона; семя; нганас. *сейме*; камас. *sima*; матор. *симе* — глаз.

р. Березайка — лп Мсты (Новгор. обл., Бологов. р-н).

Вытекает из оз. Березай. В своем течении образует множество озерных расширений. Почти на всем протяжении течет через низинный, заболоченный лес (береза, сосна, местами ель, ольха); д. Нов. Березай; через пос. Березайка; в верховье — д. Березай, д. Стар. Березай.

Видимо, названа по оз. Березай. См. р. Бережа, р. Бережайка; топоформант *-ай*, вероятно, балтского происхождения (см. также р. Валдайка, оз. Валдайское); видимо, река получила название в результате взаимодействия ранних славян и балтов; (в 6 км к югу от оз. Березай — оз. Шлино; см. оз. Шлино); все же более вероятно, изначальное происхождение названия из балтских языков; ср. лтш. Berzaine. Однако, следует обратить внимание на особенности самой реки. Река образует разливы, имеющие собственные названия, и смыкается с оз. Пирос. Некоторые названия озер-разливов имеют более древнее происхождение, что указывает на возможность объяснения иного, более древнего происхождения названия реки. Обращают внимание названия озер Мал. и Бол. Пертешно (см. оз. Мал. и Бол. Пертешно) — это разливы р. Березайки в верхнем течении; в среднем течении, между пос. Березайка и оз. Пирос обращают внимание названия уроч. Мал. и Бол. Горнешница и Горнинский Бор, которые, видимо, связаны с оз. Горнешно (см. оз. Горнешно); (в 5 км к востоку по пб р. Березайка от пос. Березайка). Можно заметить, что название Пертешно и Горнешно имеют один и тот же топоформант *-шно (-шна)*. Это указывает на общее происхождение, а также на возможную взаимосвязь. От смычки с оз. Пирос до впадения в р. Мсту — нижнее течение р. Березайки. Нельзя исключать, что верхнее, среднее и нижнее течение р. Березайки именовались по-разному, соответственно: Пертешна, Горнешна и Пирос(са). При этом нельзя исключать, что р. Мста могла иметь и более древнее название — Мартус (или Матрус) — д. Мартус в верховье р. Мсты (см. р. Мста). Можно заметить сходство топоформантов в названиях Пирос и Мартус (или Матрус): *-ос, -ус* или *-рос, -рус* (см. оз. Пирос). Рассмотренное замечание определяется как предположение. Есть

некоторые основания для последующих выводов. Обращают внимание названия уроч. Пилка (лесное болото) и бол. Берицкое (открытое) по пб р. Березайка ниже смычки с оз. Пирос. Пилка — вероятна связь с лит. *pelke* — болото; Берицкое — вероятна связь с пр.-фин. *perä*, рега и коми *бöр*, удм. *бер* — зад, конец, дальняя сторона. Болото расположено на дальнем расстоянии от прилегающих деревень.

р. Бойня — лп Волги (Стариц., Ржев. р-ны).

Исток и верховье речки — в заболоченном лесу (береза, местами ель); среднее течение и низовье — берега открытые, высокие; вокруг холмы.

Рус *бой* — место сражения, битва, брань, драка; открытое место; при этом вероятна связь с польс. *boj* — страх, боязнь; рус. *бояться* — пугаться чего-либо; также следует указать рус. (пск.) *буй* — высокое, открытое место, холм; стремнина в реке; рус. (нвгр.) *буй* — пригорок; открытое, высокое, расчищенное место; участок суши, окруженный болотом; глубокое место в реке, водоворот; мелкое место на реке, быстрина; польс. *bujać* — качаться, колебаться, шататься.

оз. Бологое, из него р. Нефтянка, пп Коломенки, в оз. Кафтино, из него р. Кемка, пп Березайки, лп Мсты (Бологов. р-н).

Вокруг озера — г. Бологое; на северо-западном берегу — церковь.

См. р. Благой; более вероятно, в значении доброе, хорощее, светлое; не исключено также, что это русифицированное название от пр.-фин. *valge, valgie, valkea* — белое, светлое; в пользу такого объяснения указывают названия: уроч. Темное (заболоченный лес в 2 км от г. Бологое) у р. Нефтянки (как противопоставление).

р. Болонинка — лп Лами, пп Мологи, лп Волги (Весьегон. р-н).

В верховье течет по открытой местности; берега возвышенные, через с. Болонино; в низовье — по границе поля и леса; лес местами заболочен.

Рус. *блона, болона*, рус. (ярсл.) *болоно* — оболочка, наволока; нарост, опухоль, желвак; наружный слой дерева, бревна; др.-рус. *блонье, болонье* — ближайшая окружность какого-либо места; предместье, слобода; зап.-рус. *болонье* — низменная луговая равнина у реки, озера; выгон; рус. (нвгр.) *болоно* — отмель на реке, озере; опухоль, нарост; ; рус. (нвгр.) *болонь* — заливной луг, обычно около реки; вязкое место, часто покрытое мхом.

р. Бывалец — пп Небывалицы, пп Синей, лп Держи, пп Волги (Зубцов. р-н).

Течет через заболоченный лес.

Рус. *бывалец* (о человеке) — опытный, искушенный, находчивый; о ручье, речке, вероятно, в значении замеченная; рус. (арх.) *бывник* — замеченный где-либо; см. р Небывалица.

р. Бык — пп Ельчанки. лп Волги (Селижар. р-н).

Течет по узкой открытой низине; по лб заболоченный луг; по пб открытый возвышенный берег.

Рус. *бык* — домашнее животное, крупный рогатый скот, самец; рус. (сиб.) *бык* — мыс, угол речного берега, под водой образующий продолжение в виде порога; рус. (ряз.) *бык* — площадка углом между двух сходящихся вершин.

р. Быстрица — пп Кесьмы, пп Мологи, лп Волги (Молоков. р-н).

Течет по узкой впадине; берега открытые, высокие.

От рус. *быстрина* — ручей, речка с быстрым течением. Обращает внимание название д. Чепурма по лб в верховье. Возможно, так именовалась речка ранее (древнейшие гидронимы с формантами *-ма, -рма*).

М

оз. Маги, из него р. Мажица, в оз. Пальцево, из него р. Мажица, в оз. Сестрино, в оз. Волчино, из него р. Волчина, лп Мологи, лп. Волги (Удомел. р-н).

В озеро впадает р. Мажица из оз. Грибно. На северо-восточном берегу — уроч. Маги, на северо-западном — д. Глазачи.

Происхождение спорно. Видимо, основа *маг* связана с понятием 'верх', 'высота', 'холм' или 'выступ'; ср. саам. *мог* — холм; венг. *magas* — высокий: вост.-хант. (юган.) *mäkḵəŋ* — высокий; вост.-хант. (вх.) *moγəl məγ* — остров (в озере 3 островка); манс. *mokari* — горб; удм. *муч* — кочка; мар. *мучаш* — конец и др.-инд. *mahā* — большой; рус. *могучий* — высокий, крупный; кроме того, пр.-фин.: *mägi, mäki* — возвышенность, гора, холм; стоит также указать на возможную связь с коми *мег* — мыс, излучина, изгиб; мар. *мугыр* — изгиб, излучина реки и вост.-хант. *mɛ̨γi, mə̀γi* — изгиб, поворот реки, озера; (на юго-восточном берегу, а также на северном есть лесной мыс). См. р. Мажица.

р. Мажица, из оз. Грибно, в оз. Маги, в оз. Пальцево, в оз. Сестрино, далее сток в оз. Волчино, из него р. Волчина, лп Мологи, лп Волги (Удомел. р-н).

Представляет собой проток, соединяющий оз. Грибно и оз. Сестрино.

Вероятно, названа по оз. Маги. Еще одно возможное объяснение — это связь с лит. *mãžas* — малый, маленький, что менее вероятно; скорее всего, Мажица — это позднее русское обозначение протока от оз. Маги.

р. Макишинский — лп Илемчихи, пп Тресны, пп Медведицы, лп Волги (Лихослав. р-н).

Исток у д. Бронино; течет через лес (ель, осина), местами болото; устье возле уроч. Пеликахин Хутор на возвышении.

Происхождение спорно. Др.-рус. *макеш (мокошь)* — языческое божество женского рода; рус. *мак, макушка* — верх, вершина; рус. (нвгр., твр., пск.) *макса* — рыбьи молоки; печень налима; видимо, от связи с пр.-фин. *maks(a)* — печень; рус. (нвгр.) *мокуш* — мох; нечистая сила, черт; грязь; вид рыбы; вид лекарственного растения; рус. (нвгр.) *мякша* — водоем, образовавшийся из небольших канавок и ручейков; последний вариант объяснения более вероятен; русло у истока не выражено. Обращает внимание название уроч. Пеликахин Хутор; вероятно, от карел. (тв.) *piäl'ine* — верхний и карел. *kakši* — два (в значении два верхних хутора).

р. Малахов — пп Мологи, лп Волги (Максат р-н).

Течет через заболоченный лес (сосна, береза). Исток возле уроч. Гуммалушки (небольшое поле).

Происхождение спорно. Малахов — распространенная в России фамилия. Вероятно, русифицированная форма от основы *мал-* в значении 'малый' или по имени Малах, но, первоначально, значение названия могло быть иное. Более вероятно, что в названии Малахов основа была *мал(а)-*; (от др.евр. *mal'ākī* — мой посланец); при этом, возможно, есть связь с названием р. Молога (см. р. Молога); рус. (сев.) *ма́лега* — сосновый бор и др.-инд. *māla* — лес, поле; кроме того, следует указать на возможную связь: лтш. *melns* — грязный, черный и др.-инд. *mala* — грязь; др.-инд. *malin* — грязный, темный, черный; в 1,5 км к западу от р. Малахов (вверх по течению р. Мологи) — р. Черный; а в 1 км от устья р. Малахов по левому берегу р. Мологи — уроч. Белая Грива; не исключены связи между этими названиями.

р. Малехоть — лп Ратыни, пп Мологи, лп Волги (Сандов. р-н).

Течет через лесное болото. В устье образует смычку с ручьем.

Происхождение спорно. Названия с форманом *-хоть* характерны для Ярославского Поволжья: р. Юхоть (пп р. Волги), р. Воржехоть (правый берег Волги), р. Пунтрохоть, р. Солдобохоть, р. Песохоть, р. Кирехоть, р. Сохоть (левый берег р. Волга). Скорее всего, подобные названия связаны с формантом *-хта*; ср.: эст. *ühtüma* — сливаться, слиться; карел. (тв.) *ühtüö* — сходиться, сойтись; вепс. *yhteta* — соединиться, *yhthine* — общий; фин. *yhtyä* — сливаться, соединяться, *yhtymä* — слияние, стык; можно заметить, что во всех случаях основа *(y)(ü)ht-* означает стык, смычка, слияние; не исключено, что при этом есть связь с манс. *aht* — протока; т.е. основное значение — стык, слияние; протока, рукав реки; формант *-хоть* — это, скорее всего, русифицированная форма от *-хта*. Основа *мал-*, возможно, имеет связь с названием Молога (см. р. Молога); но не исключено, что есть связь с названием р. Малина (см. р. Малина); т. е., вероятно, на древнюю индоевропейскую основу наложилось финно-угорское дополнение в виде форманта *-хоть* (от *-хта*) (скорее всего, от прибалтийских финнов); т. е. нельзя исключить, что основа *мал-* связана с др.-инд. *mala* — грязь, *malin* — черный, грязный.

р. Малина — лп Ратыни, пп Мологи, лп Волги (Сандов. р-н).

На всем протяжении болото, низинный лес. По берегам реки д. Бол. и Мал. Малинское.

Видимо, название р. Малина как-то связано с названием р. Малехоть (см. р. Малехоть); основа *мал-*; друг от друга в низовье расположены на расстоянии 5 км.: ср. др.-инд. *mala* — грязь, др.-инд. *malin* — черный, темный, грязный и лтш. *melns* — черный, грязный (по лб впадает р. Черный), лтш. *māls* — глина; а также др.инд. *māla* — лес; поле и лтш. *mala* — край, берег, сторона; вряд ли название имеет связь с рус. *малина* — кустарник и ягода; также см. р. Молога, р. Мелеча.

р. Мальцовец — лп Песочни, пп Волги (Пенов. или Селижар. р-н).

Исток у д. Мальцево (открытый возвышенный холм).

Видимо, названа по д. Мальцево в значении малая, малый; хотя нельзя исключать, что название русифицированное и есть связь с лтш. mala — край, берег, сторона; д. Мальцево находится на открытом холме, который окружает лес; рядом истоки рек бассейна р. Тюзьмы и р. Жукопы. Стоит отметить, что в 4 км к югу от д. Мальцево, также на открытом холме, который окружает лес, расположено с. Ранцево (церковь); рус. (диал.) *рант* — край, кайма, кромка; ср. пр.-фин. *rant*(а) — берег и лит. *krúnta*, лтш. *krants* — берег, край, ребро.

р. Малява — пп Корожечны, лп Волги (Кесовогор., Санков. р-ны).

Течет по возвышенным местам, в низовье берега более низкие.

Сомнительно, чтобы от рус. малая, хотя вполне вероятно; возможно, есть связь с лтш. *mala* — край, берег, сторона; ср. др.-инд. *mala* — лес, поле; эрз. *малав* — близкое место; эрз. *малавикс* — близкий.

р. Маравруша — пп Кати, пп Мологи, лп Волги (Вологод. обл., граница Вологод. и Новгород. обл.).

Течет всё время через лес, местами болото.

Происхождение спорно. Более вероятно, представляет собой измененную русифицированную форму от *Мур(а)верь*, где основа *мур(о)-*, а формант *-верь*. Основа *мур-*, видимо, восходит к прибалтийско-финским языкам; ср. фин., карел. (тв.) *muru* — крошка, кусок, дробленая часть чего-либо; эст. *mure* — рыхлый; вепс. карел. (тв.) *mureta* — разбивать, ломаться, дробить; эст. *murd* — перелом; трещина; фин. *murto* — ломка, прорыв; фин. *murrokko* — бурелом; валежник; фин. *murros* — засека; излом; перелом; карел. (тв.) *murdua* — ворочать; корчевать. При этом, вероятна связь с др.-инд. mar — ломать; вост.-хант. *morįta* (вх.), *murəjta* (юг; с) — ломаться. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что смысл основы — это буреломный лес, валежник; в пользу этого говорит название *поло* — д. Грязная Дубровка. Формант *верь-*, вероятно, в таком случае можно сравнить с названиями р. Тверца (см. р. Тверца) и р. Уверь (см. р. Уверь) в значении: 1) от фин. *vieriä* — течь, струиться, бежать; фин. *vyöry* — водоворот; лавина; фин. *virta*, карел. (тв.) *virda* — течение, быстрина, река; карел. (тв.) *virrata* — течь, струиться; 2) фин.*vieri* — край; фин. *vierre* — склон, откос; эст. *veer* — край, склон, уклон, косогор; карел. (тв.) *viero* — край, обочина. Формант *-ша* в названии Маравруша представляет собой в таком случае по́зднее русское дополнение (ср. рус. капуша, долгуша), имеющее ироническое значение. Следует указать на еще одну возможную связь: ср. коми *вӧр*, эрз. мокш. *вирь* — лес; вост.-хант. *wor* — роща; манс. *vor* — лес. Приведенные примеры говорят о том, что данная форма (формант *-верь*) представляет собой исконное финно-угорское обозначение понятия лес. То есть название это (при этом варианте объяснения) появилось в более ранний период, до контакта с балтами. Современное прибалтийско-финское обозначение понятия 'лес': *mets(ä), meč, meččä* связано, видимо, с лит. *miškis*, лтш. *mežs* — лес.

р. Марайка — пп Итомли Малой, лп Волги (Ржев. р-н).

Исток в глухом болотистом лесу; далее по лб д. Марайка.

Возможно, от рус. *марать* — грязнить, чернить в значении грязная, черная; рус. *мар* — мгла, сухой туман; рус. *мара* — соблазн, обаяние, греза, мечта; призрак, обман чувств; возможно также от рус. (нвгр.) *марь* — болотистое место; насыпь, бугор; рус. (нвгр.) *мары* — настил из бревен на топком месте; лит. *maurui* — вязкий ил, грязь.

р. Марзынка — лп Медведицы, лп Волги (Кашин. р-н).

Исток возле уроч. Дьяково возле протоки с р. Яхромой; течет через кустарник и поле; местами берега высокие; вокруг открытое поле и кустарник; по обоим берегам речки есть малые островки леса; в устье русло расширяется, образуя узкий залив.

Происхождение спорно. Видимо, основа названия *Марз-* могла быть также *Мар(к)(г)-, Марх-*; перс. *märz* — граница, предел; поле; др.-инд. *mṓrga* — след, тропа, дорога; др.-инд. *marya-da* — граница, край, конец; сельк. маркы — остров; кроме того , следует указать: эрз. мар — куча, груда, холм, бугор; вост.-хант. *mar* — куча, груда, нарост; др.-инд. *maru* — гора; ненец. *мар* — город; ненец. *мара* — песчаный берег, отмель. Приведенные данные указывают на возможность очень древнего происхождения названия, основное значение которого — верх, граница, край; то, что выделяется чем-либо среди обычного. Стоит отметить, что в 2,5—3 км от истока р. Марзынка есть д. Марково (по лб р. Яхрома) (на небольшом возвышении), что указывает в пользу приведенного объяснения. В добавление к сказанному следует отметить также, что окончание *-нка* — это могла быть русифицированная форма от более древнего форманта *-нга, -ньга* (см. р. Инга, р. Инюха, р. Млинга) в значении устье, рот, стык; однако утверждать это невозможно.

р. Мартиновка — лп Тюзьмы, пп Жукопы, пп Волги (впадает в оз. Волго).

Исток в лесном болоте (Центрально-лесной (ель, береза) государственный заповедник); рядом истоки р. Квашенка, р. Жукопа, р. Тюзьма (бас-н р. Волга) и 2 ручьев, р. Межа (бас-н Зап. Двины); в истоке пересыхает; болотистые участки находятся на расстоянии 700-1000 м от истока; по пб уроч. Топкая Амшара (лесное болото); течет через лес. Исток речки находится на границе водораздела р. Волги и р. Зап. Двины.

Происхождение спорно. См. р. Марайка, р. Марзынка. Следует указать также: др.-инд. *marah* — быть влажным; уничтожать; др.-инд. *mard* — давить; убивать; а также лит. *marka*, лтш. *mārks* — влажное место; пруд и карел. (тв.) *märgä* — сырой, мокрый; фин. *märkä* — мокрый; вепс. *märg* — мокрый, сырой; эст. *märg* — мокрый; т. е. основной смысл — влажное, топкое, гиблое место; учитывая, что речка находится близ границы водораздела, следует указать также: фин. *murto*, эст. *murd* — излом, ломка, перелом; эрз. *мурдавкс* — поворот (дороги); излучина (реки); вост.-хант. *morịta, murəjta* — ломаться и, возможно, при этом есть связь с др.-инд. *mar* — ломать (см. р. Маравруша).

р. Матвеица — лп Ретуни, пп Остречины, пп Мологи, лп Волги (Кесовогор. и Бежец. р-ны).

Местами болото; течет через поле; в низовье низина, низкорослый лес, кустарник, местами высокий лес и заболоченные участки.

Названа, видимо по имени Матвей (др.-евр.); но нельзя исключать и более древнее происхождение названия, принявшее впоследствии русскую форму; др.-инд. *mad* — кипящая, бурлящая вода; пьянить, радоваться; др.-инд. *madya, madvan* — хмельной напиток.

оз. Матренино, из него сток в р. Холодный, в оз. Ласцо, из него р. Зуевка, в оз. Селигер, из него р. Селижаровка — лп Волги (Осташков. р-н).

Берега лесные; озеро расположено на границе водораздела — в 1 км к западу — озерко, откуда вытекает р. Цыновля (бас-н оз. Ильмень); в 2 км к северо-западу — развилка Острешно (открытое, холмистое место среди леса).

Названо по имени Матрена(?); но, не исключено, что современное название — это измененная русифицированная форма; ср. др.-инд. *maryā-dā, maryādin* — граница, край, конец; но, возможно, также от пр.-фин.: эст., вепс. *madal*, корел. (тв.) *madala*, фин. *matala* — низкий; мелкий, неглубокий; фин. *matalikko* — отмель, мель; банка; (озеро окружают холмы).

р. Мачнина, в оз Закачужье, в оз. Лопастица, в оз. Витьбино, в оз. Пнево, из него р. Кудь — пп Волги (оз. Вселуг) (Пенов. р-н).

Представляет собой проток из оз. Мал. Плавно в оз. Закачужье; течет через лес (ель, береза), где многочисленные холмы сочетаются с болотистыми участками (уроч. Жерновичи); в низовье открытый заболоченный участок.

Возможно, есть связь с вепс. *meč*, карел. *mečča* — лес; лтш. *mežs* — лес; следует также указать: сельк. *мачи* — густой лес.

р. Машутинка — пп Скоковки, лп Тудовки, пп Волги (Оленин. р-н).

Исток в глухом лесу (ель, береза); течет между 2 возвышенностями; по пб д. Машутино (на открытом холме); по лб д. Тер-Гора (открытый холм); далее через болото.

Названа по д. Машутино (*машута* — прозвище?); возможна связь с пр.-фин. *must(a), mušta* — черная; в 1 км от истока р. Машутинки — исток р. Черный. Обращает внимание название Тер-Гора; ср. др.-инд. *tar* — переправляться через что-либо, переправа; лит. *tarpas*, лтш. *tarps* — пространство между чем-либо. Рассматриваемое место — это холмы и болото; между д. Тер-Гора и д. Машутино ложбина, по которой течет р. Машутинка.

Сокращения:

лб — левый берег
пб — правый берег
лп — левый приток
пп — правый приток
уроч. — урочище
р-н — район
бас-н — бассейн
д. — деревня
оз. — озеро
р. — река
рус. — русский
лит. — литовский
лтш. — латышский
др.-инд. — древнеиндийский
пр.-фин. — прибалтийско-финский
вепс. — вепсский
сельк. — селькупский
эст. — эстонский
фин. — финский
хант. — хантский
карел. — карельский
тв. — тверской
нвгр. — новгородский
ненец. — ненецкий
перс. — персидский
эрз. — эрзянский
манс. — мансийский
сиб. — сибирский
ряз. — рязанский
арх. — архангельский
ярсл. — ярославский
польс. — польский
пск. — псковский
Мал. — Малый
Бол. — Большой
влдм. — владимирский
кстр. — костромской
мар. — марийское
перм. — пермский
хант. — хантыйский
венг. — венгерский
удм. — удмуртский
коми — коми
мокш. — мокшанский

Список сокращений

ВИЭМ — Всероссийский историко-этнографический музей
ВООПИК — Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСК — Государственная академия славянской культуры
ГАТО — Государственный архив Тверской области
ГК КПСС — Городской комитет Коммунистической партии Советского Союза
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
КОФ — Коллекция основного фонда
КВФ — Коллекция вспомогательного фонда
МГУ — Московский государственный университет
НИМРАХ — Научно-исследовательский музей Российской Академии Художеств
НПЛ — Новгородская первая летопись
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская Академия Наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
РНБ — Российская национальная библиотека
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
ТвГУ — Тверской государственный университет
ТГОМ — Тверской государственный областной музей
ТГТУ — Тверской Государственный технический университет
ТУАК — Тверская ученая архивная комиссия
ТЦДНИ — Тверской центр документации новейшей истории

Наши авторы

Астаховская Светлана Анатольевна — научный сотрудник Музея-заповедника «Гатчина»

Бойкова Жанна Викторовна — исследователь генеалогий

Бочкарёва Ирина Александровна — историк, краевед

Волкова Ирина Николаевна — научный сотрудник отдела истории ВИЭМ

Воробьёв Вячеслав Михайлович – заместитель директора филиала ГАС в Твери по научной работе, профессор, доктор культурологии

Денисенко Сергей Викторович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)

Ефремова Елена Валерьевна — ученый секретарь ВИЭМ

Кобелева Юлия Александровна — научный сотрудник отдела истории ВИЭМ

Кочнева Тамара Прокофьевна — научный сотрудник музея А. С. Пушкина в Бернове

Кощиенко Ирина Владимировна — научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом)

Кузин Сергей Сергеевич — научный сотрудник Научно-исследовательского центра церковной истории и православной культуры им. В. В. Болотова

Кузнецов Виктор Владимирович — кандидат филологических наук, заместитель директора ВИЭМ по научной работе

Кузьмина Ольга Михайловна — кандидат педагогических наук, режиссер народного фольклорного ансамбля «Тальяночка» (Ржев)

Кутейников Сергей Евгеньевич — корреспондент газеты «Зубцовская жизнь»

Линкевич Валерий Викторович — директор Андреапольского районного краеведческого музея им. Э. Э. Шимкевича

Лобанова Ольга Васильевна — заведующая отделом учета ВИЭМ

Лопатина Нина Аркадьевна — главный редактор Новоторжского Краеведческого альманаха

Милюгина Елена Георгиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка с методикой начального обучения ТвГУ

Миронова Ирина Вадимовна — кандидат филологических наук, главный библиограф краеведческого информационного центра Тверского областной универсальной фундаментальной научной библиотеки им. А. М. Горького

Морозова Татьяна Яковлевна — старший научный сотрудник, ответственный хранитель фонда письменных источников ВИЭМ

Петров Алексей Андреевич — аспирант кафедры истории русской литературы ТвГУ

Позднышева Наталья Ивановна — заслуженный учитель РФ, преподаватель истории Мирновской средней школы

Росси Федерика — кандидат искусствоведения, научный исследователь университета в Пизе (Scuola Normale Superiore, Италия)

Рыжикова Татьяна Евгеньевна — научный сотрудник музея А. С. Пушкина в Торжке

Салимов Алексей Маратович — кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения филиала ГАСК в Твери

Строганов Михаил Викторович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы ТвГУ

Терещенко Наталья Владимировна — студентка Торжокского филиала ТГТУ

Файнбарк Сергей Александрович – историк, краевед (Хайфа, Израиль)

Францев Олег Леонидович — старший научный сотрудник отдела этнографии ВИЭМ

Цыганкова Алевтина Александровна — старший научный сотрудник научно-просветительского отдела ВИЭМ

Цыков Валерий Валерьевич — магистр истории, заведующий отделом этнографии ВИЭМ

Чистякова Елена Анатольевна — студентка филологического факультета ТвГУ

Шнайдер Натали — аспирантка кафедры славянского литературоведения философского факультета университета им. Эрнста Морица Арндта (г. Грайфсвальд, Германия)

Юргина Ирина Николаевна — заведующая заочным отделением Торжокского политехнического колледжа

Юргин Олег Евгеньевич — краевед.